

ISSN 1817-7085

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

2026/2

Научно-
теоретический
журнал

Философия
Права

**№ 2 (117)
2026**

Выходит 4 раза в год
Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
17 октября 2017 г.

Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-71314

Главный редактор:

Д.В. Тишин,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель главного редактора:

С.В. Пахомов,
д-р юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

И.Е. Абрамова, д-р полит. наук, проф.;
П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
В.М. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, проф.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданын, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Дизер, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
П.И. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
Л.В. Карнаушенко, д-р истор. наук, проф.;
А.А. Контарев, д-р филос. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Кузина, д-р полит. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Е.Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
Г.Г. Небратенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т.С. Оленич, д-р филос. наук, доц.;
Т.С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
К.А. Плясов, д-р юрид. наук, доц.;
А.В. Понедельков, д-р полит. наук, проф.;
В.Б. Рожковский, д-р филос. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, проф.;
Е.А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.;
А.К. Щербаченко, д-р юрид. наук, доц.

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение
высшего образования
«Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2026

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

- Гаврилова Ю.А.** Суверенное российское мировоззрение:
теоретико-правовой аспект 6
- Римский А.В.** Онтология метавселенной: рождение
гибридного правового пространства 12
- Черепанов В.А.** О поэтапном развертывании научного
мышления: продолжение дискуссии о предмете
конституционного права 18

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО- ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

- Апарин С.В., Спирина А.А.** Механизмы и инфраструктурные
основы цифрового суверенитета в РФ: институциональный и
технологический аспекты 26

5.1.3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

- Дегтярев С.Л.** Доказывание заявленного в порядке регресса
ущерба, причиненного сотрудником органов внутренних дел
при выполнении служебных обязанностей 32
- Золин И.Ю.** Генезис российского законодательства о
гражданско-правовой ответственности арбитражного
управляющего в деле о банкротстве. Часть третья 38
- Негодаева Е.Г.** Эволюция судебной практики об основаниях
освобождения перевозчика от ответственности: от
формального толкования к доктрине «контроля на риском» 44
- Плотников В.В., Ковальчук В.А.** Нейромаркетинг и
эксплуатация аффекта: к философскому обоснованию «права
на невовлеченность» в цифровой экономике внимания 50
- Пономарева Н.В.** Цифровое алгоритмическое управление
как форма недобросовестной конкуренции: вызовы правового
регулирования в 2026 году 57
- Рыбалка Е.А., Казанцева Е.В.** Обучение за счет бюджетных
ассигнований в системе МВД России: теоретический и
практический аспект 62
- Смоленский М.Б., Тишкин Д.Н., Кучерова Е.П.**
Предпринимательская деятельность несовершеннолетних:
современное состояние, проблемы организации
и перспективы развития 70

Выпускающий редактор:

Р.Р. Мамедханов

Редактор:

Л.Н. Кожоридзе

Дизайн и верстка:

И.К. Беницкий

Оформить подписку на журнал
можно через интернет-каталоги
www.akc.ru и www.pressa-rt.ru
Индекс – 79848

Подписано в печать

22.06.2026

Выход в свет

29.06.2026

Формат 60х84/8

Объем 30 п. л.

Набор компьютерный.

Гарнитура Times New Roman.

Печать лазерная

Бумага офисная

Усл.-печ. л. – 27,9

Тираж 300 экз.

Первый завод 99 экз.

Заказ № 120

Отпечатано ГПиОП РИО

ФГКОУ ВО

РЮИ МВД России.

344015, г. Ростов-на-Дону,

ул. Еременко, 83

Цена свободная

Адрес редакции издателя:

344015, Ростовская обл.,

г. Ростов-на-Дону,

ул. Еременко, 83,

тел.: 8 (863) 207-86-35

Электронная почта:

law-journals-ru@yandex.ru,

rmamedkhanov@mvd.ru

Официальная информация

о журнале:

<https://р.юи.мвд.рф>

**5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
(ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Васильев А.Г. Сущность личного уголовно-судебного доказательства и его формирование	77
Давыдова С.А., Напханенко И.П., Горелов С.А. Актуальные проблемы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в отношении должностных лиц, обладающих специальным правовым статусом	81
Дзюба М.А. Факторы преступлений, совершаемых учащимися в общеобразовательных организациях, связанные с недостатками организации профилактической работы.....	87
Дудниченко А.Н. К вопросу совершенствования правового регулирования участия в дорожном движении высокоавтоматизированных транспортных средств	95
Дятлов Г.А. Цифровые следы как источник доказательств по делам о коррупции: проблемы допустимости и оценки в уголовном процессе РФ.....	101
Карпика А.Г. Проблемы ситуативного подхода к предупреждению преступлений	106
Кобец П.Н. Перспективные направления развития антитеррористической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации.....	111
Комерцов В.В., Варданян С.О. Искусственный интеллект: вопрос о влиянии на международную безопасность.....	119
Коротенко Т.Ю. Проблемы взаимодействия следователей, оперативных сотрудников и специалистов по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров.....	126
Курилов С.И. Российский опыт возмещения вреда, причиненного преступлениями: от права Древней Руси до Соборного уложения царя Алексея Михайловича	130
Макаренко И.А., Маилян А.В. Особенности идентификации личности по следам крови и другим биологическим жидкостям.....	136
Рясов А.А., Пономарева А.В. Методы выявления и доказывания преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств, полученных преступным путем	141
Сачков А.Н. Уголовно-правовая охрана банковской сферы в условиях развития электронных средств платежа и цифровых валют	147
Харисов А.Ф. Правовые и организационные проблемы междисциплинарных научно-практических исследований в судебно-экспертной деятельности	153
Чиненов Е.В. Криминалистическая характеристика расследования преступлений: методологическое фундаментальное и прикладное значение.....	158
Шубина К.С. Научное творчество А.Ф. Волынского и опыт, достойный уважения и подражания.....	164

**5.7.7. СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
(ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ)**

Бережной А.Н. Элитарное сознание: диалектика формы и содержания в современном российском контексте.....	172
Глущенко Д.В. Доктринальные интерпретации правового статуса физических лиц в отечественной системе права.....	179
Григорян Д.К. Особенности трансформации социально-философского дискурса: современный российский контекст.....	183
Килимник Е.В. Философия политического украинства.....	189
Кондратенко Е.Н. Война: социально-исторические смыслы (Гегель и Вл. Соловьев)	196
Контарев А.А. «О русском воззрении»: к 170-летию работы Константина Сергеевича Аксакова.....	204
Писачкин Д.В. Социальный контроль и его имманентность в контексте мировоззренческой безопасности России.....	211
Рожковский В.Б. «Насильственность» как характерная черта западноевропейской цивилизации (концепт Н.Я. Данилевского и современность)	218
Фролова Т.Н. Искусственный интеллект: социальные риски и угрозы	226

**5.7.8. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ
(ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ)**

Исмаилов А.Ю. Аполлоническое и дионисийское в репрезентации полицейского как культурного феномена.....	233
---	-----

CONTENTS

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Gavrilova Yu. A. The sovereign Russian worldview: theoretical and legal aspect	6
Rimsky A. V. Ontology of metaverse: birth of hybrid legal space	12
Cherepanov V. A. On the gradual development of scientific thinking: continuation of the discussion on the subject of constitutional law	18

5.1.2. PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Aparin S. V., Spirina A. A. Mechanisms and infrastructural foundations of digital sovereignty in the Russian Federation: institutional and technological dimensions	26
--	----

5.1.3. PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Degtyarev S. L. Proof of damage claimed by way of Recourse caused by an employee of internal affairs bodies in the performance of official duties (Part 1)	32
Zolin I. Yu. The genesis of Russian legislation on the civil liability of the insolvency practitioner in bankruptcy proceedings. Part three	38
Negodaeva E. G. The evolution of judicial practice on the grounds for exempting a carrier from liability: from formal interpretation to the doctrine of «risk control»	44
Plotnikov V. V., Kovalchuk V. A. Neuromarketing and the exploitation of affect: towards a philosophical justification of the “right to non-involvement” in the digital attention economy	50
Ponomareva N. V. Digital algorithmic management as a form of unfair competition: challenges of legal regulation in 2026	57
Rybalka E. A., Kazantseva E. V. Training at the expense of budget allocations in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: theoretical and practical aspects	62
Smolensky M. B., Tishkin D. N., Kucheroва E. P. Entrepreneurial activities of minors: current state, organization problems, and development perspectives	70

5.1.4. CRIMINAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Vasiliev A. G. Essence of personal criminal-judicial evidence and its formation	77
Davydova S. A., Napkhanenko I. P., Gorelov S. A. Current issues of legal regulation of operational and investigative activities in relation to officials with special legal status	81
Dzyuba M. A. Crime factors committed by students in educational institutions related to the shortcomings of the organization of preventive work	87
Dudnichenko A. N. On the issue of improving the legal regulation of participation in road traffic of highly automated vehicles	95
Dyatlov G. A. Digital traces as a source of evidence in corruption cases: issues of admissibility and assessment in the criminal procedure of the Russian Federation	101
Karpika A. G. Problems of the situational approach to crime prevention	106
Kobets P. N. Promising directions for the development of anti-terrorist security in the Arctic zone of the Russian Federation	111
Komertsov V. V., Vardanyan S. O. Artificial intelligence: the impact on international security	119
Korotenko T. Yu. Problems of interaction of investigators, operational employees and specialists in criminal cases on illegal trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances or precursors	126
Kurilov S. I. Russian experience in compensation for damage caused by crimes: from the law of Ancient Rus to the Cathedral Code of Tsar Alexei Mikhailovich	130
Makarenko I. A., Mailian A. V. Features of identifying an individual by traces of blood and other biological fluids	136
Ryasov A. A., Ponomareva A. V. Methods for detecting and proving crimes related to the legalization (laundering) of criminally obtained proceeds	141

ROSTOV LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Sachkov A. N. Criminal law protection of the banking sector in the context of the development of electronic means of payment and digital currencies	147
Kharisov A. F. Legal and organizational problems of interdisciplinary scientific and practical research in forensic expertise	153
Chinenov E. V. Criminalistic characteristics of crime investigation: methodological fundamental and applied significance.....	158
Shubina K. S. A.F. Volynsky's scientific creativity and experience worthy of respect and imitation.....	164

5.7.7. SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY (PHILOSOPHICAL SCIENCES)

Berezhnoy A. N. Elite consciousness: the dialectic of form and content in the contemporary Russian context.....	172
Glushchenko D. V. Doctrinal interpretations of the legal status of individuals in domestic system of law	179
Grigoryan D. C. Characteristics of the transformation of social and philosophical discourse: contemporary Russian context.....	183
Kilimnik E. V. Philosophy of political Ukrainianism	189
Kondratenko E. N. War: social and historical meanings (Hegel and Vl. Soloviev).....	196
Kontarev A. A. "About the Russian view": on the 170th anniversary of the work of Konstantin Sergeevich Aksakov.....	204
Pisachkin D. V. Social control and its immanence in the context of Russia's ideological security	211
Rozhkovsky V. B. «Violence» as a characteristic feature of western European civilization (N.Ya. Danilevsky's concept and modern times).....	218
Frolova T. N. Artificial intelligence: social risks and threats	226

5.7.8. PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE (PHILOSOPHICAL SCIENCES)

Ismailov A. Yu. The apollonian and the dionysian in the representation of the police officer as a cultural phenomenon.....	233
---	-----

СУВЕРЕННОЕ РОССИЙСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Юлия Александровна Гаврилова

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация, gavrilova_ua@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8055-4710>

Введение: в статье исследуется проблема суверенного российского мировоззрения, которая осмысливается автором как теоретико-правовая, поскольку затрагивает аспекты сущности, функций и методов деятельности государства, проблемы власти, права, политики, общества и личности.

Материалы и методы: в работе используются общенаучные принципы историзма и системности, деятельностный подход, формально-юридический, аксиологический, формально-логический и прогностический методы исследования.

Результаты исследования: суверенное российское мировоззрение опирается на традиционные духовно-нравственные ценности, его элементы воплощаются в политико-идеологических формах и нормативно закрепляются в источниках права.

Выводы и заключения: в результате исследования установлено, что суверенное российское мировоззрение формируется на базе уникальной культуры, глубинной и многогранной системы ценностей, обеспечивает самозначимость и определение места России в мире, утверждает самобытные ценностные смыслы и приемлемые социальные нормы поведения, отражает достаточную самостоятельность российского государства по выбору целей развития и средств их достижения, в которых проявляется его цивилизационная идентичность.

Ключевые слова: Россия, мировоззрение, суверенитет, традиционные ценности, философия, религия, нравственность, право

Для цитирования: Гаврилова Ю. А. Суверенное российское мировоззрение: теоретико-правовой аспект // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 6–11.

Original paper

THE SOVEREIGN RUSSIAN WORLDVIEW:
THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

Julia Alexandrovna Gavrilova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the article explores the problem of the sovereign Russian worldview, which is interpreted by the author as a theoretical and legal one, since it affects aspects of the essence, functions and methods of state activity, problems of power, law, politics, society and personality.

Materials and methods: the work uses general scientific principles of historicism and consistency, an activity-based approach, formal legal, axiological, formal logical and predictive research methods.

Results of the study: the sovereign Russian worldview is based on traditional spiritual and moral values, its elements are embodied in political and ideological forms and are normatively fixed in the sources of law.

Findings and conclusions: as a result of the research, it has been established that the surefire Russian worldview is formed on the basis of a unique culture, a deep and multifaceted value system, ensures self-importance and defines Russia's place in the world, asserts distinctive value meanings and acceptable social norms of behavior, reflects the sufficient independence of the Russian state in choosing development goals and means to achieve them, in which its civilizational identity is manifested.

Keywords: Russia, worldview, sovereignty, traditional values, philosophy, religion, morality, law

В отечественной юридической науке обращение к теме духовных оснований права является вечным и всегда актуальным. Долгие десятилетия и даже столетия идет сложная перманентная борьба русского традиционно-ценностного начала и инокультурных рационально-формальных заимствований. Влияние категорий западного и, в частности, юридического мировоззрения на содержание отечественного права велико. Особенно значительное воздействие на отечественное право они оказывали в конце 1980-х – начале 2000-х гг. Действительно, Российская Федерация находится в открытом геополитическом пространстве и не может закрыть для него железный «занавес». Но и разрушение базовых устоев национального мировоззрения для нас не приемлемо. Вследствие этого проблема российского мировоззрения как элемента цивилизационного подхода к государству и праву является сегодня в высокой степени актуальной.

Термин «суверенитет» и образованные на его основе словосочетания с маркером «суверенный» широко стали применяться в нормативных правовых актах Российской Федерации. В Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹ говорится об укреплении суверенной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления.

Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»² констатирует, что российская наука служит основой суверенного развития государства.

Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.»³ считает необходимым отстаивать суверенное право государств на регулирование информационного пространства, в том числе в национальном сегменте сети Интернет.

Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.»⁴ подчеркивает важность обеспечения экономи-

ческого суверенитета РФ и социально-экономической стабильности.

Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 17.12.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»⁵ устанавливает требование реализации программ дополнительного профессионального образования по обучению цифровым компетенциям педагогических работников в целях достижения технологического суверенитета.

Президент РФ В.В. Путин неоднократно употреблял в публичных выступлениях формулировку «суверенное мировоззрение». Тем не менее недостаточно теоретически проработанным является понятийный ряд «мировоззрение – российское мировоззрение – суверенное российское мировоззрение». Мировоззрение в достаточной степени исследуется в философских и психолого-педагогических концепциях. Повышается внимание к российскому мировоззрению благодаря внедренному в вузовский образовательный процесс курсу «Основы российской государственности». Суверенное российское мировоззрение во многом еще остается тайной за семью печатями, хотя может охватывать совокупность обобщающих характеристик национального мировоззрения.

Какое мировоззрение по своим качественным характеристикам мы можем называть суверенным? Можно ли «суверенность» применять к анализу мировоззрения? Каково соотношение суверенного и несуверенного мировоззрения? Ответы на эти вопросы необходимы в процессе пересмотра теоретико-правовых научных представлений о путях государственно-правового развития России и обновления методологии научного поиска. Они имеют ключевое значение для разработки стратегических направлений государственной политики, которые базируются на специфических ценностных смыслах, усиливающих духовно-нравственную легитимацию отечественного права.

Понятие мировоззрения является концептуальным, а также выделяются обыденный, религиозный, научный и философский типы мировоззрения. С энциклопедической философской точки зрения мировоззрение есть си-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 4 // Собр. законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

² О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 // Собр. законодательства РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

³ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.: указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собр. законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

⁴ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.: указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Собр. законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

⁵ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования: постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 17.12.2025) // Собр. законодательства РФ. 2018. № 1 (ч. II). Ст. 375.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

стема когнитивных, ценностных и поведенческих компонентов, формирующих целостный и упорядоченный личностный взгляд человека на мир и самого себя в мире. Когнитивная составляющая мировоззрения включает знания и взгляды, схематические представления, понятия, суждения, образ мыслей и т. д. Ценностный блок мировоззрения представлен ценностями, принципами, правилами, идеалами и оценочными убеждениями. Поведенческая часть мировоззрения выражается в основных жизненных установках и целевых ориентирах деятельности, определяющих смысл жизни человека.

Когда мы говорим о национальном российском мировоззрении, мы на основе общих его признаков выделяем отличительные черты русского взгляда на мир и самоидентификации русского человека в этом мире. В сущностной основе русское мировоззрение глубоко религиозно, метафизично, интуитивно и иерархично [1, с. 628–629]. В настоящее время, согласно целям и задачам дисциплины «Основы российской государственности», к особенностям российского мировоззрения относят: православие и русское мессианство; сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей (труд, семья, патриотизм, социальная справедливость и т. д.); защиту национальных интересов и государственного суверенитета; важность духовности и религиозности как нормативно-ценностной основы жизни; коллективизм (общность); мир и безопасность; историческое наследие и национальную гордость [2, с. 16–18].

Вместе с тем основные черты национально-го российского мировоззрения не могут быть в полной мере обоснованы без дополнительных критериев, т. к. во всех слоях российского общества в разном соотношении присутствуют сторонники западного пути развития страны: представители высших кругов, молодежь крупных городов, носители элитарного высшего образования и др. Это обусловлено исторически сложившимся двойственным характером отечественной культуры, находящейся на пересечении индивидуальных интересов и интересов общества и государства, Запада и Востока [3, с. 8–9].

Для акцентирования отличий российского мировоззрения от западного обычно используются атрибуты «независимость», «самобытность», «автономность», «самостоятельность», «державность» и др. На наш взгляд, для собирательного выражения этих специфических характеристик национального мировоззрения вполне может быть применена формулировка «суверенное российское мировоззрение».

По происхождению формулировки суверенное мировоззрение является когнитивной

метафорой, берущей истоки значения в области государственного суверенитета, переносимого в сферу интеллектуального духовного суверенитета. Между тем данная операция представляется продуктивной, поскольку совмещает знания и представления познающих субъектов о различных областях действительности и имеет тенденцию к формированию логически аргументированных конструкций широкого смыслового употребления. Кроме того, метафора эмоционально воспринимает объект и в результате критической рефлексии может превращаться в научный конструкт, а затем понятие. Благодаря легальному оформлению такое понятие может получить юридическое содержание и закрепиться в законодательстве или правовой доктрине.

В современном публично-правовом и политическом дискурсе дается определение традиционных ценностей. Например, это «определенный духовно-нравственный комплекс, который обеспечивает социально-культурное наследование каждым человеком, социальным сообществом определенной иерархической системы ценностей, которая обуславливает историко-временную связь поколений, связь прошлого, через настоящее, к будущему, формируя самоидентичность человека, социального сообщества и позволяет осуществлять успешную жизнедеятельность как отдельного человека, так и социального сообщества» [4, с. 46]. Традиционные ценности – это та линия, которая характеризует геополитическую и социально-культурную отчужденность России и Европы, т. к. они противостоят европейскому индивидуализму, материализму и экономической рациональности [5, с. 139].

Сегодня общепризнанным становится утверждение, что традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности – это ядро ценностно-нормативной системы российского общества. Однако какие начала скрепляют эти традиционные ценности и конституируют их содержание? По этому вопросу наблюдаются разные подходы.

Во-первых, утверждается исключительная значимость философии в национальном сплочении и единении общества. Философские проекты, идеи и концепции воплощаются в многообразных социальных практиках, поддерживают преемственность социальной эволюции, в силу чего именно философия обладает наибольшей актуальностью и практической ценностью в процессе поиска дальнейших моделей суверенного развития страны [6, с. 22].

Во-вторых, суверенное мировоззрение формируется посредством ценностного потенциала религии. Вера как источник спасения и добрые дела задают вектор непрерывного духовно-нравственного совершенствования личности и формирования ее гражданской

позиции. Традиционные ценности любви, милосердия, заботы, служения Родине и др. в истории России религиозно артикулированы, воспитывают дух человека, должны быть защищены в качестве уникального достижения христианства [7, с. 68].

В-третьих, нравственное обоснование суверенного мировоззрения предлагается через соблюдение в процессе индивидуального и социального бытия истины, добра и красоты как высших универсальных целей. Истина в русской культуре ориентируется на правду, а правда как констатация факта в данном социально-культурном контексте должна совпадать со справедливостью как идеей должного: соответственно формальный подход к истине без учета контекста обстоятельств, к тому же унижающий человеческое достоинство, оценивается как неправда. Добро как нравственный ориентир дополняется также высшими положительными эмоциями мировосприятия в виде красоты [8, с. 21–23].

В-четвертых, основанием суверенного российского мировоззрения называется право и вся присущая ему мощь, сила его инструментов и средств. Юридическое мировоззрение в буржуазную эпоху способствовало автономизации индивида и становлению прав человека как альтернативы господству церкви и абсолютизма. Однако со временем стала ясна недопустимость иллюзии всемогущества права и убеждения, что изменение права непременно преобразует социальную действительность. За юридическим формализмом скрытым оказалось несовершенство права по отношению к ожиданиям индивидов [9, с. 83].

В то же время грамотное использование социальных возможностей права приносит большую социальную пользу в деле формирования традиционных ценностей и защиты национального российского мировоззрения. Именно общеправовые ценности определяют смысловое наполнение суверенного российского мировоззрения; в конституционном праве они именуются конституционными ценностями, а отсюда упоминание конституционного мировоззрения [10, с. 11–12].

На наш взгляд, более точным является мнение О.С. Рыбаковой, что в Конституции РФ выражены такие основополагающие ценности, которые аккумулируют исторический опыт и цивилизационную специфику развития России, определяют дальнейший вектор эволюции. Поэтому конституционные духовно-нравственные ценности есть залог успешного образования и воспитания молодежи, встраивания их мировоззрения в суверенное российское мировоззрение [11, с. 293].

Одной из таких ценностей, недооцененных в плане укрепления мировоззрения молодежи, является историческая память, формиру-

ющая идентичность гражданина, в которой переплетаются чувства уважения к историческому прошлому, эмоциональные переживания настоящего и уверенный образ будущего [12, с. 212–215]; формирование достоверного исторического знания граждан превращается в стратегический приоритет развития страны. Апелляция к суверенному мировоззрению требуется в процессе исторического просвещения населения, т. к. правильно отмечено, что реконструкция прошлых исторических событий проводится в рамках соответствующего типа мировоззрения, имеет свою историческую логику познания значения и смысла тех идей, которые лежали в основаниях исторической деятельности [13, с. 21].

На наш взгляд, суверенное российское мировоззрение – это мировоззрение, при котором Россия как страна может самостоятельно определять свои ценности и смыслы ее развития и с учетом собственных ресурсных возможностей добиваться выполнения поставленных целей. Следовательно, истоки суверенного мировоззрения лежат в ценностно-цивилизационной самобытности государства и суверенном целеполагании. Однако аксиологический потенциал «суверенности» нуждается в реализации масштабных социальных проектов, поэтому именно суверенное мировоззрение позволяет России осуществлять историческую и геополитическую деятельность по обустройству места в мире, исходя из собственных национальных интересов, единого и крепкого национального самосознания.

Принимая во внимание, что суверенное российское мировоззрение затрагивает тематику сущности и типологии государства, функций, форм и методов его деятельности, взаимоотношений власти и общества, эта проблема представляется преимущественно теоретико-правовой, которую следует изучать. Мы должны разграничивать мировоззрение как часть более широкого социально-культурного контекста и идеологию как форму политической мысли, контролируемую лишь политической практикой и не свободную от искажений и «наслоений» мировоззрения [14, с. 43]. Нужно преодолеть равнодушие к правовой идеологии, серьезно повысив престиж права в обществе, внедрив передовые правовые идеи [15, с. 60]; защищать семью [16, с. 27] и безопасность народа [17, с. 21–22]; ключевое внимание обратить на жесткую профилактику и борьбу с наиболее опасными проявлениями социальной аномии: терроризмом [18, с. 44] и экстремизмом [19, с. 348].

Теоретико-правовое исследование суверенного российского мировоззрения направлено на расширение научных представлений о государственном суверенитете, разработку комплекса мер по сохранению и укреплению тра-

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

диционных духовно-нравственных ценностей и цивилизационной идентичности российских граждан, оказание научно-методической по-

мощи и содействия воспитательной и образовательной деятельности институтов гражданского общества.

Список источников

1. Камнев В.М., Пирогов А.А. Русское мировоззрение: историософский аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. № 4. Т. 39.
2. Полосин А.В. Шаг вперед: проблема мировоззрения в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2022. № 3.
3. Тихонова Н.Е. Специфика мировоззрения сторонников западного пути развития для России в массовых слоях населения // Мир России. Социология. Этнология. 2023. № 4. Т. 32.
4. Николаев В.К., Николаев К.А. Традиционные ценности и мировоззрение // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2023. № 1 (38).
5. Кускашев Д.В. Традиционные ценности российской цивилизации как фундаментальная основа консолидации российского общества в борьбе с современными мировыми вызовами // Цивилизационный потенциал Российского региона: структура, состояние и перспектива роста: материалы III Всероссийской научно-практ. конф. (7 декабря 2023 г.). Калининград, 2023.
6. Базаров А.А., Литвинов М.Ю. Философское мировоззрение как орудие социального единения // Вестник Бурятского государственного университета. 2023. № 4.
7. Лаврентьева А.Ю. Духовно-нравственное совершенствование как ориентир российского мировоззрения // Общество: философия, история, культура. 2023. № 8 (112).
8. Тарутина Е.И. Истина, добро и красота: куда ведет разрушение базовых ценностей мировоззрения // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 104.
9. Белкин В.В. От юридического мировоззрения к правовому нигилизму // Новые идеи в философии. 2023. № 12 (33).
10. Исаева Н.В. Конституционные основы формирования нового мировоззрения в современной России // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2023. № 2.
11. Рыбакова О.С. Конституционные духовно-нравственные ценности – основа формирования мировоззрения молодежи // Устойчивое развитие России: правовое измерение: сб. докладов X Московского юридического форума. М., 2023.
12. Воскресенская Н.О. Историческая память как фактор формирования мировоззрения

References

1. Kamnev V.M., Pirogov A.A. Russian worldview: a historiosophical aspect // Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and conflict management. 2023. № 4. Vol. 39.
2. Polosin A.V. Step forward: the problem of worldview in modern Russia // Bulletin of the Moscow University. Episode 12: Political Science. 2022. № 3.
3. Tikhonova N.E. The specifics of the worldview of supporters of the Western path of development for Russia among the mass population // The world of Russia. Sociology. Ethnology. 2023. № 4. Vol. 32.
4. Nikolaev V.K., Nikolaev K.A. Traditional values and worldview // Actual problems of modernity: science and society. 2023. № 1 (38).
5. Kuskashev D.V. Traditional values of Russian civilization as a fundamental basis for consolidating Russian society in the fight against modern global challenges // Civilizational potential of the Russian region: structure, state and prospects for growth: proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference (December 7, 2023 Kaliningrad, 2023).
6. Bazarov A.A., Litvinov M.Y. Philosophical worldview as an instrument of social unity // Bulletin of the Buryat State University. 2023. № 4.
7. Lavrentieva A.Y. Spiritual and moral improvement as an orientation of the Russian worldview // Society: philosophy, history, culture. 2023. № 8 (112).
8. Tarutina E.I. Truth, goodness and beauty: where does the destruction of the basic values of the worldview lead? // Bulletin of Amur State University. Series: Humanities. 2024. № 104.
9. Belkin V.V. From the legal worldview to legal nihilism // New ideas in Philosophy. 2023. № 12 (33).
10. Isaeva N.V. The constitutional foundations of the formation of a new worldview in modern Russia // Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Natural sciences, social sciences. 2023. № 2.
11. Rybakova O.S. Constitutional spiritual and moral values are the basis for shaping the worldview of youth // Sustainable development of Russia: a legal dimension: collection of reports of the X Moscow Legal Forum. Moscow, 2023.
12. Voskresenskaya N.O. Historical memory as a factor in shaping the worldview of modern youth: in the context of the digital revolution // Materials of the annual Moses Readings. 2021. Vol. 7.
13. Gerasimov G.I. Worldview, thinking and history // History and modern worldview. 2023. № 2. Vol. 5.

современной молодежи: в условиях цифровой революции // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. 2021. Т. 7.

13. Герасимов Г.И. Мировоззрение, мышление и история // История и современное мировоззрение. 2023. № 2. Т. 5.

14. Подшибякина Т.А. Идеологические аспекты мировоззрения: методология исследования в политической науке // Журнал политических исследований. 2023. № 1. Т. 7.

15. Галанина Н.В. Проблемы укрепления правовой идеологии в мировоззрении россиян // Идеологические координаты России в условиях противостояния с Западом: философские, исторические и государственно-правовые вопросы (памяти А. В. Давиденко): сб. научных трудов Всероссийской научно-практ. конф. (13 апреля 2023 г.). М., 2023.

16. Касаткина А.Ю. Мировоззрение в российской семье и его значение для жизнедеятельности ее членов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 6.

17. Саидов З.А., Мелихов А.И., Працко Г.С. Национальное мировоззрение как фактор национальной безопасности в классической отечественной философской мысли // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. № 1. Т. 2.

18. Зубкевич А.А., Зубкевич Л.А. Антитеррористическое мировоззрение как ответ на вызов идеологии терроризма // Вестник Нижегородского института управления. 2022. № 3 (65).

19. Чудина-Шмидт Н.В., Скляренко Я.А. Генезис антисоциального субъекта экстрима как ответ на искажение формирования мировоззрения современного человека // Евразийский юридический журнал. 2023. № 10 (185).

14. Podshibyakina T.A. Ideological aspects of worldview: methodology of research in political science // Journal of Political Studies. 2023. № 1. Vol. 7.

15. Galanina N.V. Problems of strengthening legal ideology in the worldview of Russians // Ideological coordinates of Russia in the context of confrontation with the West: philosophical, historical and state-legal issues (in memory of A.V. Davidenko): collection of scientific papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference (April 13, 2023) Moscow, 2023.

16. Kasatkina A.Y. Worldview in the Russian family and its importance for the life of its members // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2023. № 6.

17. Saidov Z.A., Melikhov A.I., Pratsko G.S. National worldview as a factor of national security in classical and domestic philosophical thought // Legal order and legal values. 2024. № 1. Vol. 2.

18. Zubkevich A.A., Zubkevich L.A. The anti-terrorist worldview as a response to the challenge of the ideology of terrorism // Bulletin of the Nizhny Novgorod Institute of Management. 2022. № 3 (65).

19. Chudina-Schmidt N.V., Sklyarenko Ya.A. The genesis of the antisocial subject of extreme sports as a response to the distortion of the formation of the worldview of modern man // Eurasian Law Journal. 2023. № 10 (185).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ю. А. Гаврилова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры философии и теории права Волгоградского государственного университета. 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, пр. Университетский, 100.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yu. A. Gavrilova, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theory of Law of the Volgograd State University. 100, Universitetskiy Ave., Volgograd 400062 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 12.03.2026; одобрена после рецензирования 15.04.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 12.03.2026; approved after reviewing 15.04.2026; accepted for publication 08.06.2026.

ОНТОЛОГИЯ МЕТАВСЕЛЕННОЙ:
РОЖДЕНИЕ ГИБРИДНОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Алексей Викторович Римский

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород,
Российская Федерация, alex.rimskiy@yandex.ru

Введение: статья посвящена исследованию онтологических оснований правового регулирования в условиях формирования метавселенной. Актуальность работы обусловлена необходимостью переосмысления традиционных правовых категорий в цифровой среде.

Материалы и методы: исследование построено на анализе современных научных работ по проблемам юрисдикции в метавселенной. Методологическую основу составляет философско-правовой анализ, дополненный сравнительно-правовым и системным подходами.

Результаты исследования: выявлены и охарактеризованы ключевые онтологические трансформации: феномен расщепленной правосубъектности (аватар), статус виртуальных активов как квазиимущества, природа смарт-контракта как самоисполняющегося юридического акта. Разработана концепция гибридной правовой онтологии.

Выводы и заключения: классические правовые конструкции демонстрируют свою ограниченность в регулировании отношений в метавселенной. Предложена система принципов правового регулирования гибридного пространства, включающая функциональную эквивалентность, реляционную правосубъектность, технологическую чувствительность права и онтологический плюрализм. Сформулированы методологические ориентиры для развития правового регулирования в условиях цифровой трансформации, определены перспективные направления дальнейших исследований в области философии цифрового права.

Ключевые слова: онтология права, метавселенная, гибридное правовое пространство, аватар, цифровая правосубъектность, виртуальные активы, смарт-контракт, философия права, юридическая онтология

Для цитирования: Римский А. В. Онтология метавселенной: рождение гибридного правового пространства // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 12–17.

Original paper

ONTOLOGY OF METAVERSE: BIRTH OF HYBRID LEGAL SPACE

Alexey Viktorovich Rimsky

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod,
Russian Federation

Introduction: the article is devoted to the study of the ontological foundations of legal regulation in the context of the formation of the metaverse. The relevance of the work is due to the need to rethink traditional legal categories in the digital environment.

Materials and methods: the research is based on the analysis of modern scientific works on the problems of jurisdiction in the metaverse. The methodological basis is philosophical and legal analysis, supplemented by comparative legal and systemic approaches.

Results of the study: key ontological transformations have been identified and characterized: the phenomenon of split legal personality (avatar), the status of virtual assets as a quasi-property, and the nature of a smart contract as a self-executing legal act. The concept of a hybrid legal ontology has been developed.

Findings and conclusions: classical legal constructions demonstrate their limitations in regulating relations in the metaverse. A system of principles of legal regulation of the hybrid space is proposed, including functional equivalence, relational legal personality, technological sensitivity of law and

ontological pluralism. Methodological guidelines for the development of legal regulation in the context of digital transformation are formulated, promising areas for further research in the field of digital law philosophy are identified.

Keywords: *ontology of law, metaverse, hybrid legal space, avatar, digital legal personality, virtual assets, smart contract, philosophy of law, legal ontology*

For citation: *Rimsky A. V. Ontology of metaverse: birth of hybrid legal space // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 12–17.*

Современная правовая наука стоит перед необходимостью фундаментального переосмысления онтологических оснований права в контексте стремительного развития цифровых технологий и таких формообразований, как виртуально-цифровая метавселенная. Метавселенная определяется А.А. Сельковой как специфический феномен в «цифровом мире, ключевые особенности которого включают в себя: использование иммерсивных технологий (виртуальная реальность); представление пользователей через аватары; проведение транзакций с помощью блокчейна; существование централизованных и децентрализованных платформ; наличие в коммерческом обороте нематериализованных активов и NFT» [1, с. 139]. Метавселенная порождает то, что можно обозначить как «гибридное правовое пространство», в котором традиционные бинарные оппозиции классической философии права утрачивают свою релевантность и онтологическую осмысленность. Феномен метавселенной представляет собой очередной технологический вызов и знаменует собой качественный сдвиг в понимании самой природы правовой реальности и ее категориального понимания.

Правовое регулирование по своей сущности всегда онтологично и предполагает определенное понимание бытия, определенную метафизику реальности. Классическая правовая парадигма, сформировавшаяся в эпоху модерна, основывалась на принципах материальности, территориальности и идентифицируемой личности. Однако, как справедливо отмечает Т.Я. Хабриева, цифровые технологии способны «менять образ права, влияя на его регулятивный потенциал и эффективность» [2, с. 15]. Метавселенная становится наиболее рельефным проявлением этой трансформации, создавая среду, в которой привычные категории правового мышления – субъект, объект, действие, территория – подвергаются радикальному эпистемологическому пересмотру.

Наиболее фундаментальное онтологическое преобразование связано с трансформацией понятия правового субъекта. Традиционная правовая доктрина основывается на презумпции единства и идентифицируемости физического лица как носителя прав и обязанностей. Метавселенная интродуцирует в правовое поле принципиально иную субъектность – *аватар*, определяемый как «набор символов,

изображение или иное условное обозначение, позволяющее идентифицировать в информационной системе субъекта» [3, с. 2]. Этот цифровой двойник порождает феномен, который в рамках настоящего исследования предлагается обозначить как «расщепленную правосубъектность».

Аватар не является ни фикцией, ни представителем в классическом понимании. Он становится особой гибридной сущностью, бытующей на стыке реального и виртуального миров. Здесь возникает анонимность, лежащая в основе многих платформ метавселенной [1, с. 143], которая позволяет аватару действовать в правовом поле, оставаясь при этом непрозрачным для традиционных механизмов идентификации. Данное обстоятельство кардинальным образом трансформирует саму природу правовой ответственности – классический вопрос «Кто совершил действие?» имплицитно замещается вопросами «Какой аватар совершил действие?» и «Какое физическое лицо стоит за этим аватаром?». Как обоснованно отмечает А.А. Селькова, «сложно точно установить, кто именно пострадал от актов диффамации или харрасмента» [1, с. 143], что в равной степени справедливо и для установления нарушителя.

Более того, аватар может обладать атрибутами, отсутствующими у его физического носителя (отличается иной внешностью, полом, социальным статусом), что порождает дополнительную проблему атрибуции действий и воли. В классической доктрине волеизъявление физического лица представляет собой краеугольный камень для возникновения обязательств. В метавселенной волеизъявление осуществляется через аватар, причем зачастую опосредованно, через выбор заранее запрограммированных действий, что ставит под сомнение применимость традиционных конструкций вины, умысла и неосторожности, требующих установления психического отношения физического лица к совершенному действию.

Переходя от субъекта к объекту правового регулирования, необходимо констатировать возникновение не менее сложных онтологических проблем. Речь идет о виртуальных активах – NFT, виртуальных земельных участках, цифровых предметах роскоши. Их правовая природа, как отмечал А.И. Савельев, характеризуется фундаментальной двойственностью [4, с. 130]. С одной стороны, они «визуализи-

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

руются именно в ходе функционирования целостной компьютерной программы» [5, с. 16], т. е. являются, по своей сути, программным кодом. С другой стороны, они демонстрируют способность порождать реальную экономическую выгоду, выступая в качестве объекта купли-продажи, аренды, залога.

Данное онтологическое противоречие получило наглядное выражение в решении Федерального финансового суда Германии (BFH) 2021 г. по делу об аренде виртуальной земли. Суд отказался квалифицировать соответствующую операцию как услугу для целей НДС, не усмотрев «получения преимущества, которое можно было бы квалифицировать как затраты для другого участника экономической жизни» [6, с. 86]. Суд, по существу, констатировал онтологический разрыв: то, что в виртуальном мире представляет собой ценность «земли», в реальном мире с точки зрения потребления не является ни вещью, ни услугой в традиционном понимании.

Однако представляется, что подобный подход не в полной мере учитывает экономическую реальность, складывающуюся в пространстве метавселенной. Как обоснованно подчеркивает И.А. Хаванова, «принципиальная возможность реализовать виртуальный актив за криптовалюту или фиатные деньги предполагает наличие у этого актива экономической ценности» [7, с. 87]. Яркой иллюстрацией данного тезиса служит факт продажи цифрового дома Mars House за 500 тыс. долларов США [8, с. 83] – обстоятельство, которое невозможно игнорировать при построении адекватной правовой квалификации. Таким образом, виртуальные активы существуют в режиме того, что в рамках настоящего исследования предлагается обозначить как «квази-имущество» – они онтологически виртуальны, но экономически реальны, что требует отказа от жестких бинарных квалификаций в пользу гибких, функциональных подходов к их правовому опосредованию.

Наиболее радикальный вызов классической правовой онтологии исходит от смарт-контракта, определяемого как «самоисполняемый в доверительной среде контракт, заключенный напрямую между покупателем и продавцом и записанный в качестве программного кода» [9]. Смарт-контракт репрезентирует собой гибрид правовой нормы и технического алгоритма. Его онтологическая уникальность заключается в том, что он одновременно описывает обязательство и представляет собой механизм его принудительного исполнения. Классическая триада «установление права – нарушение права – защита права» в случае со смарт-контрактом имплицитно сжимается до одной точки: исполнение оказывается встроенным в саму структуру обязательства.

Данная особенность порождает как минимум две фундаментальные проблемы, требующие философско-правового осмысления. Во-первых, это проблема воли и сознания, каким образом возможно совместить алгоритмическую природу смарт-контракта с классическими доктринами волеизъявления и пороков воли? Во-вторых, это проблема справедливости – право исторически развивалось как инструмент коррекции жесткости формальных правил через категории добросовестности и разумности, тогда как смарт-контракт, будучи алгоритмом, по своей природе лишен подобной гибкости.

Инкорпорация условий о юрисдикции и применимом праве непосредственно в программный код, о которой упоминает А.А. Селькова [1, с. 145], представляет собой попытку трансляции правовой логики в логику алгоритмическую. Однако подобная стратегия не разрешает онтологической проблемы, а, напротив, усугубляет ее, поскольку право, будучи встроенным в код, рискует утратить свой дискреционный характер и превратиться в разновидность машинной инструкции, лишенной морально-этического измерения.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что метавселенная порождает принципиально иную гибридную правовую онтологию. Ее сущность заключается в стирании онтологических границ между реальным и виртуальным, что делает проблематичным применение классических правовых категорий в их чистом, неопосредованном виде. В этом контексте представляется методологически продуктивным предложить систему принципов, которые могли бы составить основу для регулирования гибридного правового пространства.

Принцип функциональной эквивалентности предполагает, что правовой режим виртуального объекта или субъекта должен определяться исходя из той социально-экономической функции, которую он выполняет, а не из его онтологической природы. Если аватар функционирует как субъект, заключающий сделки, к нему должны применяться соответствующие нормы о правосубъектности. Если виртуальный актив функционирует как объект собственности, он должен получить адекватную правовую защиту, даже если он не является «вещью» в традиционном понимании.

Принцип реляционной правосубъектности предполагает понимание правосубъектности в метавселенной не как статичного атрибута физического лица, а как динамического свойства, возникающего в конкретном правоотношении и связывающего аватар с его реальным носителем через устанавливаемые технические и юридические механизмы идентификации.

Принцип технологической чувствительности права требует, чтобы правовое регулирование не игнорировало технологические особенности метавселенной (анонимность, децентрализацию, алгоритмичность), а активно учитывало их, адаптируя под них традиционные правовые конструкции. Например, доктрина осведомленности при заключении договора должна быть реконцептуализирована применительно к реалиям смарт-контрактов.

Принцип онтологического плюрализма заключается в признании того, что метавселенная создает множественность правовых онтологий. Один и тот же виртуальный актив может обладать различным правовым статусом для целей гражданского права (где он выступает как объект обязательствных прав), налогового права (где он репрезентирует источник дохода) и права интеллектуальной собственности (где он может являться носителем авторских прав). Онтологическая неопределенность, конституирующая цифровые среды, выводит проблему правовой квалификации за пределы межотраслевой координации, ставя под вопрос сам принцип отраслевого деления как адекватного инструмента описания гибридных правоотношений. Необходимым становится не адаптивное применение существующих доктрин, но философско-правовая рефлексия над условиями возможности нормативного упорядочивания реальностей, где классическая черта субъекта и объекта, материального и идеального утрачивает свой конститутивный характер.

Предпринятый нами анализ фундаментальных правовых категорий в контексте иммерсивных миров верифицирует тезис о системной трансформации не столько самих норм, сколько модуса их бытования. Центральным результатом выступает обоснование концепции гибридной правовой онтологии, фиксирующей качественное изменение способа существования права: оно более не может быть локализовано исключительно в сфере должностного (нормативного идеализма) или фактивного (социологического реализма), но артикулируется как сложносоставная сеть человеко-машинных ассамбляжей, алгоритмических протоколов и рефлексивных практик.

Бинарные оппозиции «реальное/виртуальное», «материальное/идеальное», «субъект/объект», составлявшие каркас классической юриспруденции, в метавселенной демонстрируют свою эпистемическую недостаточность. Таким образом, мы видим, что происходит не просто стирание границ, но происходит формирование режимов множественности бытия, где виртуальное пространство обретает имущественную эффективность, а идеальное – императивную силу. Это требует выхода за пределы как позитивистского монизма, так и социологической

редукции, смещая фокус на исследование нормативной гетерогенности – сосуществования юридических, технических, этических и конвенциональных регуляторов в едином виртуальном пространстве.

Феномен аватара демонстрирует особую эпистемологическую сложность трансформации правосубъектности. Трактовка аватара как «расщепленной субъектности» проблематизирует устоявшееся отождествление носителя права с традиционным субъектом – физическим или юридическим лицом. Анонимность, множественность цифровых репрезентаций и алгоритмическая автономия агентов (включая элементы искусственного интеллекта) конституируют ситуацию диффузной ответственности, где традиционные механизмы идентификации (привязка к телесности) оказываются неоперациональными. Выход усматривается не в консервативном отрицании цифровых идентичностей, а в разработке процедур реляционной атрибуции, основанных на комплексном сплетении криптографических протоколов, биометрических данных и контрактных конструкций, что предполагает синтез технического и юридического знания, выходящего за рамки классической юриспруденции.

Проблема квалификации виртуальных активов актуализирует фундаментальный вопрос о критериях имущественности. Выявленная нами двойственная природа «квази-имущества» – онтологическая фиктивность при экономической эффективности – указывает на кризис субстанциального подхода, стремящегося определить правовой режим объекта через его физическую природу. Предлагаемый принцип функциональной эквивалентности, коррелирующий с инструменталистской традицией в философии права (от Р. Паунда до Н. Лумана), позволяет преодолеть эту дихотомию, перенося акцент с бытия актива на его роль в социально-экономическом взаимодействии. Тем самым право отказывается от онтологической наивности в пользу операциональной адекватности.

Наиболее радикальный концептуальный вызов несет в себе феномен смарт-контракта как самоисполняемого юридического акта. Коллизия между алгоритмической определенностью (детерминизм кода) и дискреционным характером права (интерпретативная гибкость, оценочные понятия) обнажает фундаментальное противоречие: инкорпорация правовых норм в программный код, обеспечивая эффективность, чревата редукцией права к техническому стандарту. Мы усматриваем здесь симптом смены парадигмы – переход от нормативной герменевтики (толкование) к алгоритмической нормативности (автоматическое исполнение), что ставит под угрозу такие сущностные характеристики права, как

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

принцип справедливости, возможность судебного усмотрения и открытость нормативного порядка для ценностной аргументации. Требуется философско-правовое осмысление пределов алгоритмизации правоприменения, не сводимое к дилемме «эффективность versus справедливость».

Предложенная нами система принципов – функциональная эквивалентность, реляционная правосубъектность, технологическая чувствительность права и онтологический плюрализм – представляет собой не просто набор регулятивных идей, но методологический каркас, позволяющий удерживать системность правового регулирования в условиях его фрагментации. Эти принципы выполняют роль эпистемологических предохранителей, блокирующих как нормативный консерватизм (неправомерную экстраполяцию аналоговых конструкций), так и техно-детерминистский редукционизм (подчинение права логике алгоритмической оптимизации).

Перспективы дальнейших исследований структурируются на нескольких уровнях. Во-первых, необходима дедукция из означенных принципов конкретных правовых кон-

струкций в отраслевых сегментах – от вещного права (цифровые активы как объекты) до деликтного (ответственность за действия автономных агентов). Во-вторых, актуализируется проблема коллизионного регулирования в транснациональных метавселенных, что требует обращения к философии межгосударственного правопорядка и концепциям транснационального права (Г. Кельзен, Ф. Йессуп). В-третьих, насущным становится исследование этико-правовых импликаций алгоритмического управления, баланса между автономией субъекта и возможностями цифрового патернализма.

Практическая значимость предпринятого исследования локализуется не столько в прямых рекомендациях законодателю, сколько в создании теоретического фундамента для модернизации правового инструментария, адекватного онтологической сложности цифровой среды. Разработанные подходы могут лечь в основу нормативных актов, регулирующих отношения в метавселенной, равно как и судебных практик, требующих интерпретации юридически значимых действий, совершаемых в иммерсивных пространствах.

Список источников

1. Селькова А.А. Метавселенная: вопросы подсудности и порядка разрешения споров // *Lex russica*. 2025. № 5. Т. 78.
2. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // *Журнал российского права*. 2018. № 9.
3. Модельный закон «О цифровых правах» (приложение к постановлению Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 14 апреля 2023 г. № 55–12).
4. Савельев А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // *Вестник гражданского права*. 2014. № 1.
5. Синицын С.А. Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // *Законодательство и экономика*. 2016. № 11.
6. Хаванова И.А. Метавселенная: проблема адаптации налогово-правовых конструкций // *Журнал российского права*. 2024. № 7. Т. 28.
7. Хаванова И.А. Виртуальное и реальное: теория потоков в контексте налогово-правового регулирования // *Финансовое право*. 2017. № 4.
8. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М., 2016.
9. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Системы распределен-

References

1. Selkova A.A. Metaverse: issues of jurisdiction and dispute resolution // *Lex russica*. 2025. № 5. Vol. 78.
2. Khabrieva T.Ya. Law before the challenges of digital reality // *Journal of Russian Law*. 2018. № 9.
3. The Model Law "On Digital Rights" (appendix to Resolution № 55-12 of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States dated April 14, 2023).
4. Savelyev A.I. The legal nature of virtual objects purchased for real money in multiplayer games // *Bulletin of Civil Law*. 2014. № 1.
5. Sinitsyn S.A. A thing as an object of civil rights: possible and appropriate identification criteria // *Legislation and Economics*. 2016. № 11.
6. Khavanova I.A. Metaverse: the problem of adaptation of tax and legal structures // *Journal of Russian Law*. 2024. № 7. Vol. 28.
7. Khavanova I.A. Virtual and real: theory of flows in the context of tax and legal regulation // *Financial law*. 2017. № 4.
8. Savelyev A. I. Electronic commerce in Russia and abroad: legal regulation. 2nd ed. Moscow, 2016.
9. Roadmap for the development of the "end-to-end" digital technology of the "Distributed Registry System": approved by the Presidium of the Government Commission on Digital Develop-

ного реестра»: утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. М., 2019.

ment, the Use of Information Technologies to Improve the quality of Life and Business Conditions. Moscow, 2019.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. В. Римский, доктор философских наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. V. Rimsky, Grand PhD in Philosophy, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia named after I.D. Putilin. 71, Gorky St., Belgorod 380024 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 25.11.2025; одобрена после рецензирования 26.05.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 25.11.2025; approved after reviewing 26.05.2026; accepted for publication 08.06.2026.

О ПОЭТАПНОМ РАЗВЕРТЫВАНИИ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ:
ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ О ПРЕДМЕТЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Виктор Алексеевич Черепанов

Ставрополь, Российская Федерация, sigma45@yandex.ru

Введение: представления о предмете конституционного права в связи фрагментарностью и разобщенностью нуждаются в системном переосмыслении.

Материалы и методы: метод исследования есть восхождение от абстрактного к конкретному, исходной клеточкой которого выступает категория «отношение».

Результаты исследования: обозначены этапы разворачивания научного мышления с учетом диалектической логики Гегеля, взятой за основу в данном исследовании.

Выводы и заключения: результаты исследования могут служить основой для создания модели поэтапного разворачивания научного мышления и формирования целостного представления о предмете конституционного права.

Ключевые слова: предмет конституционного права, восхождение от абстрактного к конкретному, исходная клеточка, отношение, общественное отношение, основные этапы разворачивания научного мышления

Для цитирования: Черепанов В. А. О поэтапном разворачивании научного мышления: продолжение дискуссии о предмете конституционного права // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 18–25.

Original paper

ON THE GRADUAL DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC THINKING:
CONTINUATION OF THE DISCUSSION ON THE SUBJECT
OF CONSTITUTIONAL LAW

Victor Alekseevich Cherepanov

Stavropol, Russian Federation

Introduction: ideas about the subject of constitutional law in connection with fragmentation and disunity need a systematic rethink.

Materials and methods: the research method is an ascent from the abstract to the concrete, the starting cell of which is the category "relation".

Results of the study: the stages of the development of scientific thinking are outlined, taking into account the dialectical logic of Hegel, taken as a basis in this study.

Findings and conclusions: the research results can serve as a basis for creating a model for the phased deployment of scientific thinking and the formation of a holistic view of the subject of constitutional law.

Keywords: the subject of constitutional law, the ascent from the abstract to the concrete, the initial cell, attitude, public attitude, the main stages of the development of scientific thinking

For citation: Cherepanov V. A. On the gradual development of scientific thinking: continuation of the discussion on the subject of constitutional law // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 18–25.

В конституционно-правовой науке представления о предмете конституционного права в силу особой методологической значимости всегда находились в центре научного внимания. К настоящему времени накоплено большое количество разнообразных взглядов в этой области, системное объединение которых

с учетом конституционных изменений 2020 г. представляется назревшим. Рассматривая осмысление предмета конституционного права как фундаментальный вопрос, нами осуществлена его постановка в юридической печати с выделением трех составных частей: содержание предмета конституционного права; метод

его изучения путем восхождения от абстрактного к конкретному; исходная клеточка восхождения, которой определена категория «отношение» [1, с. 130–140].

В данной статье, продолжая начатую дискуссию, рассмотрим основные этапы развертывания научного мышления в ходе восхождения. Сначала напомним причины выделения отношения в качестве исходной клеточки. В советское время, как известно, сложилось понимание общества как совокупности общественных отношений, которые выделяются в качестве предмета правового регулирования. Исходя из такого подхода, доминирующего и в наши дни, в том числе при его критическом рассмотрении, неотъемлемыми элементами предмета конституционного права принято считать те или иные общественные отношения, которые именуются разными авторами базовыми, основополагающими, фундаментальными, конститутивными [2, с. 9–35; 3, с. 138–159; 4, с. 23–34; 5, с. 17–20].

В наших предыдущих рассуждениях показано, что клеточка, как начало научного исследования, обладая свойствами, присущими всей предметной области, не должна быть опосредствованной и определенной. Подлинное начало не может разъясняться или определяться посредством другого, иначе оно не является первичным началом и в качестве такого нужно рассматривать это другое.

Поэтому восхождение начинается с предельно абстрактных и простых категорий, не содержащих каких-либо определений и разъяснений, что не присуще понятию «общественное отношение», подлежащему разъяснению посредством иных понятий («отношение» и «общество»). Чего не скажешь о философской категории «отношение», введенной в научный обиход Аристотелем в числе десяти всеобщих категорий, которые не восходят к более общим и не сводятся к низшим. Поэтому в качестве клеточки выделена философская категория «отношение», которая, будучи всеобщей и простой, имеется в разных представлениях о предмете конституционного права, выступая их «сердцевиной».

В ходе восхождения отношение как исходное начало оказывается бесконечно расширяющимся концептом, вбирающим в себя философские, социологические и юридические понятия. Тогда вполне обоснованной выступает логика исследования, при которой мышление движется от анализа философской категории «отношение» к изучению общественного отношения и последующему раскрытию его особенностей под воздействием правовых норм. Основная задача заключается при этом в соотношении различных концептуальных рядов и нахождении переходных звеньев, обеспечивающих многосторонние взаимосвя-

зи между ними. Размышляя о путях решения данной задачи, перечислим ряд особенностей, присущих отношению как исходной клеточке восхождения [6, с. 49–66].

1. Отношение есть общее, которое предполагает особенное – предмет конституционного права, в котором оно есть общее, т. е. исходная клеточка.

2. Отношение вместе с тем выступает как особый самостоятельный объект, который подлежит изучению прежде всего безотносительно к предмету, в котором отношение есть клеточка. Но безотносительно – не значит безразлично вообще. Раз отношение выделено в качестве клеточки, это обстоятельство дает направление и границы исследования.

3. Отношение может и должно быть понято в контексте целого, клеточкой которого является. В связи с этим все исследование отношения идет в том освещении, какое бросает на него целое, содержащее это отношение.

В силу сказанного мы не будем обсуждать здесь сам предмет конституционного права, а поговорим лишь о гносеологических вопросах: как и в каком порядке осуществлять его осмысление, рассматривая отношение в первую очередь безотносительно к предмету конституционного права, в котором оно выделено в качестве исходной клеточки. Однако отношение изучается при этом не безразлично вообще, а как нечто, в котором как бы светится данный предмет, который еще не осмыслен до конца в познающем его мышлении.

Обозначим ряд методологических положений, согласно которым выделяются два вида научного познания: эмпирическое, порождающее эмпирическое знание, и теоретическое, порождающее теоретическое знание. Эмпирическое и теоретическое тесно взаимосвязаны и предполагают друг друга как в генетическом плане (в ходе эволюции науки), поскольку эмпирическая стадия науки исторически предшествует теоретической, так и в структуре развитой науки, где прослеживается тесное взаимодействие концептуального аппарата науки и ее эмпирического базиса [7, с. 156–200]. Однако эмпирическое и теоретическое «обладают и относительной самостоятельностью, поэтому существует возможность их не только совместного, но и раздельного теоретического анализа» [8, с. 101].

Эмпирическое исследование направлено на конкретные объекты в наличном опыте и оперирует эмпирическими обобщениями, имеющими прямое соотношение с материальным миром. Теоретическое исследование, напротив, ориентировано преимущественно на совершенствование и развитие понятийного аппарата, создавая предельно абстрактные категории, которые обозначают идеальные объекты, не имеющие эмпирических аналогов.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

При их гносеологическом осмыслении весьма уместными и полезными оказываются положения философии Канта об идеях чистого разума, для которых в чувствах не может быть дан никакой объект [9, с. 347–592]. Подобные максимально абстрактные, чистые понятия определялись им как трансцендентные, т. е. выходящие за пределы опыта, в котором не бывает соответствующего им предмета. Такие понятия не обладают конститутивным значением, т. е. не определяют никакого реального предмета в объективном мире, «тем не менее нам ни в коем случае нельзя считать их излишними и пустячными. В самом деле, хотя с помощью их и нельзя определить ни один объект, тем не менее они в сущности и незаметно служат рассудку каноном его широкого и общего применения» [9, с. 360]. Они имеют исключительно важное значение, поскольку, регулируя научное познание, позволяют осуществлять его систематическое единство на основе абстрактных конструкций, которые выступают концептуальными линзами, через которые воспринимается окружающая действительность.

Классическим примером может служить понятие многомерного пространства, предмет которого не существует в материальном мире и представляет собой то, что называют ненаблюдаемой сущностью [10, с. 180–185]. С одной стороны, он является трансцендентным и идеальным, а с другой – имеет объективную значимость, т. к., во-первых, существует вполне реально, хотя бы в математическом пространстве, а во-вторых, позволяет систематизировать научное знание и осуществлять целостное восприятие материальной действительности.

Эмпирическое выступает исторически первичным, поскольку в ходе эволюции науки абстрактные понятия появляются после и на основе эмпирических обобщений. Но, исходя из современных методологических исследований, теоретическое знание не возникает из наличного опыта. Поэтому положение об индуктивной невыводимости теории из эмпирических фактов лежит в основе современного понимания научного познания, в ходе которого происходит качественный скачок и наряду с прежним способом образования абстракций утверждается новый, когда «одни абстракции (идеальные объекты) могут образовываться из других без непосредственного обращения к реальности» [11, с. 22].

Познание поднимается на более высокие уровни абстракции, создавая предельно умозрительные и независимые от наглядного представления чистые понятия. Специфика теоретического исследования как раз и состоит в получении научного знания относительно независимо от эмпирии, что позволяет созда-

вать специальные онтологические схемы – теоретические модели реальности и работать с ними как с особыми объектами. Поэтому важнейшими «обитателями» научного пространства наряду с понятиями являются теоретические модели, образующие в своей взаимосвязи научную картину мира. При этом выделяются три параллельные объективно существующие реальности: во-первых, исследуемая реальность, которая может быть идеальной и материальной; во-вторых, познающее мышление субъекта познания; в-третьих, научная картина исследуемой реальности. Объективность исследуемой реальности и познающего мышления сомнения не вызывает. Что касается научной картины, то, опредмечиваясь в трудах ученых, она существует не только объективно, но также независимо и автономно от самого субъекта познания, хотя и является продуктом его деятельности.

Возвращаясь к восхождению, которое представляет собой движение научного мышления в идеальной, а не материальной реальности, обратим внимание на необходимость их разграничения, дабы не допустить смешения и отождествления научно-концептуального пространства материальному миру. Следует также иметь в виду, что процесс восхождения возможен лишь как включающий в себя формулирование и разрешение диалектических противоречий, которые, составляя основу перехода абстрактного в конкретное, придают мышлению подлинно восходящий характер, выступают «движущей пружиной разворачивания теоретических определений» и определяют весь ход развития научной мысли [12, с. 108–114]. Поэтому исходная клеточка берется в своей внутренней противоречивости с ее последующим снятием и созданием более полного знания, в котором также выявляется противоречие, требующее разрешения, и так далее, что можно представить в виде диалектической спирали развития (рис. 1).

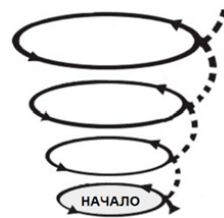

Рис. 1. Восхождение научной мысли по диалектической спирали развития

Схема отражает лишь общую направленность мышления и подлежит содержательному наполнению в ходе дальнейших рассуждений, в основе которых лежит раскрытая Гегелем всеобщая диалектика бытия и мышления, ко-

торая «выступает поворотным пунктом философии и единственной предпосылкой дальнейшего развития диалектики вообще» [13, с. 43]. Следует отметить, что и сам метод восхождения впервые предложен и осмыслен в работах Гегеля, положения которых применяются здесь с учетом научных разработок в этой области. Нелишне напомнить, что в данной статье речь идет о разворачивании научного мышления в ходе восхождения, причем вслед за Гегелем изучению подлежит не реальное мышление в голове человека, а «мышление как таковое», «чистое мышление», которое, будучи идеальным объектом, само оперирует предельно абстрактными понятиями, отражающими различные идеальные объекты.

Теперь вполне понятными становятся высказывания Гегеля о том, что науку логики с ее определением «мышления о мышлении» или «мыслящего само себя мышления» следует понимать как «систему чистого разума, как царство чистой мысли», как «царство теней, мир простых сущностей, освобожденных от всякой чувственной конкретности» [14, с. 103, 108, 113, 135]. Проясняется также и структура процесса познания при создании нормативной модели разворачивания научного мышления, которую можно представить таким образом (рис. 2).

Рис. 2. Структура процесса познания при создании модели научного мышления

При осмыслении этой схемы полагаем возможным сформулировать ряд предварительных соображений, необходимых для дальнейших рассуждений.

Первое. Чистое мышление предстает как исследуемая реальность, которая, будучи идеальной, считается объективно существующей.

Второе. Субъект познания при ее изучении осуществляет мышление о мышлении, протекающее в идеальной, но также объективно существующей реальности.

Третье. При создании научной картины исследуемой реальности возникает нормативная модель разворачивания научного мышления, которая, будучи идеальным объектом, имеет особый онтологический статус и полагается объективно существующей.

Двигаясь дальше, отметим, что диалектическая логика исходит из критического осмысления формальной логики, «застывшие определения» которой считаются неизблемыми и ставятся лишь во внешнее отношение друг с другом: «Дабы эти мертвые кости логики оживотворились духом и получили, таким образом, содержимое и содержание, ее методом должен быть тот, который единственно только и способен сделать ее чистой наукой» [14, с. 106]. Исходя из такого диалектического метода, движение «чистой» мысли предстает как развитие понятийного аппарата в ходе восхождения от простейших и пустых абстракций ко все более конкретным категориям. Главное при этом, «чтобы соответствующая категория появилась в строго определенном месте логической системы, и чтобы она «возникла» имманентно – была необходимым образом порождена самим развитием содержательного логического рассуждения» [15, с. 177].

Посредством такого диалектического выведения одних понятий из других в их внутренней взаимосвязи, «как это по-своему происходит при математическом выведении», создается гегелевская категориальная система и философская картина мироздания. В чистой стихии научного мышления понятие как бы «ведет само себя дальше», и только в ходе подобного самодвижения под влиянием его внутренней логики должны «самопорождаться» и возникать (а не появляться извне неожиданно и произвольно) все вновь вводимые категории [14, с. 91, 109].

В силу этого научное мышление предстает как движение от абстрактных мысленных образов бытия и его сущности к их отражению в конкретных понятиях, что обуславливает выделение трех последовательно возникающих сфер категориального развития (бытие, сущность, понятие), а в них – ключевых точек, именуемых станциями пути, который проходит научная мысль. Гегель стремится выявить эти станции и ведущий к ним маршрут [16, с. 116–117], который полагается нами в основу нормативной модели разворачивания научного мышления.

Следуя такой логике и образной терминологии ее создателя, рассмотрим первую из выделенных сфер – сферу бытия, в рамках которой (напомним) изучению подлежит не бытие материального мира, а бытие научной мысли в ее разворачивании в идеальной, а не материальной реальности, которые, как отмечалось, необходимо четко разграничивать, чтобы не допустить смешение и отождествление научно-концептуального предметно-наблюдаемому.

Итак, мы начинаем путешествие в сферу бытия научной мысли с исходной станции, обозначенной в качестве начала на приведен-

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

ной выше схеме (рис. 1). Размышления Гегеля о природе этого начала, понимаемого как начало движения научной мысли, послужили основой для выдвижения важнейших теоретических положений, которые в кратком изложении сводятся к следующему [14; 17].

1. Начиная мыслить, мы не имеем ничего, кроме мысли в ее чистой неопределенности (чистой мысли), ибо для ее определения уже требуется одно и некое другое; сначала же мы не имеем еще никакого другого. Отсюда в качестве исходного пункта берется бытие чистой мысли – ее чистое бытие.

2. Чистое бытие – это предельная абстракция – бытие вообще, неопределенное непосредственное, лишенное какого-либо содержания, которое приобретает в ходе восхождения в сфере бытия три последовательно переходящие друг в друга определенности: качественная – наличное бытие; снятая качественная определенность – количество; качественно определенное количество – мера.

3. В чистом бытии как предельной абстракции нечего созерцать и мыслить: оно пустое созерцание, пустое мышление, и «есть на деле ничто и не более, и не менее, как ничто». В связи с этим начало – не только чистое бытие, но содержит в себе как чистое бытие, так и чистое ничто, представляя собой их единство – оно небытие, которое есть в то же время бытие, и бытие, которое есть в то же время небытие. Бытие и ничто, находясь в непосредственном соединении, с одной стороны, суть одно и то же, а с другой – абсолютно различны. Начало есть их не различенное единство, единство тождества и различия бытия и ничто.

4. Поступательное движение от того, что составляет начало, выступает как дальнейшее его определение, так что начало остается лежать в основе всего последующего развертывания научного мышления и не исчезает из него. Начало, будучи единством бытия и ничто, есть наличная и сохраняющаяся основа, своего рода единица мышления, то, что остается всецело имманентным своим дальнейшим определением. Причем бытие и ничто предстают в этом единстве в разном категориальном облике на различных этапах познания: на начальном – как предельно абстрактные и не определенные моменты движения мысли (чистое бытие и чистое ничто); на каждом следующем этапе они выступают в по-иному определенном единстве – как по-иному определенные моменты движения научной мысли. Такое единство остается отныне их основой, которую они уже больше не покинут, чтобы не возвращаться к абстрактному значению бытия и ничто.

5. Бытие и ничто находятся в некоем соотношении между собой: начало есть бытие, соотношенное с небытием, и в то же

время – небытие, относящееся к бытию, как к чему-то иному. Тем самым в ходе движения научной мысли возникает категория «отношение» – как сопряженное и сопричастное существование противоположностей «бытие» и «ничто» в их не различенном единстве.

Какие же отношения возникают здесь? Во-первых, тождество, поскольку бытие и ничто есть одно и то же, а во-вторых, различие, т. к. бытие и ничто абсолютно различны. В диалектическом раздвоении они четко обозначаются, не застывая, однако, в контрастной взаимополярности. Научная мысль, не ограничиваясь формальнологической конъюнкцией «есть и не есть», преодолевает это исходное противоречие в ходе своего движения. Бытие и ничто, тождественные и в то же время различные, образуют на основе отношений тождества и различия исходную диалектическую пару, представляющую собой нераздельное и неразделимое единство противоположностей, каждая из которых исчезает в своей антитезе. Поэтому суть гегелевского начала – это «движение непосредственного исчезновения одного в другом...; такое движение, в котором они оба различны, но благодаря такому различию, которое столь же непосредственно растворилось» [14, с. 140–141], что схематически можно представить так (рис. 3).

Рис. 3. Начало как единство тождества и различия бытия и ничто

Здесь показано движение мысли от бытия к ничто и обратно, которые как бы «сталкиваясь лбами» и образуя антиномию, исчезают в своей антитезе: «стремясь к достижению определения чистого бытия, мышление неожиданно для себя получает ничто, а убегая от ничто, оно приходит к чистому бытию, которое тут же опять превращается в ничто, и т. д.», что влечет напряженность и стремление вырваться из этого круговорота, разрешая раздирающее его противоречие в прорыве вверх по диалектической спирали развития [18, с. 24] (рис. 4).

Рис. 4. Развертывание научного мышления на начальной ступени восхождения

В этом движении научной мысли от одной антитезы к другой с взрывным прорывом вверх снимается исходное противоречие и происходит переход на следующую ступень познания. Такой комплекс умственных действий в их системной взаимосвязи образует становление, выделенное на схеме серым цветом, которое «оказывается безудержным движением», но не может удержаться в этой «абстрактной подвижности», поскольку бытие и ничто «исчезают в становлении, а лишь это исчезновение и составляет понятие становления, оно, следовательно, само есть некое исчезающее, огонь, который потухает в самом себе, пожрав свой материал» [17, с. 228]. В связи с этим становление есть «неустойчивое беспокойство, которое оседает, переходя в некоторый спокойный результат», в «ставшее спокойной простотой единство бытия и ничто» – наличное бытие, где чистое бытие и ничто сняты и содержатся как снятые моменты. Вместо максимально абстрактного чистого бытия (бытия «вообще», бытия «неизвестно чего») возникает определенное наличное бытие – совершается диалектический скачок из абсолютной пустоты мыслимого первоначала в царство логической определенности.

При осмыслении сказанного необходимо иметь в виду, что наличное бытие – это не отдельный пункт или станция в движении научной мысли, а целостная область, состоящая из совокупности взаимосвязанных моментов такого движения, которые обозначаются Гегелем посредством соответствующих философских категорий и рассматриваются здесь суммарно и в кратком изложении. Причем в рамках наличного бытия не только возникает первичная определенность, но и происходит ее дальнейшее нарастание: исходно пустая и бессодержательная научная мысль начинает наполняться каким-то содержанием, которое как бы «выплывает постепенно из тьмы (кажущегося) небытия» [19, с. 45].

Исходным моментом является наличное бытие вообще как простая констатация существования мысли: познание не выходит за пределы непосредственного единства бытия и ничто, за пределы указания на наличие изучаемой области. Бытие и его определенность выступают как бы в спаянности друг с другом. Возникающая на этой основе определенность совпадает с самим бытием и обозначается Гегелем с помощью категории «качество», которое не сводится к свойствам вещи, а обозначает момент самодвижения научной мысли.

При анализе сказанного в разрезе диалектической триады открывается восхождение научной мысли от чистого бытия (тезис) к отрицающему его ничто (антитезис), а затем – к наличному бытию (синтез). Мы как бы возвращаемся к исходному тезису (бытию), но на

более высокой ступени развития: оно представит уже не в виде чистого бытия, а как налично существующее бытие – нечто, которое «есть первое отрицание отрицания как простое существующее соотношение с собой».

Двигаясь дальше, обозначим вполне очевидное, на первый взгляд, положение о том, что «качество чему-то присуще». Это что-то и есть «нечто», субъект, который обладает качеством: происходит еще один виток мысли и возникает то, чего еще не было. Было чистое движение, простое движение без того, что движется. Теперь это движение приобрело субъект движения – «нечто», и произошел «переход от качества к носителю, обладающему данным качеством» [19, с. 595].

Приобретая качество, нечто существует в простой и ненаполненной непосредственности, обозначая какую-то (не различенную в себе и не определенную внутри себя) целостность, как бы безликое однородное пятно, указывая лишь на то, что в мысли имеется какое-то «налично существующее, нечто». Такая определенность «нечто» неразъяснима из него самого и непредставима посредством внутренних, присущих ему характеристик (поскольку на этой стадии познания они еще не выделены). Нечто, свободное от определенности внутри самого себя, не имеет и не может иметь какое-либо определение из самого себя. Отсюда следует, что качественную определенность нужно разъяснять посредством чего-то внешнего, находящегося вне и за пределами этого нечто. В силу чего Гегель, исходя из положения о том, что «определенность есть отрицание, положенное как утвердительное», приходит к пониманию определенности как единства утверждения чего-то и его отрицания [14, с. 174]. На самом деле, «когда определяют подлежащее мысленному рассмотрению нечто, говорят, что оно «есть то-то и то-то и не есть то-то и то-то». Эти есть и не есть суть бытие и ничто, являющиеся элементами всякого определения» [19, с. 278]. Такое отрицание приводит к возникновению гегелевской реальности, понимаемой как реальность бытия научного мышления, которая, будучи идеальной и полагаемая объективно существующей, предстает как диалектическое единство нечто и иного, представляющее собой единство бытия и ничто, каждое из которых переходит в свою антитезу.

В своей бытийности реальность выступает как налично существующее, нечто, отрицание которого влечет появление в этой реальности чего-то отличного от нечто, которое есть иное («не это», «ничто этого нечто», «иное бытие нечто», «инобытие нечто»). Тем самым нечто переходит в свою противоположность – иное, а это иное – в другое иное, переходящее в третье иное... и так до дурной, по выражению

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Гегеля, бесконечности, которая представляет собой неограниченное появление все новых и новых (ничем не разрешающихся) качественных различий. Например, нечто, будучи красным, переходит в свое иное – зеленое, которое превращается в другое иное, скажем, в коричневое, и т. д. Однако такое происходит тогда, когда иное лишь отличается от нечего, но не противоположно ему. В случае противоположения второе иное, следующее за первым (иное иного), переходит в исходное нечто. В итоге нечто возвращается к самому себе и так тоже до бесконечности. Этот мысленный круговорот, это непрерывное возвращение к себе, к исходному нечему, именуемое Гегелем «для-себя-бытием», полагается им как истинная бесконечность [19, с. 148–150] (рис. 5).

Рис. 5. Возникновение для-себя-бытия

Здесь показано движение чистой мысли от одной противоположности к другой, которое детерминирует взрывной прорыв вверх с разрешением в ходе своего становления противоречия между нечем и иным. В ходе такого развертывания мышления «нечто» приходит к себе, достигает своего конца и тем самым становится законченным. Законченное наличное бытие

ограничивается уже не иным, а собою и в себе; оно существует не для иного, а для себя. Тогда различия между нечем и иным стираются, и возникает одно – единственное бытие, кроме которого ничего больше нет. Иное исчезает, остается самоопределяющееся одно. Но одно как нечто может быть лишь только там, где есть его противоположность – многое. Одно и многое, отталкиваясь и притягиваясь, переходят друг в друга, сливаясь в количество. Качественная определенность переходит в количественную, а анализ качества – в изучение количества [20, с. 101–103].

Особенности развертывания научного мышления как раз и видны, «когда одна сфера категориальных определенностей исчерпана и исследование подвигается к новому пункту, который знаменует изменение типа решаемых задач. В то же время прояснение их специфики дается не иначе, нежели в сопоставлении с предшествующей и последующей сферами» [15, с. 184]. Разумеется, в данной статье не предполагалось рассмотреть все сферы развертывания мышления, что абсолютно нереально даже при тезисном изложении. Главное виделось в том, чтобы показать в самом общем виде движение чистой мысли в ходе восхождения и обозначить некоторые его этапы. Дабы в последующих публикациях перейти к созданию нормативной модели развертывания научного мышления.

Список источников

1. Черепанов В.А. О научном осмыслении предмета конституционного права: к постановке вопроса // Государство и право. 2024. № 1.
2. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001.
3. Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма: очерки. М., 2023.
4. Авакян С.А. Конституционное право России. М., 2026. Т. 1.
5. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2025.
6. Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М., 2002.
7. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2006.
8. Материалистическая диалектика: в 5 т. Субъективная диалектика / под общ. ред. Ф.В. Константинова и В.Г. Марахова. М., 1981. Т. 2.
9. Кант И. Сочинения в шести томах. М., 1964. Т. 3.
10. Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978.

References

1. Cherepanov V.A. On the scientific understanding of the subject of constitutional law: towards the formulation of the question // State and law. 2024. № 1.
2. Kutafin O.E. The subject of constitutional law. Moscow, 2001.
3. Ebzeev B.S. Philosophy of Russian constitutionalism: essays. Moscow, 2023.
4. Avakian S.A. Constitutional law of Russia. Moscow, 2026. Vol. 1.
5. Baglay M.V. Constitutional law of the Russian Federation. Moscow, 2025.
6. Zinoviev A.A. Ascent from the abstract to the concrete (based on the material of K. Marx's Capital). Moscow, 2002.
7. Stepin V.S. Philosophy of Science. General problems. Moscow, 2006.
8. Materialistic dialectics: in 5 volumes. Subjective dialectics / under the general editorship of F.V. Konstantinov and V.G. Marakhov. Moscow, 1981. Vol. 2.
9. Kant I. Essays in six volumes. Moscow, 1964. Vol. 3.
10. Shvyrev V.S. Theoretical and empirical in scientific knowledge. Moscow, 1978.

11. Степин В.С. Философия и методология науки. М., 2015.

12. Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963.

13. Линьков Е.С. Всеобщая диалектика как основание и результат отношения мышления и бытия в философии Гегеля // Вестник Ленинградского государственного университета. 1984. № 11.

14. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. М., 1970. Т. 1.

15. Мотрошилова Н.В. Диалектика системности и системность диалектики в «Науке логики» Гегеля // Философия Гегеля: проблемы диалектики. М., 1987.

16. Мотрошилова Н.В. Путь Гегеля к «Науке логики». М., 1984.

17. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Наука логики. М., 1974. Т. 1.

18. Труфанов С.Н. Грамматика разума. Самара, 2003.

19. Власов А.Д. Словарь по философии Гегеля. Наука логики. М., 2000. Т. II.

20. Овсянников М. Ф. Философия Гегеля. М., 1959.

11. Stepin V.S. Philosophy and methodology of science. Moscow, 2015.

12. Batishchev G.S. Contradiction as a category of dialectical logic. Moscow, 1963.

13. Linkov E.S. Universal Dialectics as the Basis and Result of the Relationship between Thinking and Being in Hegel's Philosophy // Bulletin of Leningrad State University. 1984. № 11.

14. Hegel G.V.F. The Science of Logic: in 3 volumes, Moscow, 1970. Vol. 1.

15. Motroshilova N.V. Dialectics of consistency and the consistency of dialectics in Hegel's "Science of Logic" // Philosophy of Hegel: problems of dialectics. Moscow, 1987.

16. Motroshilova N.V. Hegel's path to Science of Logic". Moscow, 1984.

17. Hegel G.V.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. The science of logic. Moscow, 1974. Vol. 1.

18. Trufanov S.N. Grammar of reason. Samara, 2003.

19. Vlasov A.D. Dictionary of Hegel's Philosophy. Science of Logic. Moscow, 2000. Vol. II.

20. Ovsyannikov M. F. The Philosophy of Hegel, Moscow, 1959.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

В. А. Черепанов, академик РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

V. A. Cherepanov, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 14.04.2026; одобрена после рецензирования 25.04.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 14.04.2026; approved after reviewing 25.04.2026; accepted for publication 08.06.2026.

МЕХАНИЗМЫ И ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА В РФ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Сергей Владимирович Апарин¹, Арина Александровна Спирина²

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, 007aaanet@rambler.ru

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, aspirina-23-01@ranepa.ru

Введение: цифровая трансформация делает интернет полем национальной безопасности, российский сегмент становится управляемой инфраструктурой по национальным стандартам. В результате особую актуальность приобретает анализ механизмов операционного контроля, направленных на корректировку поведения пользователей и цифровых платформ. Исследование данных инструментов позволяет выявить не только технические и административные аспекты реализации концепции «суверенного интернета», но и их роль в обеспечении целостности информационной среды в условиях внешних вызовов и деструктивного информационного воздействия.

Материалы и методы: в исследовании применялись системно-структурный, историко-правовой и институциональный методы анализа. Нормативную основу составили федеральные законы, постановления Правительства РФ, указы Президента РФ и стратегические документы в области национальной и информационной безопасности.

Результаты исследования: к 2025 г. сформируется операционная архитектура цифрового суверенитета, включающая правовые, инфраструктурные и административные механизмы. Ключевые элементы: внедрение ТСПУ у операторов связи с DPI, ограничение доступа к публичным DNS-серверам, блокировка протоколов обхода ограничений. Правоприменение перешло от эпизодической блокировки к проактивному управлению информационными потоками на всех уровнях. Особое значение имеет регулирование деятельности иностранных платформ, несовместимых с российским законодательством.

Выводы и заключения: современная цифровая политика РФ направлена на создание устойчивой и защищенной инфосреды. Корректировка поведения пользователей и платформ обеспечивает кибербезопасность, технологическую автономию и суверенитет. Укрепление операционной архитектуры цифрового пространства, повышение уровня импортозамещения в сегменте DPI и мониторинга, а также развитие прозрачной и предсказуемой правоприменительной практики являются ключевыми условиями устойчивого функционирования российского интернет-сегмента в условиях глобальной трансформации.

Ключевые слова: национальная безопасность, информационная безопасность, суверенный интернет, цифровой суверенитет, регулирование трафика, DPI, ТСПУ, Роскомнадзор, национальные цифровые границы, правовое регулирование интернета

Для цитирования: Апарин С. В., Спирина А. А. Механизмы и инфраструктурные основы цифрового суверенитета в РФ: институциональный и технологический аспекты // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 26–31.

Original paper

MECHANISMS AND INFRASTRUCTURAL FOUNDATIONS OF DIGITAL SOVEREIGNTY IN THE RUSSIAN FEDERATION: INSTITUTIONAL AND TECHNOLOGICAL DIMENSIONS

Sergey Vladimirovich Aparin¹, Arina Alexandrovna Spirina²

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

²South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: digital transformation is making the Internet a field of national security, and the Russian segment is becoming a managed infrastructure according to national standards. As a result, the analysis of operational control mechanisms aimed at correcting user behavior and digital platforms becomes particularly relevant. The study of these tools makes it possible to identify not only the technical and administrative aspects of the implementation of the "sovereign Internet" concept, but also their role in ensuring the integrity of the information environment in the face of external challenges and destructive information impact.

Materials and methods: the study used system-structural, historical-legal and institutional methods of analysis. The regulatory framework consists of federal laws, Government resolutions, presidential decrees, and strategic documents in the field of national and information security.

Results of the study: by 2025, an operational architecture of digital sovereignty will be formed, including legal, infrastructural and administrative mechanisms. Key elements: implementation of TSPU for telecom operators with DPI, restriction of access to public DNS servers, blocking protocols for circumvention of restrictions. Law enforcement has moved from episodic blocking to proactive management of information flows at all levels. Of particular importance is the regulation of the activities of foreign platforms that are incompatible with Russian legislation.

Findings and conclusions: the modern digital policy of the Russian Federation is aimed at creating a stable and secure information environment. Correcting user behavior and platforms ensures cybersecurity, technological autonomy, and sovereignty. Strengthening the operational architecture of the digital space, increasing the level of import substitution in the DPI segment and monitoring, as well as the development of transparent and predictable law enforcement practices are key conditions for the sustainable functioning of the Russian Internet segment in the context of global transformation.

Keywords: national security, information security, sovereign Internet, digital sovereignty, traffic regulation, DPI, TSPU, Roskomnadzor, national digital borders, legal regulation of the Internet

For citation: Aparin S. V., Spirina A. A. Mechanisms and infrastructural foundations of digital sovereignty in the Russian Federation: institutional and technological dimensions // *Philosophiya Prava* : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 26–31.

Современный российский интернет-сегмент функционирует в условиях сложившейся многоуровневой системы корректирующих механизмов, охватывающих как инфраструктурные, так и контентные уровни. Если на начальном этапе (2012-2015 гг.) регулирование ограничивалось блокировкой отдельных ресурсов на основании единого реестра, то к 2025 г. сформировалась централизованная архитектура управления трафиком, способная оперативно корректировать как маршрутизацию данных, так и поведение пользователей и цифровых платформ.

Ключевую роль в реализации этой модели играет Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Опираясь на полномочия, закрепленные Федеральным законом от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения устойчивости, безопасности и целостности функционирования сети Интернет в Российской Федерации», и с недавних пор постановления Правительства № 1667 от 27.10.2025, ведомство осуществляет не только мониторинг, но и оперативное вмешательство в работу телекоммуникационной инфраструктуры. Основой этой системы стали технические средства противодействия угрозам (далее – ТСПУ), установленные у всех операторов связи. Функционируя на базе технологии глубокого мониторинга пакетов данных

(далее – DPI), они позволяют анализировать содержимое сетевых узлов в реальном времени, обеспечивая точечное управление информационными потоками в целях обеспечения основ кибербезопасности [1].

Одним из наиболее заметных проявлений этой системы стало ограничение доступа к публичным DNS-серверам (Система доменных имен), таким как Google DNS (8.8.8.8) и Cloudflare (1.1.1.1), в сетях организаций, включенных в перечень субъектов критической информационной инфраструктуры. Согласно рекомендациям Федеральной службы по техническому и экспертному контролю и Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, использование сторонних «резолверов» (серверов доменных имен) создает риски обхода установленных ограничений и нарушает принцип территориальной локализации запросов [2, с. 206–216]. В этих условиях национальная система доменных имен, развернутая в рамках концепции «суверенного интернета», становится единственным «белым» и (или) безопасным каналом преобразования доменных имен в IP-адреса [3, с. 33–44].

С 2023 г. практика регулирования перешла от блокировки отдельных сайтов к подавлению протокольных стеков (иерархически организованных наборов сетевых протоколов), используемых для доступа к контенту, признанному деструктивным. Роскомнадзор начал целенаправленное выявление и бло-

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

кировку сигнатур трафика, характерных для OpenVPN, WireGuard, Shadowsocks, SOCKS5, L2TP и VLESS. В декабре 2025 г. были заблокированы последние из упомянутых протоколов, ранее массово используемые для доступа к запрещенным ресурсам [4].

Дополнительный адепт корректирующего механизма годом ранее последовал из приказа Роскомнадзора от 08.11.2023 № 168, ограничивающий популяризацию средств обхода блокировок, «распространение рекламы программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен в соответствии с законодательством РФ» [5]. Одновременно с этим наблюдалась активная цифровая политика в сторону владельцев мобильных платформ: по официальным запросам ведомства из российских версий App Store и Google Play были удалены свыше 100 приложений, предоставляющих доступ к VPN-сервисам [6]. Это демонстрирует расширение регуляторного периметра: контроль охватывает не только телекоммуникационную инфраструктуру, но и цифровые сигнатуры прикладного уровня.

Развитие цифровых коммуникационных платформ, в особенности мессенджеров, привело к их интеграции в базовую инфраструктуру информационного взаимодействия, что обусловило необходимость включения в правовую орбиту национального регулирования. Первоначальный этап институционального оформления соответствующих полномочий был связан с принятием Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», обязывающего организаторов распространения информации уведомлять Роскомнадзор о начале своей деятельности, тем самым задавая формальный статус в качестве субъектов цифрового регулирования. Однако качественный поворот на столь раннем этапе в правовом регулировании произошел в рамках законодательных инициатив, известный в публичном пространстве как «пакет Яровой». Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии терроризму“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» установил обязанность операторов связи и организаторов распространения информации обеспечивать хранение метаданных пользователей, содержания сообщений порядка шести месяцев, аудио- и видеоконтент в течение месяца (с момента отправки, приема, доставки, передачи, обработки), предоставляя уполномоченным

органам техническую возможность декодирования зашифрованной информации и передачи данных в режиме реального времени [7].

Важно также упомянуть, что данные требования с 1 января 2026 г. планируется расширить, в том числе и в отношении уже упомянутых сроков хранения метаданных [8]. Для сервисов из реестра ОРИ (организаторов распространения информации) диапазон расширится с одного года до трех лет. Изменения будут внесены в п. 15 Постановления Правительства РФ от 23.09.2020 № 1526 (ред. от 09.10.2024) «О Правилах хранения организаторами распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети Интернет и информации об этих пользователях и предоставлении ее уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации» [9].

Практическое осуществление данных требований было омрачено осложнением реализации со стороны ряда иностранных платформ, отказавшихся продолжать свою деятельность в соответствии с установленным правовым режимом. Наиболее показательным стал прецедент с мессенджером Telegram, в отношении которого в 2018 г. была инициирована процедура ограничения доступа на основании решения Таганского суда Москвы, что привело к массовой блокировке IP-адресов, ассоциированных с платформой на тот момент [10]. Несмотря на технические сложности данный шаг продемонстрировал готовность регулятора применять комплекс корректных операций в случае невыполнения требований законодательства.

Ситуация изменилась кардинально в 2022 г. В условиях обострения внешнеполитической обстановки и усиления информационных вызовов был принят Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», дополнивший Уголовный кодекс РФ ст. 207.3, устанавливающей ответственность за «публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации». На основании данного положения Тверским судом Москвы были признаны экстремистскими и полностью заблокированы на территории Российской Федерации социальные сети

Facebook и Instagram, принадлежащие компании Meta Platforms Inc [11]. WhatsApp, также входящий в совокупность пользовательских и системных приложений Meta, формально сохранил доступность, однако его функциональность, связанная с интеграцией в единую цифровую платформу, была де-факто нейтрализована.

Постепенно акцент сместился с эпизодичного характера реагирования на целостную модель операционного контроля, охватывающую как содержание, так и технические каналы. Распространение заведомо ложной информации в цифровой среде квалифицируется как инструмент информационной войны, направленный на дестабилизацию общественного сознания и подрыв доверия к государственным институтам. Как отмечается в научных исследованиях, фейковые новости представляют собой прямую угрозу национальной безопасности России, поскольку способны провоцировать панику, манипулировать повесткой и формировать искаженное восприятие действительности [12, с. 132–136]. В этих условиях был ограничен доступ к мессенджерам Signal и Discord, а также к социальной сети X (бывший Twitter), чья деятельность признана несовместимой с требованиями российского законодательства [13].

Реализация данных установок стала возможной благодаря внедрению у всех операторов связи ТСПУ, функционирующих на базе DPI и обеспечивающих точечное управление трафиком в интересах информационной безопасности. Концептуальное оформление проекта приобрел еще в 2019 г. в рамках принятия закона о «суверенном интернете» [14]. На начальных этапах функционал оборудования представлялся емким на отечественные составляющие, ими являлись криптошлюз (криptomаршрутизатор) и коммутатор [15]. Системообразующим можно назвать 2022 г., когда начался перевод DPI на российское программное обеспечение (от «Сигналтек»), а также последующее использование блоков питания производства завода «Авангард». Вместе с тем с 2024 г. проводилась работа по адаптации (и тестированию) СДХ (системы хранения данных) на отечественном процессоре «Байкал-С» (официально представлена «Промобит» в 2025 г.).

Несмотря на кажущуюся завершенность операционной архитектуры цифрового суверенитета, наличия инфраструктурных, административных и правовых инструментов, це-

лостные системные пределы национального цифрового пространства до сих пор не сформированы в полной мере. С каждым годом мы можем наблюдать практическую апробацию последовательного курса по обеспечению устойчивости российского интернет-сегмента в условиях нарастающего деструктивного и дестабилизирующего информационного воздействия. Анализ механизмов регулирования трафика от внедрения технических средств противодействия угрозам до централизованного управления маршрутизацией и подавления протокольных стеков обхода свидетельствует о переходе от фрагментарного реагирования к формированию целостной операционной системы, способной обеспечивать непрерывность информационных процессов даже в условиях внешнего давления. Однако устойчивость этой системы определяется не только технической автономностью, но и социальной легитимностью, а также юридической прозрачностью применяемых мер.

В развитие тезисов, сформулированных в предыдущем исследовании, нам представляется целесообразным акцентировать внимание на трех векторах дальнейшего укрепления цифрового суверенитета.

Во-первых, необходимо завершить импортозамещение в сегменте DPI и систем мониторинга трафика, обеспечив полный контроль над программно-аппаратной средой, используемой в критической инфраструктуре и у операторов связи.

Во-вторых, цифровая грамотность населения должна трансформироваться из базовой компетенции в осознанное понимание национальных информационных приоритетов, включая критическое восприятие контента и осозанный отказ от инструментов, подрывающих устойчивость цифровой среды.

В-третьих, правоприменительная практика требует повышения предсказуемости: разработки четких критериев допустимого контента, упрощенных процедур обжалования ограничений и стандартизированных механизмов взаимодействия платформ с регулятором.

Только при условии синергии технологической автономности, общественного доверия и юридической определенности «суверенный интернет» сможет реализовать свой стратегический потенциал, а именно стать не барьером, а надежной, устойчивой и безопасной основой цифрового суверенитета России в условиях глобальной трансформации информационного пространства.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Список источников

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения устойчивости, безопасности и целостности функционирования сети Интернет в Российской Федерации: Федер. закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ. URL: <https://www.pravo.gov.ru/document/121660000063023> (дата обращения: 20.12.2025).

2. Никонов В.А., Воронов А.С., Сажина В.А. [и др.]. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты // Вестник Тамбовского университета. 2021. № 60.

3. Кочетков А.П. Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России // Вестник МГИМО-Университета. 2022. № 6. Т. 15.

4. Роскомнадзор начал менять подход к блокировке запрещенного контента. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/12/2025/692edb139a79470afc90db77 (дата обращения: 20.12.2025).

5. В России вступил в силу закон о запрете рекламы VPN. URL: <https://ria.ru/20250901/shtraf-2038724982.html> (дата обращения: 20.12.2025).

6. Apple удалила из App Store в России более 100 VPN-приложений по запросу Роскомнадзора. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18456721> (дата обращения: 20.12.2025).

7. Подготовлен проект постановления об увеличении срока хранения метаданных организаторами распространения информации. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1035852> (дата обращения: 20.12.2025).

8. Данные интернет-пользователей будут храниться три года вместо одного. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8180632> (дата обращения: 20.12.2025).

9. О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 23.09. 2020 г. № 1526: постановление Правительства РФ от 30.10.2025 № 1698. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_518006/ (дата обращения: 20.12.2025).

10. История блокировки мессенджера Telegram в России. URL: <https://ria.ru/20200618/1573145082.html> (дата обращения: 20.12.2025).

11. Суд запретил Instagram и Facebook. Что это значит для пользователей. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/03/2022/6238a5e89a79477e5dc0245f?ysclid=mjd1rhdad0744483240 (дата обращения: 20.12.2025).

12. Григорян Д.К. Фейковые новости в эпоху цифровизации: технологии противодействия распространению // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 3 (110).

References

1. On amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in terms of ensuring the stability, security and integrity of the functioning of the Internet in the Russian Federation: Feder. Law of 01.05.2019 № 90-FL. URL: <https://www.pravo.gov.ru/document/121660000063023> (date of access: 20.12.2025).

2. Nikonov V.A., Voronov A.S., Sazhina V.A. [et al.]. Digital sovereignty of the modern state: content and structural components // Bulletin of Tambov University. 2021. № 60.

3. Kochetkov A.P. Digital sovereignty as the basis of Russia's national security // Bulletin of MGI-MO University. 2022. № 6. Vol. 15.

4. Roskomnadzor began to change its approach to blocking prohibited content. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/12/2025/692edb139a79470afc90db77 (date of access: 20.12.2025).

5. A law banning VPN advertising has come into force in Russia. URL: <https://ria.ru/20250901/shtraf-2038724982.html> (date of access: 20.12.2025).

6. Apple has removed more than 100 VPN applications from the App Store in Russia at the request of Roskomnadzor. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18456721> (date of access: 20.12.2025).

7. A draft resolution has been prepared on extending the storage period of metadata by the organizers of information dissemination. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1035852> (date of access: 20.12.2025).

8. Internet users' data will be stored for three years instead of one. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8180632> (date of access: 20.12.2025).

9. On amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation dated 23.09. 2020 № 1526: Decree of the Government of the Russian Federation dated 30.10.2025 № 1698. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_518006/ (date of access: 20.12.2025).

10. The history of blocking the Telegram messenger in Russia. URL: <https://ria.ru/20200618/1573145082.html> (date of access: 20.12.2025).

11. Facebook Instagram and Facebook have been banned by the court. What does this mean for users. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/03/2022/6238a5e89a79477e5dc0245f?ysclid=mjd1rhdad0744483240 (date of access: 20.12.2025).

12. Grigoryan D.K. Fake news in the era of digitalization: technologies for countering proliferation // Jurist-Pravoved. 2024. № 3 (110).

13. Roskomnadzor explained the blocking of Signal in Russia. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/09/08/2024/66b63e2b9a79473eda67c18 (date of access: 20.12.2025).

13. Роскомнадзор объяснил блокировку Signal в России. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/09/08/2024/66b63e2b9a79473edea67c18 (дата обращения: 20.12.2025).

14. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Федер. закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Власти начали управлять блокировками в Рунете с помощью отечественного оборудования. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-07-10_vlasti_nachali_upravlyat (дата обращения: 20.12.2025).

14. On Amendments to the Federal Law "On Communications" and the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection": Feder. the law of 01.05.2019 № 90-FL. Access from the legal system "ConsultantPlus".

15. The authorities began to manage blockages in Runet using domestic equipment. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-07-10_vlasti_nachali_upravlyat (date of access: 20.12.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

С. В. Апарин, старший преподаватель кафедры информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

А. А. Спирина, преподаватель факультета политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70.

INFORMATION OF AUTHORS

S. V. Aparin, Senior Lecturer of the Department of Information and Communication Technologies and Cybersecurity of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

A. A. Spirina, Lecturer at the Faculty of Political Science and Ethno-politics. South Russian Institute of Management of the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 14.01.2026; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

**ДОКАЗЫВАНИЕ ЗАЯВЛЕННОГО В ПОРЯДКЕ РЕГРЕССА УЩЕРБА,
ПРИЧИНЕННОГО СОТРУДНИКОМ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ
ВЫПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ (ЧАСТЬ 1)**

Сергей Леонидович Дегтярёв

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, dsl001@mail.ru

Введение: данная публикация – первая часть исследования проблем привлечения сотрудников органов внутренних дел (ОВД) к материальной ответственности в порядке регресса за вред, причиненный при исполнении служебных обязанностей. В данной части анализируются предпосылки актуализации рассматриваемой проблематики в условиях цифровизации общественных отношений и сопутствующей ей трансформации правоохранительной деятельности, а также раскрываются нормативные и доктринальные основания ответственности сотрудников ОВД. Особое внимание уделяется соотношению норм гражданского, трудового и специального служебного законодательства, регулирующих возмещение вреда, причиненного гражданам, организациям и имуществу МВД России. Сформированные в настоящей части положения служат теоретической основой для анализа особенностей доказывания по данной категории споров, рассматриваемых во второй части.

Материалы и методы: теоретическую основу данного исследования составили разработки отечественной доктрины материального и процессуального гражданского права. Эмпирической основой выступили материалы судебной практики российских судов общей юрисдикции по делам, связанным с гражданско-правовой ответственностью органов государственной власти и должностных лиц. Методологию исследования составили методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнительно-правовой и формально-юридический метод.

Результаты исследования: несмотря на различия в нормативном регулировании материальной и гражданско-правовой ответственности сотрудников ОВД в зависимости от субъекта, которому причинен вред, содержание предмета доказывания по делам о возмещении вреда в порядке регресса остается единым. К числу подлежащих установлению обстоятельств относятся противоправность действий (бездействия) сотрудника, наличие вреда и факт его возмещения за счет казны РФ, причинно-следственная связь между действиями сотрудника и наступившими последствиями, а также его вина. При этом наибольшую сложность представляют случаи прекращения производства по делам об административных правонарушениях либо вынесения оправдательных судебных актов, что требует углубленного анализа процессуальных механизмов доказывания.

Выводы и заключения: ключевые проблемы привлечения сотрудников ОВД к ответственности в порядке регресса лежат преимущественно в плоскости судебного доказывания, а не в определении материально-правовых оснований ответственности. Отсутствие единообразия в правоприменительной практике и сложность установления элементов состава гражданского правонарушения обуславливают необходимость дальнейшего научного осмысления процессуальных аспектов данных споров. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования правоприменительной практики и развития доктрины гражданского процессуального права.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, материальная ответственность по трудовому законодательству, регрессный иск, регрессные требования, убытки, ущерб, имущественный вред, противоправность (незаконность) в действиях сотрудника органов внутренних дел, вина, прямая причинно-следственная связь

Для цитирования: Дегтярёв С. Л. Доказывание заявленного в порядке регресса ущерба, причиненного сотрудником органов внутренних дел при выполнении служебных обязанностей (Часть 1) // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 32–37.

Original paper

**PROOF OF DAMAGE CLAIMED BY WAY OF RECOURSE CAUSED BY AN EMPLOYEE
OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE PERFORMANCE OF OFFICIAL DUTIES
(PART 1)**

Introduction: this publication is the first part of a study of the problems of bringing employees of internal affairs bodies (ATS) to financial responsibility by way of recourse for harm caused in the performance of official duties. This part analyzes the prerequisites for the actualization of the issue under consideration in the context of the digitalization of public relations and the accompanying transformation of law enforcement activities, as well as reveals the normative and doctrinal grounds for the responsibility of police officers. Special attention is paid to the correlation of the norms of civil, labor and special service legislation governing compensation for damage caused to citizens, organizations and property of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The provisions formulated in this part serve as a theoretical basis for analyzing the features of evidence in this category of disputes considered in the second part.

Materials and methods: the theoretical basis of this study was the development of the Russian doctrine of substantive and procedural civil law. The empirical basis was provided by the materials of judicial practice of Russian courts of general jurisdiction in cases involving civil liability of public authorities and officials. The research methodology consists of methods of analysis and synthesis, induction and deduction, comparative legal and formal legal method.

Results of the study: despite the differences in the regulatory regulation of the material and civil liability of police officers, depending on the subject to whom harm has been caused, the content of the subject of evidence in cases of compensation for harm by way of recourse remains the same. The circumstances to be established include the illegality of the employee's actions (inaction), the existence of harm and the fact of its compensation at the expense of the Treasury of the Russian Federation, the causal relationship between the employee's actions and the consequences that have occurred, as well as his guilt. At the same time, the cases of termination of proceedings in cases of administrative offenses or the issuance of acquittals are the most difficult, which requires an in-depth analysis of the procedural mechanisms of proof.

Findings and conclusions: the key problems of holding police officers accountable by way of recourse lie primarily in the field of judicial evidence, rather than in determining the substantive grounds for liability. The lack of uniformity in law enforcement practice and the difficulty of establishing the elements of a civil offense necessitate further scientific understanding of the procedural aspects of these disputes. The results obtained can be used to improve law enforcement practice and develop the doctrine of civil procedure law.

Keywords: civil liability, financial liability under labor law, recourse claim, recourse claims, losses, damage, property damage, illegality (illegality) in the actions of an employee of the internal affairs bodies, guilt, direct causal relationship

For citation: Degtyarev S. L. Proof of damage claimed by way of Recourse caused by an employee of internal affairs bodies in the performance of official duties (Part I) // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 32–37.

В последние годы наблюдается стремительное усиление процессов цифровизации общественных отношений, в результате чего действия, ранее требовавшие личного участия гражданина и определяющие его гражданские права и обязанности, а также возможную гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность, в значительной степени переносятся в цифровую среду – на интернет-платформы, в социальные сети, мессенджеры и маркетплейсы. Несмотря на создание в силовых ведомствах специализированных структур, призванных обеспечивать соответствующий заявляемым ценностям государства порядок в цифровой среде, а также внедрение в служебную деятельность сотрудника органов внутренних дел соответствующих технических средств, сущностное содержание их работы остается прежним – это общение с живыми людьми, нуждающимися в помощи и защите. Обратной стороной этой служебной деятельности является необходимость практически еже-

дневного и ежечасного живого контакта сотрудника с правонарушителями.

В связи с этим даже при наблюдаемом в последние годы снижении уровня так называемой «традиционной» преступности (согласно данным МВД России и Генеральной прокуратуры РФ, в 2024–2025 гг. в России зафиксирован рекордно низкий уровень преступности за всю современную историю. Общее количество зарегистрированных преступлений снизилось: в 2024 г. на 1,8 % (до 1,91 млн), а в 2025 г. на 7,3 % (до 1,77 млн), сопровождаемое одновременно ростом экстремистских и террористических проявлений как в реальной, так и в цифровой среде [1]. Представляется необходимым вновь обратиться к вопросу о гарантиях защищенности самих сотрудников органов внутренних дел. Это связано с особенностями привлечения их к гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный ими при несении служебных обязанностей, в частности при предъявлении к ним регрессных требований.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

На первый взгляд, вопрос достаточно давно и подробно освещен представителями науки [2; 3, с. 21–25], урегулирован в действующем законодательстве (ч. 3 ст. 33 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции), ч. 5–6 ст. 15 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 342) и получил развитие в судебной практике [4; 5; 6]. Однако необходимость разъяснения особенностей рассматриваемой ответственности сотрудников органов внутренних дел со стороны Конституционного Суда РФ [7] позволяет нам вернуться к этому вопросу с позиций процессуального права, определяющего особенности доказывания по этим спорам.

С точки зрения судебного доказывания наибольшую сложность представляют ситуации, при которых составленные сотрудником органов внутренних дел материалы (протокол, постановление) послужили основанием для возбуждения дела об административном правонарушении, однако впоследствии производство по делу было прекращено либо лицо, привлекавшееся к административной ответственности, было оправдано судебным актом. Подобные случаи обуславливают возникновение для государства неблагоприятных имущественных последствий, выражающихся по меньшей мере в обязанности соответствующего финансового органа Российской Федерации возместить судебные расходы лицам, участвовавшим в деле. При этом статистические данные о привлечении сотрудников органов внутренних дел к гражданско-правовой или материальной ответственности в открытых источниках представлены крайне ограниченно, что обусловлено объективными причинами, однако наличие соответствующей практики не вызывает сомнений. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 г. судами рассмотрено 939 826 дел об административных правонарушениях в области дорожного движения (гл. 12 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации). Из указанного числа по 739 026 делам (порядка 78 %) лица были привлечены к административной ответственности, тогда как 17 917 дел завершились прекращением производства либо вынесением оправдательных судебных актов [8].

Представляется обоснованным предположение о том, что в связи с некоторыми из указанных дел могли быть заявлены регрессные требования к сотрудникам органов внутренних дел, составившим и подготовившим соответствующие материалы, по результатам рассмотрения которых привлечение соответ-

ствующих граждан и организаций к административной ответственности не состоялось. В подобных ситуациях лица, участвовавшие в деле, получают возмещение судебных расходов за счет средств государственной казны, что влечет имущественные потери Российской Федерации в лице МВД России и создает предпосылки для реализации механизма регрессной ответственности. Вместе с тем сам по себе факт прекращения производства по делу либо вынесения оправдательного судебного акта не предопределяет удовлетворение регрессных требований к сотруднику. Показательным в этом отношении является подход судов кассационной инстанции. Так, Восьмой кассационный суд общей юрисдикции признал правомерным отказ в удовлетворении исковых требований МВД России к старшему инспектору ПДПС ГИБДД о взыскании убытков в порядке регресса, возникших в связи с необходимостью возмещения за счет средств государства судебных расходов по делу об административном правонарушении, производство по которому было прекращено ввиду отсутствия в действиях привлекаемого к ответственности лица состава административного правонарушения [9].

Сложности привлечения сотрудника органов внутренних дел к материальной ответственности, а также доказывания причиненного им ущерба во многом обусловлены тем, что в зависимости от субъекта, которому непосредственно причинен вред (третьим лицам или непосредственно МВД России), законодатель формулирует разные формы такой ответственности.

Так, в ч. 4 ст. 33 Закона о полиции в случае причинения вреда имуществу МВД России прямо указывается на материальную ответственность сотрудника в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации. В то же время ч. 3 указанной статьи носит бланкетный характер и предусматривает, что вред, причиненный гражданам и организациям противоправными действиями (бездействием) сотрудника полиции при исполнении служебных обязанностей, подлежит возмещению в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Аналогичный подход воспроизводится и в ст. 15 Закона № 342, где норма ч. 6 прямо отсылает к нормам трудового законодательства, тогда как ч. 5 содержит общую отсылку к действующему законодательству Российской Федерации.

Отсутствие прямого указания на применимость норм трудового законодательства в обоих случаях, когда вред причиняется сотрудником при исполнении служебных обязанностей, обусловило возникновение дискуссий как в научной доктрине, так и в правоприменительной практике относительно правовой природы соответствующих отношений и пределов от-

ветственности сотрудников органов внутренних дел. Например, профессор М.Н. Илюшина, рассматривая данный вопрос, указывает, что «ст. 15 Закона № 342-ФЗ, регулирующая ответственность сотрудника органов внутренних дел, содержит две нормы, имеющие самостоятельное правовое значение, применимые к различным по правовой природе правоотношениям (гражданско-правовым и трудовым (служебным))». Исходя из этого, а также с учетом приводимых примеров судебной практики автор считает обоснованным «...согласиться с позицией судебной практики, в силу которой для отношений возмещения имущественного вреда, причиненного сотрудниками полиции при совершении ими противоправных действий, должна применяться ч. 5 ст. 15 Закона № 342-ФЗ, которая квалифицирует данные отношения как гражданско-правовые отношения и включает механизм возмещения причиненного вреда в порядке регресса, основанный на положениях ст. 1069, 1070, 1081 Гражданского кодекса РФ, к которым, соответственно, неприменимы нормы трудового (служебного) законодательства» [3, с. 21–25].

При этом анализ судебной практики и системное толкование указанных нормативных актов позволяют сделать вывод о том, что применение соответствующих положений гражданского законодательства связано с тем, что подготовка материалов для привлечения гражданина (организации) к административной ответственности (протокола, постановления) сотрудником органов внутренних дел, послуживших основанием для предъявления к нему регрессного иска о возмещении ущерба, осуществляется им при исполнении служебной деятельности. При таких обстоятельствах представляется обоснованным вывод о том, что на соответствующие отношения не могут не распространяться положения трудового законодательства, устанавливающие основания материальной ответственности работника, поскольку первоначально причиненный вред подлежит возмещению за счет работодателя – Российской Федерации в лице МВД России.

Между тем, определяя предмет доказывания по делу как совокупность фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии условий для привлечения к гражданско-правовой ответственности сотрудника органов внутренних дел, действиями которого причинен ущерб третьим лицам при выполнении им своих служебных обязанностей (ч. 5 ст. 15 Закона № 342-ФЗ), мы приходим к тем же условиям, что и при причинении сотрудником ущерба имуществу непосредственно МВД России (ч. 6 ст. 15 Закона № 342). Такими условиями выступают: противоправность (незаконность) действий (бездействия) сотрудника органов

внутренних дел; вред и его возмещение за счет казны Российской Федерации; прямая причинно-следственная связь между противоправными действиями (бездействием) сотрудника органов внутренних дел и наступившими вредными последствиями; вина причинителя вреда.

Аналогичный подход к определению круга обстоятельств, имеющих значение для разрешения подобных споров, последовательно проводится и Конституционным Судом РФ, неоднократно отмечавшим, что обязанность возмещения вреда как мера гражданско-правовой ответственности возникает при наличии состава правонарушения, включающего, как правило, сам вред, противоправность поведения причинителя, причинно-следственную связь между таким поведением и наступившими последствиями, а также вину причинителя вреда [10; 11; 12].

Вместе с тем различие между рассматриваемыми ситуациями проявляется не в составе подлежащих доказыванию обстоятельств, а в материально-правовых нормах, подлежащих применению при разрешении дела по существу. В частности, при решении вопроса о размере подлежащей взысканию суммы суд обязан учитывать положения трудового законодательства, устанавливающих ограниченную материальную ответственность работника (ст. 242 ТК РФ), а также основания для снижения размера его полной материальной ответственности (ст. 250 ТК РФ). Однако данные особенности не затрагивают содержание предмета доказывания, в связи с чем ключевое значение в любом случае сохраняют установление противоправности действий сотрудника, его вины и наличие прямой причинно-следственной связи между его поведением и причиненным имущественным вредом.

В связи с этим последующий анализ представляется необходимым сосредоточить на процессуально-правовых аспектах установления указанных условий ответственности. Во второй части исследования будут детально рассмотрены наиболее проблемные вопросы судебного доказывания по делам о регрессных требованиях к сотрудникам органов внутренних дел, включая особенности установления противоправности их действий, сложности выявления и обоснования прямой причинно-следственной связи между действиями сотрудника и понесенными государством судебными расходами. Отдельное внимание будет уделено вопросам установления вины сотрудника в условиях отсутствия прямых доказательств и необходимости оценки его поведения с учетом специфики служебной деятельности.

Список источников

1. Преступность в России. URL: <https://clc.li/CHIQU> (дата обращения: 19.04.2026).
2. Чорновол Е.П. Возмещение вреда, причиненного гражданам незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1983.
3. Илюшина М.Н. Регрессные требования Министерства финансов Российской Федерации в механизме возмещения имущественного вреда, причиненного незаконными действиями работников полиции // Гражданское право. 2019. № 2.
4. По делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» в связи с жалобой гражданина Д.В. Батарагина: постановление Конституционного Суда РФ от 08.11.2016 № 22-П. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23.10.2017 № 57-КГ17-11. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.08.2017 № 83-КГ17-12. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шойдокова Саяна Геннадьевича на нарушение его конституционных прав ст. 15, 1069 и 1081 Гражданского кодекса РФ, ст. 238 и 243 Трудового кодекса РФ, п. 1 ч. 1 ст. 22 и ст. 24 Гражданского процессуального кодекса РФ, а также ч. 5 ст. 15 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2022 № 1536-О. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Данные судебной статистики. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения: 19.04.2026).
9. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.11.2025 № 88-17845/2025 по делу № 2-556/2025. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Лазаревой Валентины Михайловны на нарушение ее конституционных прав п. 1 ч. 2 ст. 390.4 Гражданского процессуального кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2022 № 1615-О. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
11. По делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 29 Закона РФ «О милиции» и ст. 1084

References

1. Crime in Russia. URL: <https://clc.li/CHIQU> (date of access: 19.04.2026).
2. Chornovol E.P. Compensation for damage caused to citizens by illegal actions of state and public organizations, as well as officials: diss. ... PhD in Law. Sverdlovsk, 1983.
3. Ilyushina M.N. Recourse claims of the Ministry of Finance of the Russian Federation in the mechanism of compensation for property damage caused by illegal actions of police officers // Civil Law. 2019. № 2.
4. In the case of checking the constitutionality of the third paragraph of Article 5 and paragraph 5 of Article 8 of the Federal Law "On the Material Liability of Military Personnel" in connection with the complaint of citizen D.V. Bataragin: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 08.11.2016 № 22-P. Access from the legal system "ConsultantPlus".
5. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.10.2017 № 57-KG17-11. Access from the legal system "ConsultantPlus".
6. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 14.08.2017 № 83-KG17-12. Access from the legal system "ConsultantPlus".
7. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Shoydakov Sayan Genadievich for violation of his constitutional rights of Articles 15, 1069 and 1081 of the Civil Code of the Russian Federation, Articles 238 and 243 of the Labor Code of the Russian Federation, paragraph 1 of Part 1 of Articles 22 and 24 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, as well as Part 5 of Article 15 of the Federal Law "On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 28.06.2022 № 1536-O. Access from the legal system "ConsultantPlus".
8. Judicial statistics data. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (date of access: 19.04.2026).
9. Ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 18.11.2025 № 88-17845/2025 in case № 2-556/2025. Access from the legal system "ConsultantPlus".
10. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Lazareva Valentina Mikhailovna for violation of her constitutional rights, paragraph 1, Part 2, Article 390.4 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 28.06.2022 № 1615-O. Access from the legal system "ConsultantPlus".
11. In the case of checking the constitutionality of Part 4 of Article 29 of the Law of the Rus-

Гражданского кодекса РФ в связи с запросами Нижегородского районного суда города Нижнего Новгорода и Сормовского районного суда города Нижнего Новгорода»: постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2009 № 13-П. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

12. По делу о проверке конституционности положений п. 1 и 2 ст. 1064 Гражданского кодекса РФ и п. «а» ч. 2 ст. 166 Уголовного кодекса РФ в связи с жалобой гражданина В.В. Кряжева: постановление Конституционного Суда РФ от 07.04.2015 № 7-П. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

sian Federation "On Militia" and Article 1084 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with requests from the Nizhny Novgorod District Court of Nizhny Novgorod and the Sormovsky District Court of Nizhny Novgorod: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 15.07.2009 № 13-P. Access from the legal system "ConsultantPlus".

12. In the case of the review of the constitutionality of the provisions of paragraphs 1 and 2 of Article 1064 of the Civil Code of the Russian Federation, paragraph "a" of Part 2 of Article 166 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.V. Kryazhev: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07.04.2015 № 7-P. Access from the legal system "Consultant-Plus".

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

С. Л. Дегтярёв, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Уральского юридического института МВД России. 620057, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

S. L. Degtyarev, Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 66, Korepina St., Yekaterinburg 620057 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 29.04.2026; одобрена после рецензирования 11.05.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 29.04.2026; approved after reviewing 11.05.2026; accepted for publication 08.06.2026.

ГЕНЕЗИС РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГРАЖДАНСКО-
ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В ДЕЛЕ
О БАНКРОТСТВЕ. ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Иван Юрьевич Золин

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Российская Федерация,
olzolin2016@yandex.ru

Введение: настоящая статья завершает серию научных публикаций автора, посвященных эволюции института гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего в деле о банкротстве. В фокусе исследования находятся итоги его реформирования, начатого в 2008 г. в ответ на выявленные в ходе экономического кризиса системные недостатки правового регулирования деятельности управляющих в деле о банкротстве. Основное внимание уделено исследованию норм, устанавливающих ответственность управляющих в деле о банкротстве за причиненные убытки, в контексте их взаимосвязи с иными правовыми институтами, регулирующими арбитражное управление в процедуре банкротства. В завершающей части статьи формулируются выводы о закономерностях развития исследуемого института с 1992 г. по настоящее время.

Материалы и методы: методологической основой настоящего исследования послужили общенаучные методы познания, такие как синтез, анализ, индукция и дедукция, а также частно-научные методы: историко-правовой и технико-юридический метод.

Результаты исследования: дана подробная характеристика результатам реформы законодательства о несостоятельности (банкротстве) 2008 г. в части нормативных преобразований, коснувшихся института гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего; представлены выводы о закономерностях развития данного института в российской правовой системе.

Выводы и заключения: историко-правовой анализ процесса трансформации законодательного регулирования гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего в деле о банкротстве выявляет устойчивую тенденцию, выражающуюся в последовательной специализации правовых норм, устанавливающих основания такой ответственности, при одновременном усилении гарантий имущественных прав участников процедуры банкротства.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, убытки, деликт, субъект профессиональной деятельности, компенсационная выплата, страхование ответственности, неисполнение обязанностей

Для цитирования: Золин И. Ю. Генезис российского законодательства о гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего в деле о банкротстве. Часть третья // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 38–43.

Original paper

THE GENESIS OF RUSSIAN LEGISLATION ON THE CIVIL LIABILITY OF THE
INSOLVENCY PRACTITIONER IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS. PART THREE

Ivan Yurievich Zolin

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russian Federation

Introduction: this article completes a series of scientific publications by the author devoted to the evolution of the institution of civil liability of the bankruptcy trustee. The research focuses on the results of its reform, which began in 2008 in response to systemic deficiencies in the legal regulation of bankruptcy managers identified during the economic crisis. The main attention is paid to the study of the norms establishing the liability of bankruptcy administrators for losses caused in the context of their relationship with other legal institutions regulating arbitration management in bankruptcy proceedings.

In the final part of the article, conclusions are formulated about the patterns of development of the institute under study from 1992 to the present.

Materials and methods: *the methodological basis of this research is based on general scientific methods of cognition, such as synthesis, analysis, induction and deduction, as well as private scientific methods: historical-legal and technical-legal method.*

Results of the study: *a detailed description is given of the results of the 2008 insolvency (bankruptcy) law reform in terms of regulatory changes affecting the institution of civil liability of an arbitration administrator; conclusions are drawn about the patterns of development of this institution in the Russian legal system.*

Findings and conclusions: *a historical and legal analysis of the process of transformation of the legislative regulation of civil liability of an arbitration administrator in a bankruptcy case reveals a steady trend, expressed in the consistent specialization of legal norms establishing the grounds for such liability, while strengthening guarantees of the property rights of participants in bankruptcy proceedings.*

Keywords: *arbitration administrator, damages, tort, subject of professional activity, compensation payment, liability insurance, non-fulfillment of duties*

For citation: *Zolin I. Yu. The genesis of Russian legislation on the civil liability of the insolvency practitioner in bankruptcy proceedings. Part three // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 38–43.*

Настоящая статья представляет собой третью часть цикла научных публикаций, посвященных исследованию эволюции законодательного регулирования гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего в российском правовом порядке. Для обеспечения последовательности изложения автор выделяет четыре тематических раздела, обозначив их цифровыми маркерами (1), (2), (3), (4), каждый из которых соответствует конкретному этапу исторического развития исследуемого правового института согласно авторской периодизации.

Поскольку предыдущие три этапа были рассмотрены в предыдущих публикациях¹, цифровое обозначение смысловых блоков в настоящей статье продолжается с цифрового маркера (4).

(4) Комплексное преобразование институтов гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего

(А) Реформирование системы арбитражного управления

Недостатки сложившейся модели регулирования деятельности арбитражных управляющих наглядно проявились в период экономического кризиса 2008 г. Как отмечает Р.Т. Мифтахутдинов, к сожалению, правовой порядок вспоминает о несовершенстве законодательства о банкротстве, как правило, только в период экономических спадов [1, с. 187–191]. В результате, нормативная основа правового статуса арбитражного управляющего в 2008 г. была кардинально изменена положениями Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О

несостоятельности (банкротстве)». Реакцией на многократно высказываемые критические замечания относительно недостатков отождествления деятельности арбитражного управляющего с предпринимательской деятельностью, стала норма абз. 2 п. 1 ст. 20 Закона о банкротстве². Указанное нововведение является ключевым в контексте проблемы вины в составе условий ответственности арбитражного управляющего за убытки. Отмена обязательной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя и признание управляющего субъектом профессиональной деятельности окончательно закрепили господствующий в настоящее время подход, согласно которому ответственность носит виновный характер [2, с. 32–82; 3, с. 118–130; 4, с. 42–46; 5, с. 27–33].

Подробной детализации подверглись требования, предъявляемые к арбитражному управляющему, его права и обязанности, особенности правового статуса саморегулируемых организаций (далее – СРО). Изменения коснулись и положений законодательства, регулирующих финансовое обеспечение ответственности арбитражного управляющего, в частности порядка обращения взыскания на средства компенсационного фонда СРО арбитражных управляющих, а также института страхования ответственности, о чем более подробно речь пойдет ниже.

(Б) Ответственность арбитражного управляющего

Не обошел вниманием законодатель и норму об ответственности арбитражного управляющего, сохраняющую свое действие и в современной редакции Закона о банкротстве:

¹ Золин И.Ю. Генезис российского законодательства о гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего в деле о банкротстве. Часть первая // Философия права. 2025. № 3 (114); Там же. Часть вторая // Философия права. 2025. № 4 (115).

² Здесь и далее под «Законом о банкротстве» понимается Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в редакциях, имевших место после введение в действие Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)».

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

«Арбитражный управляющий обязан возместить должнику, кредиторам и иным лицам убытки, которые причинены в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве и факт причинения которых установлен вступившим в законную силу решением суда» (п. 4 ст. 20.4).

Нетрудно заметить, что указанная норма имеет несколько принципиальных отличий с предыдущей версией:

- перечень лиц, перед которыми арбитражный управляющий несет ответственность, включает в себя три группы субъектов: должник, кредиторы и иные лица;

- такая ответственность наступает в том случае, если убытки возникли у указанных лиц вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей.

Нельзя не отметить и тот факт, что одновременно с изменением нормы об ответственности в соответствии с ней были приведены и связанные с гражданско-правовой ответственностью арбитражного управляющего положения законодательства, такие как обстоятельства, исключающие утверждение лица в качестве арбитражного управляющего в деле о банкротстве (абз. 3 п. 2 ст. 20.2 Закона о банкротстве), положения об обязательном страховании ответственности (п. 1, 4 ст. 24.1 Закона о банкротстве), об условиях и порядке осуществления компенсационных выплат из компенсационного фонда СРО (п. 1, 7, 11 ст. 25.1 Закона о банкротстве). Это обстоятельство выгодно отличает новую редакцию Закона о банкротстве от прежних, в которых, как было показано ранее, имелись многочисленные несоответствия в регулировании условий ответственности арбитражного управляющего в рамках одного и того же нормативного акта.

(В) Обязательное страхование ответственности

Нормы о страховом обеспечении подверглись комплексной переработке. Членство в СРО стало невозможно без действующего договора обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего (п. 3 ст. 20 Закона о банкротстве). При этом СРО было предоставлено право устанавливать дополнительные требования к обеспечению имущественной ответственности своих членов (п. 5 ст. 20.4 Закона о банкротстве). Особые требования к порядку и условиям заключения данного договора были уточнены в ст. 24.1 Закона о банкротстве: 1) договор заключается с аккредитованной СРО страховой организацией³, 2) и покрывает

убытки, причиненные *лицам, участвующим в деле о банкротстве, и иным лицам* в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением управляющим своих обязанностей. Вместе с тем абз. 6 п. 2 ст. 20.2 по-прежнему требует наличия у арбитражного управляющего заключенного договора страхования ответственности перед лицами, участвующими в деле о банкротстве, а иные лица не упоминаются. В этом отношении можно отметить определенную непоследовательность законодателя.

(Г) Компенсационная выплата из компенсационного фонда СРО: новое основание ответственности

Еще одной принципиальной новеллой Закона о банкротстве стала регламентация оснований и порядка осуществления компенсационных выплат. Лица, участвующие в деле о банкротстве, и иные лица, в пользу которых принято решение о взыскании убытков с арбитражного управляющего, вправе предъявить к СРО требование о компенсационной выплате при следующих условиях: 1) недостаточности полученных ими средств по договору обязательного страхования ответственности управляющего, 2) отказе управляющего добровольно удовлетворить соответствующее требование или 3) неудовлетворении данных требований в течение 30 рабочих дней с момента их предъявления (п. 1, 3 ст. 25.1 Закона о банкротстве).

При этом, как отмечают исследователи, обращение к страховой компании за выплатой не обязательно должно завершиться получением денег от нее [6, с. 68–77]⁴. Захаров В.К. считает недопустимым толковать недостаточность страховой выплаты исключительно как ситуацию, при которой сумма причинных убытков превышает установленный лимит страхового возмещения, поскольку это противоречит обеспечительной функции компенсационных выплат [7, с. 86–96].

По смыслу абз. 4 п. 2 ст. 21 и п. 2 ст. 25.1 Закона о банкротстве, если в результате осуществления компенсационной выплаты размер компенсационного фонда становится меньше минимально допустимого значения, СРО обязана принять меры по приведению фонда в соответствие с обязательными требованиями к его размеру. Неисполнение указанной обязанности является основанием для исключения сведений о такой СРО из единого государственного реестра СРО арбитражных управляющих. При этом законодатель умолчал о конкретных правовых средствах, которые могли бы быть использованы СРО для достижения соответствующих целей.

³ С 1 сентября 2025 г. также с обществом взаимного страхования (Федеральный закон от 08.08.2024 № 256-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О взаимном страховании» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

⁴ См. также: Определение Верховного Суда РФ от 12.07.2018 № 305-ЭС18-10791 по делу № А40-150995/2016.

Согласно мнению одних авторов, положение, изложенное в абз. 3 п. 2 ст. 20.2 Закона о банкротстве, подразумевает, что арбитражный управляющий обязан самостоятельно пополнять компенсационный фонд СРО, если выплата была произведена по его вине. При этом его вступительный взнос учитываться не должен [8, с. 141–149]. Другие же полагают, что в таких случаях пополнение фонда осуществляется за счет дополнительных взносов всех членов СРО [9]. Представляется, что СРО вправе применять оба механизма в зависимости от конкретной ситуации.

Имущества СРО формируются за счет вступительных, членских и целевых взносов (п. 1 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (далее – Закон о СРО)). Участие членов СРО в формировании компенсационного фонда прямо предусмотрено ч. 1 ст. 25.1 Закона о банкротстве. Конкретный порядок внесения взносов определяется внутренними документами СРО, утвержденными общим собранием ее членов, если иное не установлено законом или уставом организации (ч. 3 ст. 12 Закона о СРО).

Обязанность членов СРО участвовать в формировании компенсационного фонда СРО арбитражных управляющих установлена ч. 1 ст. 25.1 Закона о банкротстве. Порядок регулярных и единовременных поступлений от членов СРО определяется внутренними документами, утвержденными общим собранием членов СРО, если иное не предусмотрено федеральным законом или уставом некоммерческой организации (ч. 3 ст. 12 Закона о СРО).

Таким образом, обязанность по внесению членами СРО взноса в компенсационный фонд может возникать по основаниям, предусмотренным во внутренних документах СРО. В рамках описанной модели фактически имущественные риски совершения одним из членов СРО неправомерных действий при исполнении профессиональных обязанностей возложены на других арбитражных управляющих, состоящих в такой СРО. Неисполнение соответствующей обязанности с высокой вероятностью может повлечь исключение арбитражного управляющего из СРО в соответствии с внутренними правилами организации.

Дискуссионным оставался вопрос о том, могут ли члены СРО потребовать возмещения имущественных потерь, понесенных в связи с необходимостью исполнения соответствующей обязанности, непосредственно от правонарушителя, а если могут, то что послужит правовым основанием для такого требования. По меньшей мере весьма затруднительным

представляется обоснование наличия условий для применения к данным обстоятельствам норм ст. 15 и 1064 ГК РФ.

С учетом этого Федеральным законом от 01.12.2014 № 405-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон 2014 г.) было предусмотрено особое основание ответственности арбитражного управляющего за убытки, возникшие у членов СРО в связи с необходимостью привести размер компенсационного фонда этой организации в соответствие с требованиями закона (абз. 2 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве). Предоставление членам СРО самостоятельного средства защиты от неправомерных действий своих коллег, вследствие которых возникает обязанность по внесению дополнительных взносов в компенсационный фонд, следует оценить положительно.

С другой стороны, согласно сложившемуся в правоприменительной практике подходу, осуществление компенсационной выплаты порождает регрессное требование к арбитражному управляющему-члену СРО, причинившему убытки должнику, кредиторам и иным лицам. Знаковым в данном отношении стало Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2024 № 144-О. Как следует из судебного акта, Конституционный Суд РФ поддержал возможность обращения СРО с требованием о возмещении суммы компенсации, выплаченной СРО в счет возмещения вреда, на основании ст. 1081 ГК РФ. Следует отметить, что в данном случае соответствующая обязанность арбитражного управляющего-члена СРО была закреплена в уставе организации. Аналогичный подход, впрочем, сложился ранее в практике арбитражных судов⁵. Нельзя при этом согласиться с мнением, выраженным в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.01.2016 по делу № А56-32216/2010, согласно которому в основание данного требования может быть положена норма абз. 2 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве, которая в действительности предоставляет защиту столкнувшимся с необходимостью внесения дополнительных взносов за счет собственных средств членам СРО, но не самой организации.

Отдельно следует рассмотреть одно из наиболее значимых нововведений, внесенных Законом 2014 г., связанным с дополнением перечня условий членства в СРО. В силу абз. 7 п. 2 ст. 20 Закона о банкротстве исключение арбитражного управляющего из СРО в связи с нарушением условий членства влечет за собой запрет на повторное вступление в любую СРО в течение трех лет. Соответственно, в этот пе-

⁵ См., например: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.01.2023 № Ф09-9316/22 по делу № А60-14046/2022; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.08.2022 № 17АП-6745/2022(1)-АК по делу № А60-51945/2021.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

риод лицо не может получить и статус арбитражного управляющего. Эта норма является ключевой в контексте гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего: зачастую факт причиненных должнику, кредиторам или иным лицам убытков становится основанием для исключения из СРО, а значит, и для по меньшей мере трехлетнего «отстранения» от профессиональной деятельности. Данное усиление механизма превентивного воздействия на арбитражных управляющих, как представляется, отражает общую тенденцию к ужесточению требований к их профессиональной деятельности, наметившуюся в последнее время.

(Д) Предварительный вывод

Реформа законодательства о банкротстве, начатая в 2008 г., ознаменовала не просто уточнение отдельных элементов гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего, но и комплексную модернизацию правового регулирования его деятельности.

К числу ключевых новелл следует отнести: признание арбитражного управляющего субъектом профессиональной деятельности, занимающимся частной практикой; окончательное закрепление модели виновной ответственности (4 (А)); переориентацию основания ответственности с нарушения формальных требований законодательства о несостоятельности (банкротстве) на неисполнение или ненадлежащее исполнение управляющим возложенных на него обязанностей (4 (Б)). Связанные с нормой об ответственности положения законодательства о банкротстве были приведены в соответствие с новой редакцией, включая нормы об основании порядка приобретения права заниматься профессиональной деятельностью (4 (А), обязательном страховании (4 (В) и компенсационных выплатах потерпевшим (4 (Г)). Значительно усовершенствован механизм имущественного возмещения за счет страхования и компенсационного фонда СРО: круг потерпевших, обладающих гарантиями возмещения убытков, был расширен, а сам механизм получил нормативную детализацию (4 (В), (Г)). Особую роль в правовом регулировании стали играть акты саморегулирования, определяющие содержание обязанностей арбитражного управляющего, требования к членству в СРО и дополнительные условия финансового обеспечения ответственности (4 (А), (В), (Г)).

Подробному анализу современного состояния правового регулирования гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего, в том числе содержанию вины, роли стандартов профессиональной деятельности, считаем необходимым посвятить отдельное исследование.

Вывод

Проведенный анализ процесса становления института гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего в деле о банкротстве позволяет выявить ряд устойчивых закономерностей в эволюции законодательных подходов к его правовому регулированию.

А) Прежде всего, следует отметить, что трансформация норм, регулирующих ответственность арбитражного управляющего, как правило, происходила параллельно (или совместно) с комплексными изменениями в правовом статусе данного субъекта.

Б) На протяжении последних трех десятилетий прослеживается тенденция к последовательному уточнению и специализации основания гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего. Если Закон 1992 г. вовсе не содержал специальных норм об ответственности, а возможность взыскания причиненных убытков рассматривался через призму общих положений деликтного права, то Закон 1998 г. обуславливал привлечение управляющего к ответственности за убытки установлением факта нарушения норм законодательства РФ, вне зависимости от их отраслевой принадлежности. Закон 2002 г. в первоначальной редакции сузил данное условие до нарушения законодательства о несостоятельности (банкротстве). В свою очередь, реформа 2008 г. окончательно оформила современную модель: ответственность наступает лишь при условии неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей, возложенных на арбитражного управляющего в конкретном деле о банкротстве.

В) В то же время происходит постепенное расширение круга лиц, наделенных правом требовать возмещения причиненных арбитражным управляющим убытков. Если изначально такое право предоставлялось исключительно должнику и его кредиторам как основным интересантам процедуры банкротства, то впоследствии законодатель признал возможность предъявления соответствующих требований иными лицами, чьи имущественные интересы были затронуты ненадлежащим исполнением арбитражным управляющим своих обязанностей.

Г) К числу наиболее важных тенденций следует отнести также развитие механизмов обеспечения ответственности арбитражного управляющего. Законодатель последовательно формировал систему гарантий, призванных обеспечить реальное и эффективное возмещение причиненного вреда, в частности были институализированы механизмы компенсационных выплат из средств компенсационного фонда СРО, введено обязательное страхование ответственности арбитражного управля-

ющего. Кроме того, постепенно расширялся и круг лиц, чьи имущественные интересы защищаются этими механизмами.

Таким образом, становление института гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего в отечественном

законодательстве характеризуется четкой направленностью в сторону специализации и совершенствования механизмов защиты имущественных интересов участников процедуры банкротства.

Список источников

1. Мифтахутдинов Р.Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы // Закон. 2018. № 5.

2. Колесникова С.Г. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего за убытки, причиненные неисполнением (ненадлежащим исполнением) возложенных на него обязанностей // Арбитражные споры. 2018. № 1.

3. Босых А.И. Проблемы нормативно-правового регулирования страхования ответственности арбитражных управляющих // Социальное гражданское право в его основополагающих институтах: коллективная монография / отв. ред. К.М. Некрасевич. М., 2022.

4. Лукьянова Т.Г. Взыскание убытков с арбитражных управляющих // Арбитражный управляющий. 2011. № 5.

5. Кванина В.В. Профессиональная и предпринимательская деятельность // Цивилист. 2011. № 2.

6. Николаев А., Лысенко А. Возмещение убытков, причиненных арбитражными управляющими, за счет средств компенсационного фонда СРО // Цивилистика. 2024. № 2.

7. Захаров В.К. Процессуальные аспекты солидаритета на примере взыскания убытков с арбитражных управляющих // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 4.

8. Кванина В.В. Системные недостатки института саморегулирования // Закон. 2014. № 8.

9. Кондрат Е.Н., Рыжих И.В., Шашихина Т.В. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2014 г. № 482-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (постатейный). М., 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

И. Ю. Золин, адъюнкт адъюнктуры Уральского юридического института МВД России. 620057, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

I. Y. Zolin, adjunct of the adjunction of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 66, Korepina St., Yekaterinburg 620057 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.03.2026; одобрена после рецензирования 21.05.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 15.03.2026; approved after reviewing 21.05.2026; accepted for publication 08.06.2026.

References

1. Miftakhutdinov R.T. Evolution of the institute of subsidiary liability in bankruptcy: causes and consequences of legal reform. 2018. № 5.

2. Kolesnikova S.G. Civil liability of an arbitration administrator for losses caused by non-fulfillment (improper fulfillment) of duties assigned to him // Arbitration disputes. 2018. № 1.

3. Bosykh A.I. Problems of regulatory regulation of liability insurance for arbitration managers // Social civil law in its fundamental institutions: a collective monograph / ed. by K.M. Nekrashevich, Moscow, 2022.

4. Lukyanova T.G. Recovery of losses from arbitration managers // Arbitration manager. 2011. № 5.

5. Kvanina V.V. Professional and entrepreneurial activity // Civilist. 2011. № 2.

6. Nikolaev A., Lysenko A. Compensation of losses caused by arbitration managers at the expense of the SRO compensation fund // Civilistics. 2024. № 2.

7. Zakharov V.K. Procedural aspects of solidarity on the example of recovery of losses from arbitration managers // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2023. № 4.

8. Kvanina V.V. Systemic deficiencies of the Institute of Self-regulation // Law. 2014. № 8.

9. Kondrat E.N., Ryzhikh I.V., Shashikhina T.V. Commentary to Federal Law № 482-FL dated December 29, 2014 "On Amendments to the Federal Law "On Insolvency (bankruptcy)" and the Code of Administrative Offences of the Russian Federation" (article-by-article). Moscow, 2015.

ЭВОЛЮЦИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ОБ ОСНОВАНИЯХ ОСВОБОЖДЕНИЯ
ПЕРЕВОЗЧИКА ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ОТ ФОРМАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ
К ДОКТРИНЕ «КОНТРОЛЯ НАД РИСКОМ»

Елена Георгиевна Негодаева

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
a.negodaeva@bk.ru

Введение: актуальность исследования обусловлена формированием в 2023–2026 гг. устойчивой судебной практики Верховного Суда РФ, существенно изменившей подход к применению ст. 796 ГК РФ и ст. 401 ГК РФ. В статье анализируются ключевые позиции высшей судебной инстанции, выявлена тенденция к расширению круга обстоятельств, не признаваемых основаниями освобождения от ответственности.

Материалы и методы: методологическую основу работы образуют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы исследования.

Результаты исследования: выявлено, что Верховный Суд РФ последовательно отказывается в признании непреодолимой силой ДТП, пожар, хищение груза третьими лицами, а также действия мошенников по переадресации груза. Установлено, что судебная практика перешла от формального толкования к доктрине «контроля над риском», при которой перевозчик несет ответственность за любые обстоятельства, которые он мог предотвратить при должной осмотрительности.

Выводы и заключения: обосновано, что сложившаяся правовая позиция Верховного Суда РФ фактически сужает перечень оснований освобождения перевозчика от ответственности до случаев, прямо указанных в законе (непреодолимая сила, действия грузоотправителя, скрытые недостатки груза, естественная убыль), при этом подлежат доказыванию не только наличие обстоятельства, но и отсутствие возможности его предотвращения.

Ключевые слова: ответственность перевозчика, основания освобождения от ответственности, непреодолимая сила, форс-мажор, доктрина контроля над риском, предпринимательский риск, презумпция вины перевозчика, гражданско-правовая ответственность, транспортное законодательство

Для цитирования: Негодаева Е. Г. Эволюция судебной практики об основаниях освобождения перевозчика от ответственности: от формального толкования к доктрине «контроля над риском» // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 44–49.

Original paper

THE EVOLUTION OF JUDICIAL PRACTICE ON THE GROUNDS
FOR EXEMPTING A CARRIER FROM LIABILITY: FROM FORMAL
INTERPRETATION TO THE DOCTRINE OF «RISK CONTROL»

Elena Georgievna Negodaeva

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the relevance of the study is due to the formation of stable judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation in 2023–2026, which significantly changed the approach to the application of Articles 796 of the Civil Code of the Russian Federation and 401 of the Civil Code of the Russian Federation. The article analyzes the key positions of the supreme judicial instance, reveals a tendency to expand the range of circumstances that are not recognized as grounds for exemption from liability.

Materials and methods: the methodological basis of the work is formed by formal legal, comparative legal and systematic research methods.

Results of the study: it has been revealed that the Supreme Court of the Russian Federation consistently refuses to recognize as force majeure an accident, fire, theft of cargo by third parties, as

well as the actions of fraudsters to redirect cargo. It has been established that judicial practice has shifted from a formal interpretation to the doctrine of "risk control", in which the carrier is responsible for any circumstances that he could have prevented with due diligence.

Findings and conclusions: it is substantiated that the current legal position of the Supreme Court of the Russian Federation actually narrows the list of grounds for exempting the carrier from liability to cases directly specified in the law (force majeure, actions of the shipper, hidden defects of the cargo, natural loss), while not only the existence of circumstances, but also the absence of the possibility of its prevention must be proved.

Keywords: carrier's liability, grounds for exemption from liability, force majeure, force majeure, risk control doctrine, entrepreneurial risk, presumption of carrier's guilt, civil liability, transport legislation

For citation: Negodaeva E. G. The evolution of judicial practice on the grounds for exempting a carrier from liability: from formal interpretation to the doctrine of «risk control» // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 44–49.

Институт ответственности перевозчика в российском гражданском праве на протяжении длительного времени занимает особое место в системе договорных обязательств. Специфика данного института обусловлена характером деятельности перевозчика, который, принимая на себя обязательство по доставке вверенного ему имущества, фактически становится единственным лицом, имеющим реальную возможность обеспечить сохранность груза на всем пути следования.

Именно это обстоятельство послужило основанием для закрепления в п. 1 ст. 796 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) принципа презюмируемой ответственности перевозчика: он несет ответственность за утрату, недостачу или повреждение груза независимо от наличия вины, освобождаясь лишь при наличии обстоятельств непреодолимой силы либо иных оснований, предусмотренных законом [1]. Данная конструкция, известная еще дореволюционному российскому праву и воспринятая советским гражданским законодательством, традиционно рассматривалась как механизм, обеспечивающий повышенную защиту интересов грузовладельцев. Как справедливо отмечает О. Мокрецов, по смыслу п. 1 ст. 796 и п. 3 ст. 401 ГК РФ перевозчик несет ответственность за утрату, недостачу или повреждение багажа независимо от наличия вины, в том числе за случайное причинение вреда [2, с. 10–13].

Однако в период 2023–2026 гг. произошло кардинальное изменение судебной практики применения данной нормы. Верховный Суд РФ сформировал устойчивую правовую позицию, существенно ограничивающую возможность перевозчиков ссылаться на различные обстоятельства в качестве оснований освобождения от ответственности. Как отмечается в Обзоре судебной практики Президиума Верховного Суда РФ, перевозчик несет ответственность за сохранность груза, и избежать ее он сможет, только если докажет, что утрата, недостача или повреждение груза произошли по независящим от него обстоятельствам, обладающим призна-

ками непреодолимой силы [3]. При этом высшая судебная инстанция последовательно расширяет круг обстоятельств, которые не признаются непреодолимой силой, фактически возлагая на перевозчика риск наступления практически всех неблагоприятных событий, которые могут произойти в процессе перевозки.

Для понимания современного состояния института ответственности перевозчика необходимо обратиться к анализу правовой природы данной ответственности. Ключевая конструкция, закрепленная в п. 1 ст. 796 ГК РФ, определяет временные границы ответственности перевозчика: она возникает с момента принятия груза к перевозке и сохраняет свою силу вплоть до момента его выдачи грузополучателю. Принципиальная особенность данной правовой нормы состоит в том, что наступление ответственности не ставится законодателем в зависимость от установления вины перевозчика. Иными словами, для возложения имущественной ответственности достаточно самого факта утраты, недостачи или повреждения груза в период нахождения его в ведении перевозчика.

Данная позиция неоднократно находила свое подтверждение в актах высшей судебной инстанции. Так, Верховный Суд РФ в своих разъяснениях последовательно акцентирует внимание на том, что перевозчик несет ответственность за утрату, недостачу либо порчу вверенного ему имущества вне зависимости от наличия вины, в том числе и в тех случаях, когда вред причинен случайно, например, в результате дорожно-транспортного происшествия, произошедшего по вине третьего лица, либо вследствие противоправных действий, связанных с хищением груза [1]. Данная формулировка имеет принципиальное значение, поскольку она прямо указывает на то, что даже при отсутствии вины перевозчика в классическом понимании (т. е. при отсутствии его умысла или неосторожности) ответственность может наступить.

Особого внимания заслуживает п. 3 ст. 401 ГК РФ, в котором находит свое выражение об-

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

ций подход законодателя к определению оснований ответственности субъектов, ведущих предпринимательскую деятельность, за нарушение принятых на себя обязательств. Содержащееся в данной норме правоположение устанавливает презумпцию ответственности для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность: в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства такое лицо привлекается к ответственности, если только не будет доказано, что надлежащее исполнение оказалось объективно невозможным вследствие действия обстоятельств непреодолимой силы. Иными словами, бремя доказывания наличия форс-мажорных обстоятельств, освобождающих от ответственности, возлагается законом непосредственно на самого должника.

При этом законодатель дает четкие ориентиры для правоприменителя, прямо указывая, какие обстоятельства ни при каких условиях не могут быть квалифицированы в качестве непреодолимой силы. Как следует из содержания указанной нормы, к числу таковых относятся, в частности, любые нарушения обязательств со стороны контрагентов должника, отсутствие на товарном рынке необходимых для исполнения материальных ресурсов, а равно и недостаток у должника денежных средств, необходимых для выполнения обязательства [1]. Тем самым законодатель подчеркивает, что предприниматель, вступая в гражданский оборот, принимает на себя все риски, связанные с выбором контрагентов, организацией снабжения и финансовым обеспечением своей деятельности, и не вправе ссылаться на указанные обстоятельства как на основание освобождения от ответственности. Данное положение исключительно важно для понимания судебной практики: законодатель прямо указывает, что действия третьих лиц (включая контрагентов) не могут рассматриваться как обстоятельства непреодолимой силы, освобождающие от ответственности.

Таким образом, законодательная конструкция предполагает, что перевозчик может быть освобожден от ответственности лишь в исключительных случаях, когда причиной утраты или повреждения груза стали обстоятельства, которые он не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело. Однако даже при наличии формальных признаков таких обстоятельств суды требуют от перевозчика доказательств того, что он принял все возможные меры для предотвращения негативных последствий.

Анализ судебной практики Верховного Суда РФ 2023–2026 гг. позволяет выявить конкретные обстоятельства, которые не признаются основаниями для освобождения перевозчика от ответственности. Наиболее показательным в этом отношении является Определение Верховного Суда РФ от 16.02.2026 № 306-ЭС26-

194 по делу № А55-26231/2024. В данном деле перевозчик ссылался на дорожно-транспортное происшествие (далее – ДТП) как на основание освобождения от ответственности за утрату груза. Суды нижестоящих инстанций, руководствуясь положениями ст. 15, 393, 785, 796 ГК РФ и п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26, пришли к выводу о доказанности обстоятельств принятия ответчиком как перевозчиком груза к перевозке, его последующей утраты в результате ДТП и наличия у ответчика обязанности возместить убытки [4]. Верховный Суд РФ отказал в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании, указав, что доводы кассационной жалобы выводы судов не опровергают и не подтверждают существенных нарушений норм материального права [4]. Данное определение подтверждает сформировавшуюся ранее позицию, согласно которой ДТП по вине третьего лица не обладает признаками непреодолимой силы и не освобождает перевозчика от ответственности. С практической точки зрения это означает, что даже если водитель перевозчика не нарушал правил дорожного движения и стал жертвой действий иного участника дорожного движения, перевозчик все равно обязан возместить стоимость утраченного или поврежденного груза.

Аналогичный подход применяется судами и к случаям пожара в транспортном средстве. В разъяснениях Президиума Верховного Суда РФ особо отмечено, что перевозчик не освобождается от ответственности и в случае пожара в машине перевозчика. Ранее аналогичный подход применил Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ. Позиция высшей судебной инстанции сводится к тому, что причины повреждений не обладают признаками непреодолимой силы либо перевозчик должен был их предвидеть [3]. Логика данного подхода заключается в том, что перевозчик, осуществляющий предпринимательскую деятельность, должен принимать меры по обеспечению пожарной безопасности транспортных средств, проводить регулярные технические осмотры, оснащать автомобили средствами пожаротушения. Если эти меры не были приняты или оказались недостаточными, ответственность за возникший пожар возлагается на перевозчика.

Особый интерес представляет практика Верховного Суда РФ в отношении хищения груза третьими лицами. В обзоре судебной практики указано, что хищение груза третьим лицом не является основанием для освобождения перевозчика от ответственности, поскольку перевозчик должен обеспечить сохранность вверенного ему имущества [3]. Более того, в 2025 г. сформировался новый подход к случаям переадресации груза под влиянием мошенников. Как отмечается в аналитических

материалах, доводы ответчиков о том, что переадресация произошла из-за вмешательства мошенников, суды не рассматривают как обстоятельства непреодолимой силы. Перевозчик должен осуществлять выгрузку исключительно в соответствии с правилами устава, которые также регулируют процесс изменения адреса выгрузки. Если эти правила не были соблюдены, водитель несет ответственность за сохранность груза и должен возместить ущерб [5]. Данная позиция представляется особенно жесткой, поскольку она возлагает на перевозчика обязанность проверять любые указания об изменении маршрута или получателя груза, даже если такие указания поступают от лиц, представляющих уполномоченными представителями грузоотправителя или грузополучателя.

Единственным обстоятельством, которое суды систематически признают основанием для освобождения перевозчика от ответственности, выступает ненадлежащая упаковка груза, допущенная грузоотправителем. Вместе с тем для применения данного основания необходимо, чтобы перевозчик не принимал на себя соответствующих обязательств по упаковке [3]. При этом Верховный Суд РФ обращает внимание на то, что, если перевозчик принял груз к перевозке, он обязан зафиксировать выявленные недостатки упаковки. В противном случае перевозчик не может впоследствии сослаться на ненадлежащую упаковку как на основание освобождения от ответственности [6]. Это означает, что перевозчик, принимая груз в поврежденной или ненадлежащей упаковке, должен сделать соответствующую отметку в транспортной накладной или ином перевозочном документе. Если такой отметки не сделано, суд будет исходить из того, что упаковка соответствовала установленным требованиям.

Анализ судебной практики 2023–2026 гг. позволяет выявить формирование новой доктрины, которую можно обозначить как «контроль над риском». Суть данной доктрины заключается в следующем: перевозчик несет ответственность за любые обстоятельства, которые он мог предотвратить при должной осмотрительности, независимо от того, были ли эти обстоятельства вызваны действиями третьих лиц или природными факторами. Указанная доктрина получила свое развитие в правовой позиции Верховного Суда РФ, согласно которой перевозчик может быть освобожден от ответственности исключительно при наличии обстоятельств непреодолимой силы, под которыми понимаются чрезвычайные и объективно непредотвратимые при сложившихся условиях события [3].

Как справедливо отмечается в доктрине, «суд не отнесет к форс-мажору неисполнение

своих обязательств третьими лицами, ДТП, преступные действия, принятие НПА, бюрократическую волокиту и погодные явления» [7]. Однако даже при наличии формальных признаков непреодолимой силы перевозчик должен доказать, что он не имел возможности предотвратить наступление вреда. Например, если перевозчик знал о надвигающемся урагане, но не принял мер по изменению маршрута или защите груза, ссылка на непреодолимую силу не будет принята судом.

Помимо общих положений ГК РФ основания освобождения от ответственности предусмотрены отраслевыми транспортными уставами и кодексами. Статья 118 КВВТ РФ относит к основаниям освобождения перевозчика от ответственности неправомерные действия либо ошибочные указания грузоотправителя, скрытые недостатки тары или свойства груза, а также доставку груза на исправном судне с исправными запорно-пломбировочными устройствами. Кроме того, названная норма освобождает перевозчика при расхождении массы груза в пределах норм естественной убыли, снижения влажности либо из-за разницы в показаниях весовых приборов [8]. Статья 36 УАТ РФ в качестве такого обстоятельства называет временные ограничения движения транспортных средств, введенные в установленном порядке [6]. Данные нормы применяются судами с учетом общих положений ГК РФ и разъяснений Верховного Суда РФ.

Важно отметить, что сложившаяся судебная практика возлагает на перевозчика риск наступления практически всех неблагоприятных обстоятельств, связанных с утратой или повреждением груза. Это вызывает обоснованную критику со стороны участников транспортного рынка. Как отмечается в экспертных оценках, «интересы транспортных операторов теперь становятся более ущемленными». В данном контексте заслуживает внимания тот факт, что сложившаяся правоприменительная практика порождает очевидный дисбаланс интересов участников транспортных правоотношений. Особенно ярко это проявляется в ситуациях, когда крупные торговые сети, занимающие доминирующее положение на соответствующем товарном рынке, предусматривают в договорах с поставщиками значительные по своему размеру неустойки за нарушение сроков поставки товаров, которые поставщики, в свою очередь, в полном объеме перекладывают на перевозчиков, выступая своего рода передаточным звеном в цепочке ответственности [7]. Действительно, в условиях, когда перевозчик отвечает за сохранность груза при любых обстоятельствах, кроме тех, которые он не мог предотвратить и которые носят чрезвычайный характер, возникает вопрос о справедливости такого распределения рисков.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

Сложившаяся судебная практика актуализирует вопрос о необходимости корректировки законодательного регулирования. Одним из возможных направлений является введение института страхования ответственности перевозчика с обязательным включением рисков, связанных с действиями третьих лиц. Однако и здесь существуют определенные сложности. В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ отмечено, что запрет на страхование договорной ответственности остается в силе, но страховщик не может отказать в выплате страхового возмещения по этому основанию, если на момент наступления страхового случая страховая премия выплачена [3]. Это означает, что перевозчик может застраховать свою ответственность, но такая страховка не освобождает его от ответственности перед грузополучателем, а лишь позволяет переложить бремя возмещения убытков на страховщика.

Проведенное исследование позволяет сформулировать вывод о том, что Верховный Суд РФ в период 2023–2026 гг. сформировал устойчивую практику, в соответствии с которой перевозчик освобождается от ответственности лишь в исключительных случаях. Дорожно-транспортные происшествия, пожар, хищение груза третьими лицами, действия мошенников по переадресации груза не признаются обстоятельствами непреодолимой силы и не освобождают перевозчика от ответственности. Единственными обстоятельствами, которые признаются основаниями для освобождения перевозчика от ответственности, остаются: ненадлежащая упаковка груза грузоотправителем (при условии, что перевозчик не брал на себя обязательств по упаковке), скрытые недостатки груза, естественная убыль, а также действия органов государственной власти, носящие властно-распорядительный характер. При этом для освобождения от ответственности перевозчик должен доказать не только наличие соответствующего обстоятельства, но и то, что он не мог его предотвратить, приняв все возможные меры [9, с. 42–51].

Проведенное в рамках настоящего исследования изучение материалов судебной практики позволяет прийти к обоснованному выводу о том, что в период с 2023 по 2026 г. Верховный Суд РФ сформировал устойчивую и последовательную правовую позицию, в соответствии с которой перевозчик может быть освобожден от имущественной ответственности лишь при наличии исключительных обстоятельств. К числу таковых, как показы-

вает анализ правоприменительной практики, не относятся такие распространенные случаи, как ДТП, возгорание транспортного средства, хищение вверенного груза третьими лицами, а равно противоправные действия мошенников по переадресации груза – данные обстоятельства не признаются судами непреодолимой силой и, следовательно, не влекут освобождения перевозчика от обязанности возместить причиненные убытки. Фактически перечень оснований, которые суды готовы признать достаточными для освобождения от ответственности, оказался предельно узким и исчерпывающим: к таковым относятся ненадлежащая упаковка груза грузоотправителем (но лишь при условии, что перевозчик не принимал на себя соответствующих обязательств), скрытые недостатки груза, не поддающиеся обнаружению при наружном осмотре, естественная убыль в пределах установленных нормативов, а также властно-распорядительные действия органов государственной власти. При этом даже при наличии одного из перечисленных обстоятельств освобождение от ответственности не носит автоматического характера – перевозчик обязан доказать не только сам факт существования такого обстоятельства, но и то, что он не располагал реальной возможностью его предотвратить, несмотря на принятие всех зависящих от него и разумно необходимых мер.

Сложившаяся судебная практика приводит к дисбалансу интересов участников транспортных отношений, возлагая на перевозчика риски, которые он объективно не может контролировать. Это требует поиска новых правовых механизмов распределения рисков, включая развитие института страхования и создание системы компенсационных фондов. Представляется целесообразным внесение изменений в ст. 796 ГК РФ, направленных на конкретизацию перечня обстоятельств, освобождающих перевозчика от ответственности, с учетом сложившейся судебной практики. В частности, предлагается закрепить, что ДТП, возникшее не по вине перевозчика, может служить основанием для освобождения от ответственности при условии, что перевозчик докажет отсутствие возможности предотвратить такое происшествие. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на анализ практики применения новых норм в случае их принятия, а также на сравнительный анализ подходов к ответственности перевозчика в различных правовых системах.

Список источников

1. Подборка судебных решений за 2025 г.: ст. 796 «Ответственность перевозчика за утра-

References

1. A selection of court decisions for 2025: Article 796 "Carrier's liability for loss, shortage

ту, недостачу и повреждение (порчу) груза или багажа» ГК РФ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

2. Мокрецов О. Для признания возмещения ущерба перевозчику не нужны документы о наличии или отсутствии виновных лиц // ЭЖ-Бухгалтер. 2023. № 49.

3. Обзор судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2017). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

4. Определение Верховного Суда РФ от 16.02.2026 № 306-ЭС26-194 по делу № А55-26231/2024. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

5. «Не сила, а нарушение»: суды перестали спускать водителям схему с переадресацией грузов // LOGIRUS. 2025. 10 ноября.

6. Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта: Федер. закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ (ред. от 05.07.2025). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции». Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

8. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 № 24-ФЗ (ред. от 24.06.2025). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

9. Чокорая М.О., Надежин Ю.Ю. Тенденции судебной практики в условиях внешнеэкономических ограничений // Арбитражные споры. 2023. № 4.

10. Определение Верховного Суда РФ от 04.02.2026 № 307-ЭС25-11481 по делу № А56-45000/2024. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

and damage (damage) of cargo or baggage" of the Civil Code of the Russian Federation. Access from the legal system «Garant».

2. Mokretsov O. To recognize compensation for damage, the carrier does not need documents on the presence or absence of culprits // EJ-Accountant. 2023. № 49.

3. Review of judicial practice on disputes related to contracts for the carriage of goods and freight forwarding (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 20.12.2017). Access from the legal system «Garant».

4. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/16/2026 № 306-ES26-194 in case № А55-26231/2024. Access from the legal system «Garant».

5. "Not force, but violation": the courts stopped letting drivers down the cargo forwarding scheme // LOGIRUS. 2025. November 10.

6. The Charter of motor transport and urban land electric transport: Feder. Law № 259-FZ of 08.11.2007 (as amended on 05.07.2025). Access from the legal system «Garant».

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.06.2018 № 26 «On certain issues of the application of legislation on the contract for the carriage of goods, passengers and baggage by road and on the forwarding contract». Access from the legal system «Garant».

8. Code of Inland Waterway Transport of the Russian Federation dated 07.03.2001 № 24-FZ (as amended on 24.06.2025). Access from the legal system «Garant».

9. Chokoraya M.O., Reliability Yu.Y. Trends in judicial practice in the context of foreign economic restrictions // Arbitration disputes. 2023. № 4.

10. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.02.2026 № 307-ES25-11481 in case № А56-45000/2024. Access from the legal system «Garant».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Е. Г. Негодаева, кандидат юридических наук, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. G. Negodaeva, PhD in Law, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 17.04.2026; одобрена после рецензирования 27.04.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 17.04.2026; approved after reviewing 27.04.2026; accepted for publication 08.06.2026.

**НЕЙРОМАРКЕТИНГ И ЭКСПЛУАТАЦИЯ АФФЕКТА:
К ФИЛОСОФСКОМУ ОБОСНОВАНИЮ «ПРАВА НА НЕВОВЛЕЧЕННОСТЬ»
В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ ВНИМАНИЯ**

Владимир Валериевич Плотников¹, Валентина Александровна Ковальчук²

¹Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация, inkognito13@inbox.ru

²Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация, Vkovalchuk28@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются этические и философские основания защиты индивида от манипулятивных техник нейромаркетинга в условиях цифровой экономики внимания.

Материалы и методы: привлекаются теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса и концепция аффективного труда для анализа того, как нейромаркетинг эксплуатирует подсознательные желания и эмоциональные реакции потребителей.

Результаты исследования: нейромаркетинг и эксплуатация аффекта подрывают автономию личности, превращая ее в объект стратегического воздействия, и ведут к колонизации жизненного мира механизмами рынка. В статье обосновывается необходимость «права на невовлеченность» – особого права человека на защиту от навязчивого вовлечения и подсознательной манипуляции вниманием.

Вывод и заключения: предлагаемое «право на невовлеченность» представлено как условие сохранения подлинной автономии потребителя и когнитивной свободы в цифровую эпоху.

Ключевые слова: нейромаркетинг, этические и философские основания защиты индивида, «право на невовлеченность», цифровая эпоха, концепция аффективного труда

Для цитирования: Плотников В. В., Ковальчук В. А. Нейромаркетинг и эксплуатация аффекта: к философскому обоснованию «права на невовлеченность» в цифровой экономике внимания // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 50–56.

Original paper

**NEUROMARKETING AND THE EXPLOITATION OF AFFECT: TOWARDS
A PHILOSOPHICAL JUSTIFICATION OF THE “RIGHT TO NON-INVOLVEMENT”
IN THE DIGITAL ATTENTION ECONOMY**

Vladimir Valerievich Plotnikov¹, Valentina Aleksandrovna Kovalchuk²

¹Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

²V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: the article examines the ethical and philosophical grounds for protecting an individual from manipulative neuromarketing techniques in the digital economy of attention.

Materials and methods: the theory of communicative action is involved. Habermas and the concept of affective labor for the analysis of how neuromarketing exploits the subconscious desires and emotional reactions of consumers.

Results of the study: neuromarketing and the exploitation of affect undermine the autonomy of the individual, turning it into an object of strategic influence, and lead to the colonization of the life world by market mechanisms. The article substantiates the need for the “right to non-involvement” – a special human right to protection from obsessive involvement and subconscious manipulation of attention.

Findings and conclusions: the proposed “right to non-involvement” is presented as a condition for preserving genuine consumer autonomy and cognitive freedom in the digital age.

Keywords: neuromarketing, ethical and philosophical foundations of individual protection, “the right to non-involvement”, the digital age, the concept of affective work

For citation: Plotnikov V. V., Kovalchuk V. A. Neuromarketing and the exploitation of affect: towards a philosophical justification of the “right to non-involvement” in the digital attention economy // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 50–56.

В современную эпоху информационного изобилия человеческое внимание превратилось в дефицитный ресурс, ставший объектом острой конкурентной борьбы в цифровой экономике. Технологические корпорации и маркетинговые платформы разрабатывают все более изощренные методы удержания и направленного стимулирования внимания пользователей. Одним из таких методов является нейромаркетинг – направление на стыке нейронауки и маркетинга, использующее данные о мозговой активности, биометрические показатели и алгоритмы искусственного интеллекта для влияния на поведение потребителей на подсознательном уровне [1]. Нейромаркетинговые технологии позволяют фирмам обращаться напрямую к эмоциональным центрам и импульсам мозга, фактически обходя сознательный выбор и рациональное обдумывание.

Возникает серьезная этическая и философская проблема: если реклама и цифровые сервисы научились эксплуатировать уязвимости человеческой психики ради максимизации вовлеченности, не утрачивается ли при этом подлинная автономия личности? Еще Г. Маркузе отмечал, что в обществе потребления формируются «ложные потребности», навязанные внешними силами и отвечающие интересам угнетения – потребности в развлечениях, потреблении в соответствии с рекламными образцами, в любви и ненависти к тому же, что навязывается окружающими [2]. Удовлетворение таких навязанных желаний может приносить мгновенное удовольствие, но происходит за счет свободы и способности человека к критическому мышлению. Цифровой нейромаркетинг радикализует эту проблему. Используя эмоциональные триггеры, он формирует у потребителей позитивный аффективный отклик, который побуждает их принимать решения помимо сознательного контроля. Иными словами, происходит эксплуатация аффекта – использование эмоциональных реакций и желаний человека в качестве ресурса для извлечения прибыли.

Данная статья ставит целью философски осмыслить феномен нейромаркетинга и обосновать концепцию «права на невовлеченность» – права индивида не быть вовлеченным против своей воли в манипулятивные коммуникации цифровой экономики внимания. В фокусе анализа – теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса и концепция аффективного труда, позволяющие с двух сторон взглянуть на проблему. С одной стороны, нейромаркетинг будет рассмотрен как форма стратегического (манипулятивного) действия, нарушающая идеалы свободной коммуникации и автономного согласия. С другой – через призму критической теории и теории аффективного труда мы проанализируем, как эмоциональная энергия пользователей превращается в товар

и прибавочную стоимость в современных капиталистических отношениях. Опираясь на эти теоретические рамки, мы покажем необходимость признания новых цифровых прав, охраняющих психическую неприкосновенность и когнитивную свободу личности.

Немецкий философ Ю. Хабермас развил понятие коммуникативной рациональности, предполагающей диалог, свободный от принуждения и стратегических искажений. В идеале коммуникативное действие – это взаимодействие, направленное на взаимопонимание, где участники аргументированно обосновывают свои высказывания и уважают автономию друг друга. Противоположностью ему выступает стратегическое действие, преследующее сугубо инструментальные цели влияния на поведение адресата. Хабермас указывал, что в современном обществе сферы жизни, ранее основанные на взаимопонимании, все более колонизируются системными императивами денег и власти [3]. Например, публичное пространство вместо площадки рациональной дискуссии превращается в арену для рекламы, пропитанной скрытым воздействием и функциональной рациональностью рынка. Такая колонизация жизненного мира подрывает основы автономного формирования мнений и волеизъявления граждан. В нашей работе мы используем аппарат Хабермаса для критики нейромаркетинга как явления, в котором коммуникация носит явно стратегический характер и ведет к патологическим эффектам – искажению предпочтений и утрате индивидуальной суверенности воли. Если коммуникативное действие предполагает равенство субъектов и отсутствие манипуляции, то нейромаркетинг воплощает собой одностороннее манипулятивное воздействие, при котором потребитель рассматривается скорее как объект, чем как равноправный участник диалога.

Важным понятием теории Хабермаса является автономия субъекта, понимаемая как способность сохранять контроль над собственными действиями и суждениями. Любое скрытое принуждение или манипуляция, нарушающая осознанное согласие, с его точки зрения несовместимы с подлинно коммуникативным взаимодействием. Поэтому чрезмерное влияние маркетинга на подсознание можно рассматривать как угрозу автономии индивида в хабермасианском смысле. Современные исследования по этике нейромаркетинга подтверждают эту озабоченность. Потенциал нейромаркетинга влиять и предопределять выбор потребителей рассматривается как подрывающий их способность к самоуправлению и свободному волеизъявлению. Отмечается, что с помощью нейротехнологий рекламодатели теоретически могут создать «неотразимую» рекламу, способную обойти когнитивные защитные

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

механизмы человека и тем самым нарушить его автономию. В терминах Хабермаса это означает максимально радикальное смещение баланса от коммуникативной рациональности к стратегической, где понимание уступает место тонко завуалированному принуждению.

Другой теоретической опорой нашего исследования служит понятие аффективного труда, разработанное в русле критической теории позднего капитализма (М. Хардт, А. Негри и др.). Под аффективным (эмоциональным) трудом понимается работа по производству и управлению эмоциями, чувствами и отношениями [4]. Первоначально этот термин применялся к сферам услуг и репродуктивного труда (например, забота, сервис, требующие эмоциональной вовлеченности). Однако Хардт и Негри расширили его до характеристики всего постфордистского производства, утверждая, что в современном обществе аффекты и информация становятся ключевыми продуктами и ресурсами экономики. Аффективный труд создает нематериальные ценности – знания, коммуникационные сети, социальные связи, коллективные настроения. Эти «общие формы богатства», по выражению Хардта и Негри, присваиваются капиталом и превращаются в источник прибыли. Иными словами, капитализм научился экспроприировать эмоциональную и социальную энергетику масс для собственного воспроизводства.

В контексте цифровой экономики внимания концепция аффективного труда позволяет осмыслить поведение пользователей Интернета и социальных сетей как своего рода производительную деятельность. Каждое проявление эмоции – лайк, комментарий, поделившийся контент – становится частью процесса создания ценности для платформ, монетизирующих внимание. Хардт определяет аффективный труд как «создание и манипулирование аффектами», причем продуктом этого труда выступают социальные сети, формы сообщества и даже сама способность к коллективному переживанию [5]. В случае с нейромаркетингом мы видим, как корпорации активно задействуют труд самого потребителя, превращая его внимание, эмоции и время в товар. Пользователь, увлеченный привлекательным контентом или персонализированной рекламой, одновременно выступает и как потребитель, и как неоплачиваемый работник, генерирующий данные и активность, на которых зарабатывает компания. Таким образом, происходит эксплуатация аффекта, эмоциональная жизнь человека все более напрямую встраивается в экономический оборот.

Концепция аффективного труда помогает показать, что проблема носит не только индивидуально-этический, но и социально-структурный характер. Речь идет об асимметричных

отношениях власти в цифровом капитализме, где корпорации обладают знанием и технологиями для управления настроениями, тогда как рядовые пользователи выступают в уязвимой позиции. Зубофф Ш. в работе «Эпоха надзорного капитализма» описывает складывающуюся систему как экономику поведенческой модификации [6]. Технологические гиганты не просто предсказывают наше поведение на основе больших данных, но и стремятся активно направлять его с помощью тонких, подсознательных стимулов. Логика тюнинга, дрессировки и кондиционирования поведения пользователей, реализуемая в масштабах миллиардов людей, ведет к утрате «права на будущее время» – т. е. способности осмысленно проектировать собственное будущее. Иначе говоря, без автономии мысли и действия человек теряет основу для морального суждения и критического сопротивления навязанным целям. Такой анализ переключается с нашим тезисом о необходимости провозглашения права не подчиняться непрерывному диктату вовлечения – права сохранять ментальную невовлеченность по собственному выбору.

Стратегии нейромаркетинга опираются на новейшие знания о работе мозга и эмоций, чтобы максимизировать вовлеченность потребителя. В цифровой среде сформировалась полноценная экономика внимания, где внимание пользователей монетизируется через рекламу и продажу данных [1]. Чем дольше и интенсивнее пользователь вовлечен в контент, тем больше выгоды извлекает платформа – эту модель описывают как «аукцион фокуса» и «петлю роста», питающуюся данными о предпочтениях. Для удержания аудитории на платформах применяются разнообразные психологические триггеры (от бесконечной прокрутки ленты и push-уведомлений до алгоритмов, подсовывающих все более эмоционально заряженный контент). Нейромаркетинг добавляет к этому арсеналу и более прицельные инструменты, например, отслеживание мимики и выражений лица через камеры (так называемый эмоциональный ИИ) для мгновенной подстройки рекламы под текущее настроение пользователя. Уже существуют технологии анализа ЭЭГ и других биосигналов через носимые устройства – «биометрическое таргетирование», позволяющее в реальном времени реагировать на неврологические реакции человека. Такая глубина вмешательства в когнитивные процессы ранее была немыслима в рекламе.

Следствием данных практик становится подсознательная манипуляция желаниями и решениями. Маркетологи давно стремятся связать продукты с базовыми эмоциональными потребностями – стремлением к счастью, безопасности, социальному одобрению. Реклама, по сути, привязывает товары к ключевым эмо-

циональным устремлениям (счастью, безопасности), формируя искусственное чувство нехватки, при котором простые хотелки кажутся насущными потребностями. Нейромаркетинг реализует этот принцип на новом уровне, используя знания о дофаминовых механизмах вознаграждения и страхе упущенной выгоды, он способен генерировать зависимость от потребления контента или продуктов. Исследования показывают, что регулярное получение непредсказуемых «наград» (лайков, уведомлений) активирует ту же нейронную «петлю удовольствия», что и азартные игры, приводя к формированию навязчивого поведения. Потребитель вовлекается эмоционально настолько, что его рациональные барьеры и критические фильтры ослабевают.

При этом граница между добровольным выбором и навязанным желанием размывается. Современный потребитель может субъективно ощущать, что действует из собственных предпочтений, однако эти предпочтения все больше формируются внешними алгоритмами. Возникает эффект «эйфории в несчастье» по Маркузе – человек удовлетворен и даже рад увлеченности, но не осознает, что эта радость одномерна и служит поддержанию статус-кво. Например, для современных телеканалов основной конкурент – наш сон. Такая экстремальная вовлеченность приводит к когнитивным и психологическим издержкам (фрагментация внимания, усталость, тревожность). Тем не менее с позиции платформ эти эффекты второстепенны по сравнению с ростом метрик вовлеченности (времени сессии, количества кликов). Мы видим здесь очевидный конфликт между коммерческими целями и благом пользователя.

С позиций теории аффективного труда описанная ситуация представляет собой форму эксплуатации в марксистском смысле, хотя и отличную от классической фабричной эксплуатации. Пользователь не осознает себя работником, но его эмоции и время фактически приватизируются компаниями. Хардт и Негри подчеркивают, что капитал присваивает результаты кооперативной аффективной деятельности, превращая их в прибыль [4]. Так, социальные связи – дружеское общение, обмен мнениями – на платформах вроде Facebook становятся «сырьем» для таргетирования рекламы; информация о личных эмоциональных откликах – ценный ресурс для нейромаркетологов, позволяющий тонко сегментировать аудиторию [7]. В результате эмоциональная сфера коммерциализируется. Искренний аффект все труднее отличить от индуцированного маркетингового стимулятора. Этот процесс можно интерпретировать и как отчуждение. Контроль над собственными вниманием и чувствами отчасти переходит к

внешним силам, скрытым алгоритмам и дизайнерам поведения.

С точки зрения коммуникативной этики Хабермаса, описанные практики нейромаркетинга представляют собой систематическое нарушение условий идеальной коммуникации [3]. В норме потребитель и производитель должны вступать в рыночное взаимодействие как рациональные субъекты, способные критически оценивать информацию (рекламу) и делать осознанный выбор – так реализуется потребительская автономия. Однако нейромаркетинг стремится обойти рациональное обсуждение, воздействуя напрямую на аффективные приводы поведения [8, с. 11–17]. Воздействие на подсознание означает, что потребитель лишается возможности рефлексивно обосновать свое решение; коммуникация теряет прозрачность и взаимность, превращаясь в одностороннюю манипуляцию.

Хабермасовское разграничение между жизненным миром (сферой понимания, ценностей, неформальных отношений) и системой (сферой инструментальной рациональности экономики и власти) позволяет глубже осмыслить данный сдвиг. Реклама и маркетинг всегда в некоторой степени были вторжением системы в жизненный мир, навязывая коммерческие значения повседневному опыту. Но в эпоху нейромаркетинга это вторжение становится тотальным; коммерческий месседж стремится проникнуть даже в интимное пространство нейронных реакций. Тем самым происходит то, что Хабермас называл «патологической деформацией коммуникативных структур жизненного мира». Индивид все меньше способен отделить собственные подлинные мотивы от навязанных извне импульсов. Коммуникативная самость субъекта эродирована, что ведет к состоянию гетерономии, противоположному автономии.

Следует подчеркнуть, что критика здесь направлена не просто на «нечестную рекламу» или отдельные злоупотребления, а на саму логику стратегического действия, встроенную в современные цифровые коммуникации. Нейромаркетинг по определению не нацелен на диалог или выяснение истинных потребностей потребителя; напротив, он принимает потребителя как объект, поведение которого можно прогнозировать и моделировать. В терминах Хабермаса вместо идеальной речевой ситуации, где каждый мог бы сказать «да» или «нет» аргументу, здесь выстраивается асимметричная ситуация: одна сторона (маркетолог) обладает знанием и скрытыми техниками, другая (потребитель) – уязвима и не осведомлена о полном характере воздействия [4]. Более того, часто у потребителей нет даже формальной возможности отказаться от такого воздействия. Например, алгоритмы

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

социальных сетей по умолчанию настроены на максимизацию удержания, и пользователь либо принимает эту игру, либо вынужден покинуть платформу (что в современном мире эквивалентно социальной изоляции). Такое отсутствие опции информированного несогласия прямо противоречит принципам коммуникативной рациональности и дискурсивной демократии.

Исследования по нейроэтике подтверждают, что общество все больше осознает угрозу подобной манипуляции [7]. В тематике нейромаркетинга центральными стали вопросы приватности сознания и информированного согласия. Поднимается тема возможности «нарушения достоинства личности» через скрытое воздействие на ее мозговую активность вне ее ведома. Фактически, когда корпорация собирает и анализирует нейроданные пользователя (например, его мимические реакции через камеру или движение глаз через трекинг), она претендует на одностороннее использование субъективного опыта индивида – того, что Зубофф называет присвоением частного человеческого опыта как бесплатного сырья [6]. Это присвоение совершается тайно, без открытой коммуникации и согласия, что Хабермас расценил бы как наиболее радикальный разрыв коммуникации – делингвистификацию взаимодействия, превращение его в чисто техническую операцию.

Таким образом, анализ через призму теории коммуникативного действия приводит к выводу, что нейромаркетинг противоречит нормативным условиям свободного общества. Если принять, что демократия опирается на наличие информированных, способных к рациональному суждению граждан, то систематическое манипулирование вниманием и желанием граждан подрывает саму способность общества к рациональному консенсусу [9]. Можно сказать, что здесь проявляется «колонизация внутреннего мира субъекта» – наиболее глубокий уровень колонизации, где уже не только институты, но и ментальные процессы управляются внешней системой (рынком). В итоге встает вопрос о необходимости ограничений на подобные практики.

С учетом вышеизложенного предлагаем концепцию «права на невовлеченность» как потенциальную норму, призванную охранять автономию индивида в условиях экономики внимания. Под правом на невовлеченность понимается право человека не подвергаться недобровольному эмоциональному и когнитивному вовлечению со стороны технологических систем и маркетинговых коммуникаций. Проще говоря, это право быть оставленным в покое в цифровой среде, если он того желает – право не стать еще одним продуктом в цепочке экономической эксплуатации внимания.

Данная идея созвучна ряду появляющихся концепций в сфере цифровых прав человека. Так, в европейском дискурсе уже звучат призывы закрепить «цифровое право на одиночество», понимаемое как право отключаться и не быть постоянно на связи. Регуляторы обсуждают меры, которые позволили бы пользователям выходить из бесконечной гонки за вниманием, например, запрет дизайна, вызывающего аддикцию, или введение обязательных опций безалгоритмического контента. Появляется и термин «когнитивная свобода» – право каждого человека на неприкосновенность своего ума, свободу мыслить независимо от вмешательств технологий. Изначально понятие когнитивной свободы обсуждалось в контексте нейротехнологий (например, когда появятся интерфейсы «мозг-компьютер»), но его актуальность очевидна и относительно более прозаичных вещей – алгоритмов новостных лент, таргетированной рекламы и пр. Эксперты указывают, что защита психической автономии должна стать частью правовой повестки наряду с традиционными правами на приватность и телесную неприкосновенность.

Философски право на невовлеченность можно обосновать как продолжение классического права на свободу мысли (закрепленного, например, во Всеобщей декларации прав человека). Свобода мысли исторически подразумевала запрет принуждения человека к определенным мнениям или верованиям. В цифровую эпоху угрозой свободе мысли становятся не инквизиторы или цензоры, а более тонкие механизмы – архитектуры выбора, задающие поведение, «умные» интерфейсы, незаметно направляющие наше внимание. Право на невовлеченность призвано обеспечить добровольность нашего внимания (чтобы любое наше глубокое вовлечение было результатом нашего осознанного решения, а не скрытой манипуляции). Это, по сути, требование прозрачности и контролируемости коммуникационной среды. Индивид должен иметь возможность узнать о манипулятивных алгоритмах и отключить их действие для себя. Например, это могло бы реализовываться как режимы работы приложений «без рекомендаций» или юридический запрет нейробиологически оптимизированной рекламы без отдельного согласия потребителя.

Стоит отметить, что введение такого права не означает попытки полностью устранить эмоциональное воздействие или рекламу как таковую – что утопично и, вероятно, нежелательно (эмоции неотъемлемы от человеческой коммуникации). Речь скорее о создании барьеров против наиболее агрессивных и скрытых форм влияния. Например, запрет на использование нейрофизиологических данных без согласия, запрет на интерфейсы, вызывающие

зависимость у несовершеннолетних, требование предоставлять пользователям альтернативы сервисов с минимальной персонализацией. Право на невовлеченность может также включать право на дистанцирование – т. е. облегченный выход из цифрового потока (например, право работника отключаться от рабочих сообщений в нерабочее время, что уже реализовано во Франции как «право на отключение»).

С этической точки зрения право на невовлеченность опирается на принцип, что человеческое достоинство требует уважения к внутреннему миру личности. Манипуляция подсознанием – даже ради увеличения продаж или «улучшения пользовательского опыта» – рассматривается как нарушение этого достоинства, поскольку обращается с личностью не как с целью, а как со средством (в кантовской терминологии). Автономия потребителя, будучи компонентом личной автономии, значит не просто формальную свободу выбрать товар А или Б, а способность составлять собственное суждение о потребностях. Поэтому защита этой способности – задача не только каждого индивида, но и институтов общества. Если в XX веке возникли механизмы защиты прав потребителей от ложной рекламы, от вредных продуктов, то в XXI веке назрела необходимость защиты от психологически вредных практик – тех, что наносят ущерб когнитивной самости.

Отметим и вероятные контраргументы. Сторонники свободного рынка могут возразить, что вмешательство в маркетинговые практики ограничивает инновации и что пользователи сами несут ответственность за свое поведение (мол, «никто не заставляет вас сидеть в телефоне»). Однако, как мы показали, мощь современных технологий создает непропорционально неравные условия, в которых полагаться лишь на силу воли индивида наивно. Нейромаркетинг оперирует знаниями о мозге, которых сам индивид не имеет, и использовать против этого только совесть пользователя – значит требовать невозможного. Аналогия с правом потребителя на безопасность пищи – конечно, можно сказать «не ешь чипсы, если не хочешь вреда», но общество сочло нужным ограничить ингредиенты и информировать потребителя. В случае с «пищей для ума» нужны сходные меры. Более того, доверие пользователей – фундамент цифровой экономики – подрывается, если люди чувствуют себя обманутыми. В долгосрочной перспективе право на невовлеченность выгодно и бизнесу, поскольку обеспечивает прозрачные

правила игры и устойчивое взаимодействие с потребителями, основанное не на скрытой эксплуатации, а на уважении.

В цифровой экономике внимания развернулась тонкая борьба за сознание и эмоции каждого пользователя. Нейромаркетинг, эксплуатируя аффективную сферу, обещает компаниям беспрецедентные возможности воздействия, но одновременно рождает глубокие этические вызовы. Проведенное философско-социологическое исследование показало, что практики нейромаркетинга принципиально расходятся с идеалами автономии и рациональной коммуникации. Используя теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса, мы интерпретировали нейромаркетинг как проявление стратегического действия и колонизации жизненного мира, где манипуляция заменяет собой подлинный диалог. С точки зрения теории аффективного труда это также новая форма капиталистической эксплуатации, где сами человеческие эмоции становятся объектом отчуждения и присвоения.

В ответ на эти явления была обоснована необходимость постановки вопроса о «праве на невовлеченность» – праве личности сохранять ментальную суверенность и ограждать свое внимание от недобросовестного вовлечения. Это право можно рассматривать как условие возможности подлинной потребительской автономии. Без него свобода выбора рискует оказаться иллюзорной, сведенной на нет невидимыми нитями нейроалгоритмов. В практическом плане реализация данного права потребует скоординированных усилий философов, юристов, психологов и технологов. Необходимы дальнейшее исследование границ допустимого воздействия на психику, разработка критериев манипулятивности в цифровом дизайне, создание новых нормативных актов, регулирующих нейромаркетинг. Предстоит сложный диалог с индустрией – подобно тому, как экологическое законодательство возникало в противодействии промышленному лобби, цифровая этика столкнется с сопротивлением крупных платформ. Однако исторический опыт показывает, что ценности автономии и свободы способны победить, когда общество осознает угрозу. Право на невовлеченность – это выражение стремления сохранить за человеком суверенное владение своим вниманием, мыслями и чувствами. В конечном счете, именно в этом – в возможности сказать «нет» навязанному стимулу, сделать паузу и следовать собственному осмыслению – и заключается свобода, без которой немыслимо достоинство личности в цифровую эпоху.

Список источников

1. Ferrell M. L., Beatty A., Dubljevic V. The Ethics of Neuromarketing: A Rapid Review // *Neuroethics*. 2025. V. 18. Art. 19.
2. Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ. А. Юдина. М., 1994.
3. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: в 2 т. К критике функционалистского разума / пер. с нем. А.К. Судакова. М., 2022. Т. 2.
4. Hardt M. Affective Labor // *boundary 2*. 1999. № 2. V. 26.
5. Hardt M., Negri A. *Commonwealth*. Cambridge, 2011.
6. Zuboff Sh. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York, 2019.
7. Lombardi E., Ivanov A. Ethics at the Edge: Neuromarketing, Consent and Consumer Protection in Digital Markets // *Law and Economics Yearly Review*. 2025. V. 14 (1).
8. Козлова Е.С. Нейромаркетинг: как эмоциональные триггеры влияют на принятие решений потребителей // *Human Progress*. 2025. № 2. Т. 11.
9. Ковалева Т. В. Некоторые этические дилеммы нейромаркетинга // *Дискурсы этики*. 2022. № 4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

В. В. Плотников, доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 115054, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный переулок, 36.

В. А. Ковальчук, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Волгина, 12.

INFORMATION OF AUTHORS

V. V. Plotnikov, Grand PhD in Sociological Sciences, PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Public and Municipal Administration of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov. 36, Stremyanny Lane, Moscow 115054 Russian Federation.

V. A. Kovalchuk, PhD in Philosophy, Senior Lecturer at the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. 12, Volgin St., Moscow 117997 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 16.05.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 15.04.2026; approved after reviewing 16.05.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

References

1. Ferrell M. L., Beatty A., Dubljevic V. The Ethics of Neuromarketing: A Rapid Review // *Neuroethics*. 2025. Vol. 18. Art. 19.
2. Marcuse G. *One-dimensional man: A study of the ideology of a developed industrial society* / translated from English by A. Yudin. Moscow, 1994.
3. Habermas Yu. *Theory of communicative activity: in 2 volumes. Towards a Critique of the Functionalist Mind* / translated from German by A.K. Sudakov, Moscow, 2022. Vol. 2.
4. Hardt M. Affective Labor // *boundary 2*. 1999. № 2. Vol. 26.
5. Hardt M., Negri A. *Commonwealth*. Cambridge, 2011.
6. Zuboff Sh. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York, 2019.
7. Lombardi E., Ivanov A. Ethics at the Edge: Neuromarketing, Consent and Consumer Protection in Digital Markets // *Law and Economics Annual Review*. 2025. Vol. 14 (1).
8. Kozlova E.S. Neuromarketing: how emotional Triggers affect Consumer Decision-making // *Human Progress*. 2025. № 2. Vol. 11.
9. Kovaleva T. V. Some ethical dilemmas of neuromarketing // *Discourses of ethics*. 2022. № 4.

ЦИФРОВОЕ АЛГОРИТМИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ФОРМА НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ: ВЫЗОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В 2026 ГОДУ

Наталья Витальевна Пономарева

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
ponomari2008@yandex.ru

Введение: цифровая трансформация экономики к 2026 г. привела к формированию феномена алгоритмической недобросовестной конкуренции, связанного с применением искусственного интеллекта и автономных алгоритмов в бизнес-процессах. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием цифровых платформ, появлением новых форм злоупотреблений, а также институционализацией подходов к регулированию в ведущих юрисдикциях.

Цель работы – выявление и системный анализ новых форм недобросовестной конкуренции в цифровой среде и оценка эффективности правовых механизмов противодействия им.

Материалы и методы: исследование базируется на формально-юридическом, сравнительно-правовом и системно-структурном методах.

Результаты исследования: выделены три поколения форм недобросовестной конкуренции в цифровой среде; предложена типология алгоритмических форм; установлена трансформация правового регулирования от универсальных норм к дифференцированным режимам; выявлены ключевые проблемы правоприменения.

Выводы и заключения: сформировавшийся к 2026 г. феномен алгоритмической недобросовестной конкуренции требует пересмотра традиционных подходов к правовому регулированию. Эффективность противодействия цифровой недобросовестной конкуренции в перспективе будет определяться способностью правовой системы сочетать жесткие запретительные нормы с гибкими механизмами саморегулирования.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, цифровая среда, алгоритмическая конкуренция, искусственный интеллект, ценовая дискриминация, дипфейки, цифровые платформы, пятый антимонопольный пакет, алгоритмическая прозрачность

Для цитирования: Пономарева Н. В. Цифровое алгоритмическое управление как форма недобросовестной конкуренции: вызовы правового регулирования в 2026 году // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 57–61.

Original paper

DIGITAL ALGORITHMIC MANAGEMENT AS A FORM OF UNFAIR COMPETITION: CHALLENGES OF LEGAL REGULATION IN 2026

Natalia Vitalievna Ponomareva

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the digital transformation of the economy by 2026 led to the formation of the phenomenon of algorithmic unfair competition associated with the use of artificial intelligence and autonomous algorithms in business processes. The relevance of the study is due to the rapid development of digital platforms, the emergence of new forms of abuse, as well as the institutionalization of regulatory approaches in leading jurisdictions. The purpose of the work is to identify and systematically analyze new forms of unfair competition in the digital environment and assess the effectiveness of legal mechanisms to counter them.

Materials and methods: the research is based on formal legal, comparative legal and systemic structural methods.

Results of the study: three generations of unfair competition forms in the digital environment are identified; a typology of algorithmic forms is proposed; the transformation of legal regulation from universal norms to differentiated regimes is established; key problems of law enforcement are identified.

Findings and conclusions: the phenomenon of algorithmic unfair competition, which emerged by 2026, requires a revision of traditional approaches to legal regulation. The effectiveness of countering

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

digital unfair competition in the future will be determined by the ability of the legal system to combine strict prohibitive norms with flexible mechanisms of self-regulation.

Keywords: *unfair competition, digital environment, algorithmic competition, artificial intelligence, price discrimination, deepfakes, digital platforms, fifth antimonopoly package, algorithmic transparency*

For citation: *Ponomareva N. V. Digital algorithmic management as a form of unfair competition: challenges of legal regulation in 2026 // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 57–61.*

Цифровая трансформация экономики, достигшая к 2026 г. нового качественного уровня, фундаментально изменила ландшафт конкурентных отношений. Если в предшествующий период основное внимание исследователей и правоприменителей было сосредоточено на антимонопольных аспектах регулирования цифровых рынков (прежде всего, в рамках «пятого антимонопольного пакета» в России и аналогичных инициатив в иных юрисдикциях), то сегодня на передний план выходит проблематика недобросовестной конкуренции, приобретающей в цифровой среде новые, ранее неизвестные формы [1; 2].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что к 2026 г. сформировалось три поколения форм недобросовестной конкуренции в цифровой среде.

Первое поколение (2010-е гг.) представляло собой преимущественно «оцифрованные» традиционные нарушения: распространение ложных сведений в Интернете, незаконное использование товарных знаков в доменных именах, недобросовестную рекламу. Эти формы, хотя и приобрели цифровую оболочку, по своей сути оставались в рамках классических составов, описанных в ст. 14.2–14.6 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Федеральный закон «О защите конкуренции») [3].

Второе поколение (2020–2024 гг.) характеризовалось появлением специфически цифровых нарушений, связанных с функционированием платформ: навязывание невыгодных условий продавцам маркетплейсов, необоснованное ранжирование в поисковой выдаче, «дрип-прайсинг» (постепенное раскрытие цены), фейковые отзывы [4]. Именно к этому периоду относится принятие в России «пятого антимонопольного пакета» (2023), позволившего оперативно реагировать на нарушения на маркетплейсах [3].

Третье поколение (2025–2026 гг.) – алгоритмические формы недобросовестной конкуренции, связанные с применением искусственного интеллекта и автономных алгоритмов. Как справедливо отмечает Е. Соколовская, «применение искусственного интеллекта повышает эффективность бизнеса, но в то же время увеличивает количество реальных и потенциальных споров о несоблюдении конфиденциальности, недобросовестной конкуренции» [1].

На основе анализа правоприменительной практики 2025–2026 гг. представляется возможным выделить пять основных типов алгоритмических форм недобросовестной конкуренции: алгоритмический ценовой сговор (algorithmic collusion), алгоритмическая дискриминация (персонализированное ценообразование), дипфейки и манипулирование информацией, манипуляция интерфейсом (dark patterns), неправомерное использование данных.

Наиболее сложная с точки зрения доказывания форма нарушения – «алгоритмический ценовой сговор» (algorithmic collusion). В отличие от классического картеля, алгоритмический сговор не требует прямых контактов между конкурентами – согласованное поведение достигается за счет использования идентичных или взаимосвязанных ценовых алгоритмов. Показательным является опыт ФАС России, которая уже возбуждала дела против Samsung и LG за координацию экономической деятельности реселлеров с применением ценовых алгоритмов [1]. В 2026 г. проблема приобрела новое измерение в связи с распространением генеративного ИИ, способного самостоятельно выявлять оптимальные стратегии ценообразования и адаптироваться к действиям конкурентов без участия человека [5].

Использование алгоритмов для установления различных цен на идентичный товар для разных категорий потребителей («ценовая персонализация», data-driven price discrimination) приобрело массовый характер [6]. Проблема заключается не столько в самой дифференциации цен (которая может быть экономически обоснованной), сколько в отсутствии прозрачности и невозможности для потребителя и конкурентов оценить объективность применяемых критериев. Как отмечает руководитель ФАС России М. Шаскольский, служба анализирует «алгоритмы ранжирования информации в поисковой выдаче» и механизмы формирования комиссий на маркетплейсах [3; 2]. При этом национальные подходы к регулированию различаются: в Великобритании DMCCA прямо запрещает «дрип-прайсинг» и требует отображения полной цены upfront, а ЕС готовит Digital Fairness Act, который должен установить единые стандарты борьбы с unfair personalisation and pricing [7; 8].

Распространение дипфейков (deepfake) – видеороликов, созданных с использованием

технологий машинного обучения, в которых лицо одного человека подменяется другим, – создает принципиально новые риски для добросовестной конкуренции. Как отмечается в аналитических материалах, «распространение дипфейков увеличивает риски манипулирования информацией, распространения недостоверных сведений» [6]. Показательно, что российское законодательство пока не содержит специального запрета на использование дипфейков в рекламе. Однако, если такая реклама вводит потребителя в заблуждение, это может квалифицироваться как нарушение ст. 5 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» или как недобросовестная конкуренция по ст. 14.2 Федерального закона «О защите конкуренции» [3].

«Темные паттерны» (dark patterns) – элементы пользовательского интерфейса, намеренно затрудняющие для потребителя совершение определенных действий (например, отказ от подписки или удаление аккаунта). В 2026 г. регулирование dark patterns становится одним из приоритетов европейского законодателя. Согласно ожидаемому Digital Fairness Act, такие практики будут прямо запрещены [8]. В Великобритании DMCCA уже содержит требования к упрощению процедуры отмены подписки, а также вводит требование о предоставлении напоминаний о продлении подписки. Закон ЕС о защите прав потребителей (Consumer Rights Directive) с 2026 г. требует наличия «кнопки отмены» (Cancel Button) на том же интерфейсе, где был заключен договор [7].

В условиях, когда данные стали ключевым ресурсом конкурентной борьбы, особую остроту приобретает проблема их неправомерного использования. Как отмечает Ван Сяньлинь, «традиционное антимонопольное законодательство, построенное на основе факторов материального производства, с трудом справляется с такими характеристиками данных, как неисключительность, непотребляемость и воспроизводимость» [9]. Наиболее проблемной является ситуация с дата-скрейпингом (data scraping) – автоматизированным сбором данных с сайтов конкурентов. В отсутствие четкого законодательного регулирования прав на данные суды вынуждены оценивать такие действия через призму общих принципов добросовестности и разумности, что создает правовую неопределенность.

Анализ нормативных изменений 2025–2026 гг. позволяет констатировать переход от универсального регулирования к дифференцированным подходам в зависимости от типа цифровой платформы. Ключевым направлением развития российского антимонопольного законодательства в 2026 г. является распространение специализированного регулирования на нетранзакционные платформы – социальные

сети, поисковые сервисы, видеохостинги. Как заявил руководитель ФАС России М. Шаскольский, «сейчас к таким платформам полностью применимы общие положения закона о защите конкуренции. Но, по аналогии с регулированием маркетплейсов, служба предлагает предусмотреть для них специальные критерии, такие как количество пользователей, доля совершаемых сделок, сетевые эффекты» [3; 2]. Особое внимание уделяется уточнению действия антимонопольных иммунитетов на объекты интеллектуальной собственности. По оценке ФАС, «иммунитеты позволяют правообладателям при наличии доминирующего положения устанавливать монопольно высокие цены, навязывать невыгодные условия либо отказывать контрагентам в заключении договора» [2]. Принятие соответствующих изменений предусмотрено Национальным планом развития конкуренции на 2026–2030 гг. [3].

В ЕС 2026 г. ознаменован подготовкой к принятию Digital Fairness Act (ожидается в четвертом квартале 2026 г.), который дополнит существующее регулирование (DMA, DSA, AI Act) нормами о добросовестности цифровых практик. Как отмечается в материалах Европейской комиссии, приоритетами являются защита уязвимых потребителей (особенно детей), борьба с dark patterns и unfair personalisation, а также упрощение регуляторного режима [8].

Одновременно ужесточается контроль за соблюдением действующих правил. В 2026 г. ЕС продолжает расследования в отношении Google (использование контента для обучения ИИ, облачный сектор), Meta (доступ конкурентов к WhatsApp) и Apple (соблюдение DMA). В декабре 2025 г. платформа X была оштрафована на 120 млн евро за нарушение правил прозрачности [8].

Китай демонстрирует наиболее динамичное развитие регулирования цифровой конкуренции. В феврале 2026 г. опубликован документ «Руководящие принципы соблюдения антимонопольного законодательства на интернет-платформах», детализирующий требования к платформенным операторам. Документ содержит не только общие принципы (алгоритмическая добросовестность, алгоритмическая прозрачность), но и конкретные примеры рискованных ситуаций, включая алгоритмический сговор, «выбор одного из двух», «самую низкую цену во всей сети» [5]. Отличительной чертой китайского подхода является сочетание жесткого и мягкого регулирования. Наряду с обязательными требованиями, широко используются руководства и рекомендации (soft law), что обеспечивает гибкость правоприменения в условиях технологической неопределенности [9].

В ходе проведенного исследования были выявлены три ключевые проблемы, с которыми

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

ми сталкивается правоприменение при противодействии алгоритмической недобросовестной конкуренции:

1) сложности установления субъективной стороны правонарушения;

2) трудности подтверждения причинно-следственной связи между действиями нарушителя и негативными последствиями;

3) препятствия, обусловленные экстерриториальным характером функционирования цифровых платформ.

Классические составы недобросовестной конкуренции предполагают наличие умысла. Однако, когда вредоносное поведение осуществляется автономным алгоритмом, вопрос о субъективной стороне становится крайне сложным. Должна ли юридическая ответственность наступать за «намерение алгоритма» [1]? Ответственность за отсутствие должного контроля (*strict liability*) или за неисполнение обязанности по обеспечению алгоритмической добросовестности? Китайский подход, закрепленный в данном руководстве, требует от платформенных операторов «сквозного контроля», предполагающего ответственность за все уровни алгоритмической системы [5]. Европейский AI Act также устанавливает обязательства по мониторингу и оценке рисков для систем ИИ высокого риска [8].

В условиях «черного ящика» (*black box*) современных алгоритмов машинного обучения чрезвычайно сложно установить, почему алгоритм принял то или иное решение. Это создает фундаментальную проблему для доказывания: потерпевший не может представить доказательства того, что дискриминация или недобросовестное поведение стали результатом именно намеренных действий ответчика, а не объективных свойств алгоритма [1; 9].

Цифровые рынки трансграничны по своей природе. Платформа может базироваться в одной юрисдикции, серверы – в другой, продавцы и потребители – в третьей. Как обеспечить эффективное правоприменение в таких условиях? Как показывает практика, 2026 г. характеризуется обострением юрисдикционных конфликтов. Американская администрация настаивает на необходимости пересмотра европейских нормативных подходов, не исключая при этом возможности введения импортных пошлин в ответ на применяемые к технологическим гигантам Кремниевой долины ограничительные меры. Так, в декабре 2025 г. Вашингтон принял решение о введении ви-

зовых санкций в отношении Тьерри Бретона, ранее занимавшего пост еврокомиссара, мотивировав это его требованиями к Илону Маску о соблюдении правил, касающихся противодействия противоправному контенту [10].

Обобщение полученных в ходе исследования результатов дает основание для определения векторов дальнейшего развития законодательной базы, регламентирующей противодействие недобросовестным конкурентным практикам в цифровом пространстве.

В качестве первоочередной меры представляется целесообразным законодательно закрепить обязанность операторов цифровых платформ обеспечивать прозрачность применяемых алгоритмов. Речь в данном случае идет о наделянии потребителей и контрагентов правом получать разъяснения относительно ключевых решений, принимаемых алгоритмическими системами, если такие решения затрагивают их права и охраняемые законом интересы.

Вторым направлением является внедрение в нормативную ткань специальных составов правонарушений, отражающих специфику алгоритмических злоупотреблений. В связи с этим обоснованным видится дополнение гл. 2.1 Федерального закона «О защите конкуренции» положениями, запрещающими координацию экономической деятельности посредством алгоритмов в отсутствие прямых соглашений между хозяйствующими субъектами, а также использование элементов интерфейса, вводящих пользователя в заблуждение (*dark patterns*).

Третьим направлением следует считать разработку четких критериев возложения ответственности за ущерб, причиненный функционированием автономных алгоритмов. Наиболее оправданным в сложившихся условиях выглядит подход, базирующийся на принципах объективной ответственности оператора платформы за последствия работы находящихся под его контролем алгоритмических систем.

Четвертым направлением выступает необходимость унификации подходов различных государств на межгосударственном уровне. Эффективное пресечение алгоритмических проявлений недобросовестной конкуренции едва ли достижимо в условиях разрозненности правовых регуляторных механизмов. В связи с этим заслуживает внимания инициатива по разработке рамочной конвенции под эгидой ОЭСР или ВТО, которая установила бы минимальные стандарты в сфере регулирования конкурентных отношений в цифровой среде.

Список источников

1. Соколовская Е. Антимонопольные пределы для ИИ. URL: <https://ftp.cljournal.ru/glavnoe/334/> (дата обращения: 15.02.2026).
2. ФАС уделила повышенное внимание регулированию цифровых рынков. URL: <https://>

References

1. Sokolovskaya E. Antimonopoly limits for AI. URL: <https://ftp.cljournal.ru/glavnoe/334/> (date of access: 15.02.2026).
2. The FAS has paid increased attention to the regulation of digital markets. URL: <https://>

www.comnews.ru/content/243704/2026-02-06/2026-w06/1010/fas-udelila-povyshennoe-vnimanie-regulirovaniyu-cifrovyykh-rynkov (дата обращения: 15.02.2026).

3. В Закон о защите конкуренции хотят включить специальные критерии для соцсетей и поисковиков. URL: https://new-retail.ru/novosti/retail/v_zakon_o_zashchite_konkurentsii_khotyat_vklyuchit_spetsialnye_kriterii_dlya_sotssetey_i_poiskovikov/ (дата обращения: 15.02.2026).

4. ФАС требует от Wildberries и Ozon пересмотреть условия работы с продавцами. URL: https://new-retail.ru/novosti/retail/fas_trebuets_ot_wildberries_i_ozon_peresmotret_usloviya_raboty_s_prodavtsami/ (дата обращения: 15.02.2026).

5. 《互联网平台反垄断合规指引》 // 人民网财经. URL: <http://finance.people.com.cn/BIG5/n1/2026/0213/c1004-40665679.html> (дата обращения: 15.02.2026).

6. Legal Update for 2026: What every business needs to know about commercial law changes. URL: <https://www.herrington-carmichael.com/legal-update-for-2026-what-every-business-needs-to-know-about-commercial-law-changes/> (дата обращения: 06.03.2026).

7. Consumer law | UK Regulatory Outlook January 2026. URL: <https://www.osborneclarke.com/insights/regulatory-outlook-january-2026-consumer-law> (дата обращения: 06.03.2026).

8. Financial Times: ЕС готовится ужесточить регулирование в сфере технологий, США угрожают ответными мерами. URL: <https://www.agenziaiova.com/ru/news/Financial-Times-gotovit-usilenie-regulirovaniya-v-sfere-tehnologii-SHA-ugrozhayut-otvetnymi-merami/> (дата обращения: 06.03.2026).

9. 王先林. 数字经济领域反不正当竞争法的制度完善与适用协调——以我国《反不正当竞争法》第三次修改为视角 // 中国法学会经济法学研究会. URL: <http://cel.cn/List/FullText?articleId=ec4f8ca9-961c-42c0-8b85-1ef7c0549f35> (дата обращения: 06.03.2026).

10. How Silicon Valley will eat its AI competitors in 2026. URL: <https://www.businesstimes.com.sg/opinion-features/how-silicon-valley-will-eat-its-ai-competitors-2026> (дата обращения: 06.03.2026).

www.comnews.ru/content/243704/2026-02-06/2026-w06/1010/fas-udelila-povyshennoe-vnimanie-regulirovaniyu-cifrovyykh-rynkov (date of access: 15.02.2026).

3. The Law on Protection of Competition wants to include special criteria for social networks and search engines. URL: https://new-retail.ru/novosti/retail/v_zakon_o_zashchite_konkurentsii_khotyat_vklyuchit_spetsialnye_kriterii_dlya_sotssetey_i_poiskovikov/ (date of access: 15.02.2026).

4. Try to see the article on working with manufacturers from Wildberries and Ozon. URL: https://new-retail.ru/novosti/retail/fas_trebuets_ot_wildberries_i_ozon_peresmotret_usloviya_raboty_s_prodavtsami/ (date of access: 15.02.2026).

5. 《互联网平台反垄断合规指引》 // 人民网财经. URL: <http://finance.people.com.cn/BIG5/n1/2026/0213/c1004-40665679.html> (date of access: 15.02.2026).

6. Legislative changes for 2026: what every business needs to know about changes in commercial legislation. URL: <https://www.herrington-carmichael.com/legal-update-for-2026-what-every-business-needs-to-know-about-commercial-law-changes/> (date of access: 06.03.2026).

7. Consumer Protection Act | UK Regulatory Review for January 2026. URL: <https://www.osborneclarke.com/insights/regulatory-outlook-january-2026-consumer-law> (date of access: 06.03.2026).

8. Financial Times: YOU want to get technology regulation to protect your rights. URL: <https://www.agenziaiova.com/ru/news/Financial-Times-gotovit-usilenie-regulirovaniya-v-sfere-tehnologii-SHA-ugrozhayut-otvetnymi-merami/> (date of access: 06.03.2026).

9. 王先林. 数字经济领域反不正当竞争法的制度完善与适用协调——以我国《反不正当竞争法》第三次修改为视角 // 中国法学会经济法学研究会. URL: <http://cel.cn/List/FullText?articleId=ec4f8ca9-961c-42c0-8b85-1ef7c0549f35> (date of access: 06.03.2026).

10. How Silicon Valley will absorb its competitors in the field of artificial intelligence in 2026. URL: <https://www.businesstimes.com.sg/opinion-features/how-silicon-valley-will-eat-its-ai-competitors-2026> (date of access: 06.03.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Н. В. Пономарева, кандидат юридических наук старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

N. V. Ponomareva, PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremanko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 26.03.2026; одобрена после рецензирования 15.04.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 26.03.2026; approved after reviewing 15.04.2026; accepted for publication 08.06.2026.

**ОБУЧЕНИЕ ЗА СЧЕТ БЮДЖЕТНЫХ АССИГНОВАНИЙ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Елена Александровна Рыбалка¹, Екатерина Валентиновна Казанцева²

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, alena-61-rus@mail.ru

²Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, Симферополь, Российская Федерация, kv_kazantseva@mail.ru

Введение: в научной доктрине отмечается, что роль государства в обучении за счет бюджетных ассигнований многогранна: от финансирования и регулирования до стратегического планирования и контроля качества предоставляемых образовательных услуг, что позволяет государству реализовывать социальные гарантии наших граждан и обеспечивать кадровый потенциал страны.

Материалы и методы: исследование базируется на изучении нормативных правовых актов, а также научных публикаций и судебной практики. Основу методов исследования составляет исторический метод, анализ текстов законодательных и подзаконных актов, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод и др.

Результаты исследования: в современном обществе обучение за счет бюджетных ассигнований означает получение образования за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, бюджетов министерств и ведомств. Обучение может реализовываться в нескольких формах, включая целевое обучение и квотирование. Отмечено, что обучение за счет бюджетных ассигнований в системе МВД России нельзя отождествлять с целевым обучением, так как они имеют разную правовую природу, регулируются разными правовыми актами и включают в себя элементы административно-служебного, гражданского и трудового законодательства.

Выводы и заключения: правоотношения, связанные с обучением за счет бюджетных ассигнований в системе МВД России имеют свои отличительные признаки, регулируются разными правовыми актами и включают в себя элементы административно-служебного, гражданского и трудового законодательства. Судебная практика отождествляет обучение в образовательных организациях системы МВД России и выполнение служебной деятельности с трудовым законодательством. Механизм защиты интересов государства, выразившихся в компенсации затрат на обучение за счет бюджетных ассигнований в системе МВД России, строится на сочетании административного, гражданского (договорного) и трудового регулирования и судебной защиты, и требует дальнейшей законодательной трансформации.

Ключевые слова: банкротство, бюджетные ассигнования, договор, контракт, образовательные организации, целевое обучение, МВД России, ученический договор, квота

Для цитирования: Рыбалка Е. А., Казанцева Е. В. Обучение за счет бюджетных ассигнований в системе МВД России: теоретический и практический аспект // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 62–69.

Original paper

**TRAINING AT THE EXPENSE OF BUDGET ALLOCATIONS IN THE SYSTEM OF THE
MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA: THEORETICAL AND PRACTICAL
ASPECTS**

Elena Alexandrovna Rybalka¹, Ekaterina Valentinovna Kazantseva²

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

²Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol, Russian Federation

© Рыбалка Е.А., Казанцева Е.В., 2026

Introduction: the scientific doctrine notes that the role of the state in education through budgetary allocations is multifaceted: from financing and regulation to strategic planning and quality control of educational services provided, which allows the state to implement social guarantees for our citizens and ensure the country's human resources potential.

Materials and methods: the research is based on the study of regulatory legal acts, as well as scientific publications and judicial practice. The research methods are based on the historical method, the analysis of texts of legislative and subordinate acts, methods of analysis and synthesis, the formal legal method, etc.

Results of the study: in modern society, education at the expense of budgetary allocations means receiving education at the expense of the federal budget, budgets of constituent entities of the Russian Federation, budgets of ministries and departments. Training can be implemented in several forms, including targeted training and quotas. It is noted that training at the expense of budgetary allocations in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia cannot be identified with targeted training, since they have a different legal nature, are regulated by different legal acts and include elements of administrative, civil and labor legislation.

Findings and conclusions: legal relations related to education at the expense of budgetary allocations in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia have their own distinctive features, are regulated by various legal acts and include elements of administrative, civil and labor legislation. Judicial practice equates education in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the performance of official duties with labor legislation. The mechanism for protecting the interests of the state, expressed in compensation for training costs from budget allocations in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, is based on a combination of administrative, civil (contractual) and labor regulation and judicial protection, and requires further legislative transformation.

Keywords: bankruptcy, budget allocations, contract, contract, educational organizations, targeted training, Ministry of Internal Affairs of Russia, student agreement, quota

For citation: Rybalka E. A., Kazantseva E. V. Training at the expense of budget allocations in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: theoretical and practical aspects // *Philosophiya Prava* : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp.62–69.

На протяжении существования человечества образование (постижение письменности, чтения и «разных» наук) всегда выступало привилегией аристократии, являясь первоначально элементом социального статуса человека, а позже – карьерного роста. Исторический анализ становления и развития образования в мире и в России позволяет отметить, что его получение не всегда было платным, т. к. зависело от исторического периода, страны и системы образования, например, в царской России все образование было платным.

Октябрьская революция 1917 г. кардинально изменила все системы деятельности России, в том числе и образовательную. Внедряя лозунг революции «предоставление всем бесплатного образования», молодое советское государство в 1918 г. отменяет плату за обучение во всех образовательных организациях, в том числе в высших образовательных учреждениях [1], и внедряет новую форму образования: обучение за счет бюджетных ассигнований. Недостаточность средств в бюджете молодого государства (как одна из причин) вынуждает руководство страны в 1923 г. вновь водить плату за обучение, но только в старших классах, в средних специальных и высших учебных заведениях, с одновременным установлением предела (квоты) бесплатных мест в учебных заведениях [2]. Спустя 10 лет в Советском Союзе впервые было введено распределение молодых специалистов после обучения и уста-

новление обязательной отработки в течение пяти лет [3].

С июня 1956 г. плата за обучение в Советском Союзе была полностью отменена [4], а в 60-х гг. появляется целевая подготовка специалистов для конкретного предприятия. Первоначально она была направлена на аспирантуру и ординатуру, в последующем распространилась на другие сферы обучения.

Положительные аспекты целевого обучения послужили основанием принятия в 1987 г. правовых актов [5], направленных на переход в ближайшую пятилетку на новую систему подготовки специалистов, основанную на целевом подходе. Основная задача целевого образования в советском государстве состояла в подготовке специалистов (количества и направлений специализации), необходимых для стратегического развития страны, ее экономики, позволяющих использовать конкурентные преимущества советского государства, оптимизировать использование ресурсов и укреплять позиции как на внутреннем рынке, так и на международном. Ее реализация осуществлялась путем заключения договора между различными министерствами (ведомствами) и образовательными организациями об обучении специалиста с обязательно последующей отработкой (осуществление временной трудовой деятельности в срок, установленный договором, в организации, выступившей заказчиком обучения).

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

Однако распад Советского Союза и образование самостоятельного государства отложил внедрение целевого образования. В обществе принято считать, что в советском государстве получение образования было бесплатным, однако это не так, ведь «за обучение платило государство, предприятия, организации» [6, с. 344].

В нашем современном обществе Основной закон России гарантирует гражданам «общедоступность» и «бесплатность» образования, но только дошкольного и основного общего (9 классов) в государственных и (или) муниципальных образовательных учреждениях (ст. 43 Конституции РФ), следовательно, иное образование предполагает возмездность.

С целью подготовки квалифицированных специалистов, необходимых государству, в 1995 г. вводится контрактная их подготовка за счет бюджетных ассигнований (объем денежных средств, выделяемых для финансирования обучения) [7]. В 2002 г. законодатель в законодательстве закрепил право осуществлять целевой прием абитуриентов в интересах государственных и муниципальных органов (ст. 41 Закона РФ от 10.07.1992 № 3266-1).

С 1 сентября 2013 г. вступил в силу новый Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 273) [8], в котором появилась самостоятельная норма, регулирующая целевое обучение (ст. 56), а спустя шесть лет – норма, регулирующая особенности приема на целевое обучение по образовательным программам высшего образования (ст. 71.1). С 2024 г. действуют новые правила его реализации.

Принятие Федерального закона № 273 принесло множество как положительных, так и дискуссионных новелл правового регулирования сферы образования и потребовало от всех образовательных организаций, в том числе и в системе МВД России, приведение ее деятельности в соответствии с указанным законом. По официальным данным Министерства науки и высшего образования России, на 2026 г. в России функционировало 257 высших образовательных организаций (данные без учета силовых министерств и ведомств России). По официальным данным, в системе МВД России на сегодняшний день функционируют 36 организаций высшего образования [9].

Изучение научной доктрины позволяет отметить, что ряд авторов отождествляет целевое обучение с обучением за счет бюджетных ассигнований в системе МВД России [10, с. 58–62]. Несмотря на схожесть указанных правоотношений с этим сложно согласиться, т. к. принадлежность обучения в образовательных организациях системы МВД России сложна и многогранна [11, с. 85–92], включает в себя нормы различных отраслей права и имеет свои отличительные признаки.

Во-первых, с одной стороны, набор в образовательные организации системы МВД России за счет бюджетных ассигнований осуществляется в пределах квот, ежегодно определяемых Правительством РФ [12], что характерно для целевого обучения. С другой – финансирование осуществляется в пределах выделения бюджетных ассигнований для функционирования и выполнения задач всего МВД России, а не из федерального бюджета России (раздел «образование»), что характерно для ученического договора, определенного трудовым законодательством (ст. 198 Трудового кодекса РФ [13]), т. к. работодатель (МВД России) финансирует образование.

Отличительным признаком также является предоставление законодателем права МВД России на перераспределение квот между подведомственными вузами, с учетом ежегодного планирования комплектования образовательных организаций системы МВД России, на основании заявок структурных подразделений МВД России и ведомственных правовых актов [14].

Отметим, что квота, сочетающая в себе количественные и качественные компоненты, в образовательной сфере представляет часть от общего количества бюджетных мест, выделяемых для отдельных конкурсов, по определенной специализации в определенном вузе.

Во-вторых, поступление в образовательные организации системы МВД России осуществляется для всех желающих граждан, отвечающих установленным требованиям, на общих основаниях (за исключением социальных льгот). Поступление по целевому обучению происходит по отдельному конкурсу, но в пределах установленных государством квот. По ученическому договору зачисление абитуриентов (поступление) осуществляется на общих основаниях.

В-третьих, с гражданином, прошедшим отбор в образовательную организацию системы МВД России, сначала заключается двухсторонний срочный контракт о службе в органах внутренних дел, в котором обучение в образовательной организации является дополнительным условием к административно-служебной деятельности [11, с. 92]. И только после подписания контракта гражданин (рядовой полиции) приступает к образованию, что характерно для ученического договора (ч. 2 ст. 198 Трудового кодекса РФ). В договорах по целевому обучению возможно его заключение после издания и подписания приказа образовательной организации о зачислении, в том числе в договоре допускается участие трех сторон, тогда как в системе МВД России – это всегда только двухсторонние контракты (договора). МВД России в указанных правоотношениях выступает работодателем (юридическим лицом), а в договорах

о целевом обучении допустимы правоотношения с публично-правовыми образованиями или с юридическими лицами, или с индивидуальными предпринимателями (ч. 1 ст. 56 Федерального закона № 273).

В-четвертых, основными условиями контракта гражданина с образовательной организацией системы МВД России являются: срок; размер средств федерального бюджета, затраченного на обучение; обязательство гражданина по окончании образования заключить контракт о службе в ОВД (осуществить отработку); условия о досрочном расторжении контракта [11, с. 89–90].

Анализируя указанные условия в соотношении с требованиями по ученическому договору и договору о целевом обучении, отметим их различия. Так, в договоре по целевому обучению в обязательном порядке указывается только срок отработки (трудовой деятельности), он определен годами и месяцами [13]. В контракте МВД России срок отработки определяется только годами. В ученическом договоре указывается срок, необходимый для освоения квалификации (срок обучения), что отображает требования к договору об образовании, закрепленные в ч. 2 ст. 54 Федерального закона № 273.

Допускается продление действия контракта в системе МВД России, например, для прохождения военных сборов, что характерно для ученического договора (ч. 2 ст. 201 Трудового кодекса РФ). В целевом обучении его действие может быть только приостановлено.

В отличие от целевого обучения, обучение в образовательных организациях системы МВД России включается в трудовой стаж для назначения пенсии, тогда как любое иное обучение, в том числе целевое, не зачисляется в трудовой (страховой) стаж.

Ни в ученическом договоре, ни в договоре о целевом обучении сумма средств, затраченных на обучение, не указывается. По трудовому законодательству стоимость обучения (оплата услуг по образованию) определена образовательной организацией на момент зачисления обучающегося и оплачивается работодателем заранее, по целевому обучению, как и в МВД России, – определяется Правительством РФ. Постановлением Правительства РФ предусмотрено, что затраты на обучение включают различные виды расходов, например, амортизацию учебного оборудования, коммунальные услуги, оплату труда профессорско-преподавательского состава и т. д. Расчет указанных затрат рассчитывается по утвержденной законодателем формуле и ежегодно пересматривается [15].

Одним из социальных гарантий обучения в образовательных организациях системы МВД России и целевого обучения является

гарантированность трудоустройства после получения квалификации (окончания обучения), что их объединяет. На молодого специалиста в обоих случаях возлагается ответственность в установление сроков обратиться к работодателю после окончания обучения для заключения контракта (трудового договора). Указанный срок, по целевому обучению, должен быть указан в договоре (включая дату начала работы), т. к. является существенным условием, а в системе МВД России определяется ведомственными актами. Следует отметить, что отчисление сотрудника органов внутренних дел по окончании обучения не прекращает его служебных отношений с МВД России, он направляется (откомандировывается) для дальнейшего прохождения службы в орган, в котором он комплектовался (направивший его для поступления в образовательную организацию системы МВД России), или направляется по распределению образовательной организации, при условии прямого набора.

В отличие от договора целевого обучения контракт не содержит требования к успеваемости гражданина, он предусматривает ответственность сторон за невыполнение или ненадлежащее выполнение взятых на себя обязательств в соответствии с законодательством, что характерно для административно-служебных отношений. В отличие от контракта системы МВД России, расторжение договора о целевом обучении гражданина, принятого в пределах квоты, не допускается.

При отчислении из образовательной организации системы МВД России и досрочном расторжении контракта (за нарушения служебной дисциплины или неосвоения учебной программы) гражданин обязан возместить только понесенные государством расходы в период его обучения [15].

По нашему мнению, в действующие правила необходимо включить норму, предусматривающую выплату штрафа за отчисление курсанта ввиду неосвоения учебной программы, что в свою очередь будет выступать стимулирующим фактором в освоении учебной программы курсантами, т. к. они обучаются по квоте государства и за счет бюджетных ассигнований. Система штрафов как ответственность предусмотрена в рамках целевого обучения, например, за неисполнение гражданином обязательства по осуществлению трудовой деятельности из-за расторжения договора до завершения освоения образовательной программы (в размере расходов на обучение за период фактического обучения до дня расторжения договора) [16].

Объединяющим признаком систем обучения за счет бюджетных ассигнований является требование о возмещении (компенсации) денежных средств, затраченных на обучение,

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

в случае невыполнения обязательства по служебной (трудовой) отработке. Компенсация определяется пропорционально периода обучения к периоду осуществленной трудовой деятельности.

Правительством РФ закреплён порядок и размер возмещения средств, затраченных на обучение, как в системе МВД России [15], так и по целевому обучению [16].

Возмещение затраченных средств на обучение в системе МВД России имеет две отличительные особенности от целевого обучения:

1) При отчислении и расторжении контракта в период обучения обязанность по контролю и обеспечению исполнения возлагается на образовательную организацию, а при расторжении контракта в период служебной (трудовой) отработки – на структурное подразделение, в котором проходил службу сотрудник органа внутренних дел. По целевому обучению контроль за возмещением остается за заказчиком и на личной ответственности обучающегося.

2) Законодатель закрепляет не только обязанность должника (бывшего сотрудника ОВД) в месячный срок (30 дней с момента получения уведомления) возместить компенсацию, но и его право на рассрочку до трех лет по возмещению компенсации, при условии заключения соответствующего письменного соглашения с кредитором. Срок рассрочки зависит от суммы и ежемесячных размеров компенсации. В 2023 г. законодатель дополнил правила возмещения, закрепив право приостановления соглашения, при условии восстановления на службе сотрудника органов внутренних дел и его прекращения при условии прохождения службы в течение срока отработки.

Право за рассрочку компенсации за целевое обучение в законодательстве отсутствует, как нет и прямого запрета, следовательно, стороны могут договориться о рассрочке или должник обратится с таким требованием через суд.

На основании вышеизложенного можем констатировать, что обучение за счет бюджетных ассигнований в системе МВД России нельзя отождествлять с целевым обучением, т. к. они имеют разную правовую природу, регулируются разными правовыми актами и включают в себя элементы административно-служебного, гражданского и трудового законодательства. Нельзя однозначно определить принадлежность анализируемых правоотношений, поскольку решение зависит от различных факторов, что подтверждается научными трудами и судебной практикой. Так, к примеру, судом отказано в иске МВД России к должнику о взыскании денежных средств, затраченных на обучение в образовательном учреждении системы МВД, в связи с пропуском срока, который определяется трудовым зако-

нодательством (один год), а не гражданским законодательством (три года) [17].

Анализ судебной практики позволяет отметить, что при обращении МВД России в суд о взыскании компенсации, затраченной на обучение, судебные органы становятся на сторону истца (МВД России) [18]. Однако нередки случаи, когда суды, руководствуясь трудовым законодательством, снижают сумму компенсации, принимая во внимание имущественное положение должника [19].

Изучая практические аспекты реализации обязательств, возникающих из правоотношений по обучению за счет бюджетных ассигнований в системе МВД России, можно отметить тревожные тенденции распространения нескольких способов по уклонению от возмещения компенсации, затраченной на обучение за счет бюджетных ассигнований, в том числе в системе МВД России.

Первый способ – непогашение должником части заложенности по исполнительным листам. Это связано с различными факторами: финансовые трудности должника или умышленное им уклонение, несогласие должника с судебным решением, низкая работа исполнительной службы и др. Законодатель закрепляет, что МВД России в лице кредитора не может повторно обратиться в суд по тому же спору, между теми же сторонами и о том же предмете (ст. 220 ГПК РФ), что не позволяет компенсировать затраты, понесенные государством. В суд МВД России может обратиться только по взысканию процентов и неустойки на непогашенный остаток долга. При этом следует помнить, что обращение в суд возможно только в пределах срока исковой давности, если срок истек, допускается его восстановление, но по уважительным причинам.

Для решения указанной проблемы следует использовать не только судебный порядок защиты интересов, но и претензионный порядок решения споров, в том числе обеспечить действенное взаимодействие МВД России с судебными приставами.

Второй способ – признание должника (бывшего сотрудника органов внутренних дел) банкротом.

Проведенный анализ позволяет авторам отметить следующий порядок уклонения от возмещения компенсации, затраченной на обучение указанным способом: 1) признание долга сотрудником перед государством; 2) подписание соглашения о рассрочке возмещения затрат на обучения; 3) частичное погашение задолженности; 4) инициирование процедуры банкротства; 5) списание долга.

Несомненно, одно из основных условий инициирования банкротства физического лица – наличие задолженности свыше 500 тыс. рублей. Указанная сумма формируется по всем плате-

жам, например, наличие всех задолженностей в финансовых учреждениях (микрокредиты, потребительские кредиты и т. д.). В то же время и траты на обучение в системе МВД России, исходя из анализа судебных решений, являются значительными и превышают указанную сумму. Авторы, учитывая требования законодательства о защите персональных данных, не могут в данном научном труде привести примеры из судебной практики, т. к. необходимо указывать анкетные данные бывшего сотрудника органов внутренних дел в соотношении судебного решения об удовлетворении иска о взыскании компенсации за обучение и решений арбитражных судов об освобождении от дальнейших исполнений требований кредиторов данного лица. Однако практический опыт авторов и изучение судебной практики, в том числе решений арбитражных судов, размещенных в свободном доступе, позволяет отметить, что такой способ действенный и становится все более распространенным не только среди сотрудников правоохранительных органов, но и среди граждан, проходивших обучение по целевому контракту.

С целью защиты интересов государства и принимая во внимание иные факторы, например, нахождение курсантов на полном государственном довольствии, в том числе трехразовое питание, выплата стипендии, оказание пол-

ной бесплатной медицинской помощи и т. д., предлагаем дополнить п. 5 ст. 213.28 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ [20] указанием, что требования кредиторов о возмещении компенсации, затраченной на обучение за счет бюджетных ассигнований, сохраняют силу и могут быть предъявлены после окончания производства по делу о банкротстве гражданина.

Резюмируя изложенное, отметим, что правоотношения, связанные с обучением за счет бюджетных ассигнований в системе МВД России, сложны и многогранны, имеют свои отличительные признаки, регулируются разными правовыми актами и включают в себя элементы административно-служебного, гражданского и трудового законодательства. Судебная практика отождествляет обучение в образовательных организациях системы МВД России и выполнение служебной деятельности с трудовым законодательством.

Механизм защиты интересов государства, выразившихся в компенсации затрат на обучение за счет бюджетных ассигнований в системе МВД России, строится на сочетании административного, гражданского (договорного) и трудового регулирования и судебной защиты и требует дальнейшей законодательной трансформации.

Список источников

1. О правилах приема в высшие учебные заведения: декрет СНК РСФСР от 02.08.1918. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О порядке взимания платы за обучение в учреждениях Народного Комиссариата Просвещения: декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 22.03.1923. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об улучшении использования молодых специалистов: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 15.09.1933. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об отмене платы за обучение в старших классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях СССР: постановление Совмина СССР от 06.06.1956 № 768. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О мерах по коренному улучшению качества подготовки и использования специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве: постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 13.03.1987 № 325. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Кораблева Г.В. Реализация принципов доступности и бесплатности образования в Советском государстве (1917-1991 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. № 6-2. Т. 11.

References

1. On the rules of admission to higher education institutions: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR dated 02.08.1918. Access from the legal system "ConsultantPlus".
2. On the procedure for charging tuition fees in institutions of the People's Commissariat of Education: Decree of the Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR dated 22.03.1923. Access from the legal system "ConsultantPlus".
3. On improving the use of young professionals: Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR dated 15.09.1933. Access from the legal system "ConsultantPlus".
4. On the abolition of tuition fees in senior classes of secondary schools, specialized secondary and higher educational institutions of the USSR: Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated 06.06.1956 № 768. Access from the legal system "ConsultantPlus".
5. On measures to radically improve the quality of training and use of specialists with higher education in the national economy: Resolution of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR dated 13.03.1987 № 325. Access from the legal system "ConsultantPlus".
6. Korableva G.V. Implementation of the principles of accessibility and free education in the

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

7. О целевой контрактной подготовке специалистов с высшим и средним профессиональным образованием: постановление Правительства РФ от 19.09.1995 № 942. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Официальный сайт Минорбнауки. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 01.04.2026); Образовательные организации системы МВД России. URL: <https://мвд.рф/edu?ysclid=lw3d9wnb3n583992262> (дата обращения: 01.04.2026).

10. Ланин С.В. Целевое обучение как приоритетное направление комплектования органов внутренних дел Российской Федерации // Академическая мысль. 2021. № 2 (15).

11. Рыбалка Е.А. Особенности правового регулирования образовательных услуг в высших образовательных организациях системы МВД России / Е.А. Рыбалка, Е.В. Казанцева, В.С. Шестак // Философия права. 2024. № 4 (111).

12. Об утверждении Правил определения предельного количества мест для приема на обучение по образовательным программам высшего образования по договорам об образовании, заключаемым при приеме на обучение за счет средств физического лица и (или) юридического лица, на 2026/27 учебный год: постановление Правительства РФ от 19.11.2025 № 1830. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Об утверждении Порядка и условий приема в федеральные государственные организации, осуществляющие образовательную деятельность и находящиеся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31.03.2025 № 177. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

15. О внесении изменений в Правила возмещения сотрудником органов внутренних дел Российской Федерации затрат на обучение в образовательной организации высшего образования или научной организации Министерства внутренних дел Российской Федерации в случае расторжения с ним контракта о прохождении службы в органах внутренних дел Российской Федерации и увольнения со службы в органах внутренних дел Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 16.08.2023 № 1343. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

16. О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» (вместе с «Положе-

Soviet state (1917-1991) // Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2009. № 6-2. Vol. 11.

7. On targeted contract training of specialists with higher and secondary vocational education: Decree of the Government of the Russian Federation dated 19.09.1995 № 942. Access from the legal system "ConsultantPlus".

8. About education in the Russian Federation: Feder. The law of 29.12.2012 № 273-FL. Access from the legal system "ConsultantPlus".

9. The official website of the Ministry of Education and Science. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (date of access: 01.04.2026); Educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://мвд.рф/edu?ysclid=lw3d9wnb3n583992262> (date of access: 01.04.2026).

10. Lanin S.V. Targeted training as a priority area for recruiting law enforcement agencies of the Russian Federation // Academic Thought. 2021. № 2 (15).

11. Rybalka E.A., Kazantseva E.V., Shestak V.S. Features of the legal regulation of educational services in higher educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia / E.A. Rybalka, Kazantseva V.V., Shestak V.S. // Philosophy of Law. 2024. № 4 (111).

12. On approval of the Rules for Determining the maximum number of places for admission to higher education educational programs under education agreements concluded at the expense of an Individual and (or) a Legal entity for the 2026/27 academic year: Decree of the Government of the Russian Federation dated 19.11.2025 № 1830. Access from the legal system "ConsultantPlus".

13. The Labor Code of the Russian Federation: Feder. law dated 30.12.2001, № 197-FL. Access from the legal system "ConsultantPlus".

14. On approval of the Procedure and conditions for admission to federal state organizations engaged in educational activities and under the Jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 31.03.2025 № 177. Access from the legal system "ConsultantPlus".

15. On amendments to the Rules for Reimbursement by an Employee of the internal Affairs bodies of the Russian Federation of the Costs of Studying at an Educational organization of Higher education or a Scientific organization of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the event of termination of the contract with him on service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and Dismissal from Service in the internal affairs bodies of the Russian Federation: decree of the Government of the Russian Federation of 16.08.2023 № 1343. Access from the legal system "ConsultantPlus".

16. On targeted training in educational programs of secondary vocational and higher educa-

нием о целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования», «Правилами установления квоты приема на целевое обучение по образовательным программам высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета»); постановление Правительства РФ от 27.04.2024 № 555. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.02.2018 № 74-КГ17-19. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 02.09.2025 по делу № 88-21932/2025 (УИД 52RS0005-01-2024-010994-18); Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25.09.2025 № 88-17149/2025 (УИД 03RS0003-01-2025-001325-11). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Определение СК по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25.09.2025 по делу № 8Г-16931/2025[88-17149/2025]; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25.09.2025 № 88-17149/2025 (УИД 03RS0003-01-2025-001325-11). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

20. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

tion" (together with the "Regulations on targeted training in educational programs of secondary vocational and Higher education", "Rules for setting admission quotas for targeted training in educational programs of higher education at the expense of federal budget allocations"); Decree of the Government of the Russian Federation dated 27.04.2024 № 555. Access from the legal system "ConsultantPlus".

17. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12.02.2018 № 74-KG17-19. Access from the legal system "ConsultantPlus".

18. Ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated 02.09.2025 in case № 88-21932/2025 (UID 52RS0005-01-2024-010994-18); Ruling of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 25.09.2025 № 88-17149/2025 (UID 03RS0003-01-2025-001325-11). Access from the legal system "ConsultantPlus".

19. Ruling of the IC on civil cases of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 25.09.2025 in case № 8G-16931/2025[88-17149/2025]; Ruling of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 25.09.2025 № 88-17149/2025 (UID 03RS0003-01-2025-001325-11). Access from the legal system "ConsultantPlus".

20. On insolvency (bankruptcy): Feder. law of 26.10.2002 № 127-FL. Access from the legal system "ConsultantPlus".

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Е. А. Рыбалка, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Е. В. Казанцева, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и гражданского права Крымского филиала Краснодарского университета МВД России. 295053, Российская Федерация, г. Симферополь, ул. Академика Х.Х. Стевена, 14.

INFORMATION OF AUTHORS

E. A. Rybalka, Grand PhD in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

E. V. Kazantseva, PhD in Law, Senior lecturer at the Department of State and Civil Law Disciplines of the Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 14, Akademika Kh. Stevena St., Simferopol 295053 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.02.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 15.02.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

**ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ**

Михаил Борисович Смоленский¹, Дмитрий Николаевич Тишкин², Екатерина Петровна Кучерова³

¹Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, rta-sf@mail.ru

²Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Российская Федерация, dntishkin@list.ru

³Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация, ku4erova034@yandex.ru

Введение: в статье рассматриваются общественные отношения, возникающие в процессе реализации гражданских прав несовершеннолетними в процессе осуществления предпринимательской деятельности, исследуются нормативные правовые акты, регулирующие эти процессы, рассматриваются принципы и возможности подобной деятельности.

Материалы и методы: в статье использованы институциональный, логический, юридический, сравнительно-описательный методы, контент-анализ и другие методы.

Результаты исследования: проведен анализ действующего законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность несовершеннолетних и возможность его совершенствования.

Выводы и заключения: обозначены направления совершенствования законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность несовершеннолетних граждан.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, несовершеннолетний предприниматель, сделки, имущественные права, права несовершеннолетних, дееспособность несовершеннолетнего, семейные отношения

Для цитирования: Смоленский М. Б., Тишкин Д. Н., Кучерова Е. П. Предпринимательская деятельность несовершеннолетних: современное состояние, проблемы организации и перспективы развития // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 70–76.

Original paper

**ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES OF MINORS: CURRENT STATE, ORGANIZATION
PROBLEMS, AND DEVELOPMENT PERSPECTIVES**

Mikhail Borisovich Smolensky¹, Dmitry Nikolaevich Tishkin², Ekaterina Petrovna Kuchero³

¹Rostov State University of Railway Transport, Rostov-on-Don, Russian Federation

²Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgodonsk, Russian Federation

³Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the article examines the social relations that arise in the process of exercising civil rights by minors in the course of entrepreneurial activity, examines the regulatory legal acts regulating these processes, and examines the principles and possibilities of such activities.

Materials and methods: the article uses institutional, logical, legal, comparative descriptive methods, content analysis and other methods.

Results of the study: the analysis of the current legislation regulating the entrepreneurial activity of minors and the possibility of its improvement has been carried out.

Findings and conclusions: the directions of improvement of the legislation regulating entrepreneurial activity of minors are outlined.

Keywords: *entrepreneurial activity, minor entrepreneur, transactions, property rights, rights of minors, legal capacity of a minor, family relations*

For citation: *Smolensky M. B., Tishkin D. N., Kucherova E. P. Entrepreneurial activities of minors: current state, organization problems, and development perspectives // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 70–76.*

Конституционно-правовая основа экономической свободы в Российской Федерации закреплена в ст. 34 Конституции РФ, которая гарантирует каждому возможность свободно использовать свои способности и принадлежащее ему имущество для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, не запрещенной законом.

Существенной особенностью современной экономико-правовой модели является рост фактического участия несовершеннолетних в экономических отношениях. На практике это выражается как в раннем приобретении финансовых и цифровых навыков (самозанятость, проекты в сфере услуг и креативной экономики, коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности), так и в активном включении подростков в семейные предпринимательские инициативы. В результате несовершеннолетние все чаще выступают не только как потребители, но и как потенциальные участники предпринимательских правоотношений, проявляющие самостоятельность и инициативу [1, с. 4].

При этом следует отметить, что в российской правовой системе отсутствует специальная норма права, комплексно регулирующие предпринимательскую деятельность несовершеннолетних как самостоятельную категорию субъектов. Данное обстоятельство приводит к тому, что правовой режим участия подростков в предпринимательстве формируется посредством применения норм гражданского и семейного законодательства, определяющих объем правоспособности и дееспособности несовершеннолетних, порядок распоряжения имуществом, особенности заключения сделок и участия в юридических лицах.

В связи с этим особое значение приобретают положения, устанавливающие общегражданскую правоспособность и дееспособность несовершеннолетнего, а также особенности его семейно-правового статуса. Именно через данные нормы определяется допустимый предел самостоятельных действий подростка в имущественном обороте, возможность распоряжаться доходами, приобретать имущественные права, участвовать в сделках и нести гражданско-правовую ответственность. Дополнительно в отдельных ситуациях актуализируются корпоративно-правовые инструменты, поскольку несовершеннолетние могут быть вовлечены в участие в юридических лицах (например, как обладатели доли акций, как участники семейных предприятий, как авторы

или правообладатели объектов интеллектуальной собственности, используемых в коммерческих целях). Следовательно, исследование предпринимательского потенциала несовершеннолетних неизбежно требует междотраслевого подхода: от общих конституционных гарантий до конкретных механизмов гражданского-правового регулирования [2, с. 160].

В научной литературе предлагаются и конкретные организационные решения, ориентированные на повышение эффективности поддержки молодежных инициатив. Так, И.В. Ершова и А.Ю. Петраков обосновывают идею формирования негосударственного реестра институтов развития, доступ к которому предоставлялся бы после авторизации представителям университетов, ответственным за развитие молодежного предпринимательства. Предполагается, что такой реестр содержал бы актуальные контакты уполномоченных сотрудников соответствующих институтов, что упростило бы коммуникацию между образовательными организациями и инфраструктурой поддержки, повысило бы адресность сопровождения проектов и сократило бы транзакционные издержки при поиске подходящих мер содействия. В прикладном плане подобная мера может рассматриваться как элемент системного сопровождения молодежного предпринимательства, дополняющий правовые механизмы и обеспечивающий их практическую реализуемость [3, с. 21].

Осуществление предпринимательской деятельности несовершеннолетним в статусе индивидуального предпринимателя характеризуется рядом особенностей, которые обусловлены как общими правилами о дееспособности, так и специальными требованиями к отдельным видам предпринимательской деятельности [4, с. 204].

Во-первых, необходимо учитывать, что допуск к предпринимательской деятельности для несовершеннолетнего не является универсальным. А это означает, что фактический перечень доступных ему направлений может быть значительно уже, чем для совершеннолетнего лица. Это связано с тем, что многие виды предпринимательства предполагают наличие специальных условий осуществления (лицензирование, квалификационные требования, обязательное наличие профильного образования, стажа, прохождение аттестации, выполнение требований по безопасности и т. п.). В результате несовершеннолетние даже при наличии намерения серьезно заняться пред-

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

принимательством может столкнуться с правовыми барьерами, вытекающими из требований к конкретной деятельности.

Во-вторых, специфика статуса несовершеннолетнего индивидуального предпринимателя проявляется на уровне совершения сделок. При неполной дееспособности (типичной для возраста 14–18 лет) несовершеннолетний, как правило, не обладает полной свободой договорного поведения: для значительного числа сделок требуется согласие законных представителей. В предпринимательской практике это означает, что согласие родителей (усыновителей) или попечителя может быть необходимо для каждого существенного коммерческого действия: заключения договоров поставки, аренды, оказания услуг, приобретения оборудования, привлечения подрядчиков, открытия и обслуживания расчетных инструментов, принятия на себя обязательств, способных повлечь имущественные риски.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о приобретении несовершеннолетним полной дееспособности, поскольку именно он во многом снимает описанные ограничения. В российском праве полная дееспособность несовершеннолетнего, не достигшего 18 лет, может быть приобретена, как правило, по достижении 16 лет в порядке эмансипации (при наличии предусмотренных законом оснований). В результате подросток получает возможность самостоятельно совершать сделки и нести по ним ответственность как взрослый участник оборота, что делает ведение бизнеса в статусе индивидуального предпринимателя юридически более устойчивым и предсказуемым для рынка.

При этом в правоприменении и научной литературе обсуждается и более ранний возрастной ценз участия несовершеннолетних в предпринимательстве. Значительная часть исследователей, исходя из системного толкования норм гражданского законодательства и правил государственной регистрации, делает вывод, что предпринимательская деятельность несовершеннолетнего в принципе возможна с 14 лет, хотя и при сохранении ограничений, связанных с неполной дееспособностью. Подобная позиция корреспондирует и с подходом налоговых органов. Так, из приказа ФНС России от 31.08.2020 № ЕД-7-14/617@ следует, что несовершеннолетний гражданин Российской Федерации в возрасте от 14 до 18 лет, который приобрел дееспособность в предусмотренном законом порядке, вправе обратиться в регистрирующий орган с документами, необходимыми для государственной регистрации его в качестве индивидуального предпринимателя¹.

Тем самым нормативная и административная практика формирует следующую конструкцию: регистрация несовершеннолетнего в качестве индивидуального предпринимателя в возрастном диапазоне 14–18 лет в целом допускается, но реальная экономическая полнота такого статуса напрямую зависит от объема дееспособности. Пока дееспособность остается неполной, предпринимательская деятельность неизбежно сопряжена с согласовательными процедурами и повышенными рисками для контрагентов; при приобретении полной дееспособности эти риски и ограничения существенно снижаются, а предприниматель становится более «обычным» участником гражданского оборота.

Системное толкование п. 1 и 2 ст. 26 ГК РФ позволяет сделать вывод, что несовершеннолетний в возрасте 14–18 лет, не обладая полной гражданской дееспособностью, в значительной части случаев вынужден совершать сделки при участии либо с предварительного согласия своих законных представителей. Данное требование, будучи оправданным с точки зрения охранительной функции права, одновременно существенно трансформирует саму модель экономического поведения несовершеннолетнего. Предпринимательская деятельность по своей природе предполагает самостоятельность субъекта, оперативность принятия решений и возможность регулярного, повторяющегося совершения юридически значимых действий в рамках хозяйственного оборота [5, с. 31–33].

Одновременно следует отметить, что в последние годы как в научных, так и в правоприменительных кругах все более последовательно обсуждаются вопросы модернизации регулирования имущественных отношений, включая уточнение статуса несовершеннолетних в экономическом обороте и устранение возникающих коллизий. На этом фоне представляется обоснованной позиция, согласно которой действующая модель ограничений направлена на минимизацию предпринимательских рисков для подростков. Так, Ю.Д. Шляхова и В.В. Колесник справедливо подчеркивают, что законодатель фактически «ограждает» несовершеннолетних от потенциально неблагоприятных последствий предпринимательства, поскольку вследствие недостатка жизненного и делового опыта, а также ограниченных навыков оценки рыночной конъюнктуры они могут принимать экономически невыгодные решения и нести непропорциональные последствия [6, с. 57].

¹ Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств (с изменениями и дополнениями): приказ ФНС России от 31.08.2020 № ЕД-7-14/617@. URL: <https://base.garant.ru/74640310/> (дата обращения: 15.01.2026).

Вместе с тем нельзя игнорировать объективные изменения социальной и экономической среды: для современного общества характерно расширение экономической активности молодежи и общая социализация предпринимательских процессов, когда предпринимательские практики становятся более доступными и повседневными, а участие в цифровых рынках и проектной деятельности начинается все в более раннем возрасте. Однако правовой статус несовершеннолетнего предпринимателя при сохранении режима неполной дееспособности остается внутренне противоречивым. Помимо необходимости согласования сделок с законными представителями, подросток сталкивается с ограниченными возможностями самостоятельной защиты прав и интересов в арбитражном процессе, сложностями доказывания своей коммерческой воли, а также повышенной настороженностью контрагентов, которые оценивают риск оспаривания сделок вследствие отсутствия надлежащего согласия. В результате несовершеннолетний формально может быть вовлечен в экономический оборот, но его фактическая предпринимательская автономия оказывается сниженной, что негативно влияет на предсказуемость и устойчивость гражданского оборота в целом.

С учетом изложенного представляется целесообразным нормативно закрепить возраст, с которого допускается осуществление предпринимательской деятельности несовершеннолетними, все же на уровне 16 лет, а не с 14. Такое предложение обусловлено не только наличием пробелов и неоднозначностей, возникающих при применении ст. 26 ГК РФ к предпринимательским ситуациям, но и потребностью согласовать гражданско-правовую конструкцию с регуляторной логикой смежных отраслей. При отсутствии четкого возрастного порога предпринимательской правоспособности и дееспособности сохраняется риск несогласованности между гражданским регулированием, налоговыми подходами к администрированию статуса предпринимателя и отдельными положениями уголовного права, где возрастные критерии ответственности и правового статуса имеют самостоятельное значение.

Рассматривая самозанятость в связи с предпринимательской активностью несовершеннолетних, прежде всего необходимо уточнить содержание данной категории в современном российском правовом обороте. В доктрине и правоприменении термин «самозанятый» обычно используется для обозначения лиц, которые получают доход от самостоятельного осуществления деятельности, направленной на извлечение прибыли, но при этом не проходят государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя [7, с. 107–108].

С точки зрения процедуры несовершеннолетний формально может приобрести статус плательщика, применяющего специальный налоговый режим для самозанятых, путем регистрации в установленном порядке. Практическая реализация этой возможности значительно упрощена: регистрационные действия осуществляются дистанционно, в том числе посредством официального цифрового сервиса ФНС России «Мой налог».

Однако именно на стыке «доступной регистрации» и «возрастных ограничений ответственности» проявляется существенная правовая проблема, имеющая значение для оценки целесообразности легализации самозанятости лиц, не достигших 16 лет. Дело в том, что налоговая ответственность по общему правилу связывается с достижением 16-летнего возраста. Следовательно, несовершеннолетний, зарегистрированный как самозанятый в период 14–16 лет, оказывается в неоднозначной ситуации: с одной стороны, он вступает в налоговые правоотношения как плательщик и формально обязан соблюдать требования режима, а с другой стороны, механизм государственного принуждения в виде налоговой ответственности за неуплату или нарушение порядка уплаты налогов в отношении него в полном объеме не работает ввиду возрастного критерия.

В связи с этим представляется обоснованным вывод о необходимости более четкого нормативного определения возрастных рамок легитимного предпринимательского участия несовершеннолетних, включая самозанятость, установив возрастной барьер все же в 16 лет.

В современном индустриальном и информационном обществе участие несовершеннолетних в гражданских правоотношениях уже является устойчивой социальной реальностью: дети и подростки приобретают имущество по наследованию и дарению, становятся участниками долевой собственности на жилье, получают доходы от творческой и цифровой деятельности, заключают бытовые и сервисные договоры, а в подростковом возрасте нередко вовлекаются в экономический оборот через самозанятость и иные формы получения дохода. При этом законодательная модель их участия в гражданском обороте строится на сочетании двух разнонаправленных целей: с одной стороны, признания несовершеннолетнего носителем гражданских прав, с другой – ограничения самостоятельности ради защиты от рисков. Именно необходимость баланса между «включением в оборот» и «охранительным режимом» формирует основные проблемы регулирования, которые проявляются как на уровне материальных норм, так и в судебной и административной практике.

Ключевая системная проблема заключается в том, что участие несовершеннолетних в

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

гражданских правоотношениях регулируется не комплексным специальным актом, а набором разрозненных норм гражданского, семейного, жилищного, корпоративного, налогового и процессуального законодательства. В результате правовой статус несовершеннолетнего собирается из отдельных правил о правоспособности, дееспособности, представительстве, сделках, ответственности, опеке и попечительстве, защите жилищных прав и т. д. [8, с. 225].

Эта фрагментарность порождает два эффекта. Во-первых, участникам оборота (контрагентам, организациям, нотариусам) сложнее прогнозировать юридические последствия сделок с участием несовершеннолетних. Во-вторых, возрастает риск нормативных «разрывов», когда нормы одной отрасли допускают определенное поведение (например, регистрацию в режиме самозанятости или участие в цифровых сервисах), тогда как нормы другой отрасли не обеспечивают полноценные механизмы ответственности и защиты.

Законодатель традиционно разделяет малолетних до 14 лет и несовершеннолетних 14–18 лет, связывая с возрастом объем дееспособности и особенности ответственности. Однако в практическом применении эта конструкция не всегда дает ясный ответ на вопрос, где заканчиваются допустимые формы самостоятельности и начинается обязательное участие законных представителей.

Показательным примером является самозанятость: техническая возможность регистрации и участия в режиме уплаты налога не всегда сопровождается полноценной ответственностью за нарушение налоговых обязанностей до достижения определенного возраста. Это создает нормативную асимметрию: несовершеннолетний фактически участвует в экономическом обороте как плательщик, однако принудительные механизмы ответственности и стимулирования дисциплины действуют не полностью. В результате страдают сразу несколько целей: правовая определенность, равенство условий для участников рынка и эффективность налогового администрирования [9, с. 110–113].

Наиболее конфликтная зона участия несовершеннолетних в гражданских правоотношениях связана с жильем и недвижимостью. Причины очевидны: высокая стоимость объектов, социальная значимость жилья, длительность последствий и сложность восстановления нарушенных прав.

Здесь проявляются следующие проблемы. Неодинаковая степень публичного контроля: в одних ситуациях требуется разрешение органов опеки и попечительства, в других – формально нет прямой обязанности получать согласие, хотя интересы ребенка фактически затрагиваются. Уязвимость права пользования при сме-

не собственника: отчуждение жилья может затрагивать фактическое проживание ребенка и порождать конфликт между интересом нового собственника и необходимостью защиты ребенка. Конфликт интересов внутри семьи: законные представители одновременно управляют имуществом ребенка и нередко преследуют собственные имущественные цели, что создает риск злоупотреблений [10, с. 11–15].

В деликтных отношениях законодатель использует комбинированную модель: малолетние не отвечают самостоятельно, а за них отвечают родители или опекуны и в ряде случаев организации; несовершеннолетние 14–18 лет несут самостоятельную ответственность, но при недостаточности имущества возможно привлечение родителей/попечителей и организаций при наличии условий.

Проблема в том, что критерии «ненадлежащего воспитания и надзора» и границы ответственности разных субъектов (семья, учреждение, надзор по договору) остаются оценочными и требуют доказывания. Это, с одной стороны, оправдано разнообразием жизненных ситуаций, а с другой – приводит к неоднородности практики и сложности прогнозирования исхода спора. Дополнительную дискуссию вызывает ответственность родителей, лишенных родительских прав, и связанные с этим временные ограничения: жесткие сроки не всегда учитывают отсроченный эффект неблагоприятного воспитания [11, с. 42].

Даже когда несовершеннолетний является собственником, кредитором или потерпевшим, его возможность самостоятельно защищать права ограничена. Это усиливает роль законных представителей и органов опеки, но одновременно создает риск ситуаций, когда защита становится формальной или конфликтной (например, представитель не заинтересован в активной защите либо сам является источником нарушения). В таких случаях правовая охрана зависит от качества публичного контроля и от готовности суда исследовать фактические обстоятельства глубже формальной стороны документов.

Проблемы законодательного регулирования участия несовершеннолетних в гражданских правоотношениях носят системный характер и связаны не столько с отсутствием признания за ребенком гражданских прав, сколько с недостаточной согласованностью и определенностью механизмов их реализации. Наиболее уязвимыми зонами остаются: сделки и предпринимательская активность подростков при режиме неполной дееспособности, межотраслевые несоответствия (прежде всего с налоговыми конструкциями), а также оборот недвижимости и жилищные отношения, где любые ошибки и злоупотребления имеют длительные социальные последствия. В этих

условиях приоритетными направлениями совершенствования регулирования выступают: повышение нормативной определенности возрастных рамок экономической активности, унификация критериев публичного контроля

в сделках с недвижимостью, снижение риска конфликта интересов законных представителей и обеспечение более предсказуемых механизмов защиты прав несовершеннолетних в судебной практике.

Список источников

1. Ершова И.В., Енькова Е.Е. Право и реальный сектор экономики России // *Хозяйство и право*. 2024. № 9.
2. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов участников цифрового торгового оборота // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2024. № 8 (120).
3. Ершова И.В., Петраков А.Ю. Программа «Стартап как ВКР» – драйвер развития молодежного предпринимательства // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2023. № 8 (108).
4. Кудрявцева Л.В., Колесникова В.А. Проблемы правоспособности несовершеннолетних в сфере предпринимательской деятельности // *Символ науки*. 2016. № 9–1.
5. Курманбаев М.М. Некоторые проблемы предпринимательской деятельности несовершеннолетних // *Colloquium-Journal*. 2018. № 5–7 (16).
6. Шляхова Ю. Д., Колесник В. В. Предпринимательская правосубъектность несовершеннолетнего индивидуального предпринимателя // *Colloquium-Journal*. 2020. № 7–7 (59).
7. Левушкин А.Н. Предпринимательская деятельность несовершеннолетних граждан // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*. 2025. № 7.
8. Савина И.В. О междисциплинарном подходе к защите имущественных прав несовершеннолетних // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки*. 2021. № 5 (13).
9. Гладковская Е.И. Имущественные права ребенка // *Общество и право*. 2023. № 4.
10. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ // *Семейное и жилищное право*. 2016. № 5.
11. Усачева Е.А. Понятие «ребенок» в категориальном аппарате семейно-правового регулирования // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2021. № 8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

М. Б. Смоленский, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Ростовского государственного университета путей сообщения. 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2.

Д. Н. Тишкин, кандидат политических наук, начальник кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России. 347360, Российская Федерация, г. Волгодонск, ул. Степная, 40.

References

1. Yershova I.V., Enkova E.E. Law and the real sector of the Russian economy // *Economy and law*. 2024. № 9.
2. Levushkin A.N. Ensuring a balance of interests of participants in digital trade turnover // *Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA)*. 2024. № 8 (120).
3. Yershova I.V., Petrakov A.Yu. The Startup as a Research Project program is a driver of youth entrepreneurship development. // *Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA)*. 2023. № 8 (108).
4. Kudryavtseva L.V., Kolesnikova V.A. Problems of legal capacity of minors in the sphere of entrepreneurial activity // *A symbol of science*. 2016. № 9–1.
5. Kurmanbaev M.M. Some problems of entrepreneurial activity of minors // *Colloquium-Journal*. 2018. № 5-7 (16).
6. Shlyakhova Yu. D., Kolesnik V. V. Entrepreneurial legal personality of a minor individual entrepreneur // *Colloquium-Journal*. 2020. № 7-7 (59).
7. Levushkin A.N. Entrepreneurial activity minor citizens // *Bulletin of the O. E. Kutafin University*. 2025. № 7.
8. Savina I.V. On an interdisciplinary approach to the protection of property rights of minors // *Bulletin of Polotsk State University. Series D: Economic and Legal Sciences*. 2021. № 5 (13).
9. Gladkovskaya E.I. The property rights of the child // *Society and law*. 2023. № 4.
10. Bepalov Yu.F. Family and legal status of a child: problems of family legislation of the Russian Federation // *Family and housing law*. 2016. № 5.
11. Usacheva E.A. The concept of "child" in the categorical apparatus of family law regulation // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2021. № 8

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

Е. П. Кучерова, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

INFORMATION OF AUTHORS

M. B. Smolensky, Grand PhD in Sociological Sciences, PhD in Law, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of the Rostov State University of Railway Transport. 2, Rostov Infantry Regiment Square, Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.

D. N. Tishkin, PhD in Political Sciences, Head of the Department of Tactical and Special Training of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 40, Stepnaya St., Volgodonsk 347360 Russian Federation.

E. K. Kucherova, PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 22.02.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 22.02.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

СУЩНОСТЬ ЛИЧНОГО УГОЛОВНО-СУДЕБНОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ЕГО ФОРМИРОВАНИЕ

Александр Геннадьевич Васильев

Оренбургский городской филиал Башкирской республиканской коллегии адвокатов, Оренбург,
Российская Федерация, o.g.korm@gmail.com

Введение: институт личных доказательств в уголовно-процессуальном праве переживает переходный период. С одной стороны, так и не произошло его преобразование в сторону состязательности, с другой стороны, он подвергается воздействию техногенного фактора, который вытесняет его человеческое начало.

Материалы и методы: в качестве материалов использовались уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, научная литература, судебная практика. Методами исследования являлись общенаучный метод диалектического материализма, приемы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также формально-юридический метод.

Результаты исследования: необходимо возвращение к сущности института личных доказательств, которая сводится к человеку и сведениям, которые он непосредственно сообщает субъекту доказывания.

Выводы и заключения: главный вывод о том, что человек должен быть обязательным элементом всех техник формирования любых видов личных доказательств. Исходя из этого предлагаются изменения в законе, направленные на обеспечение новыми средствами явки лица в суд, равноправия сторон в представлении и исследовании личных доказательств в досудебном и судебном производствах, а также на введение запрета на применение технических средств, подрывающих оценку личных доказательств по внутреннему убеждению.

Ключевые слова: личное доказательство, сущность и структура личного доказательства, формирование личного доказательства, уголовное судопроизводство, внутренне убеждение, запрет полиграфа

Для цитирования: Васильев А. Г. Сущность личного уголовно-судебного доказательства и его формирование // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 77–80.

Original paper

ESSENCE OF PERSONAL CRIMINAL-JUDICIAL EVIDENCE AND ITS FORMATION

Alexander Gennadievich Vasiliev

Orenburg city branch of the Bashkir Republican Bar Association, Orenburg, Russian Federation

Introduction: the institution of personal evidence in criminal procedure law is going through a transitional period. On the one hand, his transformation towards competitiveness has not taken place, on the other hand, he is exposed to a man-made factor that displaces his human nature.

Materials and methods: the materials used were the criminal procedure legislation of the Russian Federation, scientific literature, judicial practice. The research methods were the general scientific method of dialectical materialism, methods of analysis and synthesis, induction and deduction, as well as the formal legal method.

Results of the study: it is necessary to return to the essence of the institution of personal evidence, which boils down to a person and the information that he directly communicates to the subject of evidence.

Findings and conclusions: the main conclusion is that a person should be a mandatory element of all techniques for forming any kind of personal evidence. Based on this, amendments to the law are proposed aimed at providing new means for a person to appear in court, equality of the parties in the presentation and examination of personal evidence in pre-trial and judicial proceedings, as well as a ban on the use of technical means that undermine the assessment of personal evidence based on internal conviction.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Keywords: *personal evidence, the essence and structure of personal evidence, formation of personal evidence, criminal proceedings, internal persuasion, prohibition of polygraph*

For citation: *Vasiliev A. G. Essence of personal criminal-judicial evidence and its formation // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 77–80.*

Возникновение личных доказательств произошло одновременно с зарождением суда и правосудия у всех народов. Уголовное судопроизводство не может обходиться без них. Учение о личных доказательствах в суде развивается с античных времен. В России также сложилось такое учение в составе теории уголовно-процессуальных доказательств, в котором отразилась национальная правовая традиция.

На протяжении истории институт личных доказательств как часть доказательственного права претерпел много кризисов. В современную эпоху развития цифровых технологий, изменения положения человека в государстве возникают новые вызовы рассматриваемому институту.

По сложившейся с советских времен традиции отечественная наука и непосредственно теория доказательств объясняют правовые явления через призму действующего закона. Поэтому на личные доказательства смотрят через конструкцию ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и трактуют их как сведения, которые представлены в «видах» или «источниках», перечисленных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ [1, с. 55–62; 2, с. 94–100].

Второй составляющей современного подхода к объяснению природы личных доказательств стала с подачи советской криминалистики [3, с. 7, 29–30; 4, с. 7–8, 23, 49] категория «информация». Такой подход привел к объяснению личных доказательств как вербальной информации [5, с. 26], которая формируется вербальными следственными действиями.

Полагаем своевременным подвергнуть критике данный подход, при котором представление о сущности личного доказательства размыто и мыслится как сумма видов вербальной информации, источников сведений. Ускользает от внимания главное: именно человек является первоисточником личного доказательства – вербальной информацией.

Если вернуться к истокам зарождения доказательственного права, то можно убедиться, что источником личного доказательства признавался человек. Такой была и позиция древнейшего законодателя, в том числе и русского (ст. 18 Русской Правды, ст. 13 Краткого изображения процессов, ст. 329 Свода законов Российской Империи XV глава, 1832 г.) [6, с. 235–240]. Личное доказательство отождествлялось им с самим лицом, которое утверждало о фактах перед компетентным государственным органом, полномочным разрешать уголовно-правовой спор.

В первых теоретических определениях личных доказательств также указываются непосредственно люди, сообщающие факты суду:

отдельные категории свидетелей [7, с. 53–54; 8, с. 122]. Создатели русской теории доказательств придерживались именно этой традиции [9, с. 21–37]. Личное доказательство определялось как показания лица, дающего суду сведения о доказываемом факте [10, с. 51].

Итак, первый вывод о структуре личного доказательства состоит в том, что его источником, физическим носителем является человек. Отсюда следует несколько практических выводов относительно формирования личного доказательства. Во-первых, поскольку источником личных доказательств является физическое лицо, постольку установление такого лица и обеспечение его физического участия в уголовном процессе для сообщения сведений входят в процесс формирования личного доказательства. Как отмечал Л.Е. Владимиров, вызов свидетеля на судебное действие есть необходимое условие допроса [10, с. 61]. Все просто: нет человека, нет личного доказательства. Личное доказательство не сформируется, если лицо не явилось на допрос. Существующий порядок вручения повестки, а также вызова лица в рамках уголовного дела предлагаем, как и некоторые другие исследователи, привести в соответствие со сложившимися реалиями (массовое уклонение от явки лиц в суд, органы предварительного расследования) [11, с. 439–449]. В частности, на законодательном уровне (в ст. 188 УПК РФ) целесообразно закрепить положение, согласно которому повестку можно будет передать адвокату, защитнику, представителю участника процесса для вручения лицу, вызываемому на допрос.

Во-вторых, полагаем, что исследование личности человека, его способности дать показания, компетентности «сведущего лица» (эксперта, специалиста) образуют процесс формирования личного доказательства и составляют предмет его допроса. Отсюда вытекает вывод о смысле формулировки «вопросы, не имеющие отношения к уголовному делу» (ч. 1 ст. 274 УПК РФ), которая часто используется судьями для отклонения вопросов защитника к «свидетелям обвинения». «Относящиеся к делу» надо признавать любые вопросы, которые имеют целью проверить способность лица сообщать достоверные сведения. В связи с этим предлагаем дополнить ст. 243 или ст. 274 УПК РФ нормой следующего содержания: «Председательствующий судья не вправе отклонять вопросы защитника, направленные на установление фактов, имеющих значение для уголовного дела».

В-третьих, отталкиваясь от представления о том, что человек является источником, первоисточником личного доказательства, по-другому разрешается вопрос о первоначальном и

производном личном доказательстве. Сведения, непосредственно сообщаемые лицом в виде показаний субъекту доказывания, уполномоченному их оценивать и принимать процессуальное решение по делу, есть первичное личное доказательство. Все документальные, равно как электронные носители вербальной информации (протоколы допросов, заключения экспертов, специалистов и др.), надо признать производными личными доказательствами [12, с. 313–332]. Исследование личных доказательств в таком – производном – виде предполагает согласие сторон защиты и обвинения. В случае отказа одной из сторон на это, суд обязан обеспечить участнику процесса возможность непосредственного исследования сведений, предоставленных лицом, из первоисточника.

Отсюда практический и теоретико-методологический вывод о судебном допросе лица, представляющего сведения о фактических обстоятельствах, как основном методе формирования личного доказательства. Следственный допрос, равно как иные вербальные следственные действия, есть способ собирания только производных личных доказательств – в виде протокола. А потому его доказательственное значение ограничивается досудебным производством. Полный процесс формирования личного доказательства должен включать не только следственный, но и судебный фазис [13, с. 97–100].

Разделяем языковой (лингвистический, когнитивный) подход к пониманию природы личных доказательств [14, с. 62–89, 242–280]. Отличительной его чертой является то, что личное доказательство трактуется как речевое событие, которое происходит в контексте следственной или судебной ситуации. Личное доказательство, на завершающем этапе формирования, есть результат убеждения субъекта доказывания в том, что сообщенное ему сведение (информация) есть факт, т. е. достоверное сведение о доказываемом факте, служащем предметом спора и доказывания.

В связи с этим личное доказательство может пониматься как речевое событие, участником которого является судья (присяжный заседатель), чье внутренне убеждение, сформировавшееся под воздействием данного события, завершает формирование личного доказательства [14, с. 321–326]. В этом убеждающем психоречевом воздействии на внутреннее убеждение судьи (субъекта, ведущего производство по делу) состоит его «фактичность» и «сила» [17, с. 84–87]. К тому же личным доказательством являются не только «сведения», но и сам процесс их сообщения – доведения до

судьи со всеми криминалистическими, психическими, этическими составляющими допроса другого вербального следственного действия [14, с. 325].

Представители учения о судебных доказательствах [14, с. 18, 39–41, 211] проходят к выводу о том, что судебный фазис является обязательным элементом технологии формирования личного доказательства как средства установления фактов. Именно судья выступает не только в качестве оценщика доказательства, но и участника диалога представителей сторон защиты и обвинения, задающих вопросы и отвечающих на них.

Законом должна быть обеспечена возможность участникам доказывания с обеих сторон непосредственного исследования первоисточника личного доказательства в суде. Необходима гарантия стороне защиты для исследования любого личного обвинительного доказательства непосредственно в его первоисточнике: через перекрестный допрос свидетелей обвинения. В настоящее время доминирует следственная технология формирования личных обвинительных доказательств, при которой личное доказательство приобретает форму письменного производного доказательства и в таком виде – через оглашение протокола допроса, иного документа в порядке ст. 281 УПК РФ или через оглашение заключения эксперта, специалиста – представляется в суде. При этом сторона защиты практически лишается возможности исследования личного доказательства обвинения в его первоисточнике: через судебный допрос свидетеля обвинения [15, с. 79–80].

В заключение необходимо отметить такой негативный тренд в технологии формирования личного доказательства, который можно расценить как вытеснение классического критерия оценки личного доказательства судьей (следователем) по своему внутреннему убеждению техническим устройством, машинными технологиями. Наиболее известным его проявлением является полиграф – детектор лжи. Впрочем, в науке появились и новые форматы, такие как «цифровой допрос», «аватар-допрос» с применением искусственного интеллекта (робота-помощника) [16, с. 4, 13, 14]. Эти научные изобретения не решают проблемы выравнивания прав сторон в формировании личных доказательств в уголовном процессе, а лишь подрывают основы этого института. Поэтому разделяем предложение о введении прямого запрета на использование полиграфа, других технических средств, технологий, подменяющих оценку личных доказательств по внутреннему убеждению [17].

Список источников

1. Лазарева В.А. Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. № 2. Т. 18.
2. Чурилов С.Н. О некоторых авторских позициях С.А. Шейфера в теории доказатель-

References

1. Lazareva V.A. Evidence as a category of criminal procedure law: new (old) approaches // Legal Concept = The legal paradigm. 2019. № 2. Vol. 18.
2. Churilov S.N. On some of S.A. Shafer's author's positions in the theory of evidentiary law //

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

ственного права // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 4 (44).

3. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964.

4. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М., 1969.

5. Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

6. Зайцев Н.И. Эволюция доказательств и доказывания в отечественном уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 8. Т. 16.

7. Аристотель. Риторика (пер. с древнегреческого и прим. О.П. Цыбенко). Поэтика (пер. В. Г. Апелльрота). М., 2000.

8. Квинтилиан М.Ф. Двенадцать книг риторических наставлений (пер. с лат. А.С. Никольского). Ч. 1–2. СПб., 1834. Ч. 1.

9. Жиряев А.С. Теория улик. М., 2012.

10. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах: Части: общая и особенная. 3-е изд., изм. и законч. СПб., 1910.

11. Александров А.С., Юнусов А.А., Витвицкая С.С. Формирование личного доказательства в уголовном суде // Вопросы российского и международного права. 2022. № 9А. Т. 12.

12. Зинченко И.А., Попов А.А. Письменные показания как источники доказательств в досудебном производстве (компаративистский взгляд) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 6.

13. Гришин С.П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспекты). М., 2008.

14. Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе. Н. Новгород, 2009.

15. Байбиков Р.Р. Институт допроса в уголовно-процессуальном законодательстве России и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2024.

16. Александров А.С. Оглашение показаний потерпевшего и свидетеля в судебном следствии по уголовному делу // Уголовное право. 2004. № 2.

17. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней. М., 2015.

Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2021. № 4 (44).

3. Arsenyev V.D. Questions of the general theory of judicial evidence. Moscow, 1964.

4. Belkin R.S., Vinberg A.I. Criminalistics and evidence (methodological problems). Moscow, 1969.

5. Pobedkin A.V. Theory and methodology of the use of verbal information in criminal procedural evidence: diss. ... Grand PhD in Law. Moscow, 2005.

6. Zaitsev N.I. The evolution of evidence and evidence in the domestic criminal process // Gaps in Russian legislation. 2023. № 8. Vol. 16.

7. Aristotle. Rhetoric (translated from ancient Greek and note by O.P. Tsybenko). Poetics (translated by V. G. Appelroth). Moscow, 2000.

8. Quintilian M.F. Twelve books of rhetorical instructions (translated from Latin by A.S. Nikolsky). Parts 1-2. St. Petersburg, 1834. Part 1.

9. Zhiryaev A.S. Theory of evidence. Moscow, 2012.

10. Vladimirov L.E. The doctrine of criminal evidence: Parts: general and special. 3rd ed., ed. St. Petersburg, 1910-11.

11. Alexandrov A.S., Yunusov A.A., Vitvitskaya S.S. Formation of personal evidence in a criminal court // Issues of Russian and International law. 2022. № 9А. Vol. 12.

12. Zinchenko I.A., Popov A.A. Written testimony as sources of evidence in pre-trial proceedings (a comparative view) // Library of Criminalist. Scientific journal. 2014. № 6.

13. Grishin S.P. Judicial investigation in a mixed criminal process (epistemological, procedural and tactical-criminalistic aspects). Moscow, 2008.

14. Kukhta A.A. Proving the truth in criminal proceedings. Nizhny Novgorod, 2009.

15. Baibikov R.R. The institute of interrogation in the criminal procedure legislation of Russia and foreign countries: diss. ... PhD in Law. Kazan, 2024.

16. Alexandrov A.S. The announcement of the testimony of the victim and witness in the judicial investigation of a criminal case // Criminal law. 2004. № 2.

17. The doctrinal model of the criminal procedural evidentiary law of the Russian Federation and comments on it. Moscow, 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. Г. Васильев, адвокат Оренбургского городского филиала Башкирской республиканской коллегии адвокатов. 460014, Российская Федерация, г. Оренбург, Ленинская улица, 59, корп. 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. G. Vasiliev, lawyer of the Orenburg city branch of the Bashkir Republican Bar Association. 59/1, Leninskaya St., Orenburg 460014 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 21.04.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 15.04.2026; approved after reviewing 21.04.2026; accepted for publication 08.06.2026.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОТНОШЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ОБЛАДАЮЩИХ СПЕЦИАЛЬНЫМ ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ

Снежана Анатольевна Давыдова¹, Игорь Павлович Напханенко², Станислав Александрович Горелов³

¹Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Российская Федерация, snezhana221@yandex.ru

²Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, npr1966@yandex.ru

³Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, stan.gorelov@yandex.ru

Введение: исследование посвящено анализу проблем правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в отношении должностных лиц с особым правовым статусом и возможным способам решения сложившейся ситуации.

Материалы и методы: в статье использованы диалектический, сравнительно-правовой, логический методы научного познания, анализ и обобщение.

Результаты исследования: осуществлен анализ действующего законодательства, связанного с проведением оперативно-розыскных мероприятий в отношении должностных лиц с особым правовым статусом.

Выводы и заключения: обозначены направления совершенствования законодательства, регулирующего оперативно-розыскные мероприятия в отношении должностных лиц с особым правовым статусом и соответствующее внесение изменений в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, судья, прокурор, следователь, неприкосновенность, иммунитет

Для цитирования: Давыдова С. А., Напханенко И. П., Горелов С. А. Актуальные проблемы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в отношении должностных лиц, обладающих специальным правовым статусом // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 81–86.

Original paper

CURRENT ISSUES OF LEGAL REGULATION OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN RELATION TO OFFICIALS WITH SPECIAL LEGAL STATUS

Snezhana Anatolyevna Davydova¹, Igor Pavlovich Napkhanenko², Stanislav Alexandrovich Gorelov³

¹Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgodonsk, Russian Federation

²Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russian Federation

³St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

Introduction: the study is devoted to the analysis of the problems of legal regulation of operational investigative activities in relation to officials with a special legal status and possible ways to resolve the current situation.

Materials and methods: the article uses dialectical, comparative legal, logical methods of scientific knowledge, analysis and generalization.

Results of the study: an analysis of the current legislation related to the conduct of operational search measures against officials with a special legal status has been carried out.

© Давыдова С.А., Напханенко И.П., Горелов С.А., 2026

Findings and conclusions: the directions of improving the legislation regulating operational search measures in relation to officials with a special legal status and the corresponding amendments to the Federal Law "On Operational Search Activities" are outlined.

Keywords: operational investigative activities, operational investigative measures, judge, prosecutor, investigator, inviolability, immunity

For citation: Davydova S. A., Napkhanenko I. P., Gorelov S. A. Current issues of legal regulation of operational and investigative activities in relation to officials with special legal status // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 81–86.

Статья 19 Конституции Российской Федерации¹ декларирует фундаментальный принцип равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от социального статуса или должностного положения. В то же время это положение допускает дифференциацию в виде специальных иммунитетов для отдельных категорий должностных лиц, включая судей судебной системы РФ; следователей Следственного комитета РФ; прокуроров; а также Уполномоченного по правам человека в РФ, статус которого закреплен федеральным конституционным законом. Указанные иммунитеты выступают правовым механизмом обеспечения независимости и объективности субъектов публичных функций, что соответствует доктринальным подходам к защите публичных интересов. Такая дифференциация предопределяет введение особого правового режима применения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), а также следственных и судебных процедур, исключающих произвольное вмешательство в деятельность защищенных субъектов.

Статья 8 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»)² закрепляет принцип равенства субъектов в применении ОРМ, независимо от гражданства, национальности, пола и иных признаков на территории РФ («если иное не предусмотрено федеральным законом»), делегируя урегулирование специальных гарантий в специальные нормативные акты, такие как Федеральный закон от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» и иные акты, определяющие статус соответствующих категорий должностных лиц.

Актуальность исследования обусловлена противоречиями между конституционным принципом равенства (ст. 19 Конституции РФ) и специальными иммунитетами должностных лиц, которые ограничивают применение ОРМ без согласования с высшими инстанциями, препятствуя превентивным мерам оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) на стадии приготовления коррупционных преступлений.

Необходимость совершенствования правового регулирования ОРД в отношении лиц с особым статусом обусловлена динамикой коррупционной преступности среди указанной категории субъектов.

По данным Следственного комитета РФ, в 2022 г. к уголовной ответственности привлечено 86 лиц с особым правовым статусом. Основную часть составили депутаты местного уровня (66 человек), а также следователи и прокуроры (по 10 лиц).³

В 2023 г. зафиксирован резкий рост: число привлеченных достигло 336 человек. Среди них преобладали должностные лица органов местного самоуправления – 174, а также девять депутатов законодательных органов субъектов РФ, один депутат Государственной Думы⁴.

За девять месяцев 2024 г. показатель вырос до 729 человек. В этот период существенно расширился перечень должностных лиц: 319 депутатов и глав местного самоуправления, восемь депутатов законодательных органов субъектов РФ, четыре кандидата в депутаты органов местного самоуправления, 151 адвокат, 156 членов избирательных комиссий, 55 руководителей и следователей, 14 прокуроров и их помощников, 22 судьи⁵.

За девять месяцев 2025 г. к ответственности привлечено 596 человек, что на 18,2 % меньше, чем за аналогичный период 2024 г. Среди них 16 депутатов субъектов РФ, 98 адвокатов, девять прокурорских работников, шесть судей, один сенатор⁶. Данный показатель мень-

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

³ В России в 2022 г. 1 400 правоохранителей ответили в суде за коррупцию. URL: <https://ria.ru/20221208/korruptsiya-1837112111.html> (дата обращения: 19.02.2026).

⁴ Бастрыкин заявил, что СК выявил за год 336 коррупционеров с особым правовым статусом. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/19487493> (дата обращения: 19.02.2026).

⁵ В РФ в 2024 г. к уголовной ответственности привлечены более 150 адвокатов. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22879747> (дата обращения: 19.02.2026).

⁶ СКР выявил почти 600 коррупционеров с особым правовым статусом. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7924501> (дата обращения: 07.02.2026).

ше аналогичного периода 2024 г., однако сохраняется на значительно высоком уровне по сравнению с 2022–2023 гг. (рост в 6,9 раза к 2022 г. и в 1,8 раза к полному 2023 г.).

Увеличение числа категорий должностных лиц свидетельствует о распространении коррупции среди лиц с особым правовым статусом и подтверждает необходимость дальнейшего совершенствования превентивных мер ОРД, направленных на повышение оперативного выявления и предупреждения коррупционных правонарушений на ранних стадиях.

Позиция высшего руководства страны обозначена Президентом РФ В.В. Путиным: на расширенном заседании коллегии МВД России в марте 2025 г. о необходимости сохранения темпов борьбы с коррупцией среди должностных лиц и выявлении криминогенных рисков в законодательстве и управленческой практике для пресечения предпосылок подобных преступлений⁷. Это прямо касается совершенствования процедур ОРД в отношении лиц с особым статусом.

Наличие пробелов в правовом регулировании ОРД подтверждают данные эмпирического исследования. Так, по результатам анонимного опроса 50 сотрудников оперативных подразделений (ветеранов и действующих сотрудников МВД РФ, обучающихся в Ростовском юридическом институте МВД России в период с января по декабрь 2025 г.), 50 % респондентов отмечают затруднения при соблюдении сроков согласования ОРМ в отношении лиц с особым статусом; 30 % указывают на недостатки оперативного применения ОРМ из-за отсутствия упрощенных процедур; 20 % указывают на риски признания результатов ОРД недопустимыми доказательствами.

Для повышения превентивного потенциала антикоррупционных мер полагаем необходимым подвергнуть анализу проблемы правового регулирования ОРД в отношении должностных лиц с особым правовым статусом:

1. Правовой статус судей Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных судов, мировых судей, а также присяжных и арбитражных заседателей определяется Федеральным законом от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»⁸.

Указанный закон в ст. 16 декларирует процедуру получения разрешения на ОРМ применительно к судьям. Решение о проведении ОРМ, затрагивающих конституционные права или неприкосновенность судьи, выносит судебная коллегия из трех судей Верховно-

го Суда соответствующего уровня⁹. В случае возбуждения уголовного дела ОРМ в отношении судьи проводятся по общим правилам ФЗ «Об ОРД».

При этом ключевая проблема правоприменения возникает именно на этапе получения такого разрешения оперативно-розыскными органами. Во-первых, процедура обращения в судебную коллегия Верховного Суда (в порядке ст. 16 Федерального закона 3132-1) характеризуется чрезмерной бюрократизацией и длительностью, поскольку подготовка материалов для коллегии требует сбора обширного пакета доказательств предварительного характера, в то время как оперативная обстановка часто диктует необходимость немедленного реагирования. Это приводит к упущенным возможностям по пресечению коррупционных схем, особенно в случаях безотлагательности проведения таких ОРМ, как оперативный эксперимент или оперативное внедрение. Во-вторых, закрытый характер коллегии (три судьи высшей инстанции) создает потенциальный конфликт интересов, поскольку судьи Верховного Суда могут косвенно зависеть от репутационных рисков в профессиональной среде, где солидарность с коллегами по судейскому корпусу, возможно, станет превалировать над объективностью.

2. Правовой статус Уполномоченного по правам человека в РФ (далее – Уполномоченный) определяется Федеральным конституционным законом от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»¹⁰. Официальной статистики привлечения указанных должностных лиц к уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности в открытых источниках отсутствует. Тем не менее считаем необходимым подвергнуть анализу положения данного закона на предмет использования иммунитета Уполномоченного как потенциального фактора, создающего коррупционные риски.

Статья 12 данного закона предоставляет Уполномоченному неприкосновенность на протяжении всего срока осуществления полномочий, подобно другим лицам с особым статусом. Без согласия Государственной Думы он не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности (в судебном порядке), задержан, арестован или подвергнут обыску, кроме случаев задержания на месте совершения преступления. Неприкосновенность распространяется на жилые и служеб-

⁷ Борьба с коррупцией в 2025: статистика, дела Минобороны и судей. URL: https://life.ru/p/1820628?ysclid=mlb_b2kes37450513221 (дата обращения: 07.02.2026).

⁸ О статусе судей в Российской Федерации: Федер. закон от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 28.12.2025). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Там же.

¹⁰ Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: Федер. конституц. закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 09.11.2020). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

ные помещения, багаж, личные и служебные транспортные средства, переписку, используемые средства связи, а также документы. В случае задержания на месте преступления орган, его осуществивший, обязан незамедлительно уведомить Государственную Думу, которая в течение 24 часов должна подтвердить дальнейшее применение этой меры; при отсутствии согласия Уполномоченный подлежит немедленному освобождению¹¹.

Указанный закон не содержит специальных положений о порядке проведения ОРМ в отношении Уполномоченного, что порождает значительные правоприменительные коллизии. Во-первых, ограничение неприкосновенности возможно только при задержании непосредственно на месте совершения преступления (ч. 2 ст. 12 ФКЗ № 1-ФКЗ). При этом отсутствует правовой механизм согласования негласных ОРМ (прослушивание, наблюдение, оперативный эксперимент), необходимых для выявления коррупционных преступлений на стадии их подготовки (приготовления). Это создает правовую неопределенность, исключаящую превентивное применение мер оперативно-розыскной деятельности до момента совершения самого преступления.

Во-вторых, процедура уведомления Государственной Думы о задержании Уполномоченного не предусматривает представления результатов ОРД, что затрудняет объективную оценку законности применения к последнему указанной меры государственной принуждения.

Указанные коллизии особенно критичны с учетом высокого общественного доверия к институту омбудсмена и риска манипулирования общественным мнением. Имеющиеся пробелы подчеркивают необходимость законодательного уточнения процедуры проведения ОРМ и согласования мер в отношении Уполномоченного для обеспечения превентивной защиты конституционных гарантий.

3. Правовой статус Генерального прокурора РФ и подчиненных ему прокуроров определяется Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹². Статья 42 данного закона закрепляет исключительную компетенцию органов прокуратуры по проверке любых сообщений о правонарушениях, совершенных прокурорскими работниками, полностью исключая на начальном этапе участие внешних структур.

Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 18.04.2008 № 70 «О проведении проверок

(служебных расследований) в отношении прокурорских работников органов и учреждений прокуратуры РФ» уточняет, что ОРМ в отношении прокуроров возможны только по прямому поручению вышестоящего должностного лица самой прокуратуры¹³. Такой корпоративно-ориентированный механизм, с одной стороны, гарантирует внутренний контроль, но одновременно, с другой стороны, порождает фундаментальный конфликт интересов: прокуратура выступает одновременно объектом проверки и ее организатором. В результате возрастают риски бюрократической затянутости, формального подхода к расследованиям и невозможности оперативного реагирования на факты коррупционных правонарушений, что может подорвать принципы объективности правоприменения и доверия общества к системе надзора.

4. Подобная модель контроля распространяется и на сотрудников Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ). Согласно ст. 29 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»¹⁴, проверка сообщений о преступлениях работников СК РФ, решение о возбуждении уголовного дела (за исключением случаев, когда лицо застигнуто на месте преступления) и последующее расследование составляют исключительную прерогативу внутренних следственных органов комитета. Инициирование ОРД допустимо исключительно по решению руководителей СК РФ, без внешнего вмешательства.

Эта система, как подчеркивает А.Н. Халиков, усугубляется полным отсутствием в федеральных законах «О прокуратуре РФ» и «О Следственном комитете РФ» норм о взаимодействии с оперативно-розыскными органами, что оставляет неурегулированной саму возможность ОРМ и провоцирует судебные оспаривания их результатов даже при наличии внутренних поручений [1, с. 342].

На наш взгляд, это лишь верхушка айсберга: корпоративная монополия полностью подавляет инициативу независимых органов, осуществляющих ОРД (ФСБ, МВД), что делает антикоррупционные проверки уязвимыми перед угрозами нейтрализации (например, административными препятствиями или ограничением доступа к данным). В результате снижается эффективность превентивных мер по выявлению и нейтрализации внутренних угроз, а принцип равенства перед законом раз-

¹¹ Там же.

¹² О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. 03.02.2025). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ О проведении проверок в отношении прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 18.04.2008 № 70 (ред. от 28.04.2016). URL: <https://bazanpa.ru/genprokuratura-rossii-prikaz-n70-ot18042008-h878302/> (дата обращения: 20.01.2026).

¹⁴ О Следственном комитете Российской Федерации: Федер. закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 29.12.2025). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

мывается, что требует создания внешнего арбитра для баланса интересов.

В целом анализ правовой базы выявил серьезные проблемы в регулировании ОРД в отношении лиц с особым статусом. С одной стороны, существует риск нарушения их конституционных прав на неприкосновенность, с другой – ослабляет контроль оперативных служб за их деятельностью в антикоррупционной области. Имеющиеся пробелы подчеркивают необходимость сбалансированного подхода, сочетающего усиление независимости публичных структур с совершенствованием механизмов превентивного антикоррупционного контроля, что позволит избежать правоприменительных коллизий без ущерба конституционным приоритетам. По мнению А.Н. Халикова, законодательные пробелы фактически запрещают ОРД в отношении спецсубъектов, что существенно затрудняет противодействие коррупции [1, с. 342].

Соглашаясь с этой позицией, отмечаем, что исполнение конституционных принципов при осуществлении государственных властных полномочий предполагает повышенную прозрачность деятельности госслужащих любого уровня. Это исключает существующие, на наш взгляд, необоснованные ограничения на проведение ОРМ уполномоченными органами. Подобная прозрачность особенно актуальна в условиях роста коррупционных рисков среди спецсубъектов, подтвержденных статистикой Следственного комитета РФ, где отмечается устойчивая динамика нарушений среди отдельных представителей органов власти.

Для повышения прозрачности осуществления властных полномочий предлагается:

1. Установить обязательную аудио- и видеofиксацию служебных контактов должностных лиц с особым правовым статусом на рабочем месте на постоянной основе. Аудио- и видеозаписи должны аккумулироваться на специальном защищенном сервере, доступ к которому предоставляется компетентным органам исключительно по мотивированному запросу в целях проверки наличия признаков подготавливаемого коррупционного преступления.

Указанная мера сохранит конституционные гарантии независимости и процессуальную самостоятельность таких лиц, поскольку все записи наделяются статусом сведений, составляющих государственную тайну, а порядок доступа к серверу регламентируется действующими нормами законодательства о защите государственной тайны. Внедрение данной меры позволит выявлять противоправные действия на ранних стадиях и создаст правовую основу для своевременного применения пре-

вентивных оперативно-розыскных мероприятий с целью совершенствования законодательства об ОРД и повышения превентивной эффективности осуществления ОРМ в отношении специальных субъектов:

2. Уточнить процедуру согласования неотложных ОРМ путем внесения поправок к ст. 8 ФЗ «Об ОРД».

Положения указанной статьи (ст. 8) допускают проведение ОРМ в случаях, не терпящих отлагательств, без предварительного судебного решения при возникновении риска совершения тяжкого или особо тяжкого преступления с последующим уведомлением судьи в течение 24 часов¹⁵. Вместе с тем применение этих критериев на стадии приготовления коррупционных преступлений, предусмотренных ст. 290, 291 и 291.1 Уголовного кодекса РФ¹⁶, затруднено, поскольку указанные составы имеют формальный характер и считаются оконченными с момента принятия или передачи предмета взятки либо совершения действий по посредничеству во совершении, что создает объективную правовую неопределенность при оценке приготовления как «тяжкого» или «особо тяжкого» преступления без установленного ущерба и соучастников.

В целях устранения указанной коллизии считаем необходимым внесение изменений в ФЗ «Об ОРД», а именно расширить критерии неотложности применительно к коррупционным преступлениям на стадии приготовления с учетом их повышенной общественной опасности и специфики формальных составов. Такой подход позволит сочетать превентивный характер ОРМ с усилением контрольных механизмов, предусмотренных ст. 8 ФЗ «Об ОРД», обеспечивая соразмерность, необходимость и законность вмешательства в правовой статус спецсубъектов.

3. Определить круг уполномоченных лиц (или органов), которые устанавливают законность уже проведенных неотложных ОРМ в отношении указанной категории граждан, а также дают согласие на проведение ОРМ, исключая конфликт интересов (в том числе внутренний надзор без внешнего контроля). В качестве такого органа предлагается учредить «Департамент внешних антикоррупционных расследований РФ» (авторское наименование), подчиненный напрямую Президенту РФ, ключевые функции которого будут заключаться в независимой оценке законности неотложных ОРМ в отношении должностей с высоким коррупционным риском и выдаче согласия на их проведение с исключением конфликта интересов по аналогии с «Бюро по расследованию коррупционных практик Син-

¹⁵ Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ. Указ. соч.

¹⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

гапура» (СРІВ) [2, с. 132–138] (Сингапур занимает третье место среди 180 стран по Индексу восприятия коррупции 2025 г.¹⁷). Как и СРІВ, Департамент будет иметь статус вневедомственного органа с прямыми полномочиями по расследованиям, исключаящими ситуации, когда проверяемый орган выступает одновременно объектом проверки и ее организатором. Это обеспечит внешний контроль, минимизируя риски внутреннего конфликта интересов, для повышения независимости антикоррупционного контроля и исключения самоконтроля:

4. Исключить из федеральных законов положения, допускающие самоконтроль органов власти. В частности, из Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и Фе-

дерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» следует исключить нормы, при которых орган выступает одновременно объектом проверки и ее организатором. Это устранит конфликты интересов, усилит внешний контроль и повысит эффективность антикоррупционных мер в соответствии с принципами независимости и объективности.

Авторы полагают, что указанные инновационные решения будут способствовать повышению эффективности реализации государственной политики в сфере противодействия коррупционным проявлениям со стороны должностных лиц, обладающих особым правовым статусом.

Список источников

1. Халиков А.Н. Оперативно-розыскная деятельность по борьбе с коррупционными преступлениями, совершенными должностными лицами органов власти. 2-е изд., испр. и доп. М., 2020.

2. Бабенко С.В., Тишкин Д.Н. Стратегия развития современной уголовно-правовой политики России в сфере противодействия коррупции: вопросы правоприменения// Философия права. 2022. № 1 (100).

References

1. Khalikov A.N. Operational investigative activities to combat corruption crimes committed by government officials. 2nd ed., ispr. and supplement Moscow, 2020.

2. Babenko S.V., Tishkin D.N. Strategy for the development of modern criminal law policy in Russia in the field of anti-corruption: issues of law enforcement// Philosophy of Law. 2022. № 1 (100).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

С. А. Давыдова, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России. 347381, Российская Федерация, г. Волгодонск, ул. Степная, 40.

И. П. Напханенко, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного права и уголовно-правовых дисциплин Ростовского государственного университета путей сообщения. 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2.

С. А. Горелов, кандидат психологических наук, начальник кафедры деятельности ОВД в особых условиях Санкт-Петербургского университета МВД России. 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

S. A. Davydova, Senior lecturer at the Department of Tactical and Special Training of the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 40, Stepnaya St., Volgodonsk 347381 Russian Federation.

I. P. Napphanenko, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines of the Rostov State University of Communications. 2, Rostov Infantry Regiment Square, Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.

S. A. Gorelov, PhD in Psychological Sciences, Head of the Department of the Department of Internal Affairs in Special Conditions of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1, Pilyutova Pilota St., St. Petersburg 198206 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 11.03.2026; одобрена после рецензирования 28.03.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 11.03.2026; approved after reviewing 28.03.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

¹⁷ Рейтинг коррупции в Сингапуре. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/singapore/corruption-rank> (дата обращения: 09.03.2026).

ФАКТОРЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ УЧАЩИМИСЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ, СВЯЗАННЫЕ С НЕДОСТАТКАМИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Максим Александрович Дзюба

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация, maksim.dzuba.20142mail.ru@gmail.com

Введение: преступления, совершаемые учащимися в общеобразовательных организациях, детерминированы различными криминогенными факторами. Из всего спектра детерминант следует сфокусировать внимание на факторах, которые непосредственно связаны со школьной средой и деятельностью субъектов профилактики правонарушений, обеспечивающих ее безопасность для участников образовательного процесса. В их числе особое место занимают недостатки организации профилактической работы.

Материалы и методы: использованы диалектический и системный методы, общенаучные методы анализа, индукции, дедукции, обобщения и абстрагирования, синтез; частнонаучные методы: системно-структурный, конкретно-социологический, контент-анализ информационных материалов сети Интернет.

Результаты исследования: в числе факторов, детерминирующих преступления, совершаемые учащимися в общеобразовательных организациях, важное место занимают недостатки организации профилактической работы. Они представлены следующими криминогенными детерминантами: формализация профилактической работы с учащимися, недостаток профилактических мероприятий, их низкая эффективность, недостатки организации дополнительного образования, волонтерской и общественной деятельности учащихся и др. Представленные детерминанты являются основанием для разработки мер по их минимизации и устранению, что позволит значительно снизить криминальные риски и угрозы безопасности, которые объективируются в школьной среде.

Выводы и заключения: недостатки организации профилактической работы имеют важное значение в детерминации преступлений, совершаемых учащимися в общеобразовательных организациях, на уровне условий преступности. Они связаны с формализацией профилактической работы с учащимися, недостатком профилактических мероприятий и их низкой эффективностью, проблемами взаимодействия субъектов профилактики и др. Работа по минимизации и устранению рассмотренных криминогенных факторов позволит значительно снизить криминальные риски и угрозы безопасности, которые объективируются в школьной среде.

Ключевые слова: факторы преступлений, предупреждение преступлений, общеобразовательные организации, преступность, школа, учащиеся, школьная среда, криминогенная обстановка

Для цитирования: Дзюба М. А. Факторы преступлений, совершаемых учащимися в общеобразовательных организациях, связанные с недостатками организации профилактической работы // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 87–94.

Original paper

CRIME FACTORS COMMITTED BY STUDENTS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS RELATED TO THE SHORTCOMINGS OF THE ORGANIZATION OF PREVENTIVE WORK

Maxim Aleksandrovich Dzyuba

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: crimes committed by students in general education institutions are determined by various criminogenic factors. From the entire range of determinants, attention should be focused on factors that are directly related to the school environment and the activities of crime prevention

© Дзюба М.А., 2026

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

subjects that ensure its safety for participants in the educational process. Among them, a special place is occupied by the shortcomings of the organization of preventive work.

Materials and methods: *dialectical and systematic methods, general scientific methods of analysis, induction, deduction, generalization and abstraction, synthesis are used; private scientific methods: system-structural, concrete sociological, content analysis of information materials on the Internet.*

Results of the study: *among the factors determining crimes committed by students in educational institutions, the disadvantages of organizing preventive work occupy an important place. They are represented by the following criminogenic determinants: formalization of preventive work with students, lack of preventive measures, their low effectiveness, disadvantages of organizing additional education, volunteer and social activities of students, etc. The presented determinants are the basis for the development of measures to minimize and eliminate them, which will significantly reduce criminal risks and security threats that are objectified in the school environment.*

Findings and conclusions: *shortcomings in the organization of preventive work are important in determining crimes committed by students in educational institutions at the level of crime conditions. They are related to the formalization of preventive work with students, the lack of preventive measures and their low effectiveness, problems of interaction between subjects of prevention, etc. Efforts to minimize and eliminate the criminogenic factors considered will significantly reduce criminal risks and security threats that are objectified in the school environment.*

Keywords: *crime factors, crime prevention, general education organizations, crime, school, students, school environment, criminogenic situation*

For citation: *Dzyuba M. A. Crime factors committed by students in educational institutions related to the shortcomings of the organization of preventive work // Filosofiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 87–94.*

Криминогенные факторы, которые обуславливают неэффективность профилактической работы, призванной на раннем этапе купировать криминогенные риски и обеспечить коррекцию поведения учащихся из групп риска, превращают профилактическую работу в фикцию. Недостатки в этой области нейтрализуют любые, даже потенциально эффективные, меры, поскольку их реализация зависит от кадров, организации и содержания предупредительной деятельности.

На эти проблемы в более широком контексте неоднократно обращали свое внимание криминологи. Так, Е.В. Грибанов к числу препятствий развития предупредительной деятельности относит консервативность, бюрократизацию и оторванность от криминологической науки антикриминальной практики, недостатки нормативного правового регулирования, проблемы кадрового и организационного обеспечения [1, с. 96–99]. В свою очередь, А.В. Симоненко отмечает, что «задача науки состоит в выработке научно обоснованных рекомендаций и технологий, способных качественно изменить содержание правоохранительной деятельности, имеющей выраженные карательные и бюрократические векторы развития, в сторону превентивного отклика в режиме реального времени на проблемы граждан» [2, с. 10].

К числу криминогенных факторов данной группы следует отнести ряд наиболее значительных криминогенных детерминант.

1. Формализация профилактической работы с учащимися. Указанный фактор вскрывает системные недостатки профилактической работы субъектов профилактики правонару-

шений в общеобразовательных организациях, состоящие в подмене ее сущностного содержания выполнением формальных, бюрократических процедур для создания видимости благополучия и формирования благовидной отчетности.

На эту проблему неоднократно обращали внимание криминологи. Ими подчеркивается, что «в приоритете у субъектов профилактики правонарушений та деятельность, которая подлежит наиболее простому учету и контролю. На периферии антикриминальной практики остается непосредственная инициативная работа с человеком, семьей, коллективами граждан» [1, с. 97]. Это в полной мере следует отнести и к профилактической работе в общеобразовательных организациях.

Критерием успеха в профилактической работе часто считается не создание безопасной школьной среды, а количество проведенных профилактических мероприятий. Опрошенные нами специалисты из числа сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел указали на высокий формализм при разработке и реализации школьных планов профилактики (83 % респондентов), содержание которых тиражируется из года в год без учета актуальных рисков и угроз безопасности. При этом игнорируется индивидуальная профилактическая работа со школьниками, склонными к преступному поведению, и с подростками с повышенным уровнем виктимности [3, с. 41–46]. Криминологами справедливо отмечается, что руководством большинства школ практически не осуществляется анализ причин девиантного поведения несовершеннолетних, совершения

правонарушений обучающимися, не ведется надлежащий учет и профилактическая работа с педагогически запущенными детьми [4].

2. Недостаток профилактических мероприятий, их низкая эффективность. Данный фактор касается содержания предупредительной деятельности в школе. Он характеризуется количественным дефицитом профилактических мероприятий и их качественным наполнением.

Проведенный анализ 62 школьных планов профилактики показал не только формализм в их составлении, но и узкий спектр запланированных мероприятий, которые часто не соответствуют актуальным угрозам. За редким исключением в них не нашли отражения вопросы профилактики школьного насилия, буллинга, скулшутинга, деятельности групп антиобщественной направленности, хулиганства, вандализма. Грибанов Е.В. указывает, что «на практике информация, составляющая содержание материалов антикриминальной пропаганды, подготавливается в ряде случаев со значительным запозданием. Криминальные и маргинальные явления, связанные с преступностью, развиваются довольно продолжительное время, формируя соответствующую идеологию, не встречая информационного противодействия» [5, с. 24].

Вследствие отсутствия диагностических мероприятий фиксируется отсутствие работы с выявленными группами риска на предкриминальном этапе. В большинстве случаев индивидуальная работа начинается лишь после совершения преступления. Проводимая же индивидуальная работа часто сводится к беседам, заседаниям советов профилактики, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДНиЗП), постановкой на внутришкольный и профилактические учеты.

Профилактическая работа в общеобразовательных организациях оторвана от подростковой среды. Ее субъекты используют неэффективные каналы коммуникации (лекции) и форму подачи материала, что нередко вызывает безразличие или отторжение у подростковой аудитории. Опора субъектов профилактики на пассивные, лекционные формы переводит подростков в разряд объектов воздействия, а не активных участников процесса, что значительно снижает усвоение информации и формирование навыков безопасного поведения. В профилактической работе в школах практически не фиксируется использование потенциала тренингов, деловых игр, проектной деятельности, которые позволяют отработать на практике навыки разрешения конфликтов, противостояния групповому давлению, правовой защиты своих интересов.

Сказанное подтверждают и результаты исследований, проведенные в данной области другими авторами. Тарханова И.Ю. отмечает,

что проведенный анализ организации профилактической работы в образовательных организациях г. Ярославля показал, что «профилактические мероприятия часто бессистемны, не обеспечены программными и методическими материалами и сведены к разовым акциям без последующего анализа эффективности; педагоги, осуществляющие профилактическую работу, не всегда учитывают возрастные и гендерные особенности целевой аудитории, нет различий в подаче материала для учащихся разных возрастных категорий, а также для учащихся различной степени вовлеченности в тот или иной вид дезадаптации; чаще всего в ходе профилактической работы используется информационный подход (лекции, беседы), нередко применяются стратегии «запугивания», в то время как активные и интерактивные методы профилактики используются лишь эпизодически» [6, с. 42].

3. Недостатки организации дополнительного образования, волонтерской и общественной деятельности учащихся. Представленный фактор касается вопроса организации досуговой занятости школьников и особенно представителей групп риска (школьников, состоящих на профилактических учетах, а также имеющих повышенный уровень виктимности). Данный фактор проявляется в отсутствии эффективных механизмов вовлечения подростков из групп риска в социально одобряемую, развивающую деятельность, конкурентоспособную по эмоциональной насыщенности и статусности с девиантными формами поведения.

Проведенное нами изучение доступности дополнительного образования для детей и подростков выявило ряд негативных тенденций в данной области. Во-первых, речь идет о коммерциализации дополнительного образования: спорта, художественного и музыкального искусства. Речь идет как о внутришкольном дополнительном образовании, которое организуется силами самой школы, так и о дополнительном образовании, которое обеспечивают специализированные образовательные организации: спортивные, музыкальные, художественные школы.

Проблема в этой области стоит настолько остро, что в отношении нее несколько раз высказывался Президент России В.В. Путин [7; 8]. Бесплатное дополнительное образование, являющееся инструментом социализации, подменяется платными услугами [9, с. 169–170]. Особую обеспокоенность вызывает коммерциализация внутришкольного дополнительного образования, в основном в крупных и средних городах, когда в муниципальных общеобразовательных организациях, используя школьное муниципальное имущество, на основании договора безвозмездного пользования или аренды ведется неприкрытая ком-

мерческая деятельность по предоставлению образовательных услуг в области спорта, художественного или технического творчества. В ряде изученных нами в ходе исследования общеобразовательных организациях доля таких кружков и секций доходила до 100 %. Такая ситуация оставляет за рамками дополнительного образования детей из семей с низким уровнем дохода, находящихся в социально опасном положении, что прямо продуцирует криминогенный потенциал.

Во-вторых, в ходе исследования нами была изучена занятость в дополнительном образовании школьников, состоящих на внутришкольном учете или на профилактическом учете в органах внутренних дел (группа риска). Учитывались только случаи систематических занятий (не менее двух раз в неделю, с выполнением разрядов, участием в соревнованиях, выставках, представлениях). Результаты анализа показали низкую вовлеченность состоящих на учетах несовершеннолетних в организованные формы досуговой деятельности. Доля таких лиц по итогам проведенного обследования составила 4,5 % от общего числа несовершеннолетних, состоящих на профилактических учетах.

Субъекты профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (органы образования, учреждения дополнительного образования, органы физической культуры и спорта, органы культуры) часто не видят в этом своей задачи, а работу организуют исключительно с подростками, не входящими в группы криминогенного риска. Отсутствует и должный организационный механизм осуществления этой деятельности. В указанных органах и организациях не выработана система поощрений, индивидуальных рекомендаций, не проводится работа с тренерами и руководителями кружков по вовлечению указанной категории подростков в дополнительное образование. Отсюда вакуум позитивной занятости закономерно заполняется противоправной деятельностью.

В-третьих, субъектами профилактики не используется потенциал общественных, волонтерских и добровольческих объединений в организации досуговой деятельности несовершеннолетних из группы риска. Такие молодежные организации, как Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия», Общероссийское общественно-государственное движение детей и молодежи «Движение первых», имеют значительный антикриминогенный потенциал, который не в полной мере используется субъектами профилактики правонарушений. Вместе с тем теоретические основы использования возможностей общественных организаций в профилактике правонарушений

подробно представлены в современной криминологической литературе [10].

4. Низкая активность и проблемы взаимодействия субъектов профилактики в осуществлении предупредительной деятельности в общеобразовательных организациях. Данный фактор отражает недостатки межведомственного взаимодействия, при котором формально существующая система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних работает разрозненно, нескоординированно и с низкой эффективностью.

Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Федеральный закон № 120-ФЗ) в ст. 4 провозглашает функционирование системы профилактики [11, с. 69–95]. Однако на практике многие субъекты действуют изолированно, в рамках собственных ведомственных инструкций, показателей отчетности и понимания задач, а также проявляют низкую активность в работе в общеобразовательных организациях. Школа, как основное место пребывания ребенка вне семьи и как основной первичный субъект профилактики, зачастую не получает своевременной и качественной поддержки извне [12, с. 32].

Проблематика участия органов внутренних дел (подразделений по делам несовершеннолетних, участковых уполномоченных полиции, сотрудников подразделений по контролю за оборотом наркотиков, по противодействию экстремизму) в профилактике преступлений, совершаемых учащимися, имеет несколько аспектов.

Общеобразовательные организации в лице их администрации, как правило, не заинтересованы в направлении сообщений о происшествиях в органы внутренних дел. В органы внутренних дел зачастую не поступает информация о школьниках, склонных к делинквентному поведению, выявленных угрозах безопасности. Администрация школы блокирует поступление информации о правонарушениях в официальные правоохранительные каналы.

Проведенные опросы позволили выделить следующий наиболее распространенный механизм сокрытия информации. Он предусматривает проведение по факту происшествия внутреннего разбирательства вместо обращения в полицию. В этом случае конфликт пытаются разрешить силами педагогического совета, бесед с родителями и детьми, а действия преступника квалифицируются как дисциплинарный проступок. В ряде случаев допускается давление на жертву и ее родителей. Такие инциденты или не фиксируются, или происходит их искаженная фиксация. На проблемы ненадлежащего взаимодействия общеобразовательных организаций с правоохранительными

ми органами указывают и результаты криминологических исследований [13, с. 214].

Органы внутренних дел включаются в профилактическую работу после регистрации совершенного преступления и наступления негативных последствий. Как показывают результаты криминологических исследований, «по мнению 78% экспертов, информация передается в правоохранительные органы лишь при совершении правонарушений, с последствиями которых педагоги не способны справиться» [14, с. 80]. Их участие в школьной профилактике, как правило, ограничивается выполнением пунктов школьных планов профилактики правонарушений. За пределами их контроля остается территория общеобразовательной организации, сетевое пространство, группы риска школьников.

Среди органов и учреждений здравоохранения наибольшее значение в школьной профилактике имеют специалисты – психиатры и наркологи. Оказание помощи школьникам, страдающим психическими расстройствами, наркотической или алкогольной зависимостью, имеет важнейшее значение [15, с. 74–77]. Их деятельность направлена на работу с глубинными, клинически значимыми причинами девиантного поведения школьников, которые часто лежат в основе совершения ими правонарушений.

Значительная доля агрессивного, асоциального или противоправного поведения подростков связана с недиагностированными психическими расстройствами. Без своевременного вмешательства специалиста эти состояния могут провоцировать конфликты, самоповреждающее поведение и акты немотивированной агрессии [16, с. 5–9].

В свою очередь, употребление психоактивных веществ является мощнейшим криминогенным фактором, напрямую связанным с преступным поведением несовершеннолетних [17; 18]. Специалисты-наркологи обладают компетенцией для выявления признаков употребления на самых ранних стадиях, проведения дифференциальной диагностики и оказания квалифицированной помощи, что является прямой профилактикой дальнейшей криминализации подростка [19, с. 165–172].

Несмотря на высокую значимость медицинской профилактики в данной области потенциал психиатров и наркологов в системе школьной профилактики реализуется не в полной мере. Это обусловлено ведомственной разобщенностью, отсутствием механизмов взаимодействия между школой и учреждениями здравоохранения: администрация школы может не знать о наблюдении ученика у специалиста и необходимости организации ему специальных условий для получения образования, а врачи не получают от школы информации о поведе-

нии подростка, у которого имеются признаки психического расстройства, алкогольной или наркотической зависимости.

Важную роль в системе профилактики занимают органы социальной защиты населения, а также органы опеки и попечительства. Эти органы, призванные выступать гарантом соблюдения прав ребенка и нейтрализации социальных причин неблагополучия, действуют неэффективно, запоздало и формально [20, с. 63–67]. Это приводит к тому, что кризисные ситуации в семьях школьников не разрешаются, а формирующийся криминогенный потенциал переносится в общеобразовательные организации. Недостатки взаимного обмена информацией приводят к отсутствию эффективной реакции органов социальной защиты населения, опеки и попечительства на правонарушающее поведение школьников через работы с их микросредой (семьей). Именно в школе как первичном звене профилактической работы через поведение ребенка проявляются негативные аспекты семейного воспитания (прогулы, неопрятный и неряшливый внешний вид, отсутствие внимания родителей к учебе ребенка, поведенческие отклонения ребенка, вызванные семейным неблагополучием), требующие в ряде случаев участия специалистов.

Органы по делам молодежи как ключевой субъект, отвечающий за разработку и реализацию молодежной политики, традиционно ориентированы на работу с талантливой молодежью, часто игнорируя свои обязанности, закрепленные ст. 17 Федерального закона № 120-ФЗ [11, с. 394–411]. Их работа в этой области сводится к проведению разовых, отчетных мероприятий (форумы, акции), не формирующих системной вовлеченности подростков из групп риска в социально полезную деятельность [21, с. 63–69]. Проведенные опросы и изученные школьные планы профилактики показали отсутствие механизмов вовлечения органами по делам молодежи и подведомственными им учреждениями школьников из групп рисков, нуждающихся в вовлечении в социально полезную деятельность.

Органы физической культуры и спорта отвечают за реализацию мощнейшего инструмента позитивной социализации детей, дисциплины, канализации агрессии и формирования здорового коллектива [22, с. 806–809]. Помимо рассмотренных ранее проблем, отметим нежелание их представителей работать со школьниками из групп риска (тренеры зачастую отсеивают детей с проблемным поведением или низкими стартовыми возможностями, опасаясь за дисциплину и результат), отсутствие специализированных программ общефизической и спортивной подготовки для подростков с девиантным поведением.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Органы культуры, аналогично органам физической культуры и спорта, обеспечивают творческую деятельность несовершеннолетних. Как и в предыдущем случае, их работа, как правило, не ориентирована на подростков из групп риска. Учреждения культуры часто предлагают школьникам формы досуга, неактуальные для современной подростковой аудитории.

Координировать профилактическую работу субъектов профилактики, в том числе в общеобразовательных организациях, призваны КДНиЗП. Они являются ключевым координирующим и административно-юрисдикционным органом в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [11, с. 210–241].

КДНиЗП часто становятся органом формального, запоздалого и несистемного реагирования, чья деятельность сводится к бюрократической процедуре, не выполняя роль реального модератора профилактической работы. Материалы на подростка часто поступают в КДНиЗП после неоднократных правонарушений, когда ситуация уже критическая. Основное внимание КДНиЗП уделяется рассмотрению административных материалов, а не организации профилактической деятельности субъектов профилактики [23, с. 52–58]. Школа не получает от КДНиЗП действенных рекомендаций и ресурсов для работы с трудным подростком в стенах общеобразовательного учреждения.

Проанализированные недостатки в работе перечисленных органов и организаций системы профилактики формируют криминогенные условия для преступного поведения школьников, лишая значительную часть подростков, особенно из группы риска, эффективного профилактического и воспитательного воздействия.

5. Проблемы профессионального обеспечения профилактической деятельности. Данный фактор является ключевым в области организации профилактической работы и во многом определяет неэффективность всех иных направлений профилактики. Он имеет несколько взаимосвязанных аспектов.

Недостаток квалифицированных кадров в общеобразовательных организациях, в подразделениях и организациях иных субъектов профилактики. Изученные информационные материалы и опрошенные специалисты позволяют утверждать о кадровом кризисе не толь-

ко системы образования, но и иных субъектов профилактики. Так, по оценке министра просвещения РФ Сергея Кравцова, замещающая потребность в педагогах до 2030 г. составит 96 тыс. специалистов, 40 тыс. из них – учителя [24]. Схожая ситуация фиксируется в полиции и в других ведомствах [25]. Сложившаяся ситуация обуславливает высокую нагрузку на педагогов, сотрудников и специалистов, что часто сводит их работу к формальному реагированию на уже совершенные правонарушения.

Недостаточная профессиональная подготовка субъектов профилактики правонарушений. Проведенные нами опросы и наблюдения показали, что педагоги, представители администрации школ, сотрудники полиции, иные субъекты профилактики за редким исключением не имеют системных знаний в области профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Сотрудники полиции, ориентированные прежде всего на реализацию мер административно-правового и уголовно-правового характера, испытывают проблемы в реализации эффективных мер по диагностике криминогенной ситуации, в т. ч. в сети Интернет, проведении индивидуальной, групповой и массовой работы со школьниками и их семьями. Субъекты профилактики (педагоги, представители администрации школ, иной школьный персонал, специалисты органов соцзащиты, культуры, спорта) не обладают необходимыми компетенциями для работы именно с несовершеннолетними правонарушителями в школьной среде. Следует отметить и недостаток программ профессионального обучения субъектов профилактики в этой области, особенно различных категорий педагогов, представителей школьной администрации, сотрудников полиции.

Низкая мотивация и стимулирование профилактической деятельности. В органах и учреждениях образования, физической культуры и спорта, культуры, по делам молодежи не разработано эффективных материальных и административных механизмов поощрения педагогов и специалистов, успешно реализующих профилактические мероприятия и программы, работающих с подростками, состоящими на профилактических учетах и входящими в группы риска. Этому способствует и высокий уровень бюрократизации, которая подменяет качественную работу формальным заполнением отчетности.

Список источников

1. Грибанов Е.В. Технологии предупреждения преступлений: проблемы формирования и развития // Государство и право. 2019. № 10.

References

1. Gribanov E.V. Crime prevention technologies: problems of formation and development // State and law. 2019. № 10.

2. Симоненко А. В. Перспективы развития культуры противодействия преступности // Общество и право. 2019. № 3 (69).

3. Поликашина О.В. О роли образовательных организаций в профилактике правонарушений несовершеннолетних // Наука и школа. 2016. № 6.

4. Панов С.Л. Правонарушения и преступления в школе: криминологический аспект // Современное право. 2007. № 6.

5. Грибанов Е.В. Материалы антикриминальной пропаганды и инструменты их распространения // Общество и право. 2024. № 4 (90).

6. Тарханова И.Ю. Новые подходы к организации профилактической работы в образовательной среде // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6.

7. Заседание Совета по развитию физической культуры и спорта. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78421> (дата обращения: 30.12.2025);

8. Заседание Совета по развитию физической культуры и спорта. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75343> (дата обращения: 30.12.2025).

9. Тихонов Е.В. Проблемы дополнительно образования и способы их решения // Вестник науки. 2023. № 4 (61).

10. Хомутов М.В. Предупреждение преступлений социально ориентированными некоммерческими организациями: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021.

11. Грибанов Е.В. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (постатейный) / под ред. А.В. Симоненко. М., 2021.

12. Кудака М.А., Михаленко Т.Н., КорABLEVA Е.Э. [и др.]. Выявление и профилактика деструктивного рискованного поведения подростков: методическое пособие. Череповец, 2022.

13. Казанцева Л.А., Калинин И.А., Гайнов И.Д. Современные аспекты профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в общеобразовательных организациях // Вестник экономической безопасности. 2023. № 5.

14. Грибанов Е.В. Школьное насилие: меры профилактики и контроля (по материалам экспертного опроса) // Социологические исследования. 2016. № 7 (387).

15. Макаров И.В. Организация психиатрической помощи детям и подросткам // Педиатрия. Журнал им. Г.Н. Сперанского. 2004. № 3.

16. Барыльник Ю.Б., Бачило Е.В., Филиппова Н.В. [и др.]. К вопросу о факторах преступного поведения среди несовершеннолетних с психическими нарушениями // Социальная и клиническая психиатрия. 2016. № 2.

2. Simonenko A.V. Prospects for the development of a culture of combating crime // Society and law. 2019. № 3 (69).

3. Polikashina O.V. On the role of educational organizations in the prevention of juvenile delinquency // Science and School. 2016. № 6.

4. Panov S.L. Offenses and crimes at school: criminological aspect // Modern law. 2007. № 6.

5. Gribanov E.V. Materials of anti-criminal propaganda and tools for their dissemination // Society and law. 2024. № 4 (90).

6. Tarkhanova I.Y. New approaches to the organization of preventive work in the educational environment // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2016. № 6.

7. Meeting of the Council for the Development of Physical Culture and Sports. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78421> (date of access: 30.12.2025);

8. Meeting of the Council for the Development of Physical Culture and Sports. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75343> (date of access: 30.12.2025).

9. Tikhonov E.V. Problems of additional education and ways to solve them // Bulletin of Science. 2023. № 4 (61).

10. Khomutov M.V. Crime prevention by socially oriented non-profit organizations: diss. ... PhD in Law. Krasnodar, 2021.

11. Gribanov E.V. Scientific and practical commentary to the Federal Law "On the fundamentals of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency" (article-by-article) / edited by A.V. Simonenko, Moscow, 2021.

12. Kudaka M.A., Mikhailenko T.N., KorABLEVA E.E. [et al.]. Identification and prevention of destructive risky behavior of adolescents: a methodological guide. Cherepovets, 2022.

13. Kazantseva L.A., Kalinichenko I.A., Gainov I.D. Modern aspects of prevention of neglect and juvenile delinquency in educational institutions // Bulletin of Economic Security. 2023. № 5.

14. Gribanov E.V. School violence: prevention and control measures (based on the materials of an expert survey) // Sociological research. 2016. № 7 (387).

15. Makarov I.V. Organization of psychiatric care for children and adolescents // Pediatrics. The G.N. Speransky Magazine. 2004. № 3.

16. Baryl'nik Yu.B., Bachilo E.V., Filippova N.V. [and others]. On the issue of factors of criminal behavior among minors with mental disorders // Social and clinical psychiatry. 2016. № 2.

17. Moskina E.A. Criminological characteristics and educational and preventive aspects of the prevention of crimes committed by female minors on the basis of drug addiction: diss. ... PhD in Law. Moscow, 2006.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

17. Моськина Е.А. Криминологическая характеристика и воспитательно-профилактические аспекты предупреждения преступлений, совершаемых несовершеннолетними женского пола на почве наркомании: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

18. Судакова Т.М. Криминологическая характеристика преступного поведения несовершеннолетних, употребляющих отдельные виды психоактивных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002.

19. Беженцев А.А. Деятельность учреждений здравоохранения по профилактике потребления несовершеннолетними алкогольной продукции и наркотических средств: административно-правовой аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (83).

20. Магомедов М. Роль социальной защиты в профилактике преступлений несовершеннолетних // Власть. 2007. № 3.

21. Ростовская Т.К., Шимановская Я.В. Деятельность учреждений органов по делам молодежи по профилактике вовлеченности несовершеннолетних в преступную деятельность // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 2.

22. Есенов Т.Т., Мифтахов А.Ф. Профилактика правонарушений среди несовершеннолетних средствами физической культуры и спорта // Экономика и социум. 2016. № 6-1 (25).

23. Беженцев А.А. Роль комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в профилактике правонарушений несовершеннолетних, перспективы модернизации административной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73).

24. Кравцов: замещающая потребность в педагогах до 2030 г. составит 96 тыс. человек. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23313199> (дата обращения: 03.01.2026).

25. Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/news/item/62189090?ysclid=mjyhd9ytjk384134439> (дата обращения: 03.01.2026).

18. Sudakova T.M. Criminological characteristics of the criminal behavior of minors using certain types of psychoactive substances: diss. ... PhD in Law. Irkutsk, 2002.

19. Refugee A.A. Activities of healthcare institutions for the prevention of consumption of alcoholic beverages and narcotic drugs by minors: administrative and legal aspect // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3 (83).

20. Magomedov M. The role of social protection in the prevention of juvenile delinquency // Power. 2007. № 3.

21. Rostovskaya T.K., Shimanovskaya Ya.V. The activities of youth affairs agencies to prevent the involvement of minors in criminal activity // Izvestiya Tulkogo gosudarstvennogo universiteta. Humanities. 2017. № 2.

22. Yesenov T.T., Miftakhov A.F. Prevention of offenses among minors by means of physical culture and sports // Economics and society. 2016. № 6-1 (25).

23. Refugee A.A. The role of juvenile affairs commissions and the protection of their rights in the prevention of juvenile delinquency, prospects for the modernization of administrative activities // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1 (73).

24. Kravtsov: the replacement need for teachers by 2030 will amount to 96 thousand people. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23313199> (date of access: 03.01.2026).

25. Vladimir Kolokoltsev's speech at an expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/news/item/62189090?ysclid=mjyhd9ytjk384134439> (date of access: 03.01.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

М. А. Дзюба, преподаватель кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

M. A. Dzyuba, lecturer in the Department of Forensic Science. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 14.05.2026; одобрена после рецензирования 22.05.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 14.05.2026; approved after reviewing 22.05.2026; accepted for publication 08.06.2026.

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ В ДОРОЖНОМ ДВИЖЕНИИ ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Анна Николаевна Дудниченко

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
ms.dan76@mail.ru

Введение: одним из наиболее значимых технологических прорывов в современную эпоху цифровизации стало появление высокоавтоматизированных транспортных средств (ВАТС). Однако, как справедливо отмечают исследователи, темпы технического прогресса в данной области значительно опережают развитие правовой базы, что создает серьезные препятствия для легального, безопасного и массового использования таких автомобилей. Действующее законодательство оказалось не готово к появлению принципиально нового участника дорожного движения – «беспилотного транспортного средства», действующего на основе сложных программных алгоритмов. Возникает объективная и настоятельная необходимость в глубоком научном осмыслении возникающих правовых коллизий и поиске эффективных путей их разрешения.

Материалы и методы: теоретическую основу научной статьи составили труды отечественных ученых, специализирующихся на проблемах эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств. Нормативную базу работы составили международные документы и нормативные правовые акты Российской Федерации. В процессе работы применялись как общенаучные методы познания: диалектический метод, анализ, синтез, индукция, дедукция, так и специальные: формально-юридический, сравнительно-правовой и др.

Результаты исследования: в статье рассмотрены правовые проблемы, связанные с участием высокоавтоматизированных транспортных средств в дорожном движении, сформулирован ряд выводов и предложений, имеющих как теоретическое, так и практическое значение в части создания эффективной правовой базы для эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств.

Выводы и заключения: развитие цифровых технологий и систем искусственного интеллекта в последние десятилетия привело к кардинальным изменениям во многих сферах общественной жизни, и сфера транспорта не стала исключением. Научные разработки, полученные в результате исследования, направлены на определение основных путей совершенствования российского законодательства в области интеграции ВАТС в дорожное движение.

Ключевые слова: высокоавтоматизированное транспортное средство; беспилотный автомобиль; правовое регулирование; безопасность дорожного движения

Для цитирования: Дудниченко А. Н. К вопросу совершенствования правового регулирования участия в дорожном движении высокоавтоматизированных транспортных средств // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 95–100.

Original paper

ON THE ISSUE OF IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF PARTICIPATION IN ROAD TRAFFIC OF HIGHLY AUTOMATED VEHICLES

Anna Nikolaevna Dudnichenko

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: one of the most significant technological breakthroughs in the modern era of digitalization has been the emergence of highly automated vehicles (VATS). However, as the researchers rightly point out, the pace of technological progress in this area is significantly outpacing the development of the legal framework, which creates serious obstacles to the legal, safe and widespread use of such vehicles. The current legislation was not ready for the emergence of a fundamentally new road user – an "unmanned vehicle" operating on the basis of complex software algorithms. There is an objective and urgent need for a deep scientific understanding of emerging legal conflicts and the search for effective ways to resolve them.

© Дудниченко А.Н., 2026

Materials and methods: the theoretical basis of the scientific article consists of the works of Russian scientists specializing in the problems of operation of highly automated vehicles. The regulatory framework of the work consists of international documents and regulatory legal acts of the Russian Federation. In the course of the work, both general scientific methods of cognition were used: the dialectical method, analysis, synthesis, induction, deduction, and special ones: formal law, comparative law, etc.

Results of the study: the article examines the legal problems associated with the participation of highly automated vehicles in road traffic, and formulates a number of conclusions and proposals of both theoretical and practical importance in terms of creating an effective legal framework for the operation of highly automated vehicles.

Findings and conclusions: the development of digital technologies and artificial intelligence systems in recent decades has led to drastic changes in many areas of public life, and the transport sector is no exception. The scientific developments obtained as a result of the study are aimed at identifying the main ways to improve Russian legislation in the field of integrating WATS into road traffic.

Keywords: highly automated vehicle; unmanned vehicle; legal regulation; road safety

For citation: Dudnichenko A. N. On the issue of improving the legal regulation of participation in road traffic of highly automated vehicles // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 95–100.

Ключевой и основополагающей проблемой, с которой сталкивается законодатель и правоприменитель при попытке урегулировать участие высокоавтоматизированных транспортных средств (далее – ВАТС) в дорожном движении, является отсутствие единого, научно обоснованного и законодательно закреплённого понятийного аппарата. В современной научной литературе, ведомственных документах и средствах массовой информации можно встретить множество различных терминов, которые зачастую используются как синонимичные, хотя таковыми не являются. Речь идет о таких понятиях, как «беспилотное транспортное средство», «автономное транспортное средство», «транспортное средство с системой автопилота» и «высокоавтоматизированное транспортное средство» [1, с. 204]. Такая терминологическая неопределенность недопустима с точки зрения юридической техники, поскольку каждый из указанных терминов может подразумевать принципиально разную степень автономности управления и, соответственно, требовать установления различных правовых режимов эксплуатации, сертификации и ответственности [2, с. 56].

Определенный шаг в направлении унификации понятийного аппарата был сделан с принятием Распоряжения Правительства РФ от 25.03.2020 № 724-р, которым была утверждена Концепция обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования [3]. В данном стратегическом документе закрепляется определение беспилотного транспортного средства, под которым понимается транспортное средство, конструкцией которого предусмотрена возможность движения без участия водителя. Однако, как справедливо и обоснованно отмечает Д.В. Митрошин в своем исследовании, посвященном формированию международной нормативной основы, это определение носит чрезмерно общий характер и не содержит какой-либо

классификации по уровням автоматизации [2, с. 57]. Отсутствие такой классификации существенно затрудняет выработку дифференцированных и адекватных техническому уровню развития требований к данным транспортным средствам. Нельзя предъявлять одинаковые требования к автомобилю, который лишь иногда берет на себя управление на трассе, и к полностью автономному транспортному средству, не предусматривающему наличия человека, управляющего автомобилем в салоне.

Анализ зарубежного опыта и доктринальных разработок показывает, что наиболее перспективным и признанным в мировом сообществе является подход, основанный на выделении нескольких последовательных уровней автоматизации транспортных средств – от простых систем помощи водителю до полностью автономных транспортных средств, не требующих вмешательства человека в процесс управления на всем протяжении поездки [4, с. 31]. Отсутствие законодательно закреплённой классификации порождает целый ряд серьезных правовых неопределенностей. В частности, остаются нерегламентированными вопросы сертификации такого транспортного средства, условий эксплуатации на дорогах общего пользования, определения ответственности между человеком и автоматизированной системой в случае дорожно-транспортного происшествия [5, с. 43].

Мировая практика регулирования в области высокоавтоматизированных транспортных средств демонстрирует, что эффективное правовое регулирование невозможно без конкретизированной и общепринятой классификации степеней автоматизации. Наиболее авторитетной в данной сфере является классификация, разработанная Обществом автомобильных инженеров (SAE International), которая выделяет шесть уровней автоматизации – от нулевого (полное отсутствие автоматизации) до пятого (полная автоматизация, не требующая участия человека). Как справедливо отмечают Е.А. Чипурина и А.С. Сергунова, адаптация подобной

классификации в российском законодательстве позволила бы решить множество правовых коллизий, возникающих при квалификации статуса транспортного средства и распределения обязанностей между человеком и автоматизированной системой [3, с. 143].

Применительно к российским реалиям особое значение приобретает разграничение так называемых «частично автоматизированных» и «высокоавтоматизированных» транспортных средств. В первом случае речь идет об автомобилях, оснащенных отдельными вспомогательными системами (адаптивный круиз-контроль, система удержания в полосе, автоматическая парковка), однако ключевая роль в управлении сохраняется за человеком – водителем, который обязан постоянно контролировать дорожную обстановку [4, с. 32]. Во втором случае – о транспортных средствах, которые способны самостоятельно выполнять все функции управления в определенных условиях (например, на автомагистралях) или на всем протяжении поездки, и человек-водитель может не контролировать процесс управления постоянно, но должен быть готов принять управление по запросу системы.

Представляется, что законодательное закрепление классификации уровней автоматизации должно быть осуществлено на уровне федерального закона с последующей детализацией в подзаконных нормативных правовых актах и технических регламентах. Такая классификация должна стать основой для разработки дифференцированных требований к: порядку допуска ВАТС к эксплуатации (включая процедуры сертификации и испытаний); профессиональным требованиям к водителям-операторам (необходимость специальной подготовки, наличие соответствующих навыков); условиям страхования гражданской ответственности; порядку расследования дорожно-транспортных происшествий с участием ВАТС.

Еще одной актуальной проблемой является необходимость интеграции понятия ВАТС и связанных с ним категорий в нормативные положения действующих Правил дорожного движения Российской Федерации (далее – ПДД РФ). Действующая редакция ПДД РФ исходит из презумпции наличия водителя как лица, управляющего транспортным средством, и возлагает на него весь объем прав и обязанностей, связанных с участием в дорожном движении. Как справедливо отмечают Л.П. Лобачёва и С.П. Сальников, появление транспортных средств, способных двигаться без участия водителя, требует пересмотра многих фундаментальных положений ПДД РФ [6, с. 54].

Прежде всего, необходимо определить дефиницию «водитель» применительно к ВАТС. Очевидно, что в случае с полностью автономным транспортным средством (пятый уровень автоматизации) водитель как физическое лицо, непосредственно осуществляющее управление,

может отсутствовать, что порождает ряд вопросов юридического характера. Кто несет обязанности, предусмотренные ПДД? Должна ли автоматизированная система управления рассматриваться как «водитель» в юридическом смысле? Очевидно, что нет, поскольку субъектом права может быть только физическое или юридическое лицо, а не программно-аппаратный комплекс. Следовательно, необходимо определить, на кого возлагаются обязанности водителя в тех случаях, когда транспортное средство движется в автоматическом режиме.

Митрошин Д.В. в своем исследовании, посвященном международной нормативной основе организации дорожного движения, обращает внимание на опыт зарубежных стран, где данный вопрос решается по-разному [2, с. 58]. В некоторых юрисдикциях (например, в отдельных штатах США) законодательно закрепляется понятие «оператора» – лица, которое находится в транспортном средстве и готово принять управление в любой момент, но может не осуществлять его постоянно. В других странах (например, в Германии) вводится понятие «технического надзора», который может осуществляться удаленно, и ответственность возлагается на владельца транспортного средства или компанию-оператора.

Для российской правовой системы наиболее приемлемым представляется поэтапный подход. На первом этапе, пока речь идет об экспериментальной эксплуатации ВАТС, целесообразно сохранить требование о наличии в транспортном средстве водителя (оператора), готового в любой момент вмешаться в управление. Это соответствует положениям Концепции, утвержденной Распоряжением Правительства РФ № 724-р, где говорится о необходимости обеспечения возможности перехода к ручному управлению. На последующих этапах, по мере накопления опыта и развития технологий, можно будет рассмотреть вопрос о легализации полностью автономных транспортных средств без водителя в салоне.

Кроме того, потребуется внести изменения в целый ряд разделов ПДД РФ, в том числе: регулирующих очередность проезда перекрестков (как ВАТС должно взаимодействовать с другими участниками движения); требования к подаче световых и звуковых сигналов (должны ли быть специальные сигналы, информирующие о том, что автомобиль движется в автоматическом режиме); правила остановки и стоянки (как ВАТС должно выполнять требования дорожных знаков и разметки в отсутствие водителя); действия при дорожно-транспортном происшествии (какие обязанности возлагаются на автоматизированную систему в случае ДТП). Решение этих вопросов требует системного пересмотра концептуальных основ правового регулирования дорожного движения с учетом новых технологических реалий.

Ключевой целью внедрения высокоавтоматизированных транспортных средств декларируется кардинальное повышение уровня безопасности дорожного движения и снижение смертности в результате дорожно-транспортных происшествий. Эта цель созвучна с положениями Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/74/299, провозгласившей очередное Десятилетие действий по обеспечению безопасности дорожного движения и призвавшей государства-члены принять все возможные меры для сокращения числа погибших и пострадавших в ДТП. Однако достижение этой цели невозможно без решения целого комплекса сложнейших правовых и технических задач, связанных с обеспечением безопасности ВАС на всех этапах их жизненного цикла – от проектирования и производства до эксплуатации и утилизации.

Прежде всего, действующие технические регламенты и национальные стандарты, регламентирующие безопасность колесных транспортных средств, не учитывают специфику конструкции и функционирования ВАС, существующие процедуры оценки соответствия (сертификации) исторически ориентированы на проверку механических узлов, агрегатов и систем, управляемых непосредственно человеком [4, с. 32]. Эти процедуры позволяют оценить тормозные свойства автомобиля, эффективность рулевого управления, надежность световых приборов и многие другие параметры. Однако они совершенно не приспособлены для того, чтобы должным образом оценить надежность сложного программного обеспечения, точность работы сенсорных систем (лидаров, радаров, видеокамер), а главное – адекватность алгоритмов принятия решений в критических дорожных ситуациях, которые невозможно в полной мере смоделировать в ходе стандартных испытаний.

Возникает вопрос о возможности сертификации системы, которая обучается и совершенствуется в процессе эксплуатации, обновляя свое программное обеспечение. Требуется разработка принципиально новых подходов к подтверждению соответствия, которые будут включать не только проверку аппаратной части, но и валидацию программных алгоритмов с использованием методов математического моделирования и имитации миллионов различных дорожных ситуаций, включая самые редкие и опасные сценарии [2, с. 57].

Важнейшим аспектом обеспечения безопасности при эксплуатации ВАС является организация их безопасного и предсказуемого взаимодействия с другими участниками дорожного движения – водителями традиционных транспортных средств, пешеходами, велосипедистами, в связи с чем поведение беспилотного автомобиля должно быть понятным и прогнозируемым для окружающих, особенно в не-

стандартных или конфликтных ситуациях, когда однозначные решения правилами дорожного движения не урегулированы [6, с. 55]. Водитель транспортного средства, оценивая намерения другого водителя, во многом полагается на визуальный контакт, язык жестов, выражение лица, опыт и интуицию. Автоматизированная система лишена этой возможности коммуникации. Она действует строго в соответствии с заложенными в нее алгоритмами, которые могут существенно отличаться от поведения человека в аналогичной ситуации.

Для решения этой проблемы необходим комплексный подход. Во-первых, необходимо совершенствовать алгоритмы поведения ВАС, делая их более «предсказуемыми» с точки зрения человека. Это может потребовать сбора массивов данных о реальном поведении водителей в различных ситуациях и обучения нейросетей на этих данных. Во-вторых, обсуждается возможность введения специальных средств идентификации ВАС на дороге, например, особых световых сигналов или светящихся опознавательных знаков, которые бы информировали других участников движения о том, что перед ними автомобиль без водителя [6, с. 57].

Особого внимания требует к себе проблема взаимодействия ВАС с пешеходами. Пешеходы, как участники дорожного движения, привыкли к тому, что водитель их видит и может отреагировать на их поведение. В случае с беспилотным автомобилем пешеход должен быть уверен, что система его распознала и предпримет необходимые действия для предотвращения дорожно-транспортного происшествия. Разработка надежных алгоритмов распознавания пешеходов и прогнозирования их траектории движения – одна из сложнейших инженерных задач, от решения которой напрямую зависит безопасность данной категории участников дорожного движения.

Отдельного и самого пристального внимания заслуживает проблема кибербезопасности высокоавтоматизированных транспортных средств. В отличие от традиционных автомобилей ВАС представляют собой сложные программно-аппаратные комплексы, имеющие множество каналов связи как с внутренними системами, так и с внешней средой (спутниковая навигация, связь с другими автомобилями, связь с инфраструктурой, удаленное обновление программного обеспечения). Каждый такой канал является потенциальной точкой входа для злоумышленников [5, с. 48].

Последствия несанкционированного доступа к системам управления ВАС могут быть катастрофическими. Злоумышленник теоретически может получить контроль над движением автомобиля, заблокировать двери, отключить тормозную систему, направить транспортное средство на встречную полосу или в толпу пе-

шеходов. Это превращает ВАТС из средства передвижения в потенциальное орудие совершения преступлений, в том числе террористической направленности. Березина Е.А. в своем исследовании подчеркивает, что вопросы кибербезопасности должны быть неотъемлемой частью правового регулирования эксплуатации ВАТС [5, с. 49].

Действующее законодательство в области защиты информации и критической информационной инфраструктуры лишь частично применимо к ВАТС. Требуется разработка специальных требований к кибербезопасности беспилотных автомобилей, которые должны включать: обязательную сертификацию систем защиты от несанкционированного доступа; требования к шифрованию каналов связи; регламентацию порядка удаленного обновления программного обеспечения; требования к регистрации и хранению данных обо всех событиях, связанных с управлением ВАТС (своего рода «черный ящик», который позволит расследовать инциденты); обязанность производителей незамедлительно информировать уполномоченные органы об обнаруженных уязвимостях и принятых мерах по их устранению [5, с. 51].

Кроме того, необходимо решить вопрос о юридической ответственности за кибератаки на ВАТС. Должен ли владелец автомобиля отвечать за вред, причиненный в результате взлома системы третьими лицами? Очевидно, что нет, если он принял все разумные меры для защиты своего автомобиля. Но как доказать, что меры были разумными и достаточными? Ответственность за умышленные кибератаки должна быть криминализована, при этом следует рассматривать такие действия как тяжкие преступления, наказание за которые должно быть сопоставимо с тяжестью возможных последствий. В то же время необходимо стимулировать производителей к созданию максимально защищенных систем, возможно, путем введения презумпции их ответственности за вред, причиненный вследствие использования неустраненных уязвимостей, о которых они знали или должны были знать [5, с. 53].

Проведенный в настоящей статье комплексный анализ правовых проблем, связанных с участием высокоавтоматизированных транспортных средств в дорожном движении, позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов и предложений, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Во-первых, действующее российское законодательство о дорожном движении, включая Правила дорожного движения и технические регламенты, не в полной мере отвечает вызовам, порождаемым появлением и распространением высокоавтоматизированных транспортных средств. Основные проблемы лежат в трех взаимосвязанных плоскостях: понятийно-терминологической (отсутствие законо-

дательно закрепленной классификации уровней автоматизации), технико-регулятивной (неработанность процедур сертификации и требований безопасности) и деликтной (неопределенность субъекта ответственности за причиненный вред). Решение этих проблем требует системного пересмотра концептуальных основ правового регулирования дорожного движения с учетом новых технологических реалий [2, с. 59].

Во-вторых, на пути создания эффективной правовой базы для эксплуатации ВАТС первоочередным должно стать законодательное закрепление классификации уровней автоматизации транспортных средств по образцу признанных международных стандартов; внесение изменений в Правила дорожного движения, определяющих правовой статус ВАТС и его оператора; а также разработка и утверждение новых технических регламентов и национальных стандартов, учитывающих специфику функционирования беспилотных технологий, включая требования к программному обеспечению, сенсорным системам и кибербезопасности [4, с. 34].

В-третьих, наиболее сложный и требующий безотлагательного законодательного решения вопрос об ответственности за вред, причиненный ВАТС, требует отхода от классической модели ответственности владельца источника повышенной опасности в пользу более гибкой и справедливой модели, учитывающей распределение ролей между человеком и автоматизированной системой. Представляется обоснованным законодательное закрепление презумпции ответственности производителя (разработчика программного обеспечения) за вред, причиненный ВАТС, функционировавшим в штатном автоматическом режиме, если не доказана вина владельца или иных лиц. Такая модель будет стимулировать производителей к повышению надежности своей продукции и одновременно защищать права потерпевших, возлагая бремя доказывания на ту сторону, которая обладает наибольшими возможностями для такого доказывания [5, с. 54].

В-четвертых, успешная интеграция ВАТС в дорожное движение невозможна без активного международного сотрудничества в области гармонизации технических требований и правовых норм. Россия как участник международных соглашений в сфере автомобильного транспорта должна не только имплементировать передовые зарубежные разработки, но и активно участвовать в формировании глобальной нормативной базы для беспилотных технологий, продвигая свои национальные интересы и учитывая особенности отечественной дорожной инфраструктуры и культуры вождения [2, с. 58].

В-пятых, и это, пожалуй, самый важный вывод: внедрение ВАТС должно служить главной цели – повышению безопасности дорожно-

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

го движения и сохранению жизни и здоровья людей. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/74/299 напоминает нам, что безопасность на дорогах – это не техническая или юридическая задача, а гуманитарная проблема первостепенной важности. Поэтому любые законодательные новеллы должны оцениваться прежде всего с точки зрения их влияния на

уровень аварийности и защищенность участников дорожного движения. Только тот путь правового регулирования, который обеспечивает реальное повышение безопасности, а не просто создает видимость «современного» законодательства, может считаться правильным и перспективным.

Список источников

1. Алиева К.А., Нажмудинова М.Н. Использование высокоавтоматизированных транспортных средств в дорожном движении // Новые вызовы новой науки: опыт теоретического и эмпирического анализа: сб. статей V Международной научно-практ. конф. Петрозаводск, 2023.
2. Митрошин Д.В. Формирование международной нормативной правовой основы организации и осуществления дорожного движения (состояние, проблемы, перспективы) // Безопасность дорожного движения. 2023. № 2.
3. Чипурина Е.А., Сергунова А.С. Основные перспективы эксплуатации высоко- или полностью автоматизированных транспортных средств на дорогах общего пользования в Российской Федерации // Современное общество и право. 2022. № 4 (59).
4. Комаров В.В., Гараган С.А. Система обеспечения безопасности дорожного движения при организации пассажирских и грузовых автомобильных перевозок с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств // Автомобильная промышленность. 2020. № 11.
5. Березина Е.А. Проблемы правового регулирования юридической ответственности за вред, причиненный эксплуатацией беспилотных (автономных, высокоавтоматизированных) транспортных средств // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 3 (69).
6. Лобачева Л.П., Сальников С.П. Высокоавтоматизированные транспортные средства и безопасность дорожного движения: отдельные вопросы интеграции // Безопасность дорожного движения. 2023. № 4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. Н. Дудниченко, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. N. Dudnichenko, PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology and Operational Investigative Activities of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 19.03.2026; одобрена после рецензирования 17.04.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 19.03.2026; approved after reviewing 17.04.2026; accepted for publication 08.06.2026.

References

1. Alieva K.A., Nazhmudinova M.N. The use of highly automated vehicles in road traffic // New challenges of new science: experience of theoretical and empirical analysis: collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference. Petrozavodsk, 2023.
2. Mitroshin D.V. Formation of the international regulatory framework for the organization and implementation of road traffic (status, problems, prospects) // Road safety. 2023. № 2.
3. Chipurina E.A., Sergunova A.S. The main prospects for the operation of highly or fully automated vehicles on public roads in the Russian Federation // Modern society and law. 2022. № 4 (59).
4. Komarov V.V., Garagan S.A. The system of ensuring road safety in the organization of passenger and freight automobile transportation using highly automated vehicles // Automotive Industry. 2020. № 11.
5. Berezina E.A. Problems of legal regulation of legal liability for harm caused by the operation of unmanned (autonomous, highly automated) vehicles // The rule of law: theory and practice. 2022. № 3 (69).
6. Lobacheva L.P., Salnikov S.P. Highly automated vehicles and road safety: selected issues of integration // Road safety. 2023. № 4.

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛАМ О КОРРУПЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ И ОЦЕНКИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РФ

Георгий Александрович Дятлов

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация,
gadyatlov@sevsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7708-4386>

Введение: в статье рассматриваются проблемы допустимости и оценки цифровых следов по делам о коррупции в условиях активного использования электронных средств коммуникации и хранения информации.

Материалы и методы: проанализированы нормы УПК РФ, разъяснения Верховного Суда РФ, судебная практика и научные источники с применением формально-юридического и аналитического методов.

Результаты исследования: выявлены основные сложности процессуальной легализации цифровых данных, включая переписку в интернет-мессенджерах и сведения с защищенных цифровых устройств.

Выводы и заключения: обоснована необходимость формирования единообразных подходов к оценке цифровых доказательств и дополнения ст. 5 УПК РФ легальным определением цифровой информации.

Ключевые слова: цифровые следы, коррупционные преступления, допустимость доказательств, уголовный процесс, электронная информация, оперативно-розыскные мероприятия

Для цитирования: Дятлов Г. А. Цифровые следы как источник доказательств по делам о коррупции: проблемы допустимости и оценки в уголовном процессе РФ // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 101–105.

Original paper

DIGITAL TRACES AS A SOURCE OF EVIDENCE IN CORRUPTION CASES: ISSUES OF ADMISSIBILITY AND ASSESSMENT IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Georgy Alexandrovich Dyatlov

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Introduction: the article discusses the problems of the admissibility and evaluation of digital traces in corruption cases in the context of the active use of electronic means of communication and information storage.

Materials and methods: the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, judicial practice and scientific sources are analyzed using formal legal and analytical methods.

Results of the study: the main difficulties of the procedural legalization of digital data, including correspondence in Internet messengers and information from secure digital devices, have been identified.

Findings and conclusions: the necessity of forming uniform approaches to the assessment of digital evidence and supplementing Article 5 of the Code of Criminal Procedure with a legal definition of digital information is substantiated.

Keywords: digital footprints, corruption crimes, admissibility of evidence, criminal proceedings, electronic information, operational investigative measures

For citation: Dyatlov G. A. Digital traces as a source of evidence in corruption cases: issues of admissibility and assessment in the criminal procedure of the Russian Federation // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 101–105.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Современное общество все активнее переходит в цифровую среду, что оказывает фундаментальное влияние на характер и способы совершения преступлений, включая коррупционные правонарушения.

В уголовном судопроизводстве доказательствами признаются любые сведения, на основе которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию, при условии их получения в предусмотренной законом форме (ст. 74, 75 УПК РФ)¹. В этой логике цифровые следы выступают не самостоятельной категорией доказательств, а разновидностью информации, которая включается в доказательственную систему через предусмотренные УПК источники и процессуальные действия.

Коррупционные преступления все чаще совершаются с использованием цифровых средств связи и дистанционных финансовых сервисов, поэтому значительная часть доказательственной информации фиксируется в электронной форме. Вместе с тем единообразие признания и оценки таких сведений судами не достигнуто, что делает актуальным анализ требований допустимости и критериев оценки цифровых следов в уголовном процессе.

К цифровым следам по делам о коррупции на практике относятся:

- переписка и вложения в интернет-мессенджерах и социальных сетях (сообщения, голосовые, файлы, метаданные);
- электронные документы (в т. ч. служебные файлы, электронные подписи, журналы действий);
- сведения о дистанционных банковских операциях и онлайн-платежах (назначение, время, устройство, IP, подтверждения);
- данные устройств (телефоны/компьютеры): журналы соединений, геолокация, фото/видео, записи переговоров;
- облачные хранилища и резервные копии (источники восстановления удаленных сведений) [1, с. 66].

В делах о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях цифровые следы нередко становятся центральным доказательством, поскольку фиксируют коммуникацию, согласование условий и подтверждают версию о корыстной мотивации и связи действий с методом взятки.

В коррупционных делах финансовые данные часто выступают косвенным, но сильным доказательством: подтверждают движение денег, время операций, использование конкретных счетов и сервисов, связь переводов с событиями (встречи, переговоры, принятие решений). Вместе с тем на практике возникает сразу несколько правовых ограничений: банковская тайна, тайна связи, необходимость

соблюдения процессуального порядка и компетенции органа, осуществляющего запрос/выемку.

Недопустимость нередко связывается не с содержанием сведений, а с нарушением процедуры их получения и приобщения: отсутствие надлежащего постановления, запрос неуполномоченным лицом, получение сведений вне рамок возбужденного дела, разрыв цепочки хранения, неполнота протокольной фиксации. В таких ситуациях суд оценивает не только относимость, но и соблюдение гарантированных законом ограничений.

Практическая значимость цифровых следов по коррупционным делам объяснима тем, что они позволяют реконструировать договоренность, роль участников, последовательность и время событий, а также подтвердить действия по подготовке и реализации преступного намерения. Одновременно именно цифровая природа таких следов (изменяемость, возможность удаления, трудности авторизации лица) делает споры о допустимости и достоверности системными.

В научных источниках последних лет фиксируется этот же вывод. Так, Г.В. Романова указывает: «Грамотно процессуально оформленное обнаружение, фиксация, изъятие и сохранение цифровой информации в значительной мере будет способствовать изобличению всех участников преступного события, их розыску и задержанию, поиску похищенного и в целом обеспечению надежной доказательственной базы для органов предварительного расследования» [2, с. 86].

Платонов В.В., анализируя допустимость электронных доказательств, обосновывает необходимость уточнения понятийного аппарата и критериев допустимости, поскольку без этого неизбежно разночтение в практике [3, с. 125].

Следовательно, цифровые следы фактически стали одним из основных источников сведений по делам о коррупции, но их доказательственная сила зависит от корректного процессуального оформления и последующей проверки на целостность и происхождение.

Общий критерий допустимости закреплен в ст. 75 УПК РФ: доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, недопустимы и не могут быть положены в основу обвинения. Это означает, что при работе с устройствами ключевым становится вопрос: какое действие фактически произведено (осмотр, выемка, обыск) и соблюдена ли требуемая процедура.

Существенное практическое значение имеет применение ст. 164.1 УПК РФ, устанавливающей особенности изъятия электронных носителей и копирования информации при

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

производстве следственных действий, а также требования к обеспечению сохранности цифровых данных. Конституционный Суд РФ, разъясняя содержание данной нормы, указал, что участие специалиста необходимо для определения возможности копирования информации без утраты либо изменения содержащихся в ней сведений².

Судебная практика последних лет показывает, что споры по ст. 164.1 УПК РФ возникают постоянно, а суд оценивает, действительны ли по обстоятельствам дела требовались специальные знания и есть ли риск изменения/утраты информации. Так, в приговоре Кантемировского районного суда Воронежской области от 28 апреля 2025 г. суд отверг доводы защиты о необходимости специалиста при изъятии видеозаписи/данных, указав, что цель нормы – исключить утрату или видоизменение и что в конкретной ситуации специальные знания не требовались³.

Для переписки в мессенджере ключевой вопрос допустимости обычно состоит не в том, «можно ли использовать переписку», а в том, можно ли надежно установить, что сообщение относится к конкретному лицу и получено законно, а также как зафиксировано извлечение данных.

Показательна апелляционная практика 2024 г.: в апелляционном постановлении (дело № 22-2219/2024 Свердловского областного суда от 12 июня 2024 г.) сторона защиты указывала на незаконную фиксацию сведений, составляющих тайну личной переписки, а также на то, что суд отказал в исследовании телефона для проверки наличия/отсутствия переписки, содержание которой включено в обвинение⁴.

Исходя из рассмотренного дела, можно отметить, что при оценке цифровой переписки решающее значение имеют не только содержание сообщений, но и соблюдение процессуального порядка их получения, а также реальная возможность проверки таких сведений в судебном заседании.

При получении сведений о банковских операциях, интернет-трафике, детализации соединений, геолокации и иных цифровых данных проблемы допустимости возникают, когда:

- сведения получаются вне надлежащей процессуальной процедуры;
- не фиксируется цепочка получения и хранения (кто извлек, как копировал, где хранилось);

– не обеспечивается возможность проверить неизменность данных.

Именно поэтому в делах о коррупции значение приобретают не только нормы об источниках доказательств (ст. 74 УПК РФ), но и требования к протоколированию следственных действий (ст. 166–167 УПК РФ) и к проверке доказательств (ст. 87–88 УПК РФ) [4, с. 43].

Существенная практическая проблема состоит в том, что коммуникация по коррупционным делам все чаще осуществляется через интернет-мессенджеры, в том числе WhatsApp, Telegram, Signal и иные аналогичные сервисы, использующие зашифрованные сообщения и интернет-звонки.

В условиях отсутствия прямого законодательного регулирования контроля таких форм общения сохраняется неопределенность в вопросе их отнесения к телефонным переговорам в смысле законодательства об оперативно-розыскной деятельности, что осложняет обеспечение судебного контроля и повышает риск признания полученных сведений недопустимыми доказательствами⁵.

Отдельную проблему представляет доступ к информации на цифровых устройствах, защищенных паролем пользователя. В ряде случаев извлечение переписки и файлов без ввода пароля технически невозможно либо существенно ограничено даже при назначении компьютерно-технической экспертизы, что существенно осложняет процесс доказывания по уголовному делу. Указанные ограничения обусловлены использованием полного шифрования памяти современных смартфонов, защищенных хранилищ ключей, а также аппаратной привязкой средств защиты к биометрическим данным и коду доступа, в результате чего доступ к информации возможен лишь при активном участии владельца устройства [5, с. 68].

В результате следственные органы сталкиваются со следующими обстоятельствами:

- извлечение переписки и файлов без ввода пароля владельцем устройства невозможно либо крайне затруднено;
- возникает коллизия с правом лица не свидетельствовать против себя, закрепленным в ст. 51 Конституции РФ, если от него фактически требуется содействие в получении доказательств против самого себя⁶;
- невозможность доступа к данным сокращает объем доказательственной базы и требует компенсации за счет иных источников доказыва-

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шулепова Николая Евгеньевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 31.05.2022 № 1385-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-31052022-n-1385-o/> (дата обращения: 24.02.2026).

³ Приговор Кантемировского районного суда Воронежской области от 28.04.2025 по делу № 1-33/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xa9CdYxusaUg/> (дата обращения: 25.02.2026).

⁴ Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 12.06.2024 по делу № 1-63/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nAGtiav82gxt/> (дата обращения: 25.02.2026).

⁵ Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁶ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собр. законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

ния, включая результаты оперативно-розыскных мероприятий, показания участников процесса, документы и финансовые сведения.

На практике данные проблемы особенно заметны при использовании современных защищенных устройств, в том числе актуальных моделей Apple iPhone, Google Pixel и флагманских смартфонов Samsung Galaxy, в которых защита данных реализована на уровне аппаратуры и операционной системы.

Правовая неопределенность обусловлена отсутствием прямого и исчерпывающего регулирования контроля интернет-переговоров в мессенджерах, а также сохраняющимся спором о возможности квалификации таких коммуникаций, как телефонных переговоров в смысле законодательства об оперативно-розыскной деятельности. В этих условиях нарушение установленного порядка проведения ОРМ создает риск признания полученных сведений недопустимыми доказательствами, при том что по делам о коррупции доказывание нередко в значительной степени основывается именно на результатах оперативно-розыскных мероприятий [6, с. 177].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 даны разъяснения по вопросам квалификации преступлений, совершенных с использованием электронных сетей, а также сформулирован ориентир на понимание компьютерной информации как сведений, существующих в цифровой форме⁷. Указанные разъяснения имеют значение для правильного обращения с электронными данными и их интерпретации судами, однако они не устраняют пробелы уголовно-процессуального регулирования. На уровне причины проблема выражается в том, что УПК РФ не содержит легального определения цифровой информации и не закрепляет специальной нормы, устраняющей неопределенность в во-

просах ее получения, фиксации и процессуальной легализации.

В связи с этим представляется целесообразным внести в УПК РФ точечное изменение в понятийный аппарат.

Исходя из вышесказанного, предлагается дополнить ст. 5 УПК РФ (Основные понятия) новым пунктом следующего содержания: «Цифровая информация – сведения, существующие в электронной форме и содержащиеся на электронных носителях информации либо в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, а также связанные с ними технические данные, позволяющие установить происхождение, целостность и условия формирования таких сведений».

Таким образом, можно перейти к следующим выводам:

- цифровые следы стали одним из ключевых источников доказательств по делам о коррупции и используются в рамках общих положений о доказательствах, закрепленных в ст. 74 и 84 УПК РФ, что при отсутствии специальных норм порождает споры о допустимости электронной информации;

- наибольшие сложности связаны с соблюдением требований допустимости доказательств, установленных ст. 75 УПК РФ, а также с применением ст. 164.1 УПК РФ при изъятии электронных носителей и копировании информации, особенно при работе с перепиской в интернет-мессенджерах и данными с защищенных устройств;

- анализ судебной практики и разъяснений Верховного Суда РФ, включая постановление Пленума ВС РФ от 15.12.2022 № 37, показывает необходимость формирования единообразных подходов к оценке цифровых доказательств и обосновывает целесообразность дополнения ст. 5 УПК РФ легальным определением цифровой информации.

Список источников

1. Сергеев А.Б. «Цифровое» доказательственное право при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: вопросы целесообразности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 3 (61).
2. Романова Г.В. Значение электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2024. № 2.
3. Платонов В.В. Обеспечение допустимости электронных доказательств в уголовном

References

1. Sergeev A.B. "Digital" evidentiary law in criminal proceedings on crimes in the field of computer information: issues of expediency // Legal science and law enforcement practice. 2022. № 3 (61).
2. Romanova G.V. The importance of electronic evidence in criminal proceedings // Bulletin of the Bashkir State University Institute of Law. 2024. № 2.
3. Platonov V.V. Ensuring the admissibility of electronic evidence in criminal proceedings // Actual problems of Russian law. 2025. № 8. Т. 20.

⁷ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.

судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 8. Т. 20.

4. Афонин Д.Н. Правовое регулирование противодействия коррупции: учебник. СПб., 2024.

5. Зуев С.В. Цифровой УПК: новая концепция развития права // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40).

6. Жандров В.Ю. Электронное наблюдение: проблема правовой определенности в условиях цифровизации оперативно-розыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75).

4. Afonin D.N. Legal regulation of anti-corruption: textbook. St. Petersburg, 2024.

5. Zuev S.V. Digital Criminal Procedure Code: a new concept for the development of law // Law and order: history, theory, practice. 2024. № 1 (40).

6. Zhandrov V.Y. Electronic surveillance: the problem of legal certainty in the context of digitalization of operational investigative activities // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4 (75).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Г. А. Дятлов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Севастопольского государственного университета. 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

G. A. Dyatlov, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Sevastopol State University. 33, Universitetskaya St., Sevastopol 299053 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 01.03.2026; одобрена после рецензирования 22.03.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 01.03.2026; approved after reviewing 22.03.2026; accepted for publication 08.06.2026.

ПРОБЛЕМЫ СИТУАТИВНОГО ПОДХОДА К ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Анатолий Григорьевич Карпика

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
akaripika@yandex.ru

Введение: технологии ситуативного предупреждения преступлений (СПП) традиционно базируются на рассмотрении мотивации правонарушителей как нечто само собой разумеющееся, выражающееся в тезисе «всегда найдутся люди с преступными намерениями». Они направлены на то, чтобы ограничить возможности совершения преступлений потенциальными преступниками и повлиять на их восприятие и решения относительно уголовных действий. В условиях ускоряющейся динамики развития технологий, как совершения преступлений, так и их предотвращения, вопросы СПП требуют дополнительного осмысления и исследования.

Материалы и методы: из ряда доступных источников на первом этапе были отобраны те, которые позволили определить терминологию предметной области, а также требования к практическому применению методов ситуативного предупреждения преступности в мире. На последующих этапах анализировалась взаимосвязь между технологиями методов СПП и эффектом от их применения.

Результаты исследования: проведен анализ ситуаций, в которых применяются или могут применяться методы СПП, предложены подходы, направленные на повышение эффективности применения рассматриваемых методов в интересах правоохранительной деятельности.

Выводы и заключения: технологии представляют собой средство, с помощью которого отдельные лица и группы расширяют свои врожденные возможности адаптации к социальной экосистеме и использованию ее как в законных, так и в преступных целях. Успешное предупреждение преступности с помощью технологий не может основываться на каком-то узком и линейном технологическом детерминизме: для этого требуется полное понимание сложности социальных, физических и информационных систем. При разработке технологий необходимо учитывать эти факторы и проводить разумную дискриминацию в пользу законопослушных пользователей.

Ключевые слова: технология, расширение человеческих возможностей, предотвращение преступлений, ситуативный подход, проблемно-ориентированный подход, правоохранительная деятельность

Для цитирования: Карпика А. Г. Проблемы ситуативного подхода к предупреждению преступлений // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 106–110.

Original paper

PROBLEMS OF THE SITUATIONAL APPROACH TO CRIME PREVENTION

Anatoly Grigorievich Karpika

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: situational crime prevention (CPT) technologies are traditionally based on considering the motivation of offenders as a matter of course, expressed in the thesis "there will always be people with criminal intentions." They aim to limit the opportunities for potential criminals to commit crimes and influence their perceptions and decisions regarding criminal actions. In the context of the accelerating dynamics of technology development, both the commission of crimes and their prevention, NGN issues require additional reflection and research.

Materials and methods: at the first stage, those that made it possible to define the terminology of the subject area, as well as the requirements for the practical application of situational crime prevention methods in the world, were selected from a number of available sources. In the subsequent stages, the relationship between the technologies of NGN methods and the effect of their application was analyzed.

© Карпика А.Г., 2026

Results of the study: the analysis of situations in which NGN methods are used or can be used is carried out, approaches aimed at increasing the effectiveness of the application of the considered methods in the interests of law enforcement are proposed.

Findings and conclusions: technology is a means by which individuals and groups expand their innate abilities to adapt to the social ecosystem and use it for both legitimate and criminal purposes. Successful crime prevention through technology cannot be based on some narrow and linear technological determinism: this requires a full understanding of the complexity of social, physical, and information systems. When developing a technology, these factors must be taken into account and reasonable discrimination must be carried out in favor of law-abiding users.

Keywords: technology, human empowerment, crime prevention, situational approach, problem-oriented approach, law enforcement

For citation: Karpika A. G. Problems of the situational approach to crime prevention // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 106–110.

Технология стала предметом теоретических и философских дискуссий со времен Древней Греции. Платон, например, предвосхитил биомиметику, описав происхождение изобретений как подражание природе (например, выведение ткачества из наблюдений за птичьими гнездами). Аристотель считал, что технология иногда превосходит природу, и отмечал различие между природными объектами и артефактами, которые однозначно формируются в соответствии с целями человека.

Это онтологическое различие остается проблематичным даже сегодня. Например, понятия биологической и технологической функциональности по-прежнему сложно определить и соотнести. И Платон, и Аристотель тем не менее использовали технологические образы для объяснения своих взглядов на рациональность Вселенной. Эта практика продолжилась и в прикладных, и в теоретических целях от аналога Харви «сердце – насос» до современных аналогий «мозг – компьютер».

Здесь есть много общего с областью прикладной криминологии, которая в настоящее время самоидентифицируется как наука о преступности, что, в свою очередь, направлено на то, чтобы сосредоточить научное понимание, эксперименты и методологическую строгость на непосредственных причинах и процессах криминальных событий с целью ситуативного вмешательства в эти события с целью их расследования. При этом в идеале должен применяться практический, функциональный подход и отдаваться предпочтение дискурсу научного реализма, как для раскрытия лежащих в основе «причинно-следственных механизмов» криминальных событий, так и для разработки соответствующих контексту вмешательств, основанных, например, на принципе «сдерживания дальнейшего распространения».

Анализ источников [1, с. 338–346; 2, с. 26–27; 3, с. 16; 4, с. 252–270] показал, что большинство авторов признают рациональный подход людей к принятию решений совершения уголовного преступления и интерес к преступным действиям через выбор методов их совершения и моделирование криминальных

сценариев. Эта точка зрения занимает центральное место в СПП. Это не означает, что науки, связанные с изучением преступности и расследованием преступлений, отрицают важность психологических, социальных и культурных факторов, влияющих на преступность.

Возникновение ситуационной превенции преступлений связано с преобразованиями в сфере противодействия преступным проявлениям, происходившими во второй половине XX века в Великобритании и Северной Америке. Причиной изменений послужили постоянный рост преступности и обусловленное этим беспокойство граждан за свою безопасность. Так, в Великобритании в 1950 г. на 100 тыс. человек пришлось 1 061 преступление, в 1960 г. – 1 620, а в 1971 г. показатель увеличился до 3 428. В США за 1957–1980 гг. в расчете на 100 тыс. человек количество преступлений против личности увеличилось в пять раз (со 117 до 581), а против собственности – более чем в семь раз (с 719 до 5 319). Данные обстоятельства породили необходимость в разработке дополнительных к системе уголовного преследования и назначения наказания инструментов противодействия преступному миру [1, с. 338–346].

Изначально многие основатели науки о преступности, такие как криминалист и тюремный психиатр Ч. Ломброзо, специалист в области уголовного права и криминологии Франц фон Лист, российский криминолог Д.А. Дриль, получили образование психологов и юристов, а специалисты с инженерно-техническим образованием появились совсем недавно. Вместе с этим криминалистика в своей готовности использовать аппаратные и программные решения практически с самого рождения была близка к современной аналитической философии технологий и находится в готовности использовать не только социальные, но и естественные науки и инженерное дело. Поэтому здесь в первую очередь рассматривается именно эта точка зрения, хотя и расширенная за счет включения концепций биологической и культурной эволюции.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

В этой области принято выделять четыре аспекта:

- инструменты, промышленные изделия;
- научные, инженерные, технологические знания, в том числе в области социальных и психологических наук;
- решение проблем, исследования и разработки, инновации;
- этика.

Вышедшая в 2009 г. книга Уильяма Брайана Артура «Природа технологии» предлагает глубокое исследование того, как технологии развиваются и взаимодействуют с социальными структурами. Его идеи бросают вызов общепринятым взглядам, которые часто связывают технологические инновации с особыми моментами гениальности или творчества. Он характеризует ее в разных масштабах: как средство достижения определенной человеческой цели, как совокупность практик и целей.

Для автора технология начинается с природных явлений, например, гравитации или электричества, независимо существующих в природе. Его исследование основано на основных принципах – применении одного или нескольких явлений для определенной цели; принципы, в свою очередь, выражаются через физические или информационные компоненты, которые объединяются, часто иерархически, для достижения этой цели. Технологические области – это набор потенциальных инструментов, сгруппированных вокруг некоторого общего набора явлений или прикладных принципов, таких как движение механических частей или электронов.

Эти рамки принципиально применимы к технологиям в области борьбы с преступностью и ее предупреждения. Так, можно совокупно в комплексе рассматривать «социальный институт преступности» и движущие силы конфликта между отдельными людьми, отдельными лицами и более широкими социальными группами или между любой из них и государством. Уильям Брайан Артур ссылается на множество целей; распространение их на множество заинтересованных сторон, которые их преследуют.

Как уже говорилось, СПП фокусируется на непосредственных причинах криминальных событий – они обычно концептуализируются как благоприятные возможности. С точки зрения рационального выбора благоприятные возможности возникают, когда преступник считает риск и усилия минимальными, а вознаграждение – высоким. На более высоком уровне осмысления им рассматривается структура возможностей как совокупность имеющихся возможностей для совершения преступлений, что следует учитывать в методах СПП.

В работе «Возможности для совершения преступления»¹ высказывается идея о целесообразности интеграции в СПП рационального выбора и рутинной деятельности, а также других подходов, касающихся конкретной ситуации и действий преступника, обеспечивая последовательную концептуальную основу и унифицированную терминологию методов СПП.

Существует два взаимных положения преступника и жертвы. Преступники должны либо физически присутствовать в месте совершения преступления, чему в значительной степени способствуют транспортные технологии, либо иметь возможность действовать удаленно. Информационные технологии значительно расширили возможности для удаленного присутствия, начиная с телефонных звонков жертве и заканчивая различными формами кибербуллинга, кибератак на инфраструктуру организации, вмешательством в системы управления, нарушением цепочек поставок. Уровень осведомленности злоумышленников о будущей жертве значительно возрос, благодаря возможностям средств технической разведки, направленным на эксплуатацию имеющихся либо организацию новых каналов утечки информации, будь то онлайн-банкинг, IP-камеры, геотрекеры. Интернет позволяет злоумышленникам охватить тысячи потенциальных объектов мошенничества и кражи личных данных, что значительно меняет соотношение усилий и вознаграждения. В более общем плане благодаря Интернету вещей сами объекты могут находиться за пределами дома, офиса или фабрики, где они фактически подвергаются риску.

В самом широком смысле границы между тем, что является целевым продуктом или местом, физической средой и сетью, стали размытыми с появлением беспроводного подключения к Интернету, поэтому правила взаимодействия правонарушителя, объекта и правоохранительных органов нуждаются в постоянной корректировке, хотя основополагающий принцип остается в силе. Помимо «чистых» информационных технологий, беспилотные летательные аппараты с дистанционным управлением способны повысить возможности преступников в области ведения разведки и совершения преступлений в ранее недоступных или хорошо охраняемых местах. Этот сравнительно новый инструмент находит множество применений как в криминальной среде, так и в деятельности правоохранительных органов.

Противодействие беспилотным летательным аппаратам включает в себя обнаружение, отслеживание, идентификацию и обезвреживание. Для обнаружения применяются радары

¹ П. Экблом. Возможности для совершения преступления. URL: <https://5isframework.wordpress.com/conjunction-of-criminal-opportunity/> (дата обращения: 30.03.2026).

и радиочастотные датчики, электрооптические и инфракрасные датчики, акустические датчики [5, с. 100–105].

Оказавшись внутри объекта, будь то здание или компьютерная система, преступники могут столкнуться с ситуацией, когда внутренняя среда предоставляет больше возможностей для совершения преступлений. Этому способствуют масштаб и сложность компьютерных сетей и систем организации, что затрудняет превентивное обнаружение и блокирование возможностей совершения преступлений сотрудниками службы безопасности, выполняющими защитные функции и обладающими глубокими знаниями о системе в сочетании с привилегиями административного доступа.

С точки зрения профилактики технологии анализа возможных угроз и обнаружения попыток несанкционированного проникновения, выходящие далеко за рамки традиционных отпечатков пальцев и следов обуви, значительно повысили риск для преступников, которые, стремясь обезопасить себя, используют любую возможность удаленного уничтожения компрометирующих их данных с компьютеров и телефонов, изъятых полицией.

С психологической точки зрения на восприятие преступником соотношения требуемых усилий и ожидаемого им вознаграждения технологический аспект зачастую оказывает решающее влияние. Так, например, наличие систем сигнализации, видеонаблюдения, применение защитных химических веществ, радиотрекеров отслеживания ожидаемо повышают его объективный и субъективный риск, что требует либо его принятия, либо больших усилий и издержек (технологических и поведенческих), направленных на его снижение. В этом смысле повышение уровня неопределенности результата будущего преступления посредством применения новых защитных технологий способно на некоторый период времени обеспечить сдерживание потенциального преступника.

Большое значение для применения на практике методов СПИ имеет доступность для преступника ресурсов и орудий совершения преступлений. Ресурсы при этом могут быть достаточным разнообразными. Например, личные качества преступника, такие как решительность, сила, физическая и психологическая подготовка. При определенных обстоятельствах они могут быть кратковременно усилены посредством приема препаратов-стимуляторов либо практикуемых в большом спорте методов повышения работоспособности и контроля настроения.

Ресурсы и орудия преступления, которые преступники могут обнаружить на месте или подготовить заранее, имеют труднопредсказуемый характер. В данном контексте целесообразно

рассматривать элементы оборудования помещения, предметы и инструменты, которые можно превратить в оружие или орудие преступления. При этом следует понимать, что оружие скорее всего будет незаметным или иметь законное использование, если его владелец будет задержан. Объективным является и тот факт, что технический прогресс приводит к тому, что все больше изделий становятся миниатюрными, портативными, автономными и простыми в использовании. Кроме этого, их применение становится универсальным и применимым для решения различных задач.

Совокупность непосредственных обстоятельств, приводящих к возникновению криминальных событий, может быть как результатом целенаправленных действий отдельного правонарушителя (или организованной группы), создающего возможность совершения преступления, так и случайного развития социальных отношений и событий, связанных, например, с изменившейся конъюнктурой рынка (принятие «сухого закона», развитие теневого сектора экономики в эпоху тотального дефицита и др.). Полную картину преступления с точки зрения создания (возникновения) возможности его совершения целесообразно рассматривать динамически как развивающуюся во времени и пространстве, что особенно актуально для комплексных преступлений, связанных с определенной либо стохастической последовательностью действий.

Резюмируя изложенное, отметим, что средства совершения преступлений, как и средства их противодействия, динамически развиваются, что приводит к изменению баланса технологических преимуществ между преступниками и теми, кто предотвращает преступления. Такие прорывные тренды, как цифровизация общества, технологии искусственного интеллекта, удаленный мониторинг и эксплуатация, самостоятельное проектирование и производство, миниатюризация, мобильность, а также разрыв между внешним видом и функциональностью, будут продолжать нарушать баланс между злоумышленниками и правоохранительными органами и службами безопасности.

Изменения могут быть обусловлены внешними факторами, например, появлением в свое время автомобиля, который, с одной стороны, выступает в роли криминального ресурса и цели преступления, а с другой – как патрульная машина полиции, предназначенная для предотвращения преступлений.

Также изменения могут быть обусловлены факторами внутренними в результате разыгрывания сценариев противоборства, включающих адаптацию и противодействие преступников и правоохранительных органов к инструментам, методам и средствам деятельности как одних, так и других.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Таким образом, обеспечение опережающего развития технологической составляющей деятельности правоохранительных органов в совокупности с развитием методов ситуатив-

ного подхода к предупреждению преступлений, несомненно, позволит повысить эффективность деятельности органов внутренних дел в современных условиях.

Список источников

1. Чуклина Э.Ю. Ситуационные превентивные меры в российской теории предупреждения преступности // Национальная безопасность. 2016. № 3.
2. Драпкин Л.Я. Ситуационный подход – локальная парадигма современной криминалистики // Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы Международной научно-практ. конф. / под ред. Т.С. Волчецкой. Калининград, 2012.
3. Волчецкая Т.С. Генезис, современные тенденции и перспективы развития криминалистической ситуологии на современном этапе // Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы Международной научно-практ. конф. / под ред. Т.С. Волчецкой. Калининград, 2012.
4. Уолтерс Г. Рациональность и иррациональность решения о совершении преступления // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 3. Т. 10.
5. Карпика А.Г. Актуальные вопросы противодействия беспилотным летательным аппаратам / А.Г. Карпика, С.В. Лемайкина // Охрана, безопасность, связь. 2024. № 9-1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. Г. Карпика, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. G. Karpika, PhD in Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Information and Communication Technologies and Cybersecurity of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 03.04.2026; одобрена после рецензирования 22.04.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 03.04.2026; approved after reviewing 22.04.2026; accepted for publication 08.06.2026.

References

1. Chuklina E.Y. Situational preventive measures in the Russian theory of crime prevention // National Security. 2016. № 3.
2. Drapkin L.Ya. Situational approach – a local paradigm of modern criminology // Actual problems of using the situational approach in legal science and law enforcement: materials of the International Scientific and Practical Conference / edited by T.S. Volchetskaya. Kaliningrad, 2012.
3. Volchetskaya T.S. Genesis, current trends and prospects for the development of criminalistic situationology at the present stage // Actual problems of using the situational approach in legal science and law enforcement: materials of the International Scientific and Practical Conference / edited by T.S. Volchetskaya. Kaliningrad, 2012.
4. Walters G. Rationality and irrationality of the decision to commit a crime // Actual problems of economics and law. 2016. № 3. Vol. 10.
5. Karpika A.G. Actual issues of countering unmanned aerial vehicles / A.G. Karpika, S.V. Lemaikina // Security, safety, communications. 2024. № 9-1.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Петр Николаевич Кобец

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Российская Федерация, pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Введение: актуальность проведенного исследования обусловлена чрезвычайной важностью разработки современных механизмов, направленных на борьбу с международным терроризмом в Арктической зоне Российской Федерации. В условиях второй половины 2020-х гг. для международных террористических проявлений стала присуща существенная изменчивость и комплексность характера исходящих угроз. Именно по этой причине необходима разработка разнообразных и одновременно многоаспектных мер минимизации обозначенных вызовов в Арктическом регионе.

Материалы и методы: для выделения сути рассматриваемой проблематики, обобщения и резюмирования исследованных вопросов автор применял сравнительно-правовой, системный, а также диалектический подход. В работе были использованы некоторые из выводов по результатам ранее проведенных научных исследований в сфере борьбы с международным терроризмом.

Результаты исследования: автором проанализированы наиболее значимые и важные составляющие обозначенной проблемы. В частности, современные возможности и перспективные направления гарантирования арктической антитеррористической безопасности, в том числе морского судоходства, различных морских перевозок, морских портов, нефтяных платформ, а также объектов критической инфраструктуры, находящихся в данном регионе. Предложен комплекс мероприятий, направленных в целом на сдерживание и противодействие обозначенным угрозам и вызовам.

Выводы и заключения: в рамках проведенного исследования были представлены перспективные направления и подходы по обеспечению антитеррористической безопасности в рассматриваемой сфере различными субъектами антитеррористической деятельности. Предложены авторские решения по дальнейшей доработке, корректировке, реформированию, развитию и совершенствованию антитеррористической безопасности Арктического региона.

Ключевые слова: международный терроризм, антитеррористическая безопасность, Арктическая зона Российской Федерации, критически важная инфраструктура, причины преступности, общественная безопасность, предупреждение противоправной деятельности

Для цитирования: Кобец П. Н. Перспективные направления развития антитеррористической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 111–118.

Original paper

PROMISING DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF ANTI-TERRORIST SECURITY IN THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Peter Nikolaevich Kobets

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: the relevance of the conducted research is due to the extreme importance of developing modern mechanisms aimed at combating international terrorism in the Arctic zone of the Russian Federation. In the second half of the 2020s, international terrorist manifestations have become characterized by significant variability and complexity of the nature of the outgoing threats. It is for this reason that it is necessary to develop diverse and at the same time multidimensional measures to minimize the identified challenges in the Arctic region.

Materials and methods: to highlight the essence of the issues under consideration, generalize and summarize the issues studied, the author applied a comparative legal, systemic, and dialectical approach. The paper uses some of the conclusions based on the results of previous scientific research in the field of combating international terrorism.

Results of the study: the author analyzes the most significant and important components of the identified problem. In particular, modern opportunities and promising areas for ensuring Arctic anti-terrorist security, including maritime navigation, various maritime transportation, seaports, oil platforms, as well as critical infrastructure facilities located in the region. A set of measures is proposed that are generally aimed at containing and countering the identified threats and challenges.

Findings and conclusions: within the framework of the conducted research, promising directions and approaches for ensuring anti-terrorist security in the field under consideration by various subjects of anti-terrorist activities were presented. The author's solutions for further refinement, adjustment, reform, development and improvement of the anti-terrorist security of the Arctic region are proposed.

Keywords: international terrorism, anti-terrorist security, Arctic zone of the Russian Federation, critical infrastructure, causes of crime, public safety, prevention of illegal activities

For citation: Kobets P. N. Promising directions for the development of anti-terrorist security in the Arctic zone of the Russian Federation // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 111–118.

В настоящее время в Арктической зоне Российской Федерации (далее – Арктическая зона, Арктический регион, Русская Арктика), определение которой дает статья вторая Федерального закона от 13.07.2020 № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» [1], отмечаются и прослеживаются значительные, глубокие и кардинальные преобразования, в свою очередь приводящие к существенной трансформации его геополитического статуса. Серьезным импульсом, драйвером, а также побудительными мотивами обозначенных выше процессов в анализируемом регионе послужили климатические и глобализационные изменения [2].

Выступая в 2024 г. на Петербургском международном экономическом форуме, Президент Российской Федерации В.В. Путин выступил с заявлением о том, что «теперь можно сказать, что Россия будет прирастать и Арктикой, потому что основные минеральные ресурсы у нас там» [3]. В то же время важно отметить, что ожидаемое климатологами в дальнейшей перспективе существенное сокращение ледяного слоя будет способствовать тому, что данный регион станет более доступным для свободного судоходства. Эта потенциальная «доступность» для беспрепятственного судоходства будет восприниматься многими в качестве нового глобального пространства, в частности международными террористами, для развития в его пределах международной террористической деятельности. Поэтому можно с уверенностью утверждать о том, что процессы, происходящие в Арктическом регионе, обладают глобальным характером, поскольку способны оказать существенное воздействие на осложнение международной антитеррористической безопасности.

Проводя заседание Совбеза в 2014 г., посвященное проблематике приоритетов государственной политики в Арктике, Президент

Российской Федерации В.В. Путин отметил, что данная территория продолжает находиться в диапазоне национальных приоритетов, поскольку в этом месте сосредоточено большинство составляющих национальной безопасности: военно-политическая, экономическая, технологическая, экологическая, а также ресурсная. Главой государства был сделан акцент на том, что с каждым годом все больше возрастают мировое внимание и интерес к этому региону, причем не только приарктических стран, но и государств, которые находятся от него на значительном расстоянии. Путин В.В. также отметил, что необходимо иметь в виду и принимать в расчет динамично развивающуюся и быстроменяющуюся мировую геополитическую ситуацию, сопряженную с опасностями и вызовами для российских интересов в Арктике. В складывающейся обстановке, по мнению президента, нашей стране необходимо расширить комплекс мер по сохранению влияния в данном регионе. Среди основанных направлений работы была отмечена необходимость комплексного обеспечения безопасности Арктической зоны. В частности, в первую очередь важно обеспечить надежную защиту от террористических атак трубопроводов, портуальных терминалов, а также объектов нефтегазодобычи [4].

О важности противодействия международному террору Президентом страны В.В. Путиным ежегодно отмечается на расширенных коллегиях ФСБ России. В частности, в 2025 г. им был сделан акцент на том, что «необходимо продолжать системную работу по всем профильным направлениям, и прежде всего это, конечно, борьба с международным терроризмом. Отмечу, что за последний год количество преступлений террористической направленности выросло, причем больше половины из них спланированы и организованы украинскими специальными службами и их кураторами» [5].

В соответствии с данными тринадцатого издания Глобального индекса терроризма, опубликованного в марте 2026 г. (с 2012 г. Институт экономики и мира представляет анализ основных мировых тенденций и закономерностей терроризма), террористические угрозы и действия в течение нескольких последних лет существенно не снижаются [6]. Проведенный автором анализ современной террористической активности свидетельствует о том, что в условиях нового тысячелетия подавляющее количество терактов, как правило, было совершено в определенных для террористических посягательств географических регионах. Однако, несмотря на то, что большая часть анализируемых преступлений совершается в значительной удаленности от Арктической зоны, намерения и планы международных террористических организаций обнаруживают не только стремление и готовность, но также и мотивацию совершения террористических атак вне территорий, которые мировое сообщество привыкло ассоциировать с активностью международного террора. Соответственно, в дальнейшем вполне возможно ожидать расширение географии террористической активности, которая не минует Русскую Арктику. Поэтому в дальнейшей перспективе так важно развивать научное обеспечение вопросов антитеррористической безопасности.

Стоит обратить внимание, что сегодня Арктический регион играет большую геополитическую, экономическую и, конечно же, стратегическую значимость для нашей страны, поскольку в нем сосредоточены колоссальные запасы углеводородного и иного минерального сырья, топливных, энергетических, животных и растительных ресурсов. В связи с этим нельзя не сказать о недостаточном количестве в полной мере работающих международных договоренностей, позволяющих полностью соблюдать все необходимые режимы, связанные с международной безопасностью арктических государств. В рассматриваемом контексте также важно упомянуть о наличии территориальных претензий между арктической пятеркой (пятью государствами, побережье которых граничит с Северным Ледовитым океаном: Россия, Дания, Канада, Норвегия, США) относительно некоторых территорий континентального шельфа.

В сентябре 2024 г. РИА «Новости» сделало официальное сообщение о том, что НАТО собирается создать в Финляндии специальный центр, который будет управлять воздушными военными операциями в Арктике и вести слежку за Россией, стараясь вытеснить ее из северных регионов [7]. В настоящее время в различных СМИ часто можно встретить информацию о том, что «НАТО приступило к развертыванию своих сил в рассматриваемом

регионе. Кодовое название операции – «Арктический страж». Ключевая цель – не просто получить военный контроль над Арктикой, но отрезать Россию от морских выходов к Атлантике и Северному Ледовитому океану» [8]. В ответ на эти действия министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров неоднократно отмечал, что Россия внимательно следит за наращиванием учений НАТО и готова защищать свои интересы в Арктике [9]. В 2024 г. помощник президента Российской Федерации, председатель Морской коллегии России Н.П. Патрушев в эфире российского телеканала заявил о том, что иностранными спецслужбами организуются террористические акты на территории России, которые направлены против стратегически важных объектов морской инфраструктуры. Им также было отмечено, что США и их союзники пытаются ограничить доступ России к ресурсам Мирового океана и сократить возможности России использования морских транспортных коммуникаций [10].

В современных научных исследованиях, а также иных материалах, работах и публикациях российских авторов особо подчеркивается и фокусируется внимание на том, что по отношению Российской Федерации недружественными государствами начинают разворачиваться гибридные военные действия, которые опираются не только на информационные технологии, экономические и иные средства, но также и на международную террористическую деятельность, которая в том числе все активнее начинает проявляться на объектах морского транспорта [11, с. 70]. Совершенно очевидно, что столь активный интерес и вовлеченность отдельных иностранных государств в деятельность, связанную с возможными нарушениями нормальных режимов работы предприятий и организаций на российских арктических территориях, вместе с поддержкой разного рода деструктивных сил, еще больше способствует актуализации борьбы с угрозами террористической безопасности и иными преступными проявлениями, направленными на опасные производственные объекты, а также предприятия, обеспечивающие нормальный уровень жизнедеятельности россиян.

Таким образом, потенциальные риски, конкретные предпосылки и практические возможности роста международного арктического террора не перестают формировать различные многоуровневые угрозы безопасности глобального масштаба в данном регионе. Для организации результативного противодействия данному виду международного террора требуется проведение анализа его особенностей. Важнейшая из характерных черт международного морского террора в Арктике сводится к тому, что отдельные его этапы, процедуры и

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

стадии подготовки довольно сложно различить с непосредственной террористической атакой. К примеру, оснащение техническими средствами для совершения теракта может проходить во время захвата морского судна в арктических водах.

Ряд ранее проведенных научных исследований в сфере антитеррористической безопасности позволяет говорить о том, что среди многообразия террористических угроз следует учитывать возможность совершения международных террористических атак на объекты в сфере добычи и переработки углеводородов и иного важного для нашей страны сырья [12, с. 25]. Также не следует исключать возможность захвата морских и воздушных судов и совершение терактов на другом транспорте и его инфраструктуре. Вполне вероятен сценарий, при котором террористами может быть нарушен режим функционирования различных стратегических объектов, с повреждением коммуникаций, которые обеспечивают устойчивую работу этих предприятий. Как отмечают эксперты, среди таких объектов могут быть: ресурсодобывающие и перерабатывающие предприятия; морской, воздушный и железнодорожный транспорт; транспортная инфраструктура, обеспечивающая транспортировку, перевозку опасных материалов, веществ и иных грузов [13, с. 28].

По мнению ряда отечественных экспертов, вполне вероятны международные теракты, совершенные в акватории проливов или фарватерах важнейших российских арктических портов, которые могут привести и к затруднению либо полной остановке морского сообщения в данном регионе [14, с. 171]. С целью последующего совершения актов ядерного терроризма преступниками могут быть атакованы прибрежные радионавигационные системы, оснащенные радиоизотопными батареями [15, с. 35]. На главных морских путях, крупных судоходных маршрутах и артериях террористами могут быть предприняты попытки разрушить навигационное оборудование. Чтобы инсценировать экологическую катастрофу в арктической зоне, террористами могут быть предприняты попытки атак на портовые терминалы, в которых хранятся углеводороды, либо угон морских судов, осуществляющих транспортировку разного рода опасных грузов, в том числе радиоизотопные материалы либо компоненты различных вооружений. В том числе вполне возможны акты индивидуального международного террора в отношении различных социальных, религиозных и этнических групп Российской Арктики.

Также следует учитывать еще одно важное обстоятельство, сопутствующее рассматриваемым террористическим вызовам, а именно то, что любая перечисленная потенциальная

угроза безопасности объектов повышенного риска может спровоцировать не только экологическую катастрофу, но также привести к многочисленным материальным потерям и пострадавшим среди жителей арктической территории.

Вдобавок важно отметить, что с каждым годом активизация внимания и рост интересов мирового сообщества к Арктическому региону, который в настоящее время выполняет роль некоего стратегического актива, обладающего ценнейшими ресурсами, будет рассматриваться международным террором как приоритетная стратегическая цель. А если принимать во внимание, что с развитием инфраструктуры вследствие чрезвычайной важности данного региона существенно улучшится и доступность в него, то актуальность противодействия угрозам терроризма в Арктической зоне возрастает в разы.

Становится понятно, что детальность по организации защиты рассматриваемых террористических атак является исключительно трудоемким и сложным процессом по причине весьма большой вариативности и существенного различия между потенциальными объектами данного вида международного террора [16, с. 65]. Так, например, в силу того, что основополагающая задача для международного террора в процессе совершения любого теракта состоит в психологическом и эмоциональном воздействии на общество с целью достижения политических требований, то организаторам и исполнителям актов арктического терроризма достаточно совершить любую диверсию на объектах морского транспорта, морских портов инфраструктуры «Северного морского пути» и др., что сразу же будет иметь большой общественный резонанс, а также репутационный ущерб для нашей страны.

Таким образом, совершенно очевидно, что для эффективного противодействия потенциальным угрозам, вызванным проявлениями международного терроризма в Арктической зоне, чрезвычайно важно опираться на действенные антитеррористические решения, средства и методы. В первую очередь для реализации всего комплекса антитеррористических мер безопасности необходимы серьезные финансовые, людские и материальные затраты, и этот аспект необходимо учитывать всем заинтересованным лицам в процессе разработки специализированных региональных программ борьбы с данным феноменом.

В сложившейся ситуации не менее важна активная антитеррористическая агентурная работа всех обладающих этим правом силовых структур, которая должна быть направлена на минимизацию любых возможностей проникновения международных террористов, запланировавших совершение террористиче-

ской атаки на территории Арктической зоны. В сложившейся международной обстановке правоохранителям в том числе следует прорабатывать возможность результативной борьбы с потенциальными атаками на нефтегазовые установки и иные объекты добычи и транспортировки углеводородов и иного сырья в Арктике. Данным субъектам антитеррористической деятельности также немаловажно стремиться к тому, чтобы в случае допущения террористических атак в местах их совершения была установлена полная информационная изоляция территории или объекта, подверженных нападению террористов.

На морской арктической территории, которая обладает повышенным риском со стороны незаконной деятельности международного террора, следовало бы усиливать контроль, охрану и в целом защиту путем введения дополнительных мер антитеррористической безопасности. К примеру, возможно проработать вопрос о введении к основным морским арктическим пунктам наблюдения дополнительных вспомогательных, а также вводить в эксплуатацию дополнительное коммуникационное оборудование. В рамках развития мероприятий борьбы с арктическим терроризмом было бы логично проработать возможность внедрения альтернативных маршрутов в наиболее опасных местах морского судоходства, там, где наиболее высока вероятность террористических угроз. В том числе ряд таких морских территорий могли бы дополнительно контролировать военно-морские силы.

На объектах, связанных с транспортировкой арктического сырья, службам безопасности данных предприятий необходимо выходить с предложениями об установлении высококачественных систем видеонаблюдения для того, чтобы моментально фиксировать направления движения подозрительных субъектов, наблюдать за их перемещением, отслеживая их маршрут до места совершения противоправных деяний. Подобный подход в том числе необходим при обеспечении мер антитеррористической безопасности в процессе разработки нефтяных и газовых месторождений, находящихся в районе континентального шельфа.

Совершенно понятно, что на первый взгляд большинство предлагаемых защитных мероприятий по охране Арктической зоны от международного террора выглядят экономически невыгодными, и поэтому субъекты профилактической деятельности могут счесть, что эти предупредительные меры могут быть только рекомендательными. Поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы сфера защитных антитеррористических мероприятий и область профилактических мер, рассматриваемых террористических проявлений, из-за их весь-

ма немалой стоимости, не превращалась в нереализованные идеи и концепции. В первую очередь стремление к надежной безопасности и максимальному уровню антитеррористической защищенности должно принадлежать крупному и среднему бизнесу, судовладельцам и владельцам портовой инфраструктуры, углеводородным терминалам и др. Также важно отметить, что рассматриваемые антитеррористические мероприятия должны реализовываться на постоянной основе и во всех звеньях, сегментах, элементах, уровнях арктической инфраструктуры.

Таким образом, анализ потенциальных угроз, вызванных проявлениями международного терроризма на предприятиях Арктической зоны Российской Федерации, дает основание утверждать о том, что реализация изложенного комплекса мер противодействия рассматриваемому террору может стать важнейшим из инструментов по его минимизации. Однако для достижения данной цели также необходимо соблюдать еще ряд нижеперечисленных концептуальных положений, направленных на минимизацию анализируемых преступных проявлений.

В частности, в настоящее время противодействие международному террору в Арктике должно иметь комплексный характер и быть направленным на ликвидацию всех его факторов. Всем субъектам антитеррористической работы важно регулярно мониторить состояние социально-политической и экономической обстановки в Арктическом регионе, не допуская каких-либо проявлений социальной напряженности в обществе. Правоохранительным службам немаловажно своевременно реагировать на совершение любых экстремистских проявлений в анализируемом регионе с последующим привлечением к мерам уголовной ответственности виновных лиц. Органам исполнительной власти на местах в целях недопущения проявлений экстремизма, в том числе молодежного, на почве которых зарождается террор, являющийся крайней формой экстремизма, необходимо активнее включаться в процессы развития анализируемого региона [17, с. 75].

В июле 2023 г. во время совещания по развитию закрытых административно-территориальных образований и арктических городов в г. Мурманске Президентом Российской Федерации В.В. Путиным было указано, что в Арктической зоне России «накопились большие проблемы, которые требуют внимания, скажем, изношенность коммунальной инфраструктуры и жилищного фонда даже в крупных городах Заполярья достигает 70 %, а в небольших удаленных поселках и так называемых ЗАТО, закрытых административных территориях, эта проблема еще острее» [18].

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Поэтому следует стремиться реализовать разного рода программы, направленные на развитие всех процессов жизнедеятельности в непростых условиях арктических территорий, в том числе создавать больше рабочих мест. Данный подход будет сводить на нет любые вербовочные мероприятия международных террористов, вовлекающих россиян в террористическую деятельность (поджоги объектов транспортной инфраструктуры и др.) [19].

Всем заинтересованным субъектам противодействия арктическому терроризму необходимо проработать вопрос о возможности борьбы с рассматриваемыми международными террористическими проявлениями на основе патрулирования арктической морской территории, регулярного мониторинга и проведения проверок морских судов, морских портов и их инфраструктурных объектов, проведения разного рода специальных мероприятий и операций, направленных на борьбу с данным явлением. Важно также прорабатывать вопросы о том, чтобы сфера деятельности антитеррористических патрульных судов не ограничивалась только внутренними водами. Однако пока что на сегодняшний день, согласно ст. 107 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., «в открытом море задержать судно имеют право лишь военные суда» [20, с. 360].

Научному сообществу и практикам, включая органы исполнительной власти, следует

совместными усилиями проработать с последующим внесением законодательной инициативы о необходимости ужесточения мер не только уголовной, но и дисциплинарной ответственности должностных лиц, отвечающих за результативность применения подходов по противодействию международному террору на арктических территориях. В том числе с целью улучшения результативности противодействия арктическому терроризму, а также принимая во внимание наметившуюся тенденцию по интегрированию отдельных научных специальностей в рамках одного научного направления, научному сообществу весьма разумно активнее проводить мультидисциплинарные, многоаспектные и глубокие научные исследования данного общественно-правового феномена.

В заключение важно отметить, что представители всех ведомств, заинтересованных в борьбе с международным терроризмом, должны анализировать антитеррористическую практику в рассматриваемом регионе, причем не только успехи данной работы, но и неудачи, делая соответствующие выводы и принимая необходимые управленческие решения. При подобных подходах возможно будет выстроить необходимые барьеры, препятствующие международным террористическим организациям заниматься преступной деятельностью в Арктической зоне.

Список источников

1. О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации: Федер. закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ (ред. от 21.04.2025). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Young Oran R. Arctic Futures: The Power of Ideas. Environmental Security in the Arctic Ocean. Berkman P.A., Vylegzhanin A.N., eds. Dordrecht, Springer, 2013.
3. Путин назвал Арктику источником основных минеральных ресурсов России. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6663149b9a79472217df34b9> (дата обращения: 01.04.2026).
4. Заседание Совета Безопасности по вопросу реализации государственной политики в Арктике. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/20845> (дата обращения: 01.04.2026).
5. Заседание коллегии ФСБ России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76338> (дата обращения: 01.04.2026).
6. Global Terrorism Index 2026. URL: <https://reliefweb.int/report/world/global-terrorism-index-2026> (дата обращения: 01.04.2026).

References

1. On state support for entrepreneurial activity in the Arctic zone of the Russian Federation: Feder. Law № 193-FL of 13.07.2020 (as amended on 21.04.2025). Access from the legal system "ConsultantPlus".
2. Young Oran R. Arctic Futures: The Power of Ideas. Environmental Security in the Arctic Ocean. Berkman P.A., Vylegzhanin A.N., eds. Dordrecht, Springer, 2013.
3. Putin called the Arctic the source of Russia's main mineral resources. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6663149b9a79472217df34b9> (date of access: 01.04.2026).
4. Meeting of the Security Council on the implementation of state policy in the Arctic. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/20845> (date of access: 01.04.2026).
5. Meeting of the Board of the FSB of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76338> (date of access: 01.04.2026).
6. Global Terrorism Index 2026. URL: <https://reliefweb.int/report/world/global-terrorism-index-2026> (date of access: 01.04.2026).

7. НАТО планирует следить за Россией в Арктике из центра в Финляндии. URL: <https://life.ru/p/1690122?ysclid=mnfpzl289c610225897> (дата обращения: 01.04.2026).

8. Битва за Арктику началась: что у России имеется в арсенале для ответа НАТО. URL: <https://ren.tv/longread/1404990-arktika-stanovitsia-arenoi-protivostoianiiia-rossii-i-nato?ysclid=mnfq3t24db549750113> (дата обращения: 01.04.2026).

9. Лавров заявил о готовности России отстаивать свои интересы в Арктике. URL: <https://life.ru/p/1688909> (дата обращения: 01.04.2026).

10. Патрушев обвинил Запад в терактах против российской морской инфраструктуры. URL: <https://ura.news/news/1052810295?ysclid=mnfrm7n9nh490308116> (дата обращения: 01.04.2026).

11. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права») / П.Ю. Наумов [и др.] // Государство и право. 2023. № 9.

12. Перелехова Т.С. Проблемы правового регулирования морского терроризма на территории СМН // Океанский менеджмент. 2022. № 2 (16).

13. Методические рекомендации по подготовке подразделений Росгвардии для выполнения задач в Арктической зоне Российской Федерации. М., 2021.

14. Фадеев Н.В. Терроризм и иные проявления экстремизма как угроза национальным интересам Российской Федерации в Арктике // Криминологические проблемы регионов Крайнего Севера России (2–3 июля 2015 г.). Мурманск, 2015.

15. Кобец П.Н. Опыт и проблемы противодействия международному терроризму на объектах атомной энергетики // Научный портал МВД России. 2019. № 2 (46).

16. Борисенко К.П., Гайкович А.И., Никитин Н.В. [и др.]. Технические аспекты противодействия морскому терроризму // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. 2011. № 7–8.

17. Кобец П.Н., Краснова К.А. Основы выработки концептуальной платформы в решении проблемы предотвращения и защиты молодежи от угрозы проникновения в ее среду экстремизма и терроризма // Философия права. 2018. № 2 (85).

18. Путин призвал создать «человеческие условия» для людей в Арктике. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64b998899a79471426e826cb> (дата обращения: 01.04.2026).

7. NATO plans to monitor Russia in the Arctic from the center in Finland. URL: <https://life.ru/p/1690122?ysclid=mnfpzl289c610225897> (date of access: 01.04.2026).

8. The battle for the Arctic has begun: what does Russia have in its arsenal to respond to NATO? URL: <https://ren.tv/longread/1404990-arktika-stanovitsia-arenoi-protivostoianiiia-rossii-i-nato?ysclid=mnfq3t24db549750113> (date of access: 01.04.2026).

9. Lavrov declared Russia's readiness to defend its interests in the Arctic. URL: <https://life.ru/p/1688909> (date of access: 01.04.2026).

10. Patrushev accused the West of terrorist attacks against the Russian maritime infrastructure. URL: <https://ura.news/news/1052810295?ysclid=mnfrm7n9nh490308116> (date of access: 01.04.2026).

11. The value of law and legal values in a globalizing world (An axiological review of the book "State and Law: Human Rights and the World Order based on the rule of Law") / P.Yu. Naumov [et al.] // State and Law. 2023. № 9.

12. Perelekhova T.S. Problems of legal regulation of maritime terrorism in the media // Ocean Management. 2022. № 2 (16).

13. Methodological recommendations for the training of Rosgvardiya units to perform tasks in the Arctic zone of the Russian Federation. Moscow, 2021.

14. Fadeev N.V. Terrorism and other manifestations of extremism as a threat to the national interests of the Russian Federation in the Arctic // Criminological problems of the regions of the Far North of Russia (July 2-3, 2015). Murmansk, 2015.

15. Kobets P.N. Experience and problems of countering international terrorism at nuclear power facilities // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs Russia. 2019. № 2 (46).

16. Borisenko K.P., Gaikovich A.I., Nikitin N.V. [and others]. Technical aspects of countering maritime terrorism // Issues of defense technology. Series 16: Technical means of countering terrorism. 2011. № 7–8.

17. Kobets P.N., Krasnova K.A. Fundamentals of developing a conceptual platform for solving the problem of preventing and protecting youth from the threat of extremism and terrorism entering their environment // Philosophy of Law. 2018. № 2 (85).

18. Putin called for creating "human conditions" for people in the Arctic. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64b998899a79471426e826cb> (date of access: 01.04.2026).

19. "They recruit, convincing them that nothing will happen to them": how arson can be punished for 20 years. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/verbuyut-ubezdaya-cto-im-nicego-ne-bu->

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

19. «Вербуют, убеждая, что им ничего не будет»: как за поджоги можно загреметь на 20 лет. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/verbuyut-ubezdaya-cto-im-nicego-ne-budet-kak-za-podzogi-mozno-zagremet-na-20-let-6011525?ysclid=mng58t12hi498291368> (дата обращения: 01.04.2026).

20. Сидорченко В.Ф. Морское пиратство. СПб., 2004.

det-kak-za-podzogi-mozno-zagremet-na-20-let-6011525?ysclid=mng58t12hi498291368 (date of access: 01.04.2026).

20. Sidorchenko V.F. Maritime piracy. St. Petersburg, 2004.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

П. Н. Кобец, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения научной деятельности Всероссийского научно-исследовательского института МВД России. 121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, 25, стр. 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

P. N. Kobets, Grand PhD in Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Organizational Support of Scientific Activities of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 25/1, Povarskaya St., Moscow 121069 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 02.04.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 02.04.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 08.06.2026.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ВОПРОС О ВЛИЯНИИ НА МЕЖДУНАРОДНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Вячеслав Викторович Комерцов¹, Сильва Оганнесовна Варданыан²

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, komercov@yandex.ru

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, svarpanyan-23@ranepa.ru

Введение: функциональность и автономность искусственного интеллекта делают его субъектом глобальных процессов, влияющим на перераспределение власти, трансформацию механизмов контроля и обеспечения доверия между государствами. В этих условиях возрастает потребность в комплексной оценке влияния искусственного интеллекта на систему международной информационной безопасности, с опорой на политико-правовые категории, институциональные механизмы регулирования и доктринальные подходы ключевых мировых акторов.

Материалы и методы: в исследовании использованы методы институционального анализа, международно-правового моделирования, а также компаративистский подход. Эмпирическую базу составляют нормативные документы РФ и международных организаций, а также аналитические материалы ЮНЕСКО, Совета Европы и профильных экспертных групп.

Результаты исследования: современное развитие технологий искусственного интеллекта приводит к существенному усложнению ландшафта международной информационной безопасности. Генеративные модели, применяемые во вредоносном программном обеспечении, формируют новый уровень киберугроз с элементами автономности и непредсказуемости поведения. Искусственный интеллект углубляет глобальное цифровое неравенство, укрепляя структурную зависимость развивающихся государств от технологических центров, в результате необходима выработка универсальных норм, регулирующих обращение искусственного интеллекта в интересах глобальной стабильности.

Выводы и заключения: развитие искусственного интеллекта привело к глубинной трансформации международной информационной безопасности, выведя угрозы из сферы физического противоборства в плоскость алгоритмических систем. Современные вызовы требуют создания новых правовых режимов, основанных на принципах ответственности, прозрачности и международного сотрудничества. В условиях нарастающей технологической конкуренции особое значение приобретает выработка универсальных норм, регулирующих использование искусственного интеллекта в киберсреде, и формирование механизмов предотвращения злоупотреблений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационная безопасность, международная безопасность, мировая политика, международные отношения

Для цитирования: Комерцов В. В., Варданыан С. О. Искусственный интеллект: вопрос о влиянии на международную безопасность // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 119–125.

Original paper

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THE IMPACT ON INTERNATIONAL SECURITY

Vyacheslav Viktorovich Komertsov¹, Silva Ogannesovna Vardanyan²

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russian Federation

²South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Introduction: the functionality and autonomy of artificial intelligence make it a subject of global processes affecting the redistribution of power, the transformation of control mechanisms and ensuring trust between states. In these conditions, there is an increasing need for a comprehensive assessment of the impact of artificial intelligence on the international information security system, based on political and legal categories, institutional regulatory mechanisms and doctrinal approaches of key global actors.

Materials and methods: the research uses methods of institutional analysis, international legal modeling, as well as a comparative approach. The empirical base consists of regulatory documents of the Russian Federation and international organizations, as well as analytical materials from UNESCO, the Council of Europe and relevant expert groups.

Results of the study: the modern development of artificial intelligence technologies leads to a significant complication of the international information security landscape. Generative models used in malicious software form a new level of cyber threats with elements of autonomy and unpredictability of behavior. Artificial intelligence is deepening global digital inequality, strengthening the structural dependence of developing countries on technological centers, as a result, it is necessary to develop universal norms governing the use of artificial intelligence in the interests of global stability.

Findings and conclusions: the development of artificial intelligence has led to a profound transformation of international information security, bringing threats from the sphere of physical confrontation to the plane of algorithmic systems. Modern challenges require the creation of new legal regimes based on the principles of responsibility, transparency and international cooperation. In the context of increasing technological competition, the development of universal norms governing the use of artificial intelligence in the cyber environment and the formation of mechanisms to prevent abuse are of particular importance.

Keywords: artificial intelligence, information security, international security, world politics, international relations

For citation: Komertsov V. V., Vardanyan S. O. Artificial intelligence: the impact on international security // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 119–125.

Современная трансформация мировой политической и экономической системы неразрывно связана с развитием технологий искусственного интеллекта. Искусственный интеллект уже не является инструментом исключительно научно-технического прогресса – он превратился в стратегический ресурс, определяющий распределение власти, обеспечение безопасности и влияние на международной арене. По определению, данному в специальной публикации Национального института стандартов и технологий США NIST SP 800-219A, искусственный интеллект (AI) – это машинно-ориентированная система, способная для заданного множества целей делать предсказания, давать рекомендации или принимать решения, воздействуя на реальные или виртуальные среды [1].

В условиях стремительного роста цифровой взаимозависимости государств и глобализации информационных потоков использование искусственного интеллекта напрямую влияет на состояние международной информационной безопасности, формируя новые возможности для обеспечения устойчивости глобального киберпространства, а также на соответствующие риски и угрозы.

Международная информационная безопасность традиционно рассматривается как совокупность мер, направленных на защиту национальных интересов в информационной сфере, предотвращение кибератак и противодействие дезинформации. Указанный подход активно

рассматривается в трудах исследователя в области кибербезопасности Т. Риды как «рамка национальной «киберобороны» и стратегической устойчивости интернет-коммуникаций». Но с развитием искусственного интеллекта граница между техническими и когнитивными угрозами теряет четкую структуру. Системы машинного обучения и нейронные сети способны не только обрабатывать огромные объемы данных, но и влиять на процессы принятия решений, формировать контент, задавать повестку дня и даже участвовать в стратегических коммуникациях между государствами.

Анализ воздействия искусственного интеллекта на международную информационную безопасность базируется на взаимосвязи теоретических парадигм и правовых рамок, формирующих логику современного международного порядка. Вопрос о роли искусственного интеллекта в системе глобальной безопасности нельзя рассматривать исключительно в технологической или юридической плоскости: он затрагивает фундаментальные категории власти, суверенитета и доверия между государствами. Современная либеральная школа делает акцент на возможности международного сотрудничества и выработке общих норм регулирования в области искусственного интеллекта. Идеи неолибералистов Р. Кеохейна и Д. Найя о комплексной взаимозависимости и институционализме позволяют в настоящее время рассматривать искусственный интеллект как фактор, требующий согласованных

глобальных правил, гарантирующих прозрачность, ответственность и предсказуемость в киберпространстве. В этом контексте искусственный интеллект может стать основой для формирования новых международных режимов, аналогичных тем, что возникли в сфере ядерной безопасности или контроля над вооружениями. Однако либералы также признают, что институциональные механизмы регулирования пока отстают от темпов технологического развития, что создает правовой вакуум и усиливает конкуренцию между национальными юрисдикциями.

Теоретические основания исследования активно отражаются в существующей нормативно-правовой системе. На международном уровне ключевую роль играют документы ООН, в частности резолюции Генеральной Ассамблеи о развитии норм ответственного поведения государств в информационном пространстве (резолюции № 73/27, 74/29, 76/19) [2], а также доклады Группы правительственных экспертов, в отчете 2021 г. которой консолидировано и уделено внимание новым угрозам – включая атаки на критическую инфраструктуру, кампании влияния через информационно-коммуникационные технологии и укрепление международного сотрудничества [3]. Наряду с этим функционирует Рабочая группа открытого состава по достижениям в области информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающая более инклюзивный формат диалога, в котором участвуют государства, международные организации и наблюдатели. Она дополняет деятельность Группы правительственных экспертов, содействуя операционализации выработанных норм киберповедения и развитию механизмов доверия в киберпространстве [4]. В Европе особое значение имеют инициативы Совета Европы по защите прав человека в цифровой среде и Декларация ЮНЕСКО «Этика искусственного интеллекта» 2021 г., в которой впервые зафиксированы международные принципы ответственности использования искусственного интеллекта [5, с. 7–30].

На государственном уровне Российской Федерации сформирована собственная нормативная база, отражающая национальные интересы в сфере цифрового суверенитета и информационной безопасности. К числу основополагающих актов относят Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». В новой редакции документа среди приоритетов обозначены укрепление международной информационной безопасности, обеспечение цифрового суверенитета и противодействие внешним информационно-технологическим угрозам [6]. Также стоит рассмотреть Указ Президента РФ

от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [7], Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с поправками в Указе Президента РФ от 15.02.2024 № 124) [8], Указ Президента РФ от 12.04.2021 № 213 «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» [9].

Эти документы фиксируют стремление Российской Федерации к формированию справедливого и многополярного цифрового пространства, к признанию равноправия государств в управлении глобальными данными и к выработке международных норм, ограничивающих использование искусственного интеллекта в агрессивных или манипулятивных целях. В феврале 2025 г. Российская Федерация представила в ООН проект Концепции международной информационной безопасности как часть своей инициативы по выработке глобального соглашения в сфере кибербезопасности [10].

Воздействие искусственного интеллекта на международную информационную безопасность носит комплексный характер, охватывая технические, когнитивные, правовые и политические измерения. В отличие от предыдущих технологических революций, которые главным образом расширяли инструменты и скорость человеческой деятельности, развитие искусственного интеллекта трансформирует саму логику противоборства, добавляя новое измерение оценки современных систем – автономность и адаптивность, в которой информационные процессы становятся самонастраивающимися и в определенной степени непредсказуемыми.

Прежде всего искусственный интеллект усиливает потенциал киберугроз. Системы машинного обучения позволяют создавать вредоносное программное обеспечение, способное адаптироваться к условиям противодействия и самостоятельно модифицировать собственный код в режиме реального времени, что делает поведение атак менее детерминированным и сложнее поддающимся традиционным средствам обнаружения. Одновременно алгоритмы предиктивного анализа автоматизированного сбора открытых источников (OSINT) позволяют оперативно ранжировать уязвимые точки инфраструктуры, формировать персонализированные фишинговые вбросы и оптимизировать маршруты дальнейшего продвижения внутри сети, что повышает точность и масштабируемость атак.

Показательным примером такого рода является выявленное в августе 2025 г. специалистами компании ESET [11] вредоносное программное обеспечение PromptLock – первый известный тип ransomware, использующий

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

локальную звуковую модель (gpt-oss:20b через API Ollama) для динамической генерации Lua-скриптов. Эти скрипты применялись для выбора и шифрования файлов, обхода защитных механизмов и извлечения данных. Такое решение фактически наделяет вредоносный код элементами автономности: программа не просто выполняет заранее прописанные команды, а способна самостоятельно создавать варианты своих действий в зависимости от среды. Этот случай иллюстрирует появление нового поколения «адаптивного» вредоносного программного обеспечения, где искусственный интеллект играет роль соавтора атакующего поведения.

Одновременно искусственный интеллект становится ключевым фактором в сфере информационно-психологических операций. Алгоритмы, способность создавать текст, изображения или видео открывают возможности для масштабного производства дезинформации, что разрушает основы общественного доверия и затрудняет идентификацию источников информации. Технология дипфейков – наиболее наглядный пример этой тенденции. Так, в сентябре 2023 г. в Словакии за два дня до парламентских выборов в социальных сетях распространилась двухминутная аудиозапись, якобы зафиксировавшая разговор лидера партии «Прогрессивная Словакия» М. Шимечки с журналисткой М. Тодовой о фальсификации выборов и покупке голосов у представителей

этнического меньшинства – народа рома. Уже после публикации участники записи заявили, что аудио является подделкой; впоследствии эксперты подтвердили, что оно создано с применением технологий нейросетевого синтеза речи. Несмотря на это, запись успела получить широкое распространение и, по мнению аналитиков, могла повлиять на итоги голосования, увеличив преимущество партии «Курс – социальная демократия»¹.

Этот случай демонстрирует, как использование искусственного интеллекта для генерации убедительных, но ложных аудиовизуальных сообщений позволяет манипулировать общественным мнением, подрывать доверие к институтам власти и вмешиваться в электоральные процессы. Таким образом, искусственный интеллект становится не только инструментом сбора и анализа данных, но и оружием воздействия на когнитивное восприятие, что ведет к эрозии принципов достоверности и ответственности в международных коммуникациях.

Третьим направлением влияния искусственного интеллекта является усиление цифрового неравенства между государствами. Технологическая асимметрия проявляется в концентрации вычислительных мощностей, данных и алгоритмов в руках ограниченного круга акторов – прежде всего крупных транснациональных корпораций и государств, обладающих развитой научно-технической базой.

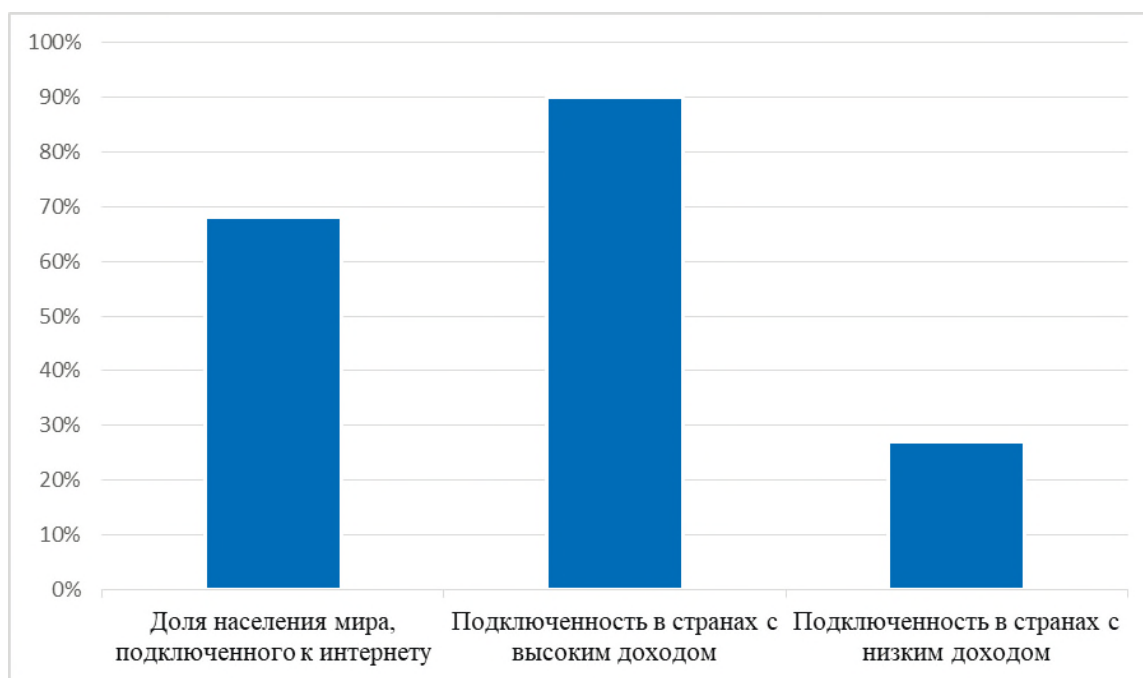

Рисунок 1. Глобальное цифровое неравенство по уровню дохода стран (данные ITU, 2024)

¹ Диктатура ИИ. Как Кремль использует дипфейки и допдельгангеры, чтобы влиять на выборы в Европе, почему теперь эту практику перенимают и традиционные политические силы ЕС. URL: <https://novayagazeta.eu/articles/2024/08/15/diktatura-ii> (дата обращения: 17.10.2025).

Согласно данным Международного союза электросвязи (ITU) (рис. 1) за 2024 г., около 2,6 млн человек, т. е. примерно 32 % населения планеты, по-прежнему остаются вне Сети. В странах с низким уровнем дохода доля подключенных к Интернету не превышает 27 %, тогда как в странах с высоким доходом она превышает 90 % (данные значения отражают внутренние доли в разных категориях стран, а не части единой совокупности, что подчеркивает глубину глобальной цифровой асимметрии) [12]. Эти различия в доступе к базовым цифровым услугам дополняются разрывом в сфере высокопроизводительных вычислений.

Исследования Оксфордского университета под руководством В. Лехдонвирты и аналитический обзор Time показывают, что мощные AI-акселераторы (GPU класса H100 и аналогичные) сосредоточены примерно в 30 странах, преимущественно в США, Китае, странах ЕС и ряде азиатских технологических центров. Для многих развивающихся регионов формируются так называемые *compute deserts* – зоны доступа к крупным дата-центрам и вычислительным ресурсам, необходимым для разработки и обучения современных моделей искусственного интеллекта [13]. Такая концентрация создает угрозу утраты цифрового суверенитета для менее развитых стран, зависимых от иностранных технологий. В геополитическом измерении это формирует феномен «цифрового колониализма», при котором контроль над алгоритмами и потоками данных становится новым источником политического и экономического доминирования.

Военное измерение искусственного интеллекта обладает наибольшей актуальностью. В 2020-х гг. начались реальные испытания автономных летательных аппаратов, способных самостоятельно выбирать цели. В ходе конфликтов в Нагорном Карабахе и Ливии применялись дроны с элементами машинного зрения (боевой дрон Kargu-2, созданный турецкой военно-технической компанией STM, способен нести взрывчатку и может выполнить самоподрыв на основании самостоятельно принятого решения), которые, по данным ООН, могли действовать без прямого человеческого управления. Это стало первым зафиксированным случаем боевого применения летального автономного оружия, которое создает риски для международной информационной безопасности через расширение «кибер-кинетического» континуума угроз и усложнение атрибуции действий. Это привело к новой важнейшей дискуссии в сфере международного права: кто несет ответственность за гибель, если решение принимает не человек, а программа, и как такие решения коррелируют с режимами контроля, отчетности и уведомления в сфере международной информационной безопасности.

Этическое измерение проблемы становится особенно острым, когда искусственный интеллект вмешивается в процессы, связанные с человеческой жизнью и достоинством. В последние годы в США активно внедряется система COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions), связанная с оценкой и прогнозированием рисков рецидива. При этом эффективность ее деятельности по-прежнему остается дискуссионной темой: прогноз строится на ряде факторов, среди которых возраст подсудимого, тяжесть правонарушения и количество полученных судимостей. Тем не менее исследование организации ProPublica в 2016 г. выявило, что система склонна определять афроамериканцев как потенциальных рецидивистов в разы чаще, чем представителей иных рас [14]. Это подчеркивает наличие расовых и социальных предубеждений, связанных с исторически искаженными данными и стереотипами, а также отсутствие нейтральности искусственного интеллекта: он воспроизводит и усиливает системные искажения, заложенные в обществе. В международном контексте это грозит экспортом цифровой несправедливости – когда одни государства навязывают другим собственные алгоритмические стандарты, маскируя их под «универсальные».

Можно заключить, что геополитические и гуманитарные измерения искусственного интеллекта тесно переплетены. Стремление государства к технологическому превосходству вступает в противоречие с универсальными этическими принципами, а автономия машин обнажает пределы традиционного международного права. Формируется новая этико-правовая парадигма, в которой безопасность не может быть обеспечена без доверия, а доверие – без прозрачности алгоритмов. Признание этого взаимозависимого характера искусственного интеллекта становится ключевым условием для выработки устойчивых международных норм, способных совместить технологическую эффективность и гуманитарную ответственность.

В заключение отметим, что искусственный интеллект изменил саму природу международной безопасности: угрозы теперь исходят не из конфронтации армий, а из столкновения систем, причем решающим измерением становится международная информационная безопасность. От того, как человечество ответит на вызовы автономии машин, зависит устойчивость международного порядка. Мир входит в эпоху, где код становится политическим актором, а стабильность определяется не количеством вооружений, а степенью доверия к алгоритмам и гарантией их проверяемости, подотчетности и соответствия международному праву в сфере международной информационной безопасности.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Подлинная международная информационная безопасность невозможна без этической легитимности. Она требует новой парадигмы – алгоритмической ответственности, в которой технологии подчинены человеческому праву, цифровой про-

гресс не разрушает основу гуманизма. Именно в этом направлении лежит перспектива формирования справедливого и безопасного глобального порядка, где искусственный интеллект служит не власти, а разуму.

Список источников

1. SP 800-218A, Secure Software Development Practices for Generative AI and Dual-Use Foundation Models: An SSDF Community Profile | CSRC. URL: <https://clck.ru/3Pbpyv> (дата обращения: 17.10.2025).

2. О принятии Генассамблеей ООН российской резолюции по международной информационной безопасности. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/1579897/ (дата обращения: 17.10.2025).

3. Об итогах деятельности Группы правительственных экспертов ООН по продвижению ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1423809/ (дата обращения: 17.10.2025).

4. О завершении деятельности Рабочей группы открытого состава (РГОС) ООН по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий и самих информационно-коммуникационных технологий. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/2036185/ (дата обращения: 17.10.2025).

5. Болгов Р.В., Еременков А.А., Чернов С.И. Подходы международных организаций к защите прав человека в цифровом пространстве // Россия в глобальном мире. 2025. №1.

6. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229. URL: <https://clck.ru/3Pbprg> (дата обращения: 17.10.2025).

7. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646. URL: <https://clck.ru/3Parnp> (дата обращения: 17.10.2025).

8. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом: указ Президента РФ от 15.02.2024 № 124. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50326> (дата обращения: 17.10.2025).

9. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности: указ Президента РФ от 12.04.2021 № 213. URL: <https://clck.ru/3QDrRV> (дата обращения: 17.10.2025).

References

1. SP 800-218A, Secure Software Development Practices for Generative AI and Dual-Use Foundation Models: An SSDF Community Profile | CSRC. URL: <https://clck.ru/3Pbpyv> (date of access: 17.10.2025).

2. On the adoption by the UN General Assembly of the Russian resolution on international information security. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/1579897/ (date of access: 17.10.2025).

3. On the results of the activities of the UN Group of Governmental Experts on Promoting Responsible State Behavior in Cyberspace in the context of International Security. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1423809/ (date of access: 17.10.2025).

4. On the completion of the activities of the Open-ended Working Group (OEWG) The United Nations Security Council on the use of information and communication technologies and information and communication technologies themselves. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/2036185/ (date of access: 17.10.2025).

5. Bolgov R.V., Eremenkov A.A., Chernov S.I. Approaches of international organizations to the protection of human rights in the digital space // Russia in the global world. 2025. №1.

6. On the approval of the Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 31.03.2023 № 229. URL: <https://clck.ru/3Pbprg> (date of access: 17.10.2025).

7. On the approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 № 646. URL: <https://clck.ru/3Parnp> (date of access: 17.10.2025).

8. On Amendments to Decree of the President of the Russian Federation № 490 dated October 10, 2019 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" and to the National Strategy approved by this Decree: Decree of the President of the Russian Federation dated 15.02.2024 № 124. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50326> (date of access: 17.10.2025).

9. Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of international information security: Decree of the President of the Russian Federation dated 12.04.2021 № 213. URL: <https://clck.ru/3QDrRV> (date of access: 17.10.2025).

10. Россия представила в ООН проект по информационной безопасности. URL: <https://ria.ru/20250205/oon-1997446712.html> (дата обращения: 17.10.2025).

11. ESET researcher discovers the first known AI-written ransomware: I feel thrilled but cautious. URL: <https://www.eset.com/blog/en/business-topics/threat-landscape/the-first-known-ai-written-ransomware/> (дата обращения: 17.10.2025).

12. Facts and Figures 2024 – Internet use. URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/2024/11/10/ff24-internet-use/> (дата обращения: 17.10.2025).

13. Research Finds US, China Drive Global Divide in AI Chip Power | TIME. URL: <https://time.com/7015330/ai-chips-us-china-ownership-research/> (дата обращения: 17.10.2025).

14. Расовые предрассудки в цифровом суде: что показало исследование Корнелла? URL: <https://www.securitylab.ru/news/553284.php> (дата обращения: 17.10.2025).

10. Russia has submitted a project on information security to the United Nations. URL: <https://ria.ru/20250205/oon-1997446712.html> (date of access: 17.10.2025).

11. ESET researcher discovers the first known AI-written ransomware: I feel thrilled but cautious. URL: <https://www.eset.com/blog/en/business-topics/threat-landscape/the-first-known-ai-written-ransomware/> (date of access: 17.10.2025).

12. Facts and Figures 2024 – Internet use. URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/2024/11/10/ff24-internet-use/> (date of access: 17.10.2025).

13. Research Finds US, China Drive Global Divide in AI Chip Power | TIME. URL: <https://time.com/7015330/ai-chips-us-china-ownership-research/> (date of access: 17.10.2025).

14. Racial prejudice in the digital court: what did the Cornell study show? URL: <https://www.securitylab.ru/news/553284.php> (date of access: 17.10.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

В. В. Комерцов, старший преподаватель кафедры информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

С. О. Варданын, преподаватель факультета политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

V. V. Komertsov, senior lecturer of the Department of Information and Communication Technologies and Cybersecurity of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

S. O. Vardanyan, lecturer at the Faculty of Political Science and Ethnopolitics of the Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена после рецензирования 25.05.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 14.01.2026; approved after reviewing 25.05.2026; accepted for publication 08.06.2026.

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ, ОПЕРАТИВНЫХ
СОТРУДНИКОВ И СПЕЦИАЛИСТОВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ
ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ
ПРЕКУРСОРОВ**

Татьяна Юрьевна Коротенко

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
vusenka@yandex.ru.

Введение: актуальность исследования проблем, связанных с противодействием незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, определяется тем, что данные средства и вещества находят все большее распространение среди населения. Это весьма негативно влияет на различные сферы жизни общества. Так, неэффективность противодействия незаконному обороту указанных средств и веществ может привести к непоправимым последствиям. В своей совокупности все это, очевидно, окажет довольно негативное влияние на государственную безопасность, здоровье населения и иные важнейшие аспекты социально-экономической, политической жизни общества и государства.

Материалы и методы: методологическую основу работы составили методы анализа и синтеза информации.

Результаты исследования: определены актуальные проблемы взаимодействия следователей, оперативных сотрудников и специалистов по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров.

Выводы и заключения: эффективность борьбы с незаконным оборотом наркотиков во многом зависит от оперативности принятия адекватных складывающейся наркоситуации законодательных решений. Для российской уголовной традиции путь с послаблением антинаркотического законодательства приемлемым назвать нельзя. При этом основной фронт борьбы с наркоманией в нашей стране лежит в криминологической плоскости – в стимулировании снижения потребления и пропаганде здорового образа жизни.

Ключевые слова: взаимодействие, следователь, оперативный сотрудник, специалист, незаконный оборот, наркотические средства, психотропные вещества

Для цитирования: Коротенко Т. Ю. Проблемы взаимодействия следователей, оперативных сотрудников и специалистов по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 126–129.

Original paper

**PROBLEMS OF INTERACTION OF INVESTIGATORS, OPERATIONAL EMPLOYEES
AND SPECIALISTS IN CRIMINAL CASES ON ILLEGAL TRAFFICKING OF NARCOTIC
DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES OR PRECURSORS**

Tatyana Yuryevna Korotenko

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the relevance of research on problems related to countering illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors is determined by the fact that these drugs and substances are becoming increasingly widespread among the population. This has a very negative impact on various spheres of society. Thus, the ineffectiveness of countering the illicit trafficking of these drugs and substances can lead to irreparable consequences. Taken together, all this will obviously have a rather negative impact on state security, public health and other important aspects of the socio-economic, political life of society and the state.

Materials and methods: the methodological basis of the work consists of methods of information analysis and synthesis.

Results of the study: the current problems of interaction between investigators, operational staff and specialists in criminal cases of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their precursors have been identified.

Findings and conclusions: the effectiveness of the fight against drug trafficking largely depends on the promptness of legislative decisions that are adequate to the current drug situation. For the Russian criminal tradition, the path of relaxing anti-drug legislation cannot be called acceptable. At the same time, the main front in the fight against drug addiction in our country lies in the criminological plane – in stimulating consumption reduction and promoting a healthy lifestyle.

Keywords: interaction, investigator, operative, specialist, illicit trafficking, narcotic drugs, psychotropic substances

For citation: Korotenko T. Yu. Problems of interaction of investigators, operational employees and specialists in criminal cases on illegal trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances or precursors // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 126–129.

По статистике Министерства здравоохранения Российской Федерации, на конец 2023 г. в нашей стране наркотической зависимостью страдало примерно 212 тыс. человек, без учета статистической информации по ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областям. Однако это только официальная статистика по числу лиц, которые состоят на учете у врачей-наркологов. Более того, большинство наркозависимых составляют молодые люди от 16 до 30 лет. В таких условиях повышение эффективности противодействия незаконному обороту указанных средств и веществ является жизненно необходимым для государства и общества.

В современное время существенное влияние на эффективность противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров оказывает деятельность органов внутренних дел. Следует отметить, что до 5 апреля 2016 г. существовала Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. Однако после упразднения данной службы все ее функции и полномочия были переданы в органы внутренних дел. Так, в 2016 г. было создано Главное управление по контролю за оборотом наркотиков МВД России.

Стоит отметить, что в настоящее время, как было сказано ранее, данной деятельностью в рамках своей компетенции занимаются и органы государственной безопасности, и таможенные органы, а также иные органы государственной власти. Однако именно органы внутренних дел в большей степени ориентированы на противодействие незаконному обороту указанных средств и веществ. Поэтому одной из важнейших проблем следует признать необходимость повышения эффективности взаимодействия следователей, оперативных сотрудников и специалистов по уголовным делам рассматриваемой категории [1, с. 141].

Для повышения эффективности изобличения лиц, связанных с незаконным оборотом наркотиков, необходимо четко распределять обязанности оперативных сотрудников и следователей как в ходе доследственной проверки, так и после возбуждения уголовного дела. В силу специфики преступлений рассматриваемой категории большая часть доказатель-

ственной базы может быть сформирована лишь на этапе доследственной проверки либо на первоначальном этапе предварительного следствия.

Оперативные сотрудники в силу специфики оперативно-розыскной деятельности более тесно контактируют с определенными категориями граждан. Следует отметить, что оперативные сотрудники в рамках своей служебной деятельности сталкиваются с большим числом таких лиц, которые преимущественно являются асоциальными элементами, нежели следователи. Однако слаженная работа оперативных сотрудников и следователя позволяет вовремя проводить обыски в жилище, в иных хранилищах, а также оперативно выявлять свидетелей, которых следователю необходимо допросить для установления всех обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу.

Специфика предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях рассматриваемой категории заключается в том, что следователь чаще всего должен незамедлительно избрать меру пресечения в отношении задержанного лица, допросить его, а также допросить основных свидетелей, включая закупщиков, понятых, участвовавших в задержании сотрудников полиции. Чаще всего в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ст. 228, 228.1, 228.2, 228.3, 228.4, 229, 229.1, 230 УК РФ [2], следователь ходатайствует перед судом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Наряду с этим следователь на первоначальном этапе предварительного следствия должен выполнить ряд иных неотложных следственных действий, в том числе зафиксировать материальные следы совершенного преступления [3, с. 105].

Вместе с тем в современное время возникают определенные организационные проблемы, если наркотические средства и психотропные вещества распространялись бесконтрольно. Для понимания сущности данных проблем необходимо рассмотреть некоторые типичные ситуации, сложившиеся в ходе служебной деятельности.

Так, зачастую оперативные сотрудники посредством использования своих источников информации получают сведения о пред-

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

положительном месте закладки наркотических веществ. При этом закладки – это самый распространенный способ распространения и реализации наркотиков. Для того чтобы проверить достоверность полученной информации, оперативным сотрудникам необходимо явиться на соответствующую местность и осмотреть закладку. В случае если наркотики, упакованные в закладку, действительно имеются, то оперативным сотрудникам необходимо дождаться подозреваемого, который приобретет наркотическое средство и явится для того, чтобы его забрать [4, с. 12].

Зачастую оперативным сотрудникам приходится ждать продолжительное время, однако, очевидно, ускорение данного процесса не является возможным. После того, как подозреваемый прибывает на место, где спрятана закладка, оперативными сотрудниками производится его задержание и последующее доставление в соответствующий территориальный орган внутренних дел. В практической деятельности лицо, задержанное при таких обстоятельствах, чаще всего дает признательные показания. Поэтому оперативным сотрудникам остается лишь опросить его и иных лиц, которые могли стать очевидцами задержания и иных событий, связанных с преступлением, составить иные процессуальные документы, после чего направить изъятые вещества на исследование. Исследование проводит эксперт, который в соответствующей справке об исследовании должен отразить, является ли изъятое вещество наркотическим, если является, то какого вида и в каком объеме.

После проведения указанных мероприятий материал проверки передается по подследственности в следственный орган для принятия процессуального решения в порядке ст. 144, 145 УПК РФ [5]. Важно понимать, что сроки доследственной проверки зачастую затягиваются по причине того, что следователь возвращает материал проверки оперативному сотруднику, мотивируя свое решение необходимостью его доработки. При этом решение может быть как вполне объективным, так и необъективным.

В своей деятельности оперативные сотрудники также должны проводить исчерпывающий комплекс проверочных мероприятий, направленных на установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию. Так, в современное время необходимо предпринять меры, направленные на установление обстоятельств, при которых закладка оказалась на месте совершения преступления. Кроме того, важным является установление схемы сбыта и лиц, которые могут быть виновны в совершении преступлений рассматриваемой категории.

По этой причине в силу специфики распространения и реализации наркотиков посредством размещения закладок оперативные сотрудники должны производить изъятие тех-

нических средств, посредством которых осуществлялся незаконный оборот наркотиков, а также анализировать IP-адреса, телефонные номера, интернет-кошельки и другие данные, которые могут способствовать установлению лиц, занимающихся распространением наркотических средств и психотропных веществ [1, с. 143].

Таким образом, в современной оперативно-служебной деятельности и следственной практике сформировался определенный алгоритм взаимодействия оперативного сотрудника и следователя. Правильная реализация всех структурных элементов данного алгоритма обеспечивает относительно эффективную деятельность предварительного следствия по уголовным делам рассматриваемой категории. Вместе с тем указанный алгоритм требует определенного упрощения последовательности действий указанных субъектов.

Так, одной из важнейших проблем является то, что оперативные сотрудники в рамках доследственной проверки назначают исследование, после чего передают материал проверки следователю. В свою очередь, следователь квалифицирует действия лица, которое предположительно совершило преступное деяние, и возбуждает уголовное дело. При этом сразу после возбуждения уголовного дела следователь назначает физико-химическую судебную экспертизу. Очевидно, для проведения исследования и физико-химической судебной экспертизы требуется определенное время. Однако в этом плане есть яркий пример методики расследования дорожно-транспортных происшествий, в рамках которой уже в ходе доследственной проверки следователь назначает автотехническую судебную экспертизу, после чего решается вопрос о возбуждении уголовного дела либо отказе в возбуждении уголовного дела.

Следовательно, является очевидным, что проведение исследования в рамках доследственной проверки и последующее проведение судебной экспертизы в рамках предварительного следствия приводит к существенному затягиванию сроков принятия ключевых процессуальных решений. Все это значительно усложняет служебную деятельность, направленную на раскрытие и расследование преступлений рассматриваемой категории. В связи с этим следует признать целесообразным внесение соответствующих изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство в целях повышения эффективности работы органов внутренних дел по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров.

Другая важная проблема заключается в том, что сотрудники соответствующих оперативных подразделений в силу специфики оперативно-розыскной деятельности и преступлений рассматриваемой категории само-

стоятельно занимаются сбором и документированием сведений, подтверждающих факт совершения соответствующим лицом преступления анализируемой категории. В результате этого чаще всего взаимодействие следователя и сотрудников оперативных подразделений начинается после того, как преступник задержан. В рамках задержания сотрудники оперативных подразделений порой допускают ошибки, которые впоследствии приводят к существенным проблемам, затрудняющим доказывание вины соответствующего лица.

Для решения данной проблемы видится целесообразным предварительное согласование со следователем планируемого задержания. При этом следователь и сотрудники оперативных подразделений должны прийти к взаимопониманию в части правильного

документирования сведений, которые будут впоследствии иметь решающее значение в процессе доказывания. Очевидно, в данном случае идет речь о противодействии наиболее опасным и организованным группам, занимающимся на профессиональной основе совершением преступлений анализируемой категории. Для эффективного противодействия таким преступникам необходимо четко планировать и согласовывать соответствующие мероприятия. По этой причине, несмотря на динамичную трансформацию общественных отношений, четкое взаимопонимание между следователем, специалистом и сотрудниками оперативных подразделений имеет решающее значение для успешного противодействия совершению преступлений рассматриваемой категории.

Список источников

1. Алтухов С.А. Противодействие незаконному обороту наркотиков: Анализ практики и пути повышения эффективности / С.А. Алтухов, А.С. Ширяев // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 2.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Алимуратов Г.Б. Методика расследования преступлений: учеб. пособие / Г.Б. Алимуратов, Т.Б. Рамазанов. Махачкала, 2017.
4. Гаврюшин Ю.Б. Особенности противодействия бесконтактному способу сбыта наркотиков с использованием сети Интернет // Вестник всероссийского института повышения квалификации сотрудников министерства внутренних дел Российской Федерации. 2016. № 2.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
6. Петрова Е.В. Современные профилактические подходы к проблеме наркозависимости у подростков: учебное пособие / Е.В. Петрова, В.Б. Калистратов. Пенза, 2019.

References

1. Altukhov S.A. Countering drug trafficking: An analysis of practice and ways to increase efficiency / S.A. Altukhov, A.S. Shiryayev // North Caucasian Law Bulletin. 2020. № 2.
2. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996. № 63-FL (as amended on 08.08.2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
3. Alimuradov G.B. Methods of crime investigation: textbook. the manual / G.B. Alimuradov, T.B. Ramazanov. Makhachkala, 2017.
4. Gavryushin Yu.B. Features of countering the contactless method of selling drugs using the Internet // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2016. № 2.
5. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law. Law № 174-FL of 18.12.2001 (as amended on 29.05.2024) (as amended and supplemented, intro. effective from 01.07.2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. № 52 (part I). Art. 4921.
6. Petrova E.V. Modern preventive approaches to the problem of drug addiction in adolescents: a textbook / E.V. Petrova, V.B. Kalistratov. Penza, 2019.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Т. Ю. Коротенко, адъюнкт 2 курса Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

T. Yu. Korotenko, 2nd year adjunct of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 20.04.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 20.04.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 08.06.2026.

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО
ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ: ОТ ПРАВА ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ
ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Сергей Иванович Курилов

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация, skurilov78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7243-9624>

Введение: в статье рассмотрена проблема ответственности за вред, причиненный в процессе совершения преступных посягательств, в историческом аспекте российского законодательства и правоприменительной практики. Нормы о возмещении вреда, причиненного преступлением в различные исторические периоды, находили свое законодательное закрепление в источниках российского права разного времени, что является важным в части анализа российского опыта в данном контексте для выявления закономерностей развития возмещения вреда.

Материалы и методы: в ходе исследования использовались общенаучные приемы и способы познания, сбор и обработка эмпирических материалов проводились путем применения следующих методов исследования: сравнение, моделирование, анализ, синтез, формально-логический подход, частнонаучные методы, в том числе исторический.

Результаты исследования: в процессе исследования автором проводился историко-правовой анализ института возмещения преступного вреда, который позволяет говорить о поступательных изменениях в этом правовом институте. Возмещение вреда, причиненного преступлениями на протяжении всего времени развития российского государства, являлось одним из основных способов, благодаря которым осуществлялась правозащита.

Выводы и заключения: исследование позволило прийти к выводу о том, что проведенный в рамках данной статьи исторический экскурс позволил выявить основные закономерности и направления трансформации на различных этапах, а также причины и условия, которые способствовали развитию российского опыта возмещения вреда, причиненного преступлениями.

Ключевые слова: российский опыт, возмещение вреда, преступления, законы

Для цитирования: Курилов С. И. Российский опыт возмещения вреда, причиненного преступлениями: от права Древней Руси до Соборного уложения царя Алексея Михайловича // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 130–135.

Original paper

RUSSIAN EXPERIENCE IN COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY CRIMES:
FROM THE LAW OF ANCIENT RUS TO THE CATHEDRAL CODE
OF TSAR ALEXEI MIKHAILOVICH

Sergey Ivanovich Kurilov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: the article examines the problem of liability for harm caused during the commission of criminal offenses in the historical aspect of Russian legislation and law enforcement practice. The norms on compensation for damage caused by a crime in different historical periods have found their legislative consolidation in the sources of Russian law of different times, which is important in terms of analyzing the Russian experience in this context to identify patterns of development of compensation for harm.

Materials and methods: the research used general scientific methods and methods of cognition, the collection and processing of empirical materials were carried out through the use of the following research methods: comparison, modeling, analysis, synthesis, formal logical approach, private scientific methods, including historical.

Results of the study: in the course of the research, the author conducted a historical and legal analysis of the institution of compensation for criminal harm, which allows us to talk about progressive changes

in this legal institution. Compensation for the harm caused by crimes throughout the development of the Russian state has been one of the main ways in which human rights protection has been carried out.

Findings and conclusions: *the study led to the conclusion that the historical digression conducted within the framework of this article made it possible to identify the main patterns and directions of transformation at various stages, as well as the causes and conditions that contributed to the development of the Russian experience of compensation for harm caused by crimes.*

Keywords: *Russian experience, compensation for harm, crimes, laws*

For citation: *Kurilov S. I. Russian experience in compensation for damage caused by crimes: from the law of Ancient Rus to the Cathedral Code of Tsar Alexei Mikhailovich // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 130–135.*

Причиненный вред всегда подлежал возмещению лицом, его причинившим, что в различные исторические периоды находило свое законодательное закрепление в источниках российского права разного времени. Возмещение причиненного преступными действиями вреда на протяжении всего времени развития российского государства являлось одним из основных способов, благодаря которым осуществлялась правозащита.

Следует согласиться с В.В. Шапошниковым и П.В. Шапошниковым в том, что самыми ранними памятниками древнерусского права, содержащими нормы в части возмещения вреда [1, с. 93], можно назвать договоры, которые были заключены с Византией с русскими князьями. Это договоры, заключенные с Византией князем Олегом в 907 и 911 гг., и договоры, заключенные с Византией Князем Игорем в 944 г. и князем Святославом в 971 г. [2, с. 34].

Приведенные договоры содержали положения, которые могли быть отнесены к нормам уголовного и гражданского права. Отличительной особенностью, характеризующей эти нормы, было наличие в них наказаний, подлежащих назначению за совершение преступлений. При этом неотделимой частью этих наказаний являлись имущественные выплаты, полагавшиеся потерпевшему. Исходя из содержания норм названных договоров, можно выделить такие наказания, как: кровная месть, смертная казнь, возмещение пострадавшему при грабеже или разбое стоимости его собственности в трехкратном размере, распродажа имущества, принадлежащего преступнику, а также штраф, составлявший от одного до пяти литров серебра. Наше внимание обратим на нормы, касающиеся именно возмещения вреда, причиненного в результате преступлений, опустив такие виды наказаний, как смертная казнь, кровная месть и т. д. Так, в договоре 944 г., заключенном с Византией князем Игорем, было установлено, что в случае кражи, если похищенная вещь была найдена, потерпевший получал похищенную вещь и ее рыночную цену либо двойную рыночную цену похищенной вещи, если та оказалось проданной.

Таким образом, здесь можем говорить о зарождении самых первых правовых основ исследуемого нами института возмещения вреда, т. к. именно в договорах, заключенных

между Русью и Византией, впервые письменно закреплены правовые нормы, не только определявшие сами наказания, а также их вид и размер, но и предусматривающие восстановление нарушенных прав потерпевшего и возмещение причиненного ему вреда.

Самым крупным памятником права Древней Руси является Русская Правда. Во многом определив дальнейшее развитие отечественного права, Русская Правда систематизировала действовавшие на тот момент правовые обычаи и законы, включая статьи, которые были направлены на защиту имущества, став первым кодифицированным источником отечественного права. При этом в настоящее время известны дошедшие до нас в виде частей летописей и рукописных сборников: Правда Ярослава, Правда Ярославичей, а также Краткая и Пространная редакции Русской Правды и др., более поздние редакции этого памятника права. Всего обнаружено более 100 списков Русской Правды. Им, как правило, давались названия, которые были связаны с местом их находки либо названием летописи, либо обнаруживших их лицом [3, с. 41].

В Пространной редакции Русской Правды преступление определялось как «обида». Исходя из содержания норм этой редакции, обида представлялась не нарушением закона или княжеской роли, а причинением ущерба лицу либо группе. Русская Правда выделяла «разбой», обозначая его более тяжким по сравнению с обидой преступлением, и усиливала ответственность, полагающуюся вследствие причинения такого вреда. Согласно сложившемуся среди ученых-правоведов (А.В. Воробьева, Д.А. Иванова и др.) мнению, в рассматриваемом нами источнике права не существовало четкого разделения уголовного и гражданского материального права. Эти выводы во многом определены тем обстоятельством, что в праве Древней Руси основную массу составляли имущественные наказания, крайне схожие по форме с возмещением вреда либо совпадавшие с ним [4, с. 153].

По утверждению В.В. Шапошникова и П.В. Шапошникова, основными видами возмещения вреда были имущественные выплаты, компенсировавшие причиненный материальный вред, а также подлежащие уплате в княжескую казну штрафы. К отдельной группе можно отнести специальные денежные возмещения «за обиду» [1, с. 94], при этом

существовавшая классификация преступных деяний определяла назначение этих денежных выплат. В целом предусматривалось четыре вида денежных наказаний, назначавшихся за причинение вреда потерпевшему и ставших, по сути, прототипами современной компенсации причиненного потерпевшему вреда: 1) головничество или головщина, 2) вира, разделяющаяся на обыкновенную и дикую, 3) продажа, 4) урок [5, с. 25–27].

Так, например, за материальный ущерб, который понес в результате преступления господин, в том числе за убийство холопов и рабов, платились уроки. Кроме того, за пользование украденной вещью могла быть установлена повременная плата.

Также был прописан порядок установления лица, совершившего хищение, путем «свода», под которым понималась обязанность каждого из приобретателей похищенного доказывать добросовестность приобретения той или иной вещи путем указания лица, у которого ими было приобретено это имущество.

Таким образом, анализируя нормы, содержащиеся в статьях Русской Правды, касающиеся развития института возмещения вреда, можно утверждать, что этот памятник права уже включал возмещение вреда в качестве отдельного и самостоятельного института.

Стремительное развитие в период с XII по XV век товарно-денежных отношений и формировавшаяся в Новгороде и Пскове система обязательственного права привели к поэтапному переходу обязательств из правонарушений к преступлениям [1, с. 94]. Эти обстоятельства диктовали необходимость формирования законодательства, куда более подробно регламентирующего имущественную ответственность. В свете описанных тенденций новым этапом развития законодательства в интересующей нас сфере стали Псковская судная грамота, которая была принята в 1397 г., и Новгородская судная грамота 1440 г., дополненная в 1471 г. Псковская судная грамота дала новое определение преступления. К преступным теперь отнесены не только деяния, посягающие на человека или его имущество, но и запрещенные законом деяния, направленные против государства и его органов.

Первые упоминания о возмещении вреда в его правовом толковании [4, с. 154], как верно считает Д.А. Иванов, содержались именно в указанных памятниках права. В обеих грамотах была предусмотрена «продажа», т. е. подлежащий поступлению в пользу княжеской казны штраф. Также грамоты закрепили нормы, которыми было закреплено право потерпевшего на возмещение ущерба, в случае же его убийства возмещение полагалось его родственникам. В Пскове штрафы (продажи) взимались в пользу князя, но при этом часть взысканной суммы поступала в казну самого Пскова. Одновременно с выплатой штрафа были предусмотрены выплаты, выражающие-

ся в обязанности виновного возместить ущерб потерпевшему [6, с. 30]. В описываемый период законодательно в качестве преступлений были определены разбой, наход, грабеж, татьба и поджог. Находом считался разбой, который был совершен не одним лицом, а «шайкой», татьбой же именовалась кража, в качестве наказания за совершение которой было предусмотрено наказание в виде денежного штрафа, который шел в казну князя и вознаграждения [1, с. 94], подлежащего выплате потерпевшему. За совершения находы назначению в качестве наказания подлежал только штраф.

Однако, по справедливому мнению профессора П.Н. Кобеца, помимо Псковской и Новгородской судных грамот важными источниками древнерусского права, содержащими нормы, относящиеся к рассматриваемому нами институту, являются Двинская уставная грамота 1397 г. и Белозерская уставная грамота 1488 г. В соответствии с положениями этих грамот истцу, как лицу, пострадавшему от преступления, предоставлялось право возмещения ущерба, в том числе в денежном выражении [7, с. 803].

Дальнейшее развитие института возмещения вреда основано на таких нормативных актах, как Судебник Ивана III 1497 г., Судебник Ивана IV 1550 г., Книга Разбойного приказа Ивана IV 1556 г., Судебник царя Федора Иоановича 1589 [8] г., Соборное Уложение 1649 г. (Алексей Михайлович Романов). Эти источники права продолжили развитие исследуемого института с учетом увеличения влияния государства в лице правящих князей, а позднее дальнейшего усиления центральной власти и развития единого централизованного государства.

На этом этапе развития укрепление феодальной власти и, соответственно, собственности привело к тому, что фигура потерпевшего как бы отошла на второй план. В уголовном процессе тоже все четче становится укрепление публичных начал. Государство, не желая ведения наиболее значимых дел потерпевшими, принимает меры по постепенному возложению обязанности осуществления уголовного преследования по наиболее важным делам на свои органы. На этом политическом фоне в указанных памятниках права свое законодательное закрепление нашли нормы, целью которых было дальнейшее совершенствование института возмещения причиненного потерпевшему вреда и усиление ответственности за совершение имущественных преступлений.

Издание Судебника 1497 г. укрепляло положения нового общественного порядка, а содержащиеся в нем нормы внесли определенное единообразие в судебную практику того времени. Преступление было определено как «лихое дело», т. е. действия, тем или иным образом представлявшие угрозу для государства или господствующего класса в целом, так-

же введено понятие «лихой человек». Кроме того, в Судебнике было дано определение потерпевшему, для которого было использовано понятие «жалобник». В случае обращения в судебные органы на жалобника возлагалась обязанность по оплате госпошлины. Однако при возвращении жалобнику причиненного ущерба происходило и возмещение понесенных им судебных расходов [7, с. 804].

На лицо, которое совершило татьбу либо разбой, налагалось имущественное наказание, целью которого было возмещение вреда. За совершенную впервые кражу и кражу, совершенную лихим человеком, назначалась так называемая «торговая казнь», приводившаяся в исполнение палачом на торгах, площадях, а также в других местах с большим скоплением народа. Вместе с торговой казнью, кроме того, назначалось возмещение убытков потерпевшему. Следует сказать о том, что по сравнению с положениями Русской Правды закрепленные в Судебнике 1497 г. нормы более определенно выделили обязательства, возникающие из причинения вреда. Так, была предусмотрена имущественная ответственность за истребление посевов (т. е. потраву), заключавшаяся в обязанности собственника, потравившего угодья скота [1, с. 95], возместить причиненный ущерб хозяину владений.

В свою очередь, Судебник Ивана VI, который был принят Земским собором в 1550 г., в целом являл собой обновленную редакцию предшественника. Судебником 1550 г. были введены денежные штрафы, названные «пеней». Пени взыскивались за «лихоимства», т. е. неправомерное обогащение, совершенное должными лицами. При этом размер пени в три раза превышал полученную виновным лицом сумму. Кроме того, Судебник дифференцировал ответственность, наступавшую за совершение татьбы (кражи) и мошенничества (обмана). За совершение татьбы был предусмотрен судебный порядок возмещения вреда, а совершение обмана не предусматривало возмещение вреда, а только усиливало другой вид ответственности.

Изучение норм Судебников 1497 и 1550 гг. дает основание утверждать, что в этих источниках права содержались диспозиции ряда противоправных деяний, санкции которых закрепляли обязанность виновных лиц возместить причиненный вред, выплачивая в пользу потерпевших определенную денежную сумму. Необходимо при этом отметить, что размеры этих выплат определялись с учетом пола, положения в обществе, дохода и пр. [9, с. 334–336].

Указом о татевных делах, изданным 28 ноября 1555 г., были уточнены и конкретизированы положения Судебника 1550 г., в том числе касающиеся норм исследуемого нами института. Например, в случае совершения хищения феодальной собственности предусматривалась возможность привлечения к ответственности за причиненный вред местных жителей. В связи с тем, что местные жители

иногда укрывали «татей», у губных властей в случае необнаружения преступников имелось право обязать возместить половину ущерба, причиненного в результате татьбы.

Изучая историю государства и права описываемого периода и анализируя положения Судебников и Книги Разбойного приказа, следует согласиться с Н.Н. Сениным и констатировать, что усиление роли и влияния государства привело к сосуществованию двух типов процесса: обвинительного, являвшегося традиционным для того времени, и нового розыскного процесса [10, с. 52].

Когда предполагалось, что преступник относился к лихим людям, осуществлялся розыск. В связи с этим весомая роль была отведена «обыску», который представлял собой опрос членов общины или жителей того или иного поселения. Основной задачей розыска определялось получение сведений о личности подозреваемого, установление или опровержение факта его принадлежности к «лихим людям». В результате часто возникала определенная путаница и совмещение юрисдикции, следствием которых была возможность рассмотрения уголовного дела в любом из порядков. В соответствии с этим курсом продолжалось и развитие института возмещения вреда в уголовном процессе.

При этом нельзя говорить о том, что возмещение вреда не являлось составным элементом розыскного процесса. Возложив на себя обязанность осуществления уголовного преследования, государство взяло на себя бремя принятия соответствующих мер по обеспечению возмещения имущественного ущерба. Так, имущество лиц, подозреваемых в совершении преступления, подвергалось описи и опечатыванию, затем осуществлялась его передача третьим лицам для хранения. После окончания производства по делу изъятое у преступника имущество подлежало продаже, а денежные средства, вырученные от его реализации, выплачивались пострадавшему. Когда же преступник не был подвергнут казни, но не имел имущества для продажи, его могли отдать потерпевшему головою до «искупа». В случаях отказа потерпевшего от возмещения таким способом преступника передавали на поруки другому лицу, на которое и ложилась обязанность по выплате суммы, подлежащей возмещению пострадавшему.

В Книге Разбойного приказа, изданной в 1556 г. при правлении Ивана IV, был определен перечень лиц, подлежащих материальной ответственности за причиненный вред [10, с. 52]. При отсутствии у виновного возможности произвести выплату могли быть использованы разнообразные способы принудительного взыскания, включая взыскание принадлежащего обвиняемому имущества. Уплата подлежащей взысканию суммы в полном объеме вела к окончанию производства.

Следующей стадией в эволюции отечественного законодательства в области возме-

щения причиненного преступлениям вреда (имущественного ущерба) стало принятие 1649 г. Соборного уложения царя Алексея Михайловича (далее – Уложение). Соборное уложение, принятое в период правления второго царя из рода Романовых, является крупнейшим памятником законодательства XVII века, и содержащиеся в нем нормы стали своеобразным фундаментом для Свода законов Российской империи, речь о котором пойдет далее. Уложение продолжило развитие разграничения видов наказаний, а также объема и способов возмещения вреда в прямой зависимости от классовой и сословной принадлежности. Само же Соборное уложение включало в себя 25 глав и 967 статей [11], содержавшие нормы различных отраслей права.

Регламентированный нормами Уложения обвинительный порядок в судопроизводстве требовал максимально четкой формулировки тех требований и претензий, которые пострадавшее лицо предъявляло обвиняемому. При этом в нормах, изложенных в Уложении, потерпевший от преступления стал называться челобитчиком, а жалоба, подаваемая челобитчиком, стала именоваться челобитной. В соответствии с положениями статьи 102 главы X Уложения было определено, что судом заявление потерпевшего не принималось в случае, когда в подаваемой потерпевшим челобитной не была указана исковая сумма. При этом в целях недопущения фактов необоснованного завышения челобитчиком объема заявленных им исковых требований статьей 19 указанной выше главы Уложения было предусмотрено взыскание пошлины в трехкратном размере. В статье 103 названной главы содержалось разрешение (по желанию челобитчика) на объединение нескольких заявленных к ответчику исковых требований.

Статьей 121 исследуемой главы Уложения предусматривалось прекращение производства по делу путем заключения сторонами мирового соглашения. Решение по делу в пользу потерпевшего принималось при признании обвиняемого или ответчика (в терминологии Уложения указанные определения являлись синонимами), при этом объем удовлетворенных требований зависел от того, являлось ли признание ответчика по делу частичным либо полным. Следует отметить также, что Уложением на усмотрение суда было оставлено и начисление пени. Когда в процессе разрешения дела обвиняемый умирал, было предусмотрено вступление в процесс наследников умершего ответчика. Для снижения количества неоднократно подаваемых челобитных, содержащих необоснованные требования, повторное заявление истцом иска не допускалось под угрозой наказания в виде бития батогами и возмещения всех понесенных потерпевшим судебных расходов и издержек.

Следует отметить, что в рассматриваемом периоде розыск в свою очередь не претерпел

каких-либо серьезных трансформаций и изменений как в целом, так и в части положений, регламентирующих правила, условия и порядок возмещения вреда. В случаях, когда установить характер и размер причиненного вреда не представлялось возможным, взыскание причиненного имущественного ущерба осуществлялось в том же порядке, который был регламентирован нормами судебныхников.

Подводя итог исследуемому периоду, можно сделать ряд существенных выводов:

1. Основными закономерностями и направлениями трансформации норм возмещения вреда, причиненного преступлениями на различных этапах от права Древней Руси до Соборного уложения царя Алексея Михайловича, являются:

- постепенное выделение имущественной компенсации потерпевшему из системы наказаний;

- переход от приоритета охраняемых частных интересов к публично-частным с сохранением в большей степени частных интересов;

- формирование и развитие процессуальных гарантий реализации права на возмещение вреда;

- расширение и специализация видов и способов возмещения вреда;

- усиление роли государства как гаранта и посредника в обеспечении возмещения вреда.

- влияние сословно-феодалного характера общества на размер и порядок возмещения;
- кодификация и систематизация норм о возмещении вреда как часть общего процесса развития законодательства.

2. Причинами и условиями, которые способствовали становлению и развитию института возмещения вреда, причиненного преступлениями, являются:

1) Политико-экономические (укрепление государственности, феодального землевладения и товарно-денежных отношений).

2) Социальные (на размер и порядок возмещения вреда напрямую влияла сословная структура общества).

3) Идеолого-правовые (усиление роли государства как важного и значимого гаранта правопорядка).

4) Практические (накопление судебной практики и необходимость единообразия в условиях расширяющейся территории государства стали катализатором кодификации отечественного законодательства).

Таким образом, можно констатировать, что проведенный в рамках данной статьи исторический экскурс позволил выявить основные закономерности и направления трансформации на различных этапах от права Древней Руси до Соборного уложения царя Алексея Михайловича, а также причины и условия, которые способствовали становлению и развитию института возмещения вреда, причиненного преступлениями и накоплению российского опыта в рассматриваемом вопросе.

1. Шапошников В.В., Шапошников П.В. Становление института возмещения вреда в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России Уголовная юстиция. 2006. № 4 (32).
2. Халиуллина Л.Г. Эволюция системы предварительного расследования в России в X – второй половине XX века. Летопись следствия. Документы. Историко-правовое исследование: в 3 кн. Казань, 2008. Кн. 3.
3. Юшков С.В. Русская правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 2002.
4. Иванов Д.А. Общеправовое понятие вреда, причиненного преступлением, в российском законодательстве: исторический экскурс и современные правовые реалии // Философия права. 2017. № 1 (80).
5. Воробьев В.В. Русская правда как один из первоисточников законодательного закрепления права потерпевшего на возмещение вреда // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 5.
6. Псковская Судная грамота // Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / под ред. Ю.П. Титова. М., 2000.
7. Кобец П.Н. Генезис института возмещения вреда, причиненного преступлением: от карательных мер к стимулирующим // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. № 4. Т. 14.
8. Судебники XV – XVI веков. М.; Л., 1952.
9. Попрядухина И.В. Система наказаний по Судебнику 1497 года // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 2 (16).
10. Сенин Н.Н. История становления и развития института возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном процессе Древней Руси и России до октября 1917 года // Уголовная юстиция. 2014. № 1 (3).
11. Уложение государя, царя и великого князя Алексея Михайловича. СПб., 1913.

1. Shaposhnikov V.V., Shaposhnikov P.V. The formation of the institute of compensation for harm in Russia // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Criminal Justice. 2006. № 4 (32).
2. Khaliullina L.G. The evolution of the system of preliminary investigation in Russia in the X – second half of the XX century. Chronicle of the investigation. Documents. Historical and legal research: in 3 books. Kazan, 2008. Book 3.
3. Yushkov S.V. Russian truth. Origin, sources, and its significance. Moscow, 2002.
4. Ivanov D.A. The general legal concept of harm caused by a crime in Russian legislation: a historical digression and modern legal realities // Philosophy of Law. 2017. № 1 (80).
5. Vorobyov V.V. Russian truth as one of the primary sources of legislative consolidation of the victim's right to compensation for harm // Penal enforcement system: law, economics, management. 2007. № 5.
6. Pskov Judicial Charter // Anthology on the history of the state and law of Russia: studies. manual / edited by Y.P. Titov, Moscow, 2000.
7. Kobets P.N. The genesis of the institution of compensation for harm caused by a crime: from punitive to incentive measures // Actual problems of economics and law. 2020. № 4. Vol. 14.
8. Judicial books of the XV – XVI centuries. Moscow; L., 1952.
9. Popryadukhina I.V. The system of punishments according to the Judicial Book of 1497 // Vector of Science Tolyatti State University. 2011. № 2 (16).
10. Senin N.N. The history of the formation and development of the institution of compensation for harm caused by a crime in the criminal process of Ancient Russia and Russia before October 1917 // Criminal Justice. 2014. № 1 (3).
11. The Code of the Sovereign, Tsar and Grand Duke Alexei Mikhailovich. St. Petersburg, 1913.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

С. И. Курилов, кандидат юридических наук, доцент, докторант 3 факультета (научных и научно-педагогических кадров) Академии управления МВД России. 125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

S. I. Kurilov, PhD in Law, Associate Professor, Doctoral Student of the 3rd Faculty (Scientific and Pedagogical Personnel) of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoi and Aleksandra Kosmodemyanskikh St., Moscow 125993 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 17.02.2026; одобрена после рецензирования 03.03.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 17.02.2026; approved after reviewing 03.03.2026; accepted for publication 08.06.2026.

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПО СЛЕДАМ КРОВИ И ДРУГИМ БИОЛОГИЧЕСКИМ ЖИДКОСТЯМ

Илона Анатольевна Макаренко¹, Ани Варужановна Маилян²

¹Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация, kriminalist@uust.ru

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
David.072014@mail.ru

Введение: в статье исследуются криминалистические и судебно-медицинские особенности идентификации личности по следам крови и иным биологическим жидкостям, обнаруживаемым на месте происшествия. Анализируются методы выявления, фиксации и изъятия биологических следов, рассматриваются современные способы их лабораторного исследования, включая ДНК-анализ, серологические и морфологические методы. Особое внимание уделяется доказательственному значению результатов биологических экспертиз в уголовном судопроизводстве, проблемам сохранности биоматериала и рискам контаминации. Предлагаются меры по совершенствованию практики работы со следами биологического происхождения.

Материалы и методы: в ходе исследования были использованы всеобщий диалектический метод научного познания, а также общенаучные методы исследования: анализ, синтез, систематизация и частнонаучный метод исследования: изучения правоприменительной практики.

Результаты исследования: в статье особое внимание обращено на анализ теоретических основ и методологических проблем идентификации личности по следам биологического происхождения, что позволяет сформулировать ряд итоговых концептуальных выводов, отражающих современное состояние и перспективы развития данной области криминалистического знания. Синтез изученного теоретического материала и эмпирических данных свидетельствует о том, что судебно-биологическая экспертиза в настоящее время переживает фундаментальную смену парадигмы: переход от вероятностно-групповой серологической модели к категорической индивидуализации субъекта на основе молекулярно-генетического анализа.

Выводы и заключения: в статье показаны значения методологии обнаружения и фиксации следов, является положение о том, что именно стадия работы на месте происшествия выступает безусловным фундаментом и одновременно самым уязвимым звеном всей системы криминалистической идентификации.

Ключевые слова: идентификация личности, следы крови, биологические жидкости, ДНК-анализ, судебно-биологическая экспертиза, криминалистика, доказательства, место происшествия, генотипоскопия

Для цитирования: Макаренко И. А., Маилян А. В. Особенности идентификации личности по следам крови и другим биологическим жидкостям // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 136–140.

Original paper

FEATURES OF IDENTIFYING AN INDIVIDUAL BY TRACES OF BLOOD AND OTHER BIOLOGICAL FLUIDS

Iona Anatolyevna Makarenko¹, Ani Varuzhanovna Mailian²

¹Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article examines the forensic and forensic medical features of identification by traces of blood and other biological fluids found at the scene. The methods of detection, fixation and removal of biological traces are analyzed, modern methods of their laboratory examination, including

© Макаренко И.А., Маилян А.В., 2026

DNA analysis, serological and morphological methods, are considered. Special attention is paid to the evidentiary value of the results of biological examinations in criminal proceedings, the problems of biomaterial safety and the risks of contamination. Measures are proposed to improve the practice of working with traces of biological origin.

Materials and methods: *in the course of the research, the universal dialectical method of scientific cognition was used, as well as general scientific research methods: analysis, synthesis, systematization and a private scientific research method: the study of law enforcement practice.*

Results of the study: *the article focuses on the analysis of the theoretical foundations and methodological problems of identifying individuals by traces of biological origin, which allows us to formulate a number of final conceptual conclusions reflecting the current state and prospects for the development of this field of forensic knowledge. The synthesis of the studied theoretical material and empirical data indicates that forensic biological examination is currently undergoing a fundamental paradigm shift: the transition from a probabilistic group serological model to categorical individualization of the subject based on molecular genetic analysis.*

Findings and conclusions: *the article shows the significance of the methodology for detecting and fixing traces, and states that it is the stage of work at the scene that acts as the unconditional foundation and at the same time the most vulnerable link in the entire system of forensic identification.*

Keywords: *identification, traces of blood, biological fluids, DNA analysis, forensic biological examination, criminalistics, evidence, scene of the incident, genotyping*

For citation: *Makarenko I. A. Mailian A. V. Features of identifying an individual by traces of blood and other biological fluids // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 136–140.*

Идентификация личности по биологическим следам занимает одно из центральных мест в системе криминалистических методов установления обстоятельств преступления. Следы крови, слюны, спермы, пота и иных биологических жидкостей, остающиеся на месте происшествия, обладают исключительной идентификационной ценностью: они несут в себе генетическую информацию, индивидуальную для каждого человека и неизменную на протяжении всей его жизни [1]. В отличие от многих иных видов криминалистических следов, биологические объекты позволяют не только установить факт пребывания конкретного лица на месте происшествия, но и получить сведения о его биологических характеристиках – поле, расовой принадлежности, ряде заболеваний.

Современный уровень развития молекулярной биологии и генетики открыл принципиально новые возможности для идентификации личности по биологическим следам. Внедрение метода полимеразной цепной реакции (ПЦР) и технологий секвенирования ДНК позволяет проводить успешный анализ даже следов ничтожно малого объема, подвергшихся значительной деградации под воздействием внешней среды. Это кардинально изменило возможности криминалистики, позволив раскрывать преступления, совершенные многие годы назад, и пересматривать судебные дела при обнаружении новых биологических доказательств.

Вместе с тем практическое применение методов биологической идентификации сопряжено с рядом существенных криминалистических и правовых проблем: обеспечением сохранности биоматериала при изъятии и

транспортировке, предотвращением контаминации следов, правильной оценкой результатов экспертизы судом и следствием, а также соблюдением прав граждан при получении образцов для сравнительного исследования. Решение этих проблем является насущной задачей как для теории криминалистики, так и для правоприменительной практики.

Биологические следы, имеющие значение для идентификации личности, принято классифицировать по природе биологического материала. Наибольшее криминалистическое значение среди них имеет кровь – в силу широкой распространенности на местах происшествий, связанных с насилием, высокого содержания ядерной ДНК в лейкоцитах, а также возможности проведения комплексного исследования, включающего определение групповой принадлежности по системе АВО и генотипоскопическое исследование [2].

Слюна как биологический след обнаруживается на окурках, посуде, пищевых продуктах, конвертах и марках, укусах. Несмотря на то что слюна содержит преимущественно эпителиальные клетки слизистой оболочки ротовой полости с ограниченным количеством ядерного материала, современные методы ДНК-анализа позволяют успешно исследовать данный биологический субстрат. Сперма обладает высоким содержанием ДНК и является важнейшим объектом исследования при расследовании половых преступлений. Пот, волосы с фолликулами, эпителий кожи также являются источниками генетического материала, пригодного для идентификационного исследования.

Отдельную категорию биологических следов образуют волосы. Волосы с корневыми

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

луковицами содержат ядерную ДНК и позволяют проводить полноценное генотипоскопическое исследование. Стержень волоса без луковицы содержит лишь митохондриальную ДНК, наследуемую по материнской линии, что ограничивает идентификационный потенциал такого объекта, однако не исключает его полностью: митохондриальный анализ позволяет установить принадлежность волоса к определенной материнской линии. Морфологическое исследование волос – анализ их строения, цвета, степени пигментации – дает дополнительную информацию о биологических характеристиках предполагаемого оставителя следа.

Следы крови обладают дополнительной криминалистической ценностью, выходящей за рамки идентификации личности: анализ формы, размеров, характера расположения кровяных пятен позволяет реконструировать механизм причинения телесных повреждений, взаиморасположение участников событий, направление и интенсивность ударов, а также хронологию событий преступления. Данное направление – трасология крови, или гемологический анализ – сформировалось в самостоятельную криминалистическую дисциплину, активно развивающуюся как в зарубежной, так и в отечественной науке [3].

Работа со следами биологического происхождения на месте происшествия требует строгого соблюдения специальных криминалистических и санитарных правил. Первым этапом является выявление биологических следов, которые нередко невидимы невооруженным взглядом либо замаскированы под загрязнение иного характера. Для обнаружения следов крови применяется ряд специальных реактивов: люминол, реактив Бензидина и реагент ЛЕД (люкол), реагирующие с гемоглобином и вызывающие люминесценцию даже смытых или старых следов крови. Следует, однако, учитывать, что применение данных реактивов может затруднить последующее проведение ДНК-анализа, что требует взвешенного подхода к выбору метода выявления.

Фиксация биологических следов осуществляется посредством фотографирования в различных режимах освещения, составления схемы расположения следов с указанием их координат относительно ориентиров, а также описания в протоколе осмотра места происшествия. Особое значение имеет фиксация формы пятен крови до их изъятия, поскольку морфологический анализ формы следов проводится именно на основании фотоматериалов и схем.

Изъятие биологических следов осуществляется с соблюдением жестких правил, исключающих контаминацию – попадание в биоматериал посторонней ДНК. Сотрудники, работающие со следами, обязаны использо-

вать одноразовые перчатки, маски и халаты. Каждый след изымается отдельным инструментом во избежание перекрестного загрязнения. Изъятые объекты упаковываются в бумажные конверты или пакеты – не в полиэтиленовые, поскольку отсутствие воздухообмена в полиэтиленовой упаковке создает условия для развития плесени и ускоренной деградации биоматериала. Жидкая кровь изымается на стерильный тампон и высушивается перед упаковкой.

Лабораторное исследование биологических следов включает несколько уровней анализа, последовательно применяемых экспертом в зависимости от характера объекта и поставленных следствием вопросов. Первым уровнем является установление видовой принадлежности биологического материала – подтверждение того, что исследуемое пятно является кровью именно человека, а не животного. Для решения данного вопроса применяются реакции преципитации и иммунохроматографические тест-системы [4].

Вторым уровнем является определение групповой принадлежности биологического материала по системе АВО и иным антигенным системам. Серологические методы позволяют сузить круг возможных оставителей следа, однако не обеспечивают индивидуальной идентификации ввиду значительной распространенности каждой из групп крови в популяции. Тем не менее серологическое исследование сохраняет вспомогательное значение при отсутствии или низком качестве ДНК-материала.

Основным современным методом идентификации личности по биологическим следам является генотипоскопия – исследование полиморфных локусов ДНК, уникальных для каждого индивидуума. Метод основан на анализе коротких tandemных повторов (STR) в определенных участках генома. Вероятность случайного совпадения ДНК-профилей двух неродственных лиц при исследовании стандартного набора из 16 локусов не превышает одного на квадриллион, что обуславливает исключительно высокую идентификационную значимость метода. При низком качестве биоматериала применяется метод митохондриального анализа, Y-хромосомного анализа или технология секвенирования нового поколения (NGS).

Перспективным направлением является предсказательная геномика – метод, позволяющий на основании анализа ДНК из биологического следа прогнозировать внешние признаки оставителя: цвет волос, глаз, кожи, а также приблизительный возраст и биогеографическое происхождение. В ряде зарубежных стран данный метод уже применяется в следственной практике как инструмент поиска, по-

звolyающий составить ориентировку на разыскиваемое лицо при отсутствии совпадений в базе данных ДНК.

Результаты судебно-биологической и молекулярно-генетической экспертизы обладают высоким доказательственным потенциалом в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем их правильная оценка требует от следователя и суда понимания статистической природы экспертных выводов: заключение эксперта о совпадении ДНК-профилей не утверждает тождество с абсолютной достоверностью, а указывает на чрезвычайно высокую вероятность того, что след оставлен конкретным лицом [5]. Данная вероятность выражается посредством показателя – отношения правдоподобия, который должен быть отражен в заключении эксперта.

Согласно требованиям ст. 74 и 80 УПК РФ, заключение эксперта является самостоятельным видом доказательства. При этом оно подлежит оценке в совокупности с иными доказательствами по делу и не имеет заранее установленной силы. Практика показывает, что суды нередко склонны придавать результатам ДНК-экспертизы преувеличенное доказательственное значение, воспринимая их как неопровержимое доказательство вины подсудимого. Данная тенденция – так называемый «эффект ДНК» – является предметом обоснованной критики в юридической литературе.

Существенным условием допустимости результатов биологической экспертизы является соблюдение установленных правил изъятия и хранения биоматериала, обеспечивающих достоверность цепочки хранения доказательств (chain of custody). Нарушение данных правил, повлекшее контаминацию или деградацию биоматериала, может стать основанием для признания заключения эксперта недопустимым доказательством в порядке ст. 75 УПК РФ [6, с. 3–7].

Развитие биологической идентификации в российской правоохранительной практике сопряжено с рядом системных проблем. Первой из них является состояние федеральной базы данных геномной информации, формируемой в соответствии с Федеральным законом от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации». Охват данной базы остается недостаточным для обеспечения максимальной эффективности генотипоскопических исследований: значительная часть осужденных за тяжкие преступления до настоящего времени не включена в базу данных, что ограничивает возможности ретроспективного выявления серийных преступников.

Второй значимой проблемой является неравномерность технической оснащенности экспертно-криминалистических подразделений МВД в различных регионах страны. Если

федеральные и региональные центры располагают современным оборудованием для проведения полного цикла молекулярно-генетических исследований, то районные подразделения нередко лишены возможности проводить даже первичный анализ биологических следов, что влечет задержки в расследовании [7].

Перспективы развития данного направления связаны с расширением федеральной базы геномных данных, внедрением технологий предсказательной геномики, совершенствованием методов исследования деградированного биоматериала, а также с разработкой единых стандартов изъятия, хранения и исследования биологических следов, обязательных для всех экспертных подразделений системы МВД России.

Идентификация личности по следам крови и иным биологическим жидкостям является одним из наиболее достоверных методов криминалистической идентификации, обеспечивающих высокую точность установления причастности конкретного лица к совершению преступления. Современные методы ДНК-анализа открывают возможности, недоступные для иных идентификационных технологий: исследование следов ничтожно малого объема, сильно деградировавшего биоматериала и установление родственных связей разыскиваемых лиц.

Вместе с тем эффективность биологической идентификации в значительной мере определяется качеством работы со следами на начальном этапе расследования – правильноcтью их выявления, фиксации и изъятия. Нарушения в данном звене способны обесценить даже самые совершенные лабораторные методы, сделав признание полученных доказательств недопустимыми.

Совершенствование нормативного регулирования геномной регистрации, расширение федеральной базы ДНК-данных, унификация экспертных стандартов и повышение квалификации следователей в области работы с биологическими следами остаются приоритетными направлениями развития отечественной криминалистики в данной сфере.

Список источников

1. Абрамов А.С. Судебно-медицинская идентификация личности на основе молекулярно-генетического анализа. М., 2021.
2. Алексеева Н.В. Современные подходы к идентификации личности по микроследам биологического происхождения // Вестник криминалистики. 2021. № 2 (78).
3. Аминева Р.А. ДНК-анализ в системе идентификации личности: теоретические и прикладные аспекты // Юридическая наука и практика. 2020. № 1.
4. Баринов Е.Х. Судебно-медицинская экспертиза биологических объектов: учебное пособие / Е.Х. Баринов, П.О. Ромодановский. М., 2023.
5. Божченко Е.С. Использование технологий секвенирования нового поколения (NGS) в судебно-медицинской генетике / Е.С. Божченко, В.А. Пашкова // Судебно-медицинская экспертиза. 2023. № 1.
6. Волков А.С. Проблемы формирования и использования баз данных ДНК-анализа в целях идентификации личности // Российский следователь. 2022. № 4.
7. Герасимов С.В. Идентификация личности по следам крови с использованием высокочувствительных методов ДНК-анализа // Вестник судебной экспертизы. 2020. № 3 (60).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

И. А. Макаренко, доктор юридических наук, заведующая кафедрой криминалистики Уфимского университета науки и технологий. 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

А. В. Маилян, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

I. A. Makarenko, Grand PhD in Law, Head of the Department of Criminalistics of the Ufa University of Science and Technology. 131, Dostoevskogo St., Ufa, 450005 Russian Federation.

A. V. Mailian, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 23.03.2026; одобрена после рецензирования 23.04.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 23.03.2026; approved after reviewing 23.04.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

References

1. Abramov A.S. Forensic identification of a person based on molecular genetic analysis. Moscow, 2021.
2. Alekseeva N.V. Modern approaches to identification of a person by trace elements of biological origin // Bulletin of Criminalistics. 2021. № 2 (78).
3. Amineva R.A. DNA analysis in the identity identification system: theoretical and applied aspects // Legal Science and practice. 2020. № 1.
4. Barinov E.H. Forensic medical examination of biological objects: a textbook / E.H. Barinov, P.O. Romodanovsky. Moscow, 2023.
5. Bozhchenko E.S. The use of new generation sequencing technologies (NGS) in forensic genetics / E.S. Bozhchenko, V.A. Pashkova // Forensic medical examination. 2023. № 1.
6. Volkov A.S. Problems of formation and use of DNA analysis databases for identification purposes // A Russian investigator. 2022. № 4.
7. Gerasimov S.V. Identification of a person by traces of blood using highly sensitive DNA analysis methods // Bulletin of the forensic examination. 2020. № 3 (60).

МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ (ОТМЫВАНИЕМ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Александр Алексеевич Рясов¹, Анна Владимировна Пономарева²

¹Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Михайловск, Российская Федерация, identifiks@mail.ru

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ann.ponomarewa@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются правовые и организационные аспекты расследования преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств, полученных преступным путем. Подробно проанализированы факторы, осложняющие выявление и квалификацию таких преступлений, подчеркивается высокий уровень латентности, интеллектуальность исполнения и трансграничный характер данных деяний. Отдельное внимание уделено проблемам квалификации финансовых операций, выполненных с участием незаконно нажитых средств, и негативным последствиям неправильной интерпретации таких действий судебными инстанциями.

Материалы и методы: в ходе исследования были использованы всеобщий диалектический метод научного познания, а также общенаучные методы исследования: анализ, синтез, систематизация и частнонаучный метод исследования: изучения правоприменительной практики.

Результаты исследования: особое внимание обращено на этапы фиксации цифровых следов и роль экспертиз, направленных на научное обоснование методов маскировки доходов.

Выводы и заключения: в статье показаны значения информационных технологий и специализированного программного обеспечения для предотвращения и расследования данных преступлений. Раскрывается необходимость усиления взаимодействия между правоохранительными органами и федеральными институтами финансового мониторинга.

Ключевые слова: легализация преступных доходов, финансовая разведка, банковская документация, оперативно-розыскные мероприятия, налоговые преступления, деньги, добытые преступным путем, цифровизация финансовых процессов, Росфинмониторинг

Для цитирования: Рясов А. А., Пономарева А. В. Методы выявления и доказывания преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств, полученных преступным путем // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 141–146.

Original paper

METHODS FOR DETECTING AND PROVING CRIMES RELATED TO THE LEGALIZATION (LAUNDERING) OF CRIMINALLY OBTAINED PROCEEDS

Alexander Alekseevich Ryasov¹, Anna Vladimirovna Ponomareva²

¹Stavropol Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Stavropol Territory, Mikhailovsk, Russian Federation

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article discusses the legal and organizational aspects of the investigation of crimes under Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation related to the legalization (laundering) of criminally obtained funds. The factors complicating the detection and qualification of such crimes are analyzed in detail, and the high level of latency, intelligent execution, and the cross-border nature of these acts are emphasized. Special attention is paid to the problems of qualifying financial transactions involving illegally acquired funds and the negative consequences of misinterpretation of such actions by judicial authorities.

Materials and methods: in the course of the research, the universal dialectical method of scientific cognition was used, as well as general scientific research methods: analysis, synthesis, systematization and a private scientific research method: the study of law enforcement practice.

Results of the study: special attention is paid to the stages of fixing digital footprints and the role of expertise aimed at the scientific substantiation of income concealment methods.

Findings and conclusions: the article shows the importance of information technology and specialized software for the prevention and investigation of these crimes. The article reveals the need to strengthen cooperation between law enforcement agencies and federal financial monitoring institutions.

Keywords: money laundering, financial intelligence, banking documentation, operational investigative measures, tax crimes, criminally obtained money, digitalization of financial processes, Rosfinmonitoring

For citation: Ryasov A. A., Ponomareva A. V. Methods for detecting and proving crimes related to the legalization (laundering) of criminally obtained proceeds // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 141–146.

Легализация доходов, полученных преступным путем, является одной из наиболее опасных форм экономических преступлений, существенно подрывающей основы законности и правопорядка в обществе и вследствие этого остается одной из приоритетных задач правоохранительной системы в условиях усложнения финансовых инструментов и повсеместного внедрения цифровых активов. Преступления, предусмотренные ст. 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), характеризуются высокой латентностью, трансграничным характером и интеллектуальным способом реализации, что накладывает специфический отпечаток на процесс их расследования. Эффективное расследование таких преступлений предполагает применение целого комплекса оперативно-розыскных мер и следственных действий, направленных на сбор достаточных доказательств виновности лиц, совершивших преступление.

Основная сложность при производстве следственных действий по данной категории дел заключается в необходимости доказывания не только самого факта совершения сделок с имуществом, но и осознания субъектом криминального происхождения используемых средств. При этом следственная практика показывает, что успех расследования напрямую зависит от своевременности и качества первоначальных следственных действий, направленных на обнаружение и фиксацию «финансовых следов».

Анализ современной оперативной и следственной практики свидетельствует о том, что преобладающая доля экономических правонарушений реализуется посредством маскировки под легитимные банковские транзакции, коммерческие операции, международные торговые соглашения и прочие формы правового оформления имущественных взаимоотношений. Вследствие подобного способа сокрытия истинных намерений преступников установление криминального умысла и квалифицирующих признаков соответствующих деяний представляет собой сложную задачу, т. к. внешне подобные правонарушения прак-

тически неотличимы от стандартных коммерческих контрактов.

Однако несмотря на важность проблемы приходится констатировать, что современное правоприменение сталкивается с существенными затруднениями при расследовании преступлений указанной категории. Основной причиной трудностей является тенденция судов квалифицировать отдельные финансовые операции, осуществленные с использованием незаконно полученных денежных средств, не как отдельную стадию легализации неправомерно приобретенного дохода, а исключительно как завершающую фазу основного противоправного деяния, результатом которого стало получение соответствующего капитала. Таким образом, указанные действия зачастую интерпретируются судами как элемент распоряжения похищенным имуществом, что автоматически ведет к отказу от дополнительной уголовно-правовой оценки таких действий по ст. 174 или 174.1 УК РФ, даже если обстоятельства конкретного дела требуют именно такого подхода [1–4].

Более того, существуют судебные решения, в которых лица были оправданы по эпизодам легализации преступных доходов в ситуациях, когда исходные преступления связаны не с хищениями, а с иными видами правонарушений, такими как оборот запрещенных веществ либо использование виртуальных активов, включая криптовалюты. Анализ указанных судебных актов демонстрирует тенденцию рассматривать финансовую деятельность лиц, совершивших преступления, связанные с наркотиками, как метод маскировки нелегальной активности, а не как акт собственно легализации прибыли, полученной незаконным путем. Такая позиция вызывает сомнения, учитывая, что сама природа легализации заключается именно в создании видимости законности доходов, изначально добытых в результате совершения другого тяжкого преступления [5, с. 60–71].

Таким образом, оправдательные приговоры относительно фактов легализации становятся результатом процессуальных недостатков

и неверных подходов к оценке доказательств, зафиксированных в ходе досудебного производства. По всей вероятности, причины заключаются преимущественно в ошибочной стратегии построения доказательной базы и недостаточном уровне детализации квалификации отдельных эпизодов преступной деятельности в обвинительном заключении.

Данные обстоятельства требуют от следователя особых усилий по доказыванию наличия в действиях подозреваемого самостоятельного состава преступления, предусмотренного ст. 174 или 174.1 УК РФ. Процесс раскрытия данных преступлений предъявляет повышенные требования к профессионализму и внимательности сотрудников правоохранительных органов. Особенность таких уголовных дел состоит в значительной степени сложности сбора убедительных свидетельских показаний и вещественных доказательств, что обуславливает необходимость тщательного анализа каждого элемента доказательной базы, выявленного в ходе оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Данный подход обеспечивает полноту охвата всех аспектов исследуемого события и повышает вероятность формирования исчерпывающей картины преступного деяния.

Для реализации квалификации по ст. 174 или 174.1 УК РФ и последующего привлечения виновного лица к уголовной ответственности органам предварительного расследования требуется сформировать комплексную доказательственную базу, включающую следующие обязательные элементы:

Во-первых, необходимо процессуально закрепить факт того, что имущество, выступающее объектом последующих манипуляций, было фактически получено в результате совершения общественно опасного деяния. Это подразумевает установление события предикатного преступления, из которого проистекают данные активы.

Во-вторых, следствие обязано верифицировать прямую причинно-следственную и фактическую связь между предметом легализации и конкретным эпизодом предшествующей преступной деятельности. Общие предположения о криминальном происхождении средств без привязки к конкретному деянию недопустимы для правовой оценки.

В-третьих, требуется доказать субъективную сторону преступления, а именно осознание лицом того факта, что вовлекаемое в гражданский оборот имущество было приобретено незаконным способом. Должно быть установлено, что субъект действовал с прямым умыслом относительно преступного генезиса данных средств.

В-четвертых, критически важным является установление специфической цели – придания

видимости легальности владению, пользованию или распоряжению активами. Органам следствия необходимо задокументировать совершение активных действий в форме финансовых операций или сделок, направленных на имитацию их правомерного происхождения и интеграцию в официальный экономический оборот.

Процесс расследования преступлений, связанных с отмыванием доходов, базируется на комплексном подходе, где классические методы сбора доказательств сочетаются с высокотехнологичным финансовым мониторингом. На начальном этапе следователи проводят стандартные следственные действия, такие как осмотры, обыски, допросы и др., направленные на выявление в действиях подозреваемых первичных признаков состава преступления. Параллельно с этим осуществляется тесное взаимодействие с подразделениями финансовой разведки, что позволяет оперативно получать данные о подозрительных транзакциях и блокировать сомнительные счета. Центральное место в доказательственной базе занимает глубокий финансовый анализ, включающий детальное изучение банковских выписок, оценку адекватности хозяйственных операций и выявление скрытых связей между контрагентами. Конечной целью этой работы является воссоздание полной цепочки транзакций, которая позволяет юридически безупречно соединить конкретный эпизод преступной деятельности с процессом легализации полученной прибыли, обеспечивая тем самым прочную основу для судебного решения.

Также высокое значение имеет использование технических средств в сборе первоначальных доказательств по делу. В современном мире, где информационные технологии стремительно развиваются, контроль записи переговоров стал важным инструментом при расследовании преступлений. Данное следственное действие позволяет сотрудникам правоохранительных органов получить и задокументировать сведения, свидетельствующие о совершении преступления. Полученные записи могут содержать информацию о планах преступников, сведения о сообщниках и иных участниках, обсуждение договоренностей, распределение ролей, координирование действий преступников и т. д. Здесь необходимо отметить, что полученные сведения могут нести не только доказательственное значение, но в том числе и ориентирующее. Полученную при этом информацию можно использовать для доказывания виновности субъекта и опровержения данных им ложных показаний.

Критически важное значение в процессе сбора цифровых доказательств имеет исследование абонентских устройств (мобильных телефонов) фигурантов и содержащихся в их па-

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

мноты массивов данных. Мобильные средства связи выступают техническим инструментом на всех этапах противоправной деятельности: от планирования и реализации преступного замысла до сокрытия следов содеянного.

В современной криминальной практике преобладает использование систем мгновенного обмена сообщениями (мессенджеров, таких как Telegram, WhatsApp, MAX и др.), обеспечивающих оперативную передачу текстовых, аудио- и визуальных данных. Помимо истории переписки, мобильное устройство является хранилищем широкого спектра криминалистически значимой информации: контактных данных, текстовых заметок, мультимедийных файлов и метаданных.

Анализ сведений, извлеченных из памяти электронных устройств, позволяет объективно реконструировать структуру преступных формирований, распределение ролевых функций между их участниками, а также идентифицировать механизмы легализации (отмывания) денежных средств. В частности, исследование цифровых следов дает возможность задокументировать конкретные финансовые транзакции, параметры сделок по отмыванию доходов и точные объемы легализованных активов.

Учитывая вышеизложенное, представляется методологически необходимым проведение детального осмотра всех изъятых технических средств и носителей информации с последующей процессуальной фиксацией полученных данных для их эффективного использования в доказательственной базе.

В случае наличия информации о телефонах, используемых лицами, предположительно вовлеченными в преступную деятельность, целесообразным является проведение специального следственного действия – получение сведений о фактах соединений между абонентами и абонентскими устройствами. Подобное действие дает возможность установить точные временные рамки и продолжительность звонков, обменов СМС-сообщениями, выявить содержание переписки, частоту контактов, установить географическое положение собеседников, что существенно облегчает расследование и сбор доказательной базы. Обнаружив регулярность взаимодействий фигурантов дела друг с другом, совпадающих с моментом подготовки или реализации преступного плана, удастся раскрыть структуру организованной преступной группы, степень участия ее членов, а также зафиксировать факты, подтверждающие предварительный сговор. Полноценное владение информацией о связях и перемещениях подозреваемого значительно упрощает подготовку и проведение последующих допросов, позволяя следователю разработать эффективную стратегию ведения беседы, направленную на полное выяснение обстоя-

тельств произошедшего и обеспечение добровольного признания.

Значимая доказательная база по делам о легализации преступных доходов формируется благодаря сведениям, собранным в ходе допроса свидетелей. Таковыми свидетелями могут выступать специалисты кредитных и прочих финансовых структур, обладающие компетенциями, необходимыми для предоставления подробных отчетов о движении денежных потоков по банковским счетам подозреваемого лица, включая переводы на счета юридических и физических лиц, снятие наличных и иные операции. Помимо этого, существенный вклад вносят свидетельства работников государственных ведомств, выполняющих регистрацию недвижимости и транспортных средств, таких как представители Росреестра и ГИБДД МВД России, которые способны представить подробную картину приобретения собственности подозреваемым и регистрации его в официальных органах власти. Подобные показания обладают весомым доказательным потенциалом, содействуют разработке гипотез и обеспечивают эффективное планирование дальнейшего хода расследования.

Документальная база составляет фундамент доказательственной деятельности по делам о легализации (отмывании) доходов, полученных преступным путем. Поскольку процесс легализации неразрывно связан с необходимостью придания правомерного вида владению активами, он неизбежно сопровождается формированием специфического документооборота.

Тщательный анализ банковских выписок, гражданско-правовых договоров, счетов-фактур и иных первичных учетных документов позволяет следствию восстановить цепочку движения денежных потоков и проследить связь между совершением предикатного преступления и последующим вводом средств в легальный оборот. Осмотр и исследование таких документов способствуют демаскировке скрытых преступных схем, а также позволяют установить иерархию и структурные связи внутри преступных объединений.

Усложнение способов совершения преступлений, в частности активное использование технологий блокчейн и криптовалютных активов, обуславливает острую потребность в привлечении специальных знаний. Профессиональные компетенции специалистов необходимы как при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, так и в форме экспертных исследований.

Для установления фактов финансового маневрирования, направленного на сокрытие криминального происхождения средств, следователем назначается комплекс судебных экспертиз. В следственной практике ключевая

роль отводится проведению финансово-бухгалтерских финансово-экономических компьютерных и иных экспертиз [6, с. 4–8].

Данные экспертные исследования позволяют научно обосновать методы маскировки доходов и окончательно установить преступный характер исследуемых финансовых операций.

Взаимодействие с Федеральной службой по финансовому мониторингу выступает стратегически важным элементом в изобличении механизмов легализации криминальных активов. Аналитические возможности Росфинмониторинга позволяют эффективно идентифицировать сложные многоуровневые схемы отмыwania доходов, включая транзакции с применением криптовалют и иных цифровых финансовых инструментов. Результаты такого мониторинга дают следствию возможность документально зафиксировать конкретные операции, определить точный объем легализованных средств и проследить их конечных бенефициаров.

В процессе расследования преступлений данной категории критическое значение приобретает фактор оперативного реагирования. Учитывая высокую вероятность противодействия со стороны подозреваемых, которые при осознании угрозы разоблачения стремятся к ликвидации улик, необходимо действовать на опережение. Преступники зачастую пытаются физически уничтожить или дистанционно заблокировать носители информации – мобильные устройства, компьютерную технику и бумажную документацию, отражающую детали противоправной деятельности.

Список источников

1. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2021 по делу № 77-1408/2021. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10.02.2021 по делу № 77-561/2021. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2021 по делу № 77-386/2021. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.11.2020 по делу № 77/2501/2020. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Тисен О.Н. Особенности доказывания легализации доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, с использованием криптовалют // Уголовное право. 2022. № 5.
6. Абаканова В.А. Использование специальных знаний при расследовании легализа-

Своевременное проведение обысков, выемок и наложение ареста на имущество являются первоочередными мерами, позволяющими пресечь попытки уничтожения доказательственной базы. Процессуально грамотное изъятие технических средств и документов, а также обеспечение условий их надлежащего хранения гарантируют сохранность сведений, необходимых для формирования неопровержимой обвинительной базы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что легализация преступных доходов относится к особо опасным видам экономических преступлений, характеризующимся высокой латентностью и трансграничностью. Главная проблема расследования – необходимость доказывания сознания виновного лица относительно криминального происхождения средств и совершаемых действий по созданию видимости законности доходов. Трудности возникают из-за частой квалификации таких действий как простого завершения основной преступной деятельности, что мешает полноценной уголовно-правовой оценке.

Оптимизация расследования требует интеграции современных технологий, усиленной координации между органами государственной власти и международными структурами, а также повышения уровня профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Ключевую роль играют финансовый мониторинг, техническое сопровождение расследований и введение единых стандартов квалификации подобных преступлений.

References

1. Cassation ruling of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated 18.03.2021 in case № 77-1408/2021. Access from the legal system "ConsultantPlus".
2. Cassation ruling of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated 10.02.2021 in case № 77-561/2021. Access from the legal system "ConsultantPlus".
3. The cassation ruling of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 20.01.2021 in case № 77-386/2021. Access from the legal system "ConsultantPlus".
4. Cassation ruling of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated 19.11.2020 in case № 77/2501/2020. Access from the legal system "ConsultantPlus".
5. Tisen O.N. Features of proving the legalization of income received as a result of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances using cryptocurrencies // Criminal Law. 2022. № 5.
6. Abakanova V.A. The use of special knowledge in the investigation of money laundering //

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

ции преступных доходов // Актуальные вопросы экспертной деятельности в современных условиях: материалы Международной научно-практ. конф. (19–20 октября 2023 г.). СПб., 2024.

Actual issues of expert activity in modern conditions: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (October 19-20, 2023). St. Petersburg, 2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

А. А. Рясов, кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России. 356242, Российская Федерация, г. Михайловск, ул. Чкалова, 38.

А. В. Пономарева, старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

A. A. Ryasov, PhD in Law, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Stavropol branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 38, Chkalova St., Mikhailovsk 356242 Russian Federation.

A. V. Ponomareva, Senior lecturer of the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 02.03.2026; одобрена после рецензирования 15.03.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 02.03.2026; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА БАНКОВСКОЙ СФЕРЫ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА И ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ

Андрей Николаевич Сачков

Ассоциация Евросибирская саморегулируемая организация арбитражных управляющих,
Москва, Российская Федерация, sachkov_a@mail.ru

Введение: в настоящей статье автор исследует особенности уголовно-правовой охраны банковской сферы в условиях цифровой трансформации платежных отношений, развития электронных средств платежа и цифровых валют. Формулируются обобщающие выводы о необходимости системного развития уголовно-правовой политики в сфере охраны банковской системы, отвечающей условиям цифровой трансформации финансовых отношений.

Материалы и методы: при проведении исследования использовались общенаучные методы познания, включая диалектический подход, анализ и синтез, индукцию и дедукцию. Применялись формально-юридический метод для анализа норм уголовного, финансового и банковского законодательства, системный метод для исследования уголовно-правовых средств охраны банковской сферы, а также сравнительно-правовой и криминологический методы для выявления тенденций цифровой финансовой преступности и оценки эффективности действующего правового регулирования.

Результаты исследования: автором выявлены ключевые проблемы реализации уголовно-правовой охраны банковской сферы в цифровой среде, включая фрагментарность уголовно-правовой регламентации ответственности за преступления, совершаемые с использованием электронных средств платежа и цифровых валют. Выводы подтверждаются анализом положений уголовного и финансового законодательства Российской Федерации, а также особенностей правоприменительной практики.

Выводы и заключения: в статье делается вывод о том, что в условиях цифровизации финансовых отношений формирование эффективной уголовно-правовой охраны банковской сферы требует перехода от фрагментарного уголовно-правового реагирования к системной модели, основанной на объектно-функциональном подходе, интеграции уголовно-правовых и регуляторных механизмов и обеспечении баланса публичных и частных интересов.

Ключевые слова: банковская сфера, уголовно-правовая охрана, электронные средства платежа, цифровые валюты, платежная инфраструктура, финансовая безопасность, цифровизация, уголовно-правовая политика

Для цитирования: Сачков А. Н. Уголовно-правовая охрана банковской сферы в условиях развития электронных средств платежа и цифровых валют // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 147–152.

Original paper

CRIMINAL LAW PROTECTION OF THE BANKING SECTOR IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT AND DIGITAL CURRENCIES

Andrey Nikolaevich Sachkov

Association of the Euro-Siberian Self-Regulatory Organization of Arbitration Managers, Moscow,
Russian Federation, sachkov_a@mail.ru

Introduction: in this article, the author examines the features of criminal law protection of the banking sector in the context of the digital transformation of payment relations, the development of electronic means of payment and digital currencies. Generalizing conclusions are formulated about the need for the systematic development of criminal law policy in the field of protection of the banking system, meeting the conditions of digital transformation of financial relations.

Materials and methods: the research used general scientific methods of cognition, including the dialectical approach, analysis and synthesis, induction and deduction. The formal legal method was used to analyze the norms of criminal, financial and banking legislation, a systematic method for the study of criminal law means of protecting the banking sector, as well as comparative legal and criminological methods to identify trends in digital financial crime and assess the effectiveness of current legal regulation.

Results of the study: the author identifies the key problems of implementing criminal law protection of the banking sector in the digital environment, including the fragmentation of criminal law regulation of liability for crimes committed using electronic means of payment and digital currencies. The conclusions are confirmed by an analysis of the provisions of the criminal and financial legislation of the Russian Federation, as well as the specifics of law enforcement practice.

Findings and conclusions: the article concludes that in the context of digitalization of financial relations, the formation of effective criminal law protection in the banking sector requires a transition from a fragmented criminal law response to a systemic model based on an object-functional approach, the integration of criminal law and regulatory mechanisms and ensuring a balance of public and private interests.

Keywords: banking sector, criminal law protection, electronic means of payment, digital currencies, payment infrastructure, financial security, digitalization, criminal law policy

For citation: Sachkov A. N. Criminal law protection of the banking sector in the context of the development of electronic means of payment and digital currencies // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 147–152.

Лавинообразный рост практики обналичивания денежных средств и совершения корыстных преступлений в цифровой финансовой среде стал одним из ключевых индикаторов кризиса эффективности традиционных уголовно-правовых механизмов охраны финансового сектора.

В связи с этим формирование и реализация эффективной уголовно-правовой политики в сфере охраны финансовой системы в условиях цифровизации выступают одной из приоритетных задач современного государства. Достижение данной цели возможно лишь при условии системных и согласованных норм уголовного и финансового законодательства, а также учета динамики цифровых технологий, трансграничного характера финансовых потоков и совершенствования методов использования информационно-коммуникационных технологий в преступной деятельности.

Развитие платежных сервисов объективно сопровождается формированием новых криминогенных рисков, детерминированных особенностями цифровой среды осуществления банковских транзакций.

Использование автоматизированных сервисов, программных решений и цифровых платформ позволяет в кратчайшие сроки осуществлять значительные по объему финансовые транзакции, что используется в организованных формах преступной деятельности в целях оперативного вывода, сокрытия и легализации похищенных денежных средств.

Особое место в структуре криминогенных рисков занимает использование электронных средств платежа (далее – ЭСП) и цифровых активов в схемах обналичивания и легализации доходов, полученных преступным путем. Цифровые платежные инструменты и цифро-

вые валюты активно применяются для многоэтапного перемещения денежных средств, их конвертации, дробления и последующего вовлечения в легальный финансовый оборот. При этом банковская инфраструктура нередко выполняет функцию связующего элемента между противоправной деятельностью и формально законными финансовыми операциями, что существенно повышает требования к системности, определенности и эффективности уголовно-правовой охраны банковской сферы [1, с. 108–121].

Массовое использование дистанционных банковских сервисов, упрощенных процедур идентификации привело к системному росту преступлений, совершаемых с использованием ЭСП, в рамках которых центральное место занимают так называемые дроперские схемы. Их сущность заключается в вовлечении формально легальных участников платежных отношений – владельцев банковских счетов, платежных карт и иных ЭСП в процесс перевода, обналичивания и последующей легализации доходов, полученных преступным путем.

Реакцией законодателя на обозначенные вызовы стали изменения, внесенные в уголовное законодательство и выразившиеся в дополнении общего состава преступления, предусмотренного ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), специальными видами, получившими нормативное закрепление в ч. 3–6 данной статьи [2]. Корректировка содержания и структуры ст. 187 УК РФ была ориентирована на криминализацию наиболее распространенных форм вовлечения в неправомерный оборот платежных инструментов, включая их передачу, использование, а равно иное содействие в обеспечении доступа к денежным средствам при

отсутствии законных оснований. Тем самым законодатель предпринял попытку адаптировать уголовно-правовую политику к новым формам цифровой финансовой преступности и устранить ранее существовавшие лакуны правового регулирования.

Необходимость адекватного уголовно-правового реагирования на указанные формы противоправного поведения сформировалась объективно и на протяжении длительного времени, что обусловлено их высокой криминогенной емкостью и способностью вовлекать в преступную деятельность широкий круг участников платежных отношений. Используемые преступные модели ориентированы на привлечение неопределенного круга лиц – законных держателей ЭСП, включая платежные карты, электронные кошельки и банковские счета, которые, формально сохраняя легальный статус, фактически включаются в функционирование организованной преступной деятельности [3, с. 218–224].

Изменения, внесенные в уголовное законодательство, в частности в нормы о неправомерном обороте средств платежа, безусловно, отражают стремление законодателя адаптировать уголовно-правовую политику к новым вызовам цифровой экономики. Однако без формирования единых критериев квалификации, четкого разграничения форм преступного и формально правомерного поведения, а также без усиления превентивной составляющей такие меры рискуют утратить системный эффект.

Одной из ключевых проблем реализации уголовно-правовой политики, в области обеспечения безопасности банковской сферы, в условиях цифровизации платежных систем является фрагментарность нормативного регулирования преступлений, совершаемых с использованием ЭСП и цифровых валют. Уголовно-правовые нормы, применяемые для противодействия цифровой финансовой преступности, рассредоточены по различным главам Особенной части уголовного закона, ориентированным на охрану разнородных родовых объектов. В результате банковская и платежная инфраструктура не выделяются в качестве самостоятельного, целостного объекта уголовно-правовой охраны, что негативно отражается на системности правового регулирования.

Рассредоточенность уголовно-правовых норм приводит к коллизиям квалификации, особенно в случаях, когда одни и те же фактические действия одновременно затрагивают имущественные интересы конкретных лиц, порядок осуществления платежных операций и устойчивость финансовой инфраструктуры. Использование ЭСП в качестве предмета, орудия или средства совершения преступления

нередко охватывается признаками нескольких составов преступлений, что порождает конкуренцию норм и затрудняет определение приоритетного уголовно-правового запрета. При отсутствии единых критериев разграничения предмета и орудия преступления, а также роли цифровых платежных инструментов в механизме причинения вреда правоприменение нередко обретает ситуативный характер [4, с. 139–148].

Реализация механизмов уголовно-правовой охраны банковской сферы в условиях цифровой трансформации платежных систем сопряжена с проблемой обеспечения баланса публичных и частных интересов. С одной стороны, государство объективно заинтересовано в защите устойчивости платежной инфраструктуры, предотвращении незаконного движения денежных средств и противодействии легализации преступных доходов. С другой стороны, чрезмерное расширение уголовно-правовых запретов в сфере цифровых финансовых операций способно негативно отразиться на добросовестных участниках банковских и платежных отношений, а также сдерживать развитие финансовых технологий и инновационных платежных сервисов [5, с. 48–53].

Защита добросовестных участников банковских и платежных отношений требует четкого разграничения уголовно наказуемых деяний и правонарушений, подлежащих административной или финансово-правовой ответственности. Нормы уголовного законодательства в данной сфере должны применяться как крайняя мера государственного реагирования, направленная на пресечение общественно опасных посягательств, способных подорвать устойчивость финансовой системы. При этом приоритетное значение должно отводиться превентивным и регуляторным механизмам, включая банковский комплаенс, финансовый мониторинг и меры надзорного характера.

Вместе с тем совершенствование уголовно-правовой охраны банковской сферы в условиях цифровой трансформации финансовых отношений предполагает переход от фрагментарного и реактивного реагирования к системной модели уголовно-правового воздействия, ориентированной на защиту устойчивости платежной и финансовой инфраструктуры. Такая модель, по мнению ряда специалистов, должна учитывать специфику цифровых платежных инструментов, трансграничный характер финансовых потоков и многоуровневую структуру современных преступных схем, реализуемых в банковской сфере [6, с. 143–169].

Одним из ключевых направлений совершенствования уголовно-правовой охраны банковской сферы является систематизация уголовно-правовых средств, направленных

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

на защиту платежной инфраструктуры. Указанная задача предполагает формирование целостного подхода к уголовно-правовой оценке преступлений, совершаемых с использованием ЭСП, банковских счетов и цифровых активов, независимо от формального расположения соответствующих норм в структуре уголовного закона [7, с. 81–93].

Систематизация может быть реализована посредством объектно-функционального подхода, при котором приоритетное значение придается не формальной классификации преступлений, а их воздействию на устойчивость банковской и платежной системы. Совершенствование уголовно-правовой охраны банковской сферы невозможно без уточнения объекта и предмета преступлений, совершаемых в цифровой финансовой среде. В условиях цифровизации ЭСП платежные реквизиты и цифровые активы выполняют двойственную роль – они могут выступать как предметом преступного посягательства, так и инструментом его совершения. Отсутствие четкого разграничения данных функций порождает коллизии квалификации и снижает правовую определенность.

Уголовно-правовая охрана банковской сферы должна рассматриваться во взаимосвязи с мерами финансового контроля, банковского надзора и комплаенса. Интеграция уголовно-правовых и регуляторных механизмов предполагает согласование уголовно-правовых запретов с требованиями финансового мониторинга, идентификации клиентов, контроля операций и управления рисками [8, с. 6–10].

Дополнительным направлением совершенствования уголовно-правовой охраны банковской сферы является учет перспектив развития цифровых валют и иных финансовых технологий. Динамика цифровых инноваций требует гибкости уголовно-правового регулирования и отказа от избыточной детализации составов преступлений, которая может утратить актуальность в краткосрочной перспективе.

Еще одним важным направлением совершенствования уголовно-правовой охраны банковской сферы является эффективная защита прав и законных интересов добросовестных участников банковских и платежных отношений. Четкое разграничение уголовно наказуемых деяний и правонарушений, подлежащих иным видам юридической ответственности, является важнейшим условием поддержания доверия к банковской системе и легитимности уголовно-правового воздействия.

В связи с рассматриваемыми вопросами надлежащей уголовно-правовой охраны банковской сферы следует отметить, что современный субъект банковских правоотношений реализует свои цифровые права не в рамках одной информационной среды, а посредством

последовательного использования множества взаимосвязанных, но нормативно и технологически автономных систем: банковских платформ, платежных сервисов, процессинговых центров, цифровых кошельков и иных инструментов платежной инфраструктуры.

Особое значение в этом аспекте приобретает анализ программного обеспечения, применяемого кредитными организациями, операторами платежных систем и иными обладателями информационных систем, задействованных в обороте ЭСП и цифровых валют. Именно на уровне программно-алгоритмической архитектуры зачастую формируются уязвимости, позволяющие использовать банковскую инфраструктуру в преступных целях, включая неправомерный доступ к денежным средствам, их несанкционированное перемещение, обналичивание либо легализацию [9, с. 274–281]. Несоответствие между используемым программным обеспечением, внутренними регламентами банков и требованиями действующего финансового и уголовного законодательства создает риски как для устойчивости платежной системы, так и для эффективности уголовно-правовой защиты.

Исследование преступлений, совершаемых с использованием ЭСП и цифровых валют, показывает, что анализ обязательственных правоотношений нового типа не может ограничиваться проверкой их формального соответствия нормам гражданского или финансового права. Для целей уголовно-правовой охраны банковской сферы необходимо формирование научно обоснованных критериев контроля за системой правил функционирования информационных систем, через которые осуществляется движение денежных средств и цифровых активов. Такие критерии должны позволять выявлять криминогенные свойства платежных и расчетных механизмов, а также определять юридически значимые моменты утраты законности в процессе цифровых финансовых операций.

Анализ правовых и информационно-технологических особенностей формирования юридически значимых алгоритмов, отражающих систему банковских транзакций и операций с ЭСП и цифровыми валютами, позволяет выделить несколько функционально различных групп таких алгоритмов, имеющих самостоятельное значение для уголовно-правовой охраны банковской сферы.

К первой группе относятся алгоритмы, обеспечивающие формирование развернутой уголовно-правовой характеристики преступлений, посягающих на банковскую и платежную инфраструктуру, включая определение объекта и предмета посягательства, способа совершения преступления и роли ЭСП либо цифровых валют в механизме причинения вреда. Ко

второй группе относятся алгоритмы, предназначенные для формирования предмета доказывания по уголовным делам о преступлениях в сфере банковской деятельности и цифровых платежей, а также для определения пределов доказывания с учетом специфики электронных следов финансовых операций. Третью группу образуют алгоритмы, лежащие в основе разработки криминалистических методик расследования преступлений, связанных с использованием ЭСП и цифровых валют, включая типовые дроперские и многэтапные платежные схемы.

Четвертую группу составляют алгоритмы обработки электронных банковских документов, платежных сообщений и иной цифровой информации, применяемые в рамках оперативно-розыскной деятельности для выявления признаков подготовки, совершения и сокрытия преступлений в банковской сфере. Пятую группу образуют алгоритмы информационно-методического обеспечения использования специальных знаний судебных экспертов и специалистов, привлекаемых при расследовании уголовных дел о преступлениях, посягающих на платежную и финансовую инфраструктуру, включая операции с ЭСП и цифровыми валютами.

В заключение рассмотренных вопросов необходимо отметить очевидную фрагментарность и несогласованность уголовно-правовых средств охраны банковской сферы при использовании ЭСП и цифровых валют. В связи с этим формирование надлежащей системы уголовно-правовой охраны банковской сферы предполагает преодоление методологической и инструментальной асимметрии между уголовно-правовыми и информационно-технологическими подходами, а также интеграцию цифровых аналитических инструментов в процессуально регламентированные формы уголовного судопроизводства. При этом ключевое значение приобретает разработка юридически выверенных алгоритмов анализа цифровых финансовых транзакций, позволяющих выявлять криминально-опасные уязвимости платежной инфраструктуры и устанавливать

роль конкретных участников финансовых операций в причинении вреда.

Особое значение в формировании уголовно-правовой политики обретает соблюдение баланса публичных и частных интересов охраны банковской сферы в условиях цифровой трансформации. Избыточная криминализация цифровых финансовых операций и расширительное толкование уголовно-правовых норм способны подорвать доверие к банковской системе и негативно отразиться на развитии финансовых технологий, тогда как недостаточная определенность уголовно-правовых запретов создает благоприятные условия для использования ЭСП и цифровых валют в преступных целях.

В качестве приоритетных направлений совершенствования уголовно-правовой охраны банковской сферы в условиях цифровизации представляется целесообразной систематизация уголовно-правовых средств на основе объектно-функционального подхода, развития единых правил квалификации преступлений в сфере цифровых платежей, а также межотраслевой гармонизации уголовно-правовых и финансово-правовых механизмов противодействия преступности. Уголовно-правовая политика в данной сфере должна быть ориентирована на защиту платежной и финансовой инфраструктуры как системного объекта уголовно-правовой охраны, с акцентом на нейтрализацию экономических и организационных механизмов преступной деятельности.

Подводя итог, отметим, что формирование эффективной модели уголовно-правовой охраны банковской сферы в условиях развития ЭСП и цифровых валют требует комплексного, междисциплинарного и системного подхода, обеспечивающего адаптацию уголовно-правовых средств к динамике цифровых финансовых процессов. Реализация данного подхода позволит повысить устойчивость банковской системы, укрепить платежную дисциплину и обеспечить надлежащий уровень уголовно-правовой защиты субъектов цифровой экономики и финансов.

Список источников

1. Семеко Г.В. Суверенная цифровая валюта: новые возможности для трансграничных платежей // Финансовый журнал. 2022. № 4.
2. О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2025. № 26 (ч. I).
3. Ильин И.С., Рязанова Е.Н. Некоторые аспекты уголовно-правовой и криминологической характеристики положений ст. 187 УК РФ

References

1. Semeko G.V. Sovereign digital currency: new opportunities for cross-border payments // Financial Journal. 2022. № 4.
2. On amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law № 176-FL of 24.06.2025 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. № 26 (Part I).
3. Ilyin I.S., Ryazanova E.N. Some aspects of criminal law and criminological characteristics of the provisions of art. 187 of the Criminal Code

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 24.06.2025 № 176-ФЗ // Государственная служба и кадры. 2025. № 4.

4. Городнова О.Н., Кириллов М.А. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: вопросы квалификации и совершенствования уголовно-правового противодействия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 3.

5. Воронкин А.Д. Правовое регулирование деятельности банков в условиях цифровизации экономики // Финансовые рынки и банки. 2021. № 9.

6. Расторопов С.В., Прорвич В.А. Информационные основы современной уголовно-правовой защиты субъектов цифровой экономики и финансов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 2.

7. Нудель С.Л. Уголовная политика Российской Федерации в области обеспечения финансовой безопасности // Журнал российского права. 2021. № 7.

8. Лапшин В.Ф. Уголовно-правовые средства противодействия незаконной банковской деятельности // ППД. 2020. № 2.

9. Минаков А.В., Эриашвили Н.Д. Анализ рисков и безопасности системы электронных средств платежа // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 1.

of the Russian Federation, as amended by Federal Law № 176-FL of 24.06.2025 // Civil service and personnel. 2025. № 4.

4. Gorodnova O.N., Kirillov M.A. Fraud using electronic means of payment: issues of qualification and improvement of criminal law counteraction // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 3.

5. Voronkin A.D. Legal regulation of banks in the context of the digitalization of the economy // Financial markets and banks. 2021. № 9.

6. Rastoropov S.V., Prorvich V.A. Information bases of modern criminal law protection of subjects of digital economy and finance. Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2024. № 2.

7. Nudel S.L. Criminal policy of the Russian Federation in the field of financial security // Journal of Russian Law. 2021. № 7.

8. Lapshin V.F. Criminal law means of countering illegal banking activities // PPD. 2020. № 2.

9. Minakov A.V., Eriashvili N.D. Risk and security analysis of the electronic payment system // Education. Science. Scientific staff. 2024. № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. Н. Сачков, арбитражный управляющий Ассоциации «Евросибирская саморегулируемая организация арбитражных управляющих». 121087, Российская Федерация, г. Москва, пр-д Багратионовский, 7, к. 20А, оф. 410.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. N. Sachkov, the arbitration manager of the Association of the Eurosiberian self-regulatory organization of arbitration managers «Eurosib». Office 410, k. 20A, b. 7, Bagrationovsky passage, Moscow 121087 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 23.04.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 15.04.2026; approved after reviewing 23.04.2026; accepted for publication 08.06.2026.

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Артур Фагимович Харисов

Институт права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Российская Федерация,
artur020217@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются актуальные правовые и организационные проблемы, возникающие при проведении междисциплинарных научно-практических исследований в области судебной экспертологии. Интеграция научного знания, цифровизация и появление новых объектов экспертизы объективно требуют объединения усилий специалистов различного профиля. Однако существующая правовая база, ведомственная разобщенность экспертных учреждений и неразработанность методологии комплексных исследований создают существенные барьеры. Анализируются коллизии процессуального законодательства, вопросы унификации терминологии, статуса ведущего эксперта, а также организационные модели проведения междисциплинарных разработок. Предлагаются пути совершенствования законодательства и оптимизации организационных форм научного взаимодействия.

Материалы и методы: в качестве эмпирической базы исследования использованы материалы судебно-экспертной практики расследования преступлений, доклады и публикации судебных экспертов на научных конференциях и семинарах по проблемам применения междисциплинарных исследований в судопроизводстве. Применены следующие методы: эмпирические методы описания и сравнения; теоретические методы формальной и диалектической логики, системно-структурный метод; частнонаучные методы познания (сравнительно-правовой, статистический и др.); метод экспертных оценок.

Результаты исследования: установлены направления по использованию высоких технологий при производстве междисциплинарных судебно-экспертных исследований. Разработаны пути решения правовых и организационных проблем по совершенствованию системы междисциплинарных научно-практических исследований в судебно-экспертной деятельности высокотехнологичными средствами и методами, в том числе технологиями искусственного интеллекта.

Выводы и заключения: доказано, что в современных условиях должна иметь место синергия не только уголовно-правовых наук в ходе проведения междисциплинарных научных исследований в рамках научной специальности, но и междисциплинарное взаимодействие в научных исследованиях вне рамок указанных уголовно-правовых направлений.

Ключевые слова: судебная экспертиза, междисциплинарные исследования, комплексная экспертиза, правовое регулирование, судебная экспертология, цифровизация, организационные проблемы

Для цитирования: Харисов А. Ф. Правовые и организационные проблемы междисциплинарных научно-практических исследований в судебно-экспертной деятельности // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 153–157.

Original paper

LEGAL AND ORGANIZATIONAL PROBLEMS OF INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC AND PRACTICAL RESEARCH IN FORENSIC EXPERTISE

Artur Fagimovich Kharisov

Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

Introduction: the article discusses current legal and organizational problems that arise when conducting interdisciplinary scientific and practical research in the field of forensic expertise.

© Харисов А.Ф., 2026

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

The integration of scientific knowledge, digitalization and the emergence of new objects of expertise objectively require the combined efforts of specialists of various profiles. However, the existing legal framework, the departmental fragmentation of expert institutions and the lack of development of a comprehensive research methodology create significant barriers. The conflicts of procedural legislation, issues of terminology unification, the status of a leading expert, as well as organizational models for interdisciplinary research are analyzed. Ways of improving legislation and optimizing organizational forms of scientific cooperation are proposed.

Materials and methods: materials from the forensic practice of crime investigation, reports and publications of forensic experts at scientific conferences and seminars on the application of interdisciplinary research in judicial proceedings were used as the empirical basis of the study. The following methods are applied: empirical methods of description and comparison; theoretical methods of formal and dialectical logic, the system-structural method; private scientific methods of cognition (comparative law, statistical, etc.); the method of expert assessments.

Results of the study: the directions for the use of high technologies in the production of interdisciplinary forensic research have been established. Ways of solving legal and organizational problems have been developed to improve the system of interdisciplinary scientific and practical research in forensic expertise using high-tech tools and methods, including artificial intelligence technologies.

Findings and conclusions: it is proved that in modern conditions there should be a synergy not only of criminal law sciences in the course of interdisciplinary scientific research within the framework of a scientific specialty, but also interdisciplinary interaction in scientific research outside the framework of these criminal law areas.

Keywords: forensic examination, interdisciplinary research, integrated expertise, legal regulation, forensic expertise, digitalization, organizational problems

For citation: Kharisov A. F. Legal and organizational problems of interdisciplinary scientific and practical research in forensic expertise // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2. – Pp. 153–157.

Современный этап развития судебно-экспертной деятельности (СЭД) характеризуется глубинными процессами интеграции научного знания в условиях цифровизации. Как справедливо отмечает Е.Р. Россинская, формируется новая научная парадигма – теория цифровизации судебно-экспертной деятельности, которая базируется на синтезе достижений юриспруденции, естественных и технических наук в экспертном исследовании любых объектов судебной экспертизы [1, с. 22]. В практике производства судебных экспертиз с использованием комплекса научных знаний отмечаются многочисленные положительные примеры. Так, «в составлении интегрированной криминалистической модели личности неустановленного преступника используются специальные знания анатомии человека, антропологии, морфологии, в частности стоматологии, физиологии, неврологии и других наук» [2, с. 108].

Объекты экспертного исследования становятся все более сложными: цифровые следы, объекты, содержащие геномную информацию, сложные инженерно-технические системы требуют применения знаний из различных областей науки и техники. Причем такие разработки должны «воплощать в себе результаты эмпирического анализа, практическую апробацию и внедрение» [3, с. 159].

Однако потребность в междисциплинарных научно-практических исследованиях на практике наталкивается на ряд системных проблем, среди которых значительную часть

занимают проблемы правового и организационного характера.

1. Правовые проблемы междисциплинарных исследований.

1.1. Основополагающая проблема лежит в плоскости процессуального регулирования. Комплексная экспертиза, будучи классической формой междисциплинарного исследования, регламентируется ст. 201 УПК РФ, ст. 85 АПК РФ и ст. 82 ГПК РФ. Однако законодатель оставляет открытым вопрос о правовом статусе итогового заключения эксперта. На практике возникает коллизия: является ли заключение комплексной экспертизы единым доказательством или совокупностью доказательств, подготовленных каждым из экспертов?

Как указывается в современных исследованиях, посвященных унификации законодательства о судебной экспертизе, отсутствие современного федерального закона о судебно-экспертной деятельности (несмотря на многолетние попытки его принятия) приводит к тому, что в различных видах судопроизводства по-разному трактуется роль судебных экспертов при проведении комплексных исследований. Так, в уголовном процессе эксперты подписывают единое заключение и несут ответственность за его части, что технически сложно дифференцировать, тогда как в гражданском процессе требования к разделению ответственности более формализованы.

1.2. Проблемой является отсутствие унифицированной терминологии, закрепленной в

законодательстве (например, в Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 73-ФЗ). Особенно остро эта проблема проявляется в новых формирующихся направлениях. Например, до сих пор дискуссионным остается соотношение категорий «искусственный интеллект» и «искусственная нейронная сеть» применительно к судебно-экспертной деятельности.

Такая терминологическая неопределенность затрудняет формирование единого понятийного аппарата, без которого невозможна эффективная коммуникация судебных экспертов из разных научных школ, ведомств и тем более отраслей знаний. Разная трактовка одних и тех же терминов приводит к противоречиям в выводах экспертов.

1.3. В условиях цифровизации отмечается еще одна правовая проблема: не определен правовой статус результатов цифровых междисциплинарных исследований.

Цифровая трансформация порождает новые правовые коллизии. Так, Ш.Н. Хазиев и А.Н. Штохов в своих работах поднимают проблему судебных экспертиз по делам об ошибочной биометрической идентификации. Такие исследования требуют одновременно знаний в области IT, биометрии, уголовного права и процесса [4, с. 91]. Однако законодательство не определяет, в каком правовом режиме должны проводиться подобные исследования: как единая комплексная экспертиза или как совокупность самостоятельных исследований.

Кроме того, использование искусственного интеллекта при проведении междисциплинарных исследований ставит вопрос о допустимости таких доказательств. Существует пробел в правовом регулировании ответственности за выводы в заключениях экспертов, сделанные на основе анализа, проведенного нейросетью.

2. Организационные проблемы научного взаимодействия экспертов, участвующих в междисциплинарных исследованиях.

2.1. Ведомственная разобщенность судебно-экспертных организаций. Ключевой организационной проблемой остается фрагментация системы государственных судебно-экспертных организаций. Научные школы развиваются преимущественно внутриведомственно. Такая изоляция приводит к дублированию научных исследований и затрудняет обмен результатами. Единые межведомственные научные коллективы для решения интеграционных задач создаются крайне редко, поскольку отсутствуют организационные механизмы финансирования таких исследований и распределения интеллектуальной собственности. «Необходимы

усилия заинтересованных ведомств (МВД, Министерства юстиции, Следственного комитета РФ и др.) для внедрения интегрированных методик судебно-экспертных исследований в экспертно-криминалистическую деятельность» [5, с. 227].

2.2. Отсутствие единой методологии комплексных исследований. Научная методология междисциплинарных исследований в судебной экспертологии находится в стадии становления. Назрела необходимость разработки единых подходов к соотношению понятий в условиях цифровизации. Однако помимо понятийного аппарата, требуется разработка стандартов проведения комплексных исследований.

Так, «для анализа почерков, выполненных на иностранных языках, часто привлекаются специалисты по лингвистике. Однако если мы говорим об искусственном интеллекте и нейросетях, то тут с привлечением специалистов определенного профиля могут возникнуть некоторые сложности» [6, с. 42].

Эти сложности имеют место в связи с отсутствием:

- единых рекомендаций по взаимодействию экспертов разных специальностей;
- стандартов формирования интегративных выводов;
- критериев оценки достаточности данных, полученных из разных областей знания.

Поэтому «основными параметрами, влияющими на подбор специалиста (эксперта), становятся выбор конкретных алгоритмов, которые будут использоваться в процессе экспертного исследования, а также компетентность специалиста, которого планируется привлечь в помощь судебному эксперту» [6, с. 42].

Такая же ситуация наблюдается при некоторых видах исследования запаховых следов, где требуется синтез знаний в области биологии, химии и криминалистики. Поэтому «место экспертизы запаховых следов человека в системе судебных экспертиз до сих пор активно обсуждается» [7, с. 84].

2.3. Проблема подготовки специалистов-универсалов. Система высшего образования продолжает готовить узких специалистов. Юридические факультеты дают базовые правовые знания, но практически не знакомят студентов с методами естественных и технических наук. Медицинские и технические вузы, напротив, слабо обеспечивают должной юридической подготовкой будущих судебных экспертов. Хотя имеется настоятельная необходимость в совершенствовании образовательного процесса, связанного с подготовкой судебных экспертов: например, при подготовке судебно-медицинских экспертов расширять диапазон знаний по специальности, включающих как медицинские, так и правовые аспекты.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

3. Пути решения правовых и организационных проблем проведения междисциплинарных исследований в судебной экспертизе.

3.1. В первую очередь, необходимо внести дополнения и изменения в Федеральный закон № 73-ФЗ, где должны быть:

- унифицированы процессуальные статусы экспертов при проведении комплексных и комиссионных экспертиз;

- закреплён правовой режим результатов междисциплинарных исследований, включая исследования с использованием автоматизированных систем, а также систем искусственного интеллекта;

- определена ответственность руководителя комплексного исследования (эксперта-координатора) за организационное обеспечение междисциплинарного взаимодействия.

Кроме того, назрела необходимость унификации законодательства о судебной экспертизе не только в цивилистическом и административном процессе, но и на межотраслевом уровне.

3.2. Ещё одной мерой по повышению качества междисциплинарных исследований было бы создание межведомственного научно-методического центра координации междисциплинарных исследований, который мог бы функционировать, например, на базе Российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте России – «Всероссийского научно-исследовательского института судебных экспертиз с включенным в него подразделением, состоящим из квалифицированных специалистов IT-технологий для участия в разработке инновационных цифровых средств, методов и экспертных методик, в том числе с использованием искусственного интеллекта. Такой НИИ судебных экспертиз должен интегрировать все научно-методические разработки разных ведомств с выработкой наиболее эффективных экспертных методик» [8, с. 10].

В задачи такого центра должны входить:

- разработка единых стандартов и методик проведения комплексных экспертиз;

- организация межведомственных научных коллективов для решения конкретных научно-практических задач;

- ведение единого банка данных методического обеспечения.

3.3. Ещё одной мерой организационного характера является стимулирование создания и поддержки научно-практических журналов, специально ориентированных на междисциплинарные исследования. Примером может служить журнал «Юрислингвистика», который позиционирует себя как форум для исследователей, занимающихся вопросами на границе языка и права. Также показательна

деятельность научно-практического журнала «Судебная экспертиза и исследования» под редакцией Н.П. Майлис и Н.Д. Эриашвили, который публикует результаты исследований по юридическим, экономическим и психологическим наукам [9].

Важно расширять практику выпуска тематических номеров, посвящённых конкретным междисциплинарным проблемам, с привлечением авторов из разных ведомств и научных школ.

3.4. На уровне образовательных стандартов необходимо введение междисциплинарных модулей в программы подготовки экспертов. Для юристов обязательными должны стать курсы по основам естественно-научных знаний (биология, физика, химия, информатика) применительно к экспертным задачам. Для специалистов неюридического профиля – углублённое изучение процессуального права и теории доказательств.

Целесообразно развитие магистерских программ, реализуемых совместно юридическими и естественно-научными факультетами университетов.

Междисциплинарные научно-практические исследования в судебно-экспертной деятельности являются объективной необходимостью, продиктованной усложнением объектов экспертизы и запросами практики. Однако их развитие сдерживается комплексом правовых и организационных проблем: от несовершенства процессуального законодательства и терминологической неопределённости до ведомственной разобщённости и отсутствия единой методологии.

Решение этих проблем требует системного подхода: совершенствования законодательства, создания координирующих научно-методических центров, развития специализированных научных изданий и модернизации системы подготовки кадров. Дальнейшее развитие судебной экспертологии как интегративной науки о судебной экспертизе напрямую зависит от успешности преодоления указанных барьеров и выстраивания эффективного междисциплинарного диалога.

Для этого надо обобщить отечественную и зарубежную судебно-экспертную практику междисциплинарных исследований в судебной экспертизе; усовершенствовать программные и технические средства, обеспечивающие возможности интеграционных судебно-экспертных исследований; создать межведомственный банк научной и справочной информации, включающий в себя научные публикации, посвящённые физической антропологии, морфологии и биомеханике человека, другим отраслям научных знаний.

1. Россинская Е.Р. Система теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. № 3. Т. 19.
2. Аминев Ф.Г., А.В. Чемерис О некоторых современных возможностях криминалистического моделирования личности неустановленного преступника // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2024. № 1 (21).
3. Варданыан А.В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Юристь-Правоведь. 2019. № 2 (89).
4. Хазиев Ш.Н., Штохов А.Н. Судебные экспертизы по делам об ошибочной биометрической идентификации // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. № 3. Т. 19.
5. Харисов А.Ф. По вопросу внедрения интеграционных методов исследования в экспертно-криминалистическую деятельность // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2024. № 4 (24).
6. Мищук В.А. Соотношение понятий «искусственный интеллект» и «искусственная нейронная сеть» в судебной экспертологии // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. № 3. Т. 19.
7. Дьяконова О.Г. Судебная экспертиза запаховых следов: генезис и современное состояние // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. № 3. Т. 19.
8. Аминев Ф.Г. По вопросу научно-методического обеспечения использования искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности : сборник докладов XIV Московской юридической недели. М., 2025.
9. Майлис Н.П. Актуальные проблемы судебной экспертологии // Судебная экспертиза и исследования. 2024. № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. Ф. Харисов, аспирант кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий. 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. F. Kharisov, postgraduate student of the Criminology Department of the Ufa University of Science and Technology Institute of Law. 131, Dostoevsky St., Ufa 450005 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 27.02.2026; одобрена после рецензирования 15.03.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 27.02.2026; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 08.06.2026.

1. Rossinskaya E.R. The system of theory of digitalization of forensic expertise // Theory and practice of forensic examination. 2024. № 3. Vol. 19.
2. Aminev F.G., A.V. Chemeris On some modern possibilities of criminalistic modeling of the identity of an unidentified criminal // Bulletin of the Bashkir State University Institute of Law. 2024. № 1 (21).
3. Vardanyan A.V. Modern problems of using special knowledge in criminal proceedings // Jurist-Jurist. 2019. № 2 (89).
4. Khaziev Sh.N., Shtokhov A.N. Forensic examinations in cases of erroneous biometric identification // Theory and practice of forensic examination. 2024. № 3. Vol. 19.
5. Kharisov A.F. On the issue of the introduction of integration research methods in forensic expertise // Bulletin of the Bashkir State University Institute of Law. 2024. № 4 (24).
6. Mishchuk V.A. The relationship between the concepts of "artificial intelligence" and "artificial neural network" in forensic science // Theory and practice of forensic examination. 2024. № 3. Vol. 19.
7. Dyakonova O.G. Forensic examination of odor traces: genesis and current state // Theory and practice of forensic examination. 2024. № 3. Vol. 19.
8. Aminev F.G. On the issue of scientific and methodological support for the use of artificial intelligence in forensic expertise // The Russian legal system: in search of national identity : a collection of reports of the XIV Moscow Law Week, Moscow, 2025.
9. Mailis N.P. Actual problems of forensic expertise // Judicial expertise and research. 2024. № 1.

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ И
ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

Евгений Владимирович Чиненов

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород,
Российская Федерация, chinenovevg@yandex.ru

Введение: в работе рассматривается и анализируется понятийный аппарат криминалистической характеристики расследования преступлений как научной криминалистической категории. Выдвигается гипотеза о ее высоком методологическом фундаментальном и прикладном значении для совершенствования криминалистической методологии как раздела криминалистики и повышения эффективности следственной практики.

Материалы и методы: при подготовке статьи были использованы отдельные научные источники, судебно-следственная практика, материалы правовой статистики. Отдельная информация была получена через личное наблюдение, эксперимент или опыт. Для этого использовались общенаучные и частнонаучные методы.

Результаты исследования: решены проблемы, касающиеся научного обеспечения криминалистических методик и качества предварительного расследования.

Выводы и заключения: научно обоснованно подтверждена гипотеза о важности для теории криминалистики криминалистической характеристики расследования преступлений. Опытным путем фактически доказана практическая значимость от ее внедрения в следственную практику.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая методика расследования преступлений, криминалистическая характеристика расследования преступлений

Для цитирования: Чиненов Е. В. Криминалистическая характеристика расследования преступлений: методологическое фундаментальное и прикладное значение // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 158–163.

Original paper

**CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIME INVESTIGATION:
METHODOLOGICAL FUNDAMENTAL AND APPLIED SIGNIFICANCE**

Evgeny Vladimirovich Chinenov

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after
I.D. Putilin, Belgorod, Russian Federation

Introduction: the paper examines and analyzes the conceptual framework of the criminalistic characteristics of the crime investigation as a scientific criminalistic category. The hypothesis is put forward about its high methodological fundamental and applied importance for improving forensic methodology as a branch of criminology and improving the effectiveness of investigative practice.

Materials and methods: separate scientific sources, judicial and investigative practice, and materials of legal statistics were used in the preparation of the article. Some information was obtained through personal observation, experiment, or experience. General scientific and private scientific methods were used for this purpose.

Results of the study: the problems related to the scientific support of forensic techniques and the quality of the preliminary investigation have been solved.

Findings and conclusions: the hypothesis of the importance of criminalistic characteristics of crime investigation for the theory of criminology has been scientifically substantiated. The practical significance of its introduction into investigative practice has actually been proven experimentally.

Keywords: criminalistics, criminalistic methods of crime investigation, criminalistic characteristics of crime investigation

© Чиненов Е.В., 2026

В системе языка криминалистики отдельными учеными поддерживается такое ее понятие, как «криминалистическая характеристика расследования преступлений». Им в исследованиях, посвященных криминалистической методике, с определенной степенью общности описываются типовые признаки и закономерные черты криминалистической деятельности следователя по использованию наиболее эффективных технических средств, тактических приемов и методов расследования преступлений отдельного вида или группы [1, с. 43–47; 2, с. 110–112; 3, с. 50–61; 4, с. 152–160; 5].

Внимание научной общественности к этой категориальной абстракции считаем вполне обоснованным ввиду имеющейся достаточно убедительной аргументации. Однако методологический ее потенциал все еще остается не до конца изученным, не известным широкому кругу. Оттого он не в полной мере может быть реализован в целях повышения эффективности расследования преступлений и достижения определенного ст. 6 УПК РФ назначения уголовного судопроизводства.

Включение криминалистической характеристики расследования преступлений исследователями в систему научных положений и формируемых на их основе рекомендаций, наряду с криминалистической характеристикой преступления, в адресованные следователям специализированные методические пособия, руководства, иные практические издания нельзя назвать типичным. Причина – несоответствие широко распространенной, а потому ставшей традиционной структуре криминалистической методики как части науки криминалистики и наиболее распространенных форм ее построения [6, с. 146–152; 7].

В то же время использование криминалистической характеристики расследования преступлений в двухэлементном представлении криминалистической методики, где первый элемент – «криминалистическая характеристика преступлений» и второй – «криминалистическая характеристика расследования преступлений», выгодно отличает такие работы. Объясняется это в первую очередь особым подходом к пониманию сущности предмета криминалистики относительно изучения объективных закономерностей преступной деятельности посредством осуществления законной деятельности следователей и сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел по ее выявлению раскрытию и расследованию. Во вторую очередь – более продуктивными возможностями практической реализации выбранного следователем направ-

ления расследования. Отмеченное достигается знанием характерных особенностей работы следователя по уголовному делу в различных (но типовых, от возбуждения уголовного дела и до заключительного этапа) ситуациях его расследования, описанных в систематизированном виде как совокупность типичных, отличительных черт и свойств, способов и средств осуществления предусмотренных уголовно-процессуальным законом действий и принимаемых решений с целью собирания и проверки доказательств, раскрытия преступления, привлечения в качестве обвиняемых лиц, его совершивших.

Известно, использованием криминалистической характеристики преступления как «информационной базы» или «информационной модели» [8; 9, с. 148–152] познается механизм деятельности преступника (механизм преступления), способ ее осуществления [10, с. 163–169; 11, с. 51–64]. Аналогичным образом криминалистической характеристикой расследования преступления тоже достигается познание закономерностей, но иных – механизма законной деятельности следователя в процессе предварительного расследования как системы деятельности.

Таким образом, применением этой категории предмет и объект криминалистики [12, с. 3–9] раскрываются более емко, тем самым обогащая криминалистическую теорию новыми знаниями, реализуемыми преимущественно через частные криминалистические методики. В практическом плане подготовка к расследованию уголовного дела становится более глубокой и качественной, а познание криминальной ситуации, сбор криминалистически значимой информации, планирование и организация – более системными и эффективными.

Понятие криминалистической характеристики расследования преступлений было обосновано и введено в научный оборот трудами В.К. Гавло, В.А. Образцова, В.И. Кукулина в 1982–1983 гг. [13, с. 59–61; 14, с. 118–122; 15]. Впоследствии научная категория стала использоваться единомышленниками и последователями.

Принимая мнения отмеченных именитых ученых как безусловные в проекции на решение современных методических криминалистических задач, предпримем попытку охарактеризовать и описать ее методологическое фундаментальное и прикладное практическое значение, показать на примере отдельно взятой частной криминалистической методики фактические преимущества от использования данной научной категории.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Методологический подход является важным познавательным, коммуникативным и инструментальным средством в научных юридических исследованиях. Криминалистика не является тому исключением. Она обладает особой системой принципов, приемов и способов изучения интересующей ее реальной действительности, на которых базируется как эта наука в целом при решении стоящих перед ней задач, так и ее разделы, включая раздел криминалистической методики.

В основе *методологического фундаментального значения* криминалистической характеристики расследования преступлений заложен ее понятийный аппарат и его направленность на получение новых знаний за счет осуществления поисковых, описательных, объяснительных, прогностических действий.

Критерием оценки, отражающим ценность и пользу в деятельности по расследованию преступлений, является *методологическое прикладное значение* криминалистической характеристики расследования преступлений, ориентированное на решение конкретных практических задач и проблем. Оно проявляет себя возможностью применения для оптимизации деятельности по расследованию преступлений: в практической деятельности органов предварительного расследования при раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений; в экспертной практике; в учебном процессе образовательных организаций; в рамках повышения квалификации следователей, дознавателей, прокуроров и оперативных сотрудников.

Единым термином «криминалистическая характеристика расследования преступлений» принято считать «...систему обобщенных сведений, раскрывающих основные закономерные черты механизма расследования преступлений в складывающихся следственных ситуациях» [16, с. 215–216]. Основными элементами криминалистической характеристики расследования преступлений являются «...следственные ситуации, следственные версии и направления расследования, складывающиеся на первоначальном и последующем этапах, система следственных, оперативно-розыскных и иных организационно-технических действий, и тактических операций, обеспечивающих выполнение целей расследования» [17, с. 29].

Руководствуясь положениями теории криминалистической систематики [18] и интерполируя ее на предмет нашего исследования, заметим, что криминалистическая характеристика расследования преступлений в решении фундаментальных и прикладных криминалистических задач может быть представлена в двух видах: *общая и типовая*.

1. *Общая криминалистическая характеристика расследования преступлений* пред-

ставляет собой общие типичные черты элементного состава процесса расследования преступлений как систем информационно-познавательной и организационно-управленческой деятельности.

В структуре информационно-познавательной деятельности следует выделять:

- следователя в качестве ее системообразующего элемента, определяющего цель расследования, осуществляющего поисково-познавательную деятельность на основе криминалистического мышления и ситуационного подхода;

- объект и предмет преступного посяательства как охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым преступлением причиняется вред или создается реальная угроза его причинения;

- криминалистическое мышление следователя как особый вид профессионального мышления, включающий мыслительные процессы, обеспечивающие расследование преступлений (общезаконные профессиональные и специальные знания, включаемые в логические операции за счет наблюдения, интуиции, эвристики и т. п.);

- следственные ситуации как совокупность обстоятельств, сложившихся на определенном моменте расследования, характеризующих состояние и перспективы расследования, обуславливающих задачи, средства и методы деятельности следователя по установлению истины по уголовному делу;

- криминалистически значимую (доказательственную и ориентирующую) информацию как сведения, данные, имеющие отношение к раскрытию и расследованию преступления;

- «следовую картину» преступления в качестве совокупности материальных следов преступления, образовавшихся на месте происшествия;

- криминалистические способы и средства познания криминальной ситуации, поиска следов, методы, технические средства, тактические приемы.

В структуре организационно-управленческой отмечаются:

- деятельность руководителя следственного подразделения органа внутренних дел по контролю за соблюдением законности производства расследования уголовных дел, а также деятельность прокурора при решении вопроса о направлении уголовного дела в суд;

- управленческие компетенции следователя как совокупность криминалистических, специальных знаний, навыков, личностных характеристик, опыта, позволяющих эффективно расследовать преступление в рамках работы по уголовному делу;

– состав участников расследования, на которых осуществляется управленческое воздействие следователем (например, оперативные сотрудники, специалисты-криминалисты, эксперты и пр.).

Общая криминалистическая характеристика расследования преступлений конструируется на основе частных криминалистических теорий, учений и предметных научных исследований, в том числе:

1) криминалистической теории следственных ситуаций;

2) криминалистического учения о криминалистической версии и планировании расследования;

3) криминалистического учения об организации расследования;

4) исследований, уровня частных криминалистических теорий и учений, раскрывающих вопросы криминалистического обеспечения расследования преступлений, приемы проведения процессуальных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, установление причин и условий, способствующих совершению и сокрытию преступлений, криминалистического взаимодействия и пр.

2. *Типовая криминалистическая характеристика расследования преступлений* раскрывается в качестве информационной основы, отражающей криминалистическую сущность процесса расследования преступлений определенного вида или группы. Выстраивается на основе общей криминалистической характеристики расследования преступлений, с учетом анализа и обобщения научных положений предметных научных работ в области уголовно-правовой науки, практики расследования и судебного рассмотрения преступлений. По сути, может являться информационной моделью технологии или механизма типового расследования, определенного вида или группы преступлений [19, с. 244–253], определяя тактику его проведения.

Технология (механизм) расследования встраивается в систему криминалистической характеристики расследования преступлений за счет осуществления следователем информационно-познавательной и организационно-управленческой деятельности в двух формах ее проявления:

1) криминалистической деятельности как системы криминалистического обеспечения процесса расследования преступления (научные, методические и тактические рекомендации, технико-криминалистические средства и технологии их применения, криминалистические методы и средства). Имеет особенности, обусловленные спецификой криминалистической характеристики преступлений;

2) процессуальной деятельности как системы обеспечительных мер эффективного предварительного расследования.

Обобщая изложенные суждения, отметим, в решении фундаментальных криминалистических задач больший интерес вызывают положения общей криминалистической характеристики расследования преступлений. В решении прикладных – типовые.

Далее проведем оценку эффективности практического использования криминалистической характеристики расследования преступлений в частной криминалистической методике, адресованной практическому правоприменителю. Для этого продемонстрируем результаты анкетирования сотрудников органов внутренних дел на транспорте¹.

В качестве апробации следователям и дознавателям была предложена к внедрению подготовленная авторская частная криминалистическая методика расследования хищений грузов, совершаемых на железнодорожном транспорте путем кражи [20], структурно состоящая из следующих разделов: 1) особенности криминалистической характеристики хищений грузов путем кражи, совершаемых на железнодорожном транспорте; 2) особенности криминалистической характеристики расследования хищений грузов путем кражи, совершаемых на железнодорожном транспорте; 3) особенности возбуждения уголовных дел и расследования хищений грузов путем кражи, совершаемых на железнодорожном транспорте.

Результатом анкетирования явился вывод о положительном влиянии внедренной в оперативно-служебную деятельность частной криминалистической методики в целом и входящей в нее криминалистической характеристики расследования. Использование в работе криминалистической характеристики расследования хищений грузов путем кражи, совершаемых на железнодорожном транспорте, положительно сказалось на следующих показателях качества расследования данного вида преступлений: снижении нарушений соблюдения процессуальных сроков (– 6,3 %); практике принятия решений об отмене постановлений о возбуждении уголовных дел (11,2 %); практике приостановления предварительного следствия (4,5 %); практике прекращения уголовных дел (6,1 %).

Таким образом, на основании изложенного представляется возможным сделать следующие заключения:

1. Криминалистическая характеристика расследования преступлений наряду с криминалистической характеристикой преступления является методологическим инструментом

¹ Анкетированию в процессе исследования были подвергнуты 34 следователя и дознавателя следственных подразделений УТ МВД России по ЦФО.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

криминалистической методики, обладает высоким научным и практическим потенциалом. Значение криминалистической характеристики расследования преступлений для совершенствования методов расследования нельзя недооценивать. Отмеченное подтверждается раскрытым нами в работе методологическим

фундаментальным и прикладным ее значением.

2. Методологическое фундаментальное и прикладное значение криминалистической характеристики расследования преступлений способствуют системному познанию принципов, методов, правил и норм технологии (механизма) расследования.

Список источников

1. Ким Д.В. Криминалистическая характеристика расследования преступлений как результат разрешения следственных ситуаций // Известия Алтайского государственного университета. 2000. № 2.

2. Кругликова О.В. Теоретические вопросы построения частной полноструктурной криминалистической методики расследования мошенничеств, совершаемых в сфере потребительского кредитования // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2-1.

3. Комаров И.М. Криминалистические операции и ситуации в системе криминалистической характеристики расследования преступлений // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2014. № 4.

4. Комаров И.М. К вопросу о языке криминалистики // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2024. № 6.

5. Цахуев А.В. Методика расследования участия на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023.

6. Макаренко И.А., Эксархопуло А.А., Зайнуллин Р.И. Структура частной криминалистической методики: история формирования и перспективы развития. Часть 1 // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 4 (54).

7. Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений: курс лекций. Ч. 4. СПб., 1993.

8. Волчецкая Т.С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике: учеб. пособие. Калининград, 1997.

9. Пахомов С.В. Тенденции развития научных представлений о криминалистической характеристике преступлений // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 1 (88).

10. Кустов А.М. Криминалистическая концепция механизма преступления // Вестник МФЮА. 2016. № 2.

11. Князьков А.С. Криминалистическая характеристика преступления в контексте его способа и механизма // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 1.

References

1. Kim D.V. Criminalistic characteristics of crime investigation as a result of solving investigative situations // Proceedings of the Altai State University. 2000. № 2.

2. Kruglikova O.V. Theoretical issues of building a private full-structured forensic methodology for investigating fraud committed in the field of consumer lending. // Proceedings of the Altai State University. 2011. № 2-1.

3. Komarov I.M. Criminalistic operations and situations in the system of criminalistic characteristics of crime investigation // Bulletin of the Moscow University. Episode 11: The Law. 2014. № 4.

4. Komarov I.M. On the question of the language of criminology // Bulletin of the Moscow University. Episode 11: The Law. 2024. № 6.

5. Tsakhuev A.V. Methodology for investigating participation in an armed formation on the territory of a foreign state, not provided for by the legislation of that state, for purposes contrary to the interests of the Russian Federation: diss. ... PhD in Law. Krasnodar, 2023.

6. Makarenko I.A., Exarchopulo A.A., Zainullin R.I. The structure of private forensic methodology: the history of formation and development prospects. Part 1 // The rule of law: theory and practice. 2018. № 4 (54).

7. Vozgrin I.A. Scientific foundations of criminalistic methods of crime investigation: a course of lectures. Part 4. St. Petersburg, 1993.

8. Volchetskaya T.S. Modern problems of modeling in criminalistics and investigative practice: textbook. stipend. Kaliningrad, 1997.

9. Pakhomov S.V. Trends in the development of scientific ideas about the criminalistic characteristics of crimes // Jurist-Jurist. 2019. № 1 (88).

10. Kustov A.M. Criminalistic concept of the crime mechanism // Bulletin of the MFUA. 2016. № 2.

11. Knyazkov A.S. Criminalistic characteristics of crime in the context of its method and mechanism // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2011. № 1.

12. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Dialectical structure of the object of criminalistics as a theoretical and methodological prerequisite for the formation of private forensic techniques // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2021. № 1.

12. Варданян А.В., Варданян Г.А. Диалектическая структура объекта криминалистики как теоретико-методологическая предпосылка формирования частных криминалистических методик // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 1.

13. Гавло В.К. Криминалистический механизм преступления и его значение в расследовании // Борьба с преступностью на современном этапе. Барнаул, 1982.

14. Образцов В.А. Криминалистическая характеристика раскрытия преступлений // Борьба с преступностью на современном этапе. Барнаул, 1982.

15. Куклин В.И. Методика расследования отдельных видов преступлений: учеб. пособие. Иваново, 1983.

16. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985.

17. Гавло В.К. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988.

18. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. М., 2002.

19. Пермяков А.Л. Механизм расследования преступления в структуре криминалистической методики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 2 (109).

20. Чиненов Е.В. Частная криминалистическая методика расследования хищений грузов, совершаемых на железнодорожном транспорте путем кражи. Белгород, 2024.

13. Gavlo V.K. The criminalistic mechanism of crime and its significance in the investigation // Combating crime at the present stage. Barnaul, 1982.

14. Obraztsov V.A. Criminalistic characteristics of crime detection // Combating crime at the present stage. Barnaul, 1982.

15. Kuklin V.I. Methods of investigation of certain types of crimes: textbook. stipend. Ivanovo, 1983.

16. Gavlo V.K. Theoretical problems and practice of applying methods of investigation of certain types of crimes. Tomsk, 1985.

17. Gavlo V.K. Problems of theory and practice of criminalistic methods of crime investigation: diss. ... PhD in Law. Moscow, 1988.

18. Golovin A.Y. Criminalistic systematics. Moscow, 2002.

19. Permyakov A.L. The mechanism of crime investigation in the structure of criminalistic methodology // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 2 (109).

20. Chinenov E.V. Private criminalistic methodology for investigating theft of goods committed on railway transport by theft. Belgorod, 2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Е. В. Чиненов, кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. V. Chinenov, PhD in Economical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin. 71, Gorky St., Belgorod 308024 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 25.04.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 15.04.2026; approved after reviewing 25.04.2026; accepted for publication 08.06.2026.

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО А.Ф. ВОЛЫНСКОГО И ОПЫТ,
ДОСТОЙНЫЙ УВАЖЕНИЯ И ПОДРАЖАНИЯ

Ксения Сергеевна Шубина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация,
kseniashubina2026@mail.ru

Введение: в криминалистике наряду с актуальными проблемами, обусловленными применением цифровых технологий в целях раскрытия и расследования преступлений, сохраняются исторически не разрешенные противоречия (ставшие уже привычными), касающиеся организации и правовой регламентации научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства. Указанные проблемы криминалистической теории и практики, судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности рассматриваются через призму научного творчества профессора А.Ф. Волынского.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составила совокупность всеобщего, общенаучных и частнонаучных методов. Особое значение среди них имели исторический, формально-логический методы, а также методы системно-структурного и сравнительного анализа.

Результаты исследования: исторический анализ становления системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства в России позволил сформулировать его структурно-содержательную характеристику, включающую два взаимосвязанных направления: экспертно-криминалистическую и судебно-экспертную деятельность. Выявленные в ходе исследования проблемы обусловлены развитием данных направлений в условиях межведомственных противоречий, что привело к несоответствию организационно-правовых форм их реализации современной структуре правоохранительных ведомств. В связи с этим обоснована необходимость формирования единой государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства.

Выводы и заключения: в результате комплексного анализа научных трудов этого выдающегося ученого сформулированы следующие основные выводы о том, что: налицо преемственность между дореволюционной системой регистрационных бюро и системой научно-технического обеспечения правоохранительных органов советского периода; необходимо создание единой общегосударственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства; современное состояние криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства требует системных преобразований и др.

Ключевые слова: криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность, предмет криминалистики, история отечественной криминалистики, экспертно-криминалистическая деятельность, судебно-экспертная деятельность, следственная деятельность, организация раскрытия и расследования преступлений

Для цитирования: Шубина К. С. Научное творчество А.Ф. Волынского и опыт, достойный уважения и подражания // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 164–171.

Original paper

A.F. VOLYNSKY'S SCIENTIFIC CREATIVITY AND EXPERIENCE WORTHY OF
RESPECT AND IMITATION

Ksenia Sergeevna Shubina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation,

Introduction: in criminology, along with the urgent problems caused by the use of digital technologies for the detection and investigation of crimes, historically unresolved contradictions remain (which

have become familiar) concerning the organization and legal regulation of scientific and technical support of criminal proceedings. These problems are considered by the criminology of theory and practice, forensic expert and operational investigative activities through the prism of the scientific work of Professor A.F. Volynsky.

Materials and methods: the methodological basis of the research was a combination of general, general scientific and private scientific methods. Of particular importance among them were historical, formal and logical methods, as well as methods of system-structural and comparative analysis.

Results of the study: a historical analysis of the formation of the scientific and technical support system for criminal justice in Russia has allowed us to formulate its structural and substantive characteristics, including two interrelated areas: forensic and forensic expertise. The problems identified in the course of the study are due to the development of these areas in the context of interdepartmental contradictions, which led to a discrepancy between the organizational and legal forms of their implementation and the modern structure of law enforcement agencies. In this regard, the necessity of forming a unified state system of scientific and technical support for criminal proceedings is substantiated.

Findings and conclusions: as a result of a comprehensive analysis of the scientific works of this outstanding scientist, the following main conclusions have been formulated that: there is a continuity between the pre-revolutionary system of registration bureaus and the system of scientific and technical support for law enforcement agencies of the Soviet period; it is necessary to create a unified national system of scientific and technical support for criminal proceedings; the current state of criminalistic support for criminal proceedings requires systemic transformations, etc.

Keywords: criminalistics, forensic expert activity, operational investigative activity, subject of criminalistics, history of domestic criminalistics, forensic activity, forensic expert activity, investigative activity, organization of disclosure and investigation of crimes

For citation: Shubina K. S. A.F. Volynsky's scientific creativity and experience worthy of respect and imitation // *Philosophiya Prava* : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 164–171.

Счастливым случаем позволил мне приобрести очередное издание избранных трудов «От уголовной регистрации к компьютерной криминалистике» А.Ф. Волинского – доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации. Во введении отмечается, что за успехи в профессиональной деятельности этот, несомненно, выдающийся ученый неоднократно награжден знаками отличия: орденом «Знак почета», знаками «Почетный работник МВД СССР», «Заслуженный работник МВД России» и другими памятными медалями. К тому же им лично и в соавторстве изданы десятки учебников и учебных пособий. В работах данного ученого-криминалиста и специалиста, прошедшего путь от оперуполномоченного УВД Красноярского края до руководителя экспертно-криминалистической службы МВД СССР, рассматриваются злободневные, исторически назревшие и пока неразрешенные проблемы криминалистической теории и практики, судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности. Повторное издание сборника его научных трудов подтверждает их научную и практическую значимость. А мне представилась возможность под его руководством проводить научное исследование и писать диссертацию.

В 2020 г., преодолев вступительные испытания, я стала адъюнктом кафедры криминалистики Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Назначенный моим научным руководителем А.Ф. Волинский стал не только наставником в научной работе, но и человеком, с которым сложились неизменно доброжелательные личные и служебные отношения.

При первой встрече он задал мне ряд вопросов, чтобы определить уровень теоретических знаний и степень осведомленности о проблемах криминалистики. Меня удивило, что один из вопросов касался определения предмета криминалистики – знания, обязательного для каждого выпускника юридического вуза. Однако Александр Фомич пояснил, что задал этот вопрос с одной только целью, чтобы показать, как выявляются проблемы в, казалось бы, устоявшихся понятиях и определениях криминалистики. Он объяснил, что определение предмета этой науки, данное Р.С. Белкиным и Ю.И. Краснобаевым в 1967 г., после дифференциации криминалистических знаний, оказалось в противоречии с реалиями следственной практики, поскольку собирание доказательств неотделимо от оперативно-розыскной деятельности, а их исследование – от судебной экспертизы. По этой причине в середине прошлого века возникли противоречия между судебно-экспертными учреждениями (СЭУ) Минюста России и экспертно-криминалистическими подразделениями (ЭКП) МВД России, которые сохраняются до настоящего времени, негативно влияя на совершенствование организации и правовой регламентации деятельности как судебно-экспертных учреждений Минюста России, так и ЭКП ОВД [1].

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

В ходе беседы был задан вопрос о наличии у меня опыта работы в практических органах. Получив утвердительный ответ, научный руководитель пояснил, что для соискания ученой степени в области уголовно-правовых наук требуется не только владение теоретическими знаниями и прикладными навыками, но и сформированное чувственное восприятие реалий следственной практики. В связи с этим наличие опыта практической деятельности после завершения высшего образования рассматривается как существенное преимущество.

В первый год обучения А.Ф. Волынский, желая передать часть своих знаний и сформировать навыки написания научных работ, инициировал совместную работу над научной статьей. Публикация в журнале, входящем в перечень ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, стала важным этапом моего профессионального становления. Она помогла преодолеть типичные для начинающего исследователя сомнения и заложила основу уверенности при подготовке последующих научных работ, включая диссертационное исследование. Соавторство в данном случае мной рассматривается как урок научного творчества. Это был своеобразный поучительный прием, как выявлять проблемные вопросы, как их анализировать и обосновывать возможные подходы их научного и практического решения.

В процессе подготовки кандидатской диссертации научным руководителем систематически осуществлялось методическое сопровождение: во-первых, он проводил консультации по проблемным аспектам работы, обращал внимание на слабые места исследования; во-вторых, оказывал содействие в написании и оформлении научных статей; в-третьих, анализировал промежуточные результаты работы, выявлял недостатки и формулировал рекомендации по их устранению (т. е. осуществлял неофициальное рецензирование), мотивируя к достижению поставленных целей. Отмечу неизменно доброжелательный подход Александра Фомича и высокую конструктивность его замечаний.

Благодаря грамотному руководству и колоссальной поддержке со стороны Александра Фомича в 2023 г. мной была защищена кандидатская диссертация на тему «Использование электронных средств связи в уголовном судопроизводстве».

В своей профессиональной деятельности – при проведении занятий, выступлении на конференциях и рецензировании диссертаций – А.Ф. Волынский демонстрировал внимательное отношение к обучающимся. Его критические замечания всегда подавались в форме конструктивных пожеланий с немедленными предложениями по исправлению. Отдельно следует от-

метить его неизменно уважительное отношение как к ветеранам криминалистической науки, так и к достижениям современников.

В педагогической деятельности А.Ф. Волынский придерживался неформального, творческого подхода к учебному процессу и воспитательной работе. В его публикациях содержатся ценные рекомендации по организации работы научного кружка и модернизации системы вузовской подготовки сотрудников ОВД. Значимым вкладом в подготовку научных кадров стало издание учебно-методического пособия – курса лекций «Кандидатская диссертация по криминалистике: технология подготовки», который активно используется адъюнктами.

Более 60 диссертантов успешно прошли процедуру защиты благодаря наставничеству и консультационной помощи Александра Фомича – это свидетельствует о формировании устойчивой научной школы.

Научный вклад А.Ф. Волынского насчитывает более 700 публикаций, посвященных актуальным проблемам наук уголовно-правового блока. При этом обращают на себя внимание уже названия некоторых статей – «загадочно-цепляющие» и с глубоким смыслом, например, «Предмет криминалистики и научный сепаратизм...» [2, с. 175–185], «Судебная экспертиза перед «судом истории» ...» [3, с. 26–36], «К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России: невыученные уроки истории» [4, с. 90–100], «ЦНИКЛ МВД СССР: воспоминание о будущем» [5, с. 157–170] и др.

Во многом содержание рассматриваемых статей является познавательным, демонстрирующим научно-творческий подход автора к реалиям следственной практики. Например, мы все как должное воспринимаем перечень оперативно-розыскных мероприятий, определенных в Федеральном законе от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно розыскной деятельности». Но мало кто знает, что впервые обосновал необходимость разграничения в ОРД методов и мероприятий А.Ф. Волынский, увлекаемый данной идеей авторитетов этой науки того времени (А.Г. Лекаря, Д.В. Гребельского и В.Г. Самойлова) [6, с. 296–319].

В своих трудах Александр Фомич значительное внимание уделял истории отечественной криминалистики. Следует отметить, что криминалистика в России формировалась стихийно и бессистемно как ответ на практическую потребность в раскрытии и расследовании преступлений, что было вызвано ростом преступности и усложнением способов совершения противоправных деяний. Необходимость применять научные методы для сбора и анализа доказательств приводила к появлению криминалистических приемов, разрабатывав-

шихся под конкретные задачи. Так, для установления отравлений начали привлекать медицинских специалистов, или же, например, после издания указа царя Алексея Михайловича «О денежных ворах» 1637 г. стали привлекаться мастера монетного дела, обладающие специальными знаниями о чеканке монет, составе металлов и технологиях производства. Такие исторически проявившиеся примеры дали А.Ф. Волынскому основания для методологически важного вывода, что криминалистика как наука возникла, так и тогда, где и когда в ней реально проявились потребности, т. е. в следственной и судебной практике, а не в научных лабораториях. До конца XIX века следователи в основном опирались на личный опыт и сообразительность, однако постепенно накопленные практические знания легли в основу первых криминалистических методик и рекомендаций.

Отдавая должное зарубежным родоначальникам криминалистики как науки о раскрытии и расследовании преступлений (А. Бертильон, У. Гершель, Г. Гросс, Г. Фолдс) и, конечно, пионерам отечественной криминалистики (Е.Ф. Буринский, В.И. Лебедев, С.Н. Трегубов и др.), отмечая их заслуги в формировании основ этой науки, А.Ф. Волынский наглядно и убедительно утверждал, что этот процесс в России активизировался с введением уголовной (1890 г. – антропологической, 1906 г. – дактилоскопической) регистрации. С этим было связано создание регистрационных бюро (станций). Санкт-Петербургский градоначальник П.А. Грессер 31 мая 1890 г. издал приказ об открытии первой в России станции (бюро) «для антропологических измерений преступников».

Фактически в то же время Циркуляром МВД от 25 сентября 1901 г. № 4789 предписывалось губернаторам решить вопрос об организации в губерниях антропологических станций, которые ранее инициативно уже были организованы в Санкт-Петербурге, Москве и 18 губернских городах. Несколько позже на эти станции (бюро) Циркуляром от 26 сентября 1907 г. № 150270 возлагались обязанности по дактилоскопической регистрации (подписан «за Товарища Министра» Трусевичем). К нему прилагались «Правила для обнаружения, сохранения и фотографирования следов оттисков кожных линий пальцев рук, обнаруженных на местах происшествий» [7, с. 51–74, 310–314].

Опыт деятельности регистрационных бюро в то время представляется примечательным тем, что в них впервые в нашей стране проявилась системно организованная не только экспертно-криминалистическая, но и судебно-экспертная деятельность – по собиранию, исследованию, накоплению и использованию источников доказательственной информации

(описание признаков внешности, изготовление фотоснимков и отпечатков пальцев рук регистрируемых лиц). При этом регистрация была связана с производством сравнительных, т. е. идентификационных, исследований, а фактически криминалистических (судебных) экспертиз.

После учреждения в 1908 г. криминальной полиции в структуре МВД данное направление получило наиболее четкое оформление. В сыскных подразделениях 89 губерний были созданы регистрационные бюро. При этом функционал сотрудников не ограничивался уголовной регистрацией: они также участвовали в осмотрах мест происшествий, следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях. Именно в тот период были заложены базовые принципы их работы, предполагающие совмещение функций специалиста и эксперта-криминалиста.

Следует отметить, что в тот же период были созданы схожие бюро и в пенитенциарных учреждениях. Они подчинялись Министерству юстиции и занимались регистрацией лиц, осужденных за уголовные преступления. Деятельность этих структур регулировалась Главным Тюремным Управлением данного Министерства, а 16 октября 1906 г. министр И.Г. Щегловитов подписал правила дактилоскопической регистрации осужденных.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о преемственности между дореволюционной системой регистрационных бюро и научно-техническим отделом (НТО) милиции советского периода. Это было отмечено А.Ф. Волынским на заметку тем, кто до сих пор считает, что в советское время была создана уникальная система научно-технического обеспечения деятельности правоохранительных органов и связывает факт создания экспертно-криминалистической службы (ЭКС) МВД России с созданием Кабинета судебной экспертизы в Центроросыске (1919 г.), который через два года был преобразован в НТО милиции.

В рамках кампании по «борьбе с культом личности» (середина 1950-х – 1960-е гг. прошлого века), имевшей идеологическую подоплеку, научно-технические отделы милиции фактически были расформированы. Формальными основаниями стали обвинения в «нарушении социалистической законности» и в «причастности к репрессиям 1930-х годов», выглядевшие неубедительно. Хотя бы потому, что репрессии 1937–1938 гг. реализовывались в соответствии с «законами революции» и были направлены против лиц определенной социальной принадлежности (бывшие царские офицеры, священнослужители, кулаки и др.), что исключало необходимость в экспертизах и экспертах.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Опираясь на различные источники, А.Ф. Волынский писал, что в тот период времени было репрессировано свыше миллиона человек – преимущественно по решениям «троек». При этом суды, рассматривая дела об общественно опасных преступлениях, расследованных милицией, приговорили к высшей мере наказания около 9 % от общего числа репрессированных. Идеологическая установка на абсолютизацию судебной экспертизы породила ошибочные подходы к разрушению системы НТО милиции, вписывающиеся в общий контекст кампании. Логическим завершением этого процесса стало упразднение МВД СССР в 1960 г. и последующее расформирование НТО милиции в структуре вновь созданных республиканских министерств охраны общественного порядка (МООП).

В работах последних лет А.Ф. Волынский говорил не о технико-криминалистической, а об экспертно-криминалистической деятельности, отдавая должное Федеральному закону от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», в котором эта деятельность обозначена (п. 12 ч. 2 ст. 2) как одно из основных направлений деятельности полиции, а вместе с тем как следствие противоречивого отношения законодателя к праву производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях ОВД.

В современных экспертно-криминалистических подразделениях ОВД продолжает сохраняться организационная модель, предусматривающая совмещение в одном должностном лице функций специалиста-криминалиста и судебного эксперта. А.Ф. Волынский отмечал, что подобная интеграция профессиональных функций обуславливает снижение как производительности труда в экспертном статусе, так и результативности деятельности в статусе специалиста. В связи с этим формулируется фундаментальный вывод общего характера: «Нельзя успешно использовать технику и технологии XXI века в раскрытии и расследовании современных высокотехнологичных преступлений в организационно-правовых формах конца XIX века», тем более с позиции узковедомственных, а иногда и корпоративных интересов.

Ошибочность организационно-правовых решений в отношении НТО милиции в условиях упомянутой кампании, по мнению А.Ф. Волынского, наглядно проявилась уже через шесть-семь лет. В 1967 г. восстановлено МООП (МВД) СССР, а в подведомственных ему подразделениях на территории страны стали возрождаться фактически те же НТО милиции, но в виде оперативно-технических отделов (ОТО) а несколько позже переименованных в экспертно-криминалистические подразделения (ЭКП). Однако содержательно их деятельность до сих пор в организацион-

но-правовом отношении подвержена серьезному влиянию ошибок прошлого [6, с. 187, 265, 358].

Судебная экспертиза, приобретя статус самостоятельной науки, в условиях рыночных отношений стала претендовать на нечто большее, чем средство доказывания в уголовном и гражданском судопроизводстве. Представители судебно-экспертного сообщества не скрывают своих намерений расширить сферу судебно-экспертной деятельности. В частности, с этих позиций дано определение процессуальной независимости судебного эксперта в Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ст. 7).

Согласно ч. 4 ст. 195 УПК РФ судебная экспертиза может быть назначена и проведена до возбуждения уголовного дела. Однако в УПК РФ отсутствует нормативно-правовая регламентация данной процедуры, а соответственно, не содержится норм, регулирующих права и обязанности сторон на этом этапе, что создает ряд проблем:

- во-первых, неопределенность процедурных правил – отсутствует регламентированный порядок назначения и проведения экспертизы;

- во-вторых, ограничение процессуальных прав участников – ввиду отсутствия статусов подозреваемого, обвиняемого и их защитников невозможно реализовать права, предусмотренные ч. 1 ст. 198 УПК РФ (отвод эксперта, выбор учреждения, постановка дополнительных вопросов, присутствие при производстве экспертизы);

- в-третьих, сомнения в допустимости заключений – результаты экспертиз, проведенных до возбуждения дела, могут быть оспорены из-за неформализованного процессуального статуса эксперта, что ставит под вопрос его независимость и объективность;

- в-четвертых, хронологические ограничения – 30-дневный срок доследственной проверки затрудняет своевременное назначение экспертизы; при этом истечение срока не приостанавливает уже начатое исследование, создавая процессуальные коллизии;

- в-пятых, недостаточность контрольных механизмов – отсутствует эффективный надзор за качеством и объективностью досудебных экспертиз, что повышает риск манипуляций;

- в-шестых, нерациональное использование ресурсов – дублирование экспертиз из-за слабой межведомственной координации ведет к избыточным временным и финансовым затратам.

Также А.Ф. Волынский обращал внимание, что судебная экспертиза, ее назначение и производство, является одним из наиболее слож-

ных следственных действий, соответственно, материально- и времязатратных, что противоречит требованиям оперативности и непрерывности действий на этом этапе раскрытия и расследования преступлений. В беседе по этому вопросу А.Ф. Волынский как-то заметил, что инициатором такого порядка назначения и производства судебных экспертиз (а это в основном «активисты» судебно-экспертного сообщества) следовало бы предложить провести «судебную» экспертизу для установления суммы государственных расходов в связи с производством повторных экспертиз и с формальным дублированием в виде судебной экспертизы результатов научно-технического исследования специалистов-криминалистов.

Представляется, что результаты исследования, проведенного специалистом до возбуждения уголовного дела, по примеру зарубежных стран, должны быть приравнены к заключению эксперта, при соблюдении определенных в УПК РФ требований, касающихся их назначения, сохранения объектов исследования, формы и содержания заключения специалиста, документального подтверждения его квалификации и образования.

В своих работах А.Ф. Волынский акцентировал внимание на необходимости системного межведомственного подхода к организации раскрытия и расследования преступлений, где ключевыми факторами являются взаимодействие субъектов, интеграция знаний и технологий, а также постоянное совершенствование криминалистического обеспечения.

При этом Александр Фомич указывал на ряд ключевых проблем, связанных с организацией раскрытия и расследования преступлений:

1. Прежде всего он уточнил само понятие организации вообще, а затем и расследования преступлений с учетом методологически выверенного его определения безотносительно к виду деятельности, как целого, включающего в себя относительно автономные, организационно-обособленные, но непременно взаимодействующие части. В качестве таковых им представляются такие виды деятельности, как процессуальная, оперативно-розыскная, административная, экспертно-криминалистическая, судебно-экспертная и, соответственно, осуществляющие их правоохранительные службы, научно-практические учреждения и подразделения.

2. Разрыв между теорией и практикой:

- недостаточная прикладная направленность научных разработок: многие криминалистические рекомендации остаются на уровне теоретических построений и не внедряются в повседневную работу;

- слабая обратная связь: практическая деятельность редко становится источником для корректировки и развития теории.

3. Дисбаланс во взаимодействии субъектов:

- ведомственная разобщенность: разные службы действуют по собственным регламентам, что затрудняет их координацию;

- отсутствие единых алгоритмов совместного реагирования: нет четких процедур взаимодействия при возникновении нестандартных ситуаций;

- конкуренция за «показатели»: стремление каждого ведомства продемонстрировать собственные достижения порой идет в ущерб общему результату.

4. Фрагментация криминалистических знаний:

- «научный сепаратизм»: обособление теории оперативно-розыскной деятельности, судебной экспертизы и криминалистики приводит к дублированию исследований и потере целостности подхода;

- размывание границ дисциплин: не всегда ясно, какие методы и средства относятся к компетенции той или иной службы.

5. Отсутствие системных научных разработок проблем экспертно-криминалистической деятельности:

- дефицит современных технических средств в полевых условиях: не все подразделения оснащены передовыми приборами для сбора и анализа доказательств;

- нехватка квалифицированных специалистов-криминалистов на местах: часто функции эксперта и специалиста совмещаются одним сотрудником, что снижает качество работы;

- медленное внедрение цифровых технологий.

6. Пробелы в правовом регулировании:

- неоднозначность норм, регламентирующих взаимодействие служб;

- отставание законодательства от технологических реалий: появление новых видов преступлений (киберпреступления, криптопреступность) требует обновления правовых механизмов;

- бюрократические барьеры: избыточная отчетность отвлекает от непосредственной работы по раскрытию и расследованию преступлений.

7. Кадровые проблемы:

- недостаток специалистов с междисциплинарной подготовкой;

- низкая мотивация к инновациям: сотрудники предпочитают работать по устоявшимся шаблонам, избегая новых методик из-за риска ошибок;

- текучесть кадров в экспертно-криминалистических подразделениях из-за высокой нагрузки и недостаточной оплаты труда.

8. Информационная разобщенность:

- несовместимость баз данных разных ведомств: нет единого информационного пространства для оперативного обмена информацией;

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

– риски утечки конфиденциальной информации при цифровизации;
– низкий уровень автоматизации аналитической работы: многие процессы выполняются вручную.

Привычные, но от того не менее «острые» проблемы, обозначенные нами выше, поднимались Александром Фомичом на каждом заседании кафедры криминалистики, конференциях, форумах и т. п. Причем иногда в неожиданно оригинальной форме, даже в рифму. Например, на Международном научно-практическом форуме (Лекановские чтения), проходившем 14 ноября 2025 г. в Московской академии Следственного комитета России имени А.Я. Сухарева, оценивая ситуацию в части криминалистического обеспечения расследования преступлений, он как вывод обозначил:

«Техпрогресс следствию много дает,
Мы удивляемся – вот разворот!
Но не можем при этом понять,
Что нельзя его дар освоить, принять
В условиях вековой оргформы,
Без современной правовой реформы».

Список источников

1. Отчет межвузовского научного исследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя и Московской академии Следственного комитета России «Экспертно-криминалистическая деятельность и компьютерная криминалистика» / А.Ф. Волынский, В.А. Прорвич [и др.]. М., 2021.
2. Волынский А.Ф. Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45).
3. Волынский А.Ф. Судебная экспертиза перед «судом истории» (заключение специалиста) // Судебная экспертиза и исследования. 2022. № 1.
4. Волынский А.Ф. К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России: невыученные уроки истории // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52).
5. Волынский А.Ф. ЦНИКЛ МВД СССР: воспоминание о будущем // 85 лет Экспертно-криминалистической службе органов внутренних дел России: сб. статей. М., 2004.
6. Волынский А.Ф. От уголовной регистрации к компьютерной криминалистике. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2023.
7. Кардашевская М.В. Развитие методов и средств обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов рук с учетом современных достижений науки и техники // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. Научно-практический журнал. № 2. 2023.

При этом А.Ф. Волынский предлагал конструктивные решения назревших проблем, которые получили одобрение как в ученом сообществе, так и среди практикующих специалистов. Для примера напомним о его предложении по формированию межведомственной (государственной) системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, включающей три формы использования современных достижений науки и техники в расследовании преступлений: специалист-криминалист, эксперт-криминалист и судебный эксперт [8].

Трудно представить, что все это сделал один человек, выполняющий учебную нагрузку профессора в двух ведущих вузах России. Трудно, если не знать этого человека, не учитывать его безграничную преданность любимому делу – науке, его от природы данной трудоспособности и ответственности за все, что он делает. Даже в мелочах он всегда оставался самим собой, не допуская компромисса с совестью и убежденностью как Ученого, Педагога и Человека.

References

1. Report of the interuniversity scientific research of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot and the Moscow Academy of the Investigative Committee of Russia "Expert criminalistic activity and computer criminalistics" / A.F. Volynsky, V.A. Prorvich [et al.]. Moscow, 2021.
2. Volynsky A.F. The subject of criminalistics and "scientific separatism": consequences and the possibilities of overcoming them // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1 (45).
3. Volynsky A.F. Judicial examination before the "court of history" (expert opinion) // Judicial examination and research. 2022. № 1.
4. Volynsky A.F. On the centenary of the forensic expert service of the Ministry of Internal Affairs of Russia: the unlearned lessons of history // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4(52).
5. Volynsky A.F. Central Committee of the USSR Ministry of Internal Affairs: a memory of the future // 85 years of the Forensic service of the internal affairs bodies of Russia: collection of articles. Moscow, 2004.
6. Volynsky A.F. From criminal registration to computer forensics. 2nd ed., revised and additional Moscow, 2023.
7. Kardashevskaya M.V. Development of methods and means of detecting, fixing, removing and examining handprints, taking into account modern achievements of science and technology // Scientific and technical support of legal proceedings. Scientific and practical journal. № 2. 2023.

8. Волынский А.Ф. Научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства: от привычных проблем к реалиям практики // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 1(99).

8. Volynsky A.F. Scientific and technical support of criminal proceedings: from familiar problems to the realities of practice // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2024. № 1(99).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

К. С. Шубина, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 117437, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ак. Волгина, 12.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

K. S. Shubina, PhD in Law, lecturer at the Department of Combating Crimes in the Sphere of Information and Telecommunication Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. 12, Volgina St., Moscow 117437 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 25.04.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 15.04.2026; approved after reviewing 25.04.2026; accepted for publication 08.06.2026.

**ЭЛИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ: ДИАЛЕКТИКА ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ**

Андрей Николаевич Бережной

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск, Российская Федерация, aberezhnoi74@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5991-2357>

Введение: в статье проводится всесторонний социально-философский анализ социокультурной динамики элитарного сознания с точки зрения изменения отношения между его формой и содержанием. Особое внимание уделяется проблеме влияния ложной формы элитарного сознания на историческую динамику современного российского общества. Приоритетной целью статьи выступает оценка его возможного потенциала по преодолению деструктивных следствий отчуждения формы и содержания элитарного сознания.

Материалы и методы: достижение цели исследования осуществляется с привлечением историко-культурного материала, отражающего эволюцию западного и российского социума последних нескольких столетий, обозначенных бурной динамикой всех сфер жизнедеятельности. Методологическую и категориальную основу исследования составляет диалектическая концепция и разработанное в марксистской традиции представление о «превращенной форме».

Результаты исследования: элитарное сознание, его трансформация, динамика, отмечающаяся кризисными аспектами, в современной России является мощнейшим фактором социокультурной эволюции, влияющим на фундаментальные грани становления государственности и укрепления национального пути устойчивого развития в сложном глобальном мировом контексте. Отождествление элитарного сознания с простой ментальной, коммуникативной и идейной идентичностью правящего класса (или класса «богатых» людей) выступает препятствием идентификации глубинных причин разобщенности общества и распространенного нигилизма общественного сознания. Закрепляемая ложной формой элитарного сознания дистанция между высшими и низшими слоями общества носит статичный закрытый характер и исключает созидательно-творческое отношение человека к собственной элитарной идентичности.

Выводы и заключения: подлинное элитарное сознание определяется не внешними атрибутами, такими как власть и богатство, а внутренней творческой работой и самосознанием. Именно эта способность к созиданию, а не простое обладание ресурсами, выступает залогом здорового развития общества. Преодоление ложных, потребительских форм элитарности открывает путь к эффективному использованию потенциала общества, включая современные коммуникативные технологии.

Ключевые слова: элитарное сознание, элитное мировоззрение, форма, отчуждение, социокультурная динамика, содержание, диалектика

Для цитирования: Бережной А. Н. Элитарное сознание: диалектика формы и содержания в современном российском контексте // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 172–178.

Original paper

**ELITE CONSCIOUSNESS: THE DIALECTIC OF FORM AND CONTENT
IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN CONTEXT**

Andrey Nikolaevich Berezhnoy

South-Russian State Polytechnical University (NPI) named after M.I. Platov, Novocherkassk, Russian Federation

Introduction: the article provides a comprehensive socio-philosophical analysis of the socio-cultural dynamics of elite consciousness in terms of changing the relationship between its form and

content. Special attention is paid to the problem of the influence of the false form of elite consciousness on the historical dynamics of modern Russian society. The primary purpose of the article is to assess its possible potential to overcome the destructive consequences of the alienation of the form and content of elite consciousness.

Materials and methods: the purpose of the study is achieved using historical and cultural material reflecting the evolution of Western and Russian society over the past few centuries, marked by the rapid dynamics of all spheres of life. The methodological and categorical basis of the research is the dialectical concept and the notion of a "transformed form" developed in the Marxist tradition.

Results of the study: elite consciousness, its transformation, and dynamics marked by crisis aspects in modern Russia are the most powerful factor in socio-cultural evolution, influencing the fundamental facets of statehood formation and strengthening the national path of sustainable development in a complex global context. The identification of the elite consciousness with the simple mental, communicative and ideological identity of the ruling class (or the class of "rich" people) acts as an obstacle to identifying the underlying causes of the disunity of society and the widespread nihilism of public consciousness. The distance between the upper and lower strata of society, reinforced by a false form of elite consciousness, is static and closed and excludes a person's creative attitude towards their own elite identity.

Findings and conclusions: the true elite consciousness is determined not by external attributes such as power and wealth, but by internal creative work and self-awareness. It is this ability to create, and not just the possession of resources, that is the key to the healthy development of society. Overcoming false, consumerist forms of elitism opens the way to the effective use of society's potential, including modern communication technologies.

Keywords: elite consciousness, elite worldview, form, alienation, socio-cultural dynamics, content, dialectic

For citation: Berezchnoy A. N. Elite consciousness: the dialectic of form and content in the contemporary Russian context // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 172–178.

Особенности социально-культурного развития российского общества на современном этапе заставляют в поле философской рефлексии вновь обращаться к такому предмету, как «элитарное сознание». Традиционно ассоциируемый с данным понятием нарративный комплекс привязывает почву, функции, роль и смыслы элитарного сознания к деятельности фактически действующих в конкретном обществе элитных страт – политических, экономических, интеллектуальных (научных), творческих и т. п. При этом сущность, содержание и формы элитарного сознания рассматриваются, по сути, как предикаты мировоззрения и его ценностно-смыслового ядра, данных элитных групп, т. е. той части общества, которая в силу различных внешних причин занимает определенные позиции в иерархической структуре общества. Иными словами, понятие «элитарное сознание» в рамках социальной философии и, шире, социально-гуманитарного знания применительно к современным актуальным проблемам социокультурной эволюции чаще всего не выходит на передний план исследования процессов кризисной динамики, трансформации влияния общественного сознания на социально-политические, правовые, символические и иные структуры опыта.

Если для массового восприятия «элитарное сознание» остается не более чем «сознание собственной элитности», то в таком самоопределении остается непроясненной культурная роль элитных групп общества, степень их участия в генерации *новых* смыслов, ценностей, горизонтов и базовых ориентиров. Тогда как

именно производство духовного пространства и выступает стержнем консолидации общества, гарантирующим укрепление его внутреннего иммунитета в условиях внешних рисков и вызовов.

Исследование элитарного сознания сегодня далеко выходит за рамки узко трактуемой в политологии и социологии элитологической тематики [1; 2, с. 52–62; 3]. Поиск возможных путей выхода из кризиса элитарного сознания, элитарной идентичности, – важнейшее условие сохранения также и исторической памяти, трансляции культурного кода и цивилизационной почвы. Самый распространенный миф нашего времени, который негативно сказывается на процессах реинтеграции и консолидации российского общества, заключается в редуцирующей интерпретации элитности как фактора (и маркера) *разделения* общества, а не его *единения*. Подлинное элитарное сознание отнюдь не консервативно; способствует укреплению основы устойчивого развития посредством селективных и мобилизующих практик. Превращение же элитности в фактор дезинтеграции возможно лишь в том случае, если сама элитность и элитарное сознание дифференцируются на форму и содержание. Их исторически обусловленная *диалектика* уступает место игре знаков, «правилам коммуникации» и рыночному торгу стилистикой, брендами и т. д.

Если элитарное сознание – не более чем сознание элит (сознание, принадлежащее определенной социальной группе), то в качестве приоритетной цели рассматривается изучение деятельности самих элит. И даже если подни-

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

маются вопросы оснований идентификации элит (критериев отбора элит, их селекции, сепарации, мобилизации и вертикального лифтинга), элитообразующих ориентиров мышления и деятельности, то и в этом случае сознание элиты остается принимаемой «по умолчанию» переменной, полностью детерминированной фактическим содержанием господствующей в структуре опыта соответствующих субъектов картины мира. Подобное онтологическое и эпистемологическое принижение элитарного сознания вызывает ряд вопросов, имеющих прямое отношение к теоретическому осмыслению тех противоречий и барьеров, с которыми сталкивается современное российское общество на пути реинтеграции собственных духовно-нравственных, культурно-символических, социально-политических и иных оснований, составляющих объем цивилизационного кода «Русского мира», суть его уникальности и исторического лика.

Актуальность изучения трансформации элитарного сознания в рамках социальной философии обусловлена как раз необходимостью всестороннего комплексного концептуально целостного осмысления факторов, способствующих преодолению глубинных негативных следствий социокультурного травмирования российского общества, вызванного в конце минувшего века крушением советской государственности и вызванного им ценностного вакуума общественного мировоззрения, дефицита эффективных инструментов регуляции коллективного опыта. Свойственное западной неолиберальной социальной мысли представление о функциях элит в связи с их собственным простым воспроизводством, поддержанием идентичности, единства, охраной прав и ресурсной базы, вряд ли может рассматриваться как единственно верное, отражающее всю палитру культурно-исторических смыслов существования внутри российского общества определенных слоев, транслирующих во времени и социальном пространстве *конституирующие* элементы общественной жизни как *единого органического целого*.

Издревле к элитам относили те группы населения, которые обладали значимыми ресурсами материального и/или символического характера. В первую очередь властью в конкретном обществе и богатством. При этом следует иметь в виду, что философская концептуализация элитарного мышления и поведения началась только в культурном и интеллектуальном контексте *модерна* – в трудах В. Парето [4], Г. Моска [5, с. 187–188] и Г. Манхейма [6]. И была связана непосредственно с попыткой связать дифференциацию буржуазного западного общества на правящие и управляемые слои с соотношением идентификации этих слоев с теми или иными ресурсными базами. Термин «*модерн*» в данном случае мы используем в той его спецификации, которую приводит в своей известной книге немецкий мыслитель

Ю. Хабермас. Модерн хронологически упирается в ситуацию рубежа XVIII–XIX вв. (период Французской революции и Наполеона, активизации промышленного переворота и становления гражданского правового государства в странах Западной Европы). Главное отличительное свойство модерна как исторической эпохи как раз и заключается в возникновении особого чувства времени, самосознания самого времени. Модерн есть отождествление создаваемого *своего* времени и *нового* времени [7, с. 9–13].

По мнению Ю. Хабермаса, рубежным интеллектуальным событием для самосознания модерна была философская система Гегеля, который первый провозгласил тождество собственного времени и самосознания как такового [8]. Парадокс модерна в том, и его подтверждает судьба элит и элитарного сознания западного мира, что он всегда словно опережает собственное порождающее основание. Во времени, чисто хронологически, он, конечно, всегда после самого факта осознания собственных рубежей, но речь идет о том, что современность как ситуация практикующей элиты оборачивается отчуждением ее носителей от собственной рационалистической понятийной природы. Возникает ложная форма элитарного сознания.

Отметим специально, что своеобразное рождение элитологической проблематики в эпоху кризиса традиционной системы мировоззрения, отказа от большинства идеалов «классического разума» и Просвещения было далеко не случайно. За рождением философского интереса к элитам и элитообразующим качествам стоит не просто частнонаучный интерес. Смена ключевых координат общественного сознания в ситуации модерна носила характер слома именно прежней системы формирования высших слоев общества и, что не менее важно, изменения роли в таком обществе той его части, которая традиционно всегда была связана с трансляцией смысло-символического измерения коллективного опыта.

Если говорить о европейской и русской культурных парадигмах классического традиционного типа, то в их основе лежали фактически два исходных принципа – либо наследование «по крови», либо, в более поздний период, непосредственно предшествовавший модерну, принадлежность к определенному «придворному» типу социально-культурной общности, образцом которой начиная с середины XVII в. и вплоть до эпохи Наполеона было французское аристократическое придворное общество Версаля [9; 10, с. 75–82]. В социуме традиционного типа принадлежность к определенному «кругу лиц» практически не вызывала сомнения, она рассматривалась как исходная данность. Качества избранности, «рафинированной привилегированности» практически не зависели от опыта личностного самосознания. Точнее говоря, сама форма такого самосозна-

ния обрела свое предметное воплощение, реализацию и тождество, признаваемое извне, подавляющим большинством других людей, именно на уровне всеобщих структур социальной реальности, которые уже потом, позднее, в ситуации модерна, стали рассматриваться как автономные образования или институты гражданского общества, правового государства, рыночной экономики и пр.

Модерн тем и отличается от общества традиционного типа: формирование «высших» слоев общества перестало отражать иерархическую структуру социального, политического или экономического типа. Точнее, такое отражение, конечно, сохранялось как приоритетное и в ряде случаев напоминало структуру прежнего общества (аристократического, сословного). Но нередко такая связь нарушалась, и, соответственно, элитарные качества (все то, что наполняло *избранную* уникальную идентичность субъекта), которые сам индивид (групп лиц) рассматривал как непосредственные признаки, показатели, маркеры, собственной включенности в определенный круг, уже не ассоциировались лишь с занятием верхних этажей общественной пирамиды. Разрушение подобной связи происходило далеко не только на уровне мировоззренческих приоритетов, выбора и интерпретации аксиологической направленности самосознания и мышления. В конечном итоге оно выражалось и в отношении носителя таких качеств к собственному «жизненному кредо», к выполнению различных общественно значимых функций (работа, коммуникация, управление, образование, обмен ресурсами и т. д.).

В представлении многих философов эпохи модерна, начиная с Гегеля, формирование такого «избранного» типа самосознания и деятельности было неотделимо от личностного роста индивида. То есть модерн инициировал создание некой культурно заданной и символически «прописанной» лестницы, восхождение по которой предоставляло практически каждому человеку право обладать привилегированной позицией субъекта, наделенного знанием, статусом и собственностью. В тех нередких случаях, когда высшие эшелоны европейского социума капиталистического типа пытались закрепить формально *право* быть элитой лишь по основанию *владения* ресурсами (власть и богатство и, через них, косвенно, «теневое» влияние на все общество и его основные институты), они оказывались в ситуации особой, ранее неведомой, *культурной конфронтации*. Их оппонентами становились те слои общества, которые, не обладая капиталами или властью, тем не менее являлись полноправными субъектами процессов смыслополагания, целеопределения, рационализации (в том числе публичного коммуникативного пространства) и формирования нравственной шкалы поведения, значимой в условиях кризиса официальной христианской картины мира и разрушения

коллективистской морали непригодной к условиям урбанизированного образа жизни.

Актуализация философского и в целом научного интереса к противостоянию «элиты» и «массы», кроме того, отчасти стала и выражением именно данной конфронтации. Так как удивительным образом, пожалуй, впервые в истории западной цивилизационной традиции нарратив об идеальном или просто «правильном» образе жизни, государственном устройстве, воспитании и образовании перешел из области теоретических дискуссий и диалогов учителей и учеников в плоскость практического столкновения тех, кто создает знание, кто творчески реализует каналы коллективного самосознания, и тех, кто всего лишь потребляет готовые продукты. Потребляет как по причине материальной нужды и ограниченности собственного мировоззренческого горизонта, так и по причине прагматического удобства. Такая продукция с самого начала рассчитана на наличие в обществе бинарных структур, на противостояние и рационализацию интересов ведущих и ведомых. Другими словами, на всю последующую современность легла очень знаковая печать *искушения знанием* (в пределе – «абсолютным знанием»).

Только в идеализированных проектах философских систем обладание знанием позволяло преодолевать отчуждение личности от результатов работы собственного самосознания (равно как и труда). Эти философские системы предполагали, что путь к обладанию знанием не может быть подменен собственным «фальш-фасадом», состоящим из социально маркированных знаков, кодов и практик. Реальная же жизнь чаще всего распорядилась иначе. Постмодерн в этом смысле пошел еще дальше и провозгласил, что и знание не может быть надежной цитаделью элитарного сознания. Его престольное место сегодня прочно заняло простое *присутствие* в пространстве культурного взаимодействия сетевого типа. Именно в силу такого присутствия субъект современной политики или социально направленного действия все более уподобляется перформансисту, формирующему собственное предметное поле смыслов в акциях восприятия и оценки себя со стороны условного зрителя.

Специально подчеркнем, что именно кризисная трансформация элитарного сознания характеризует во многом современное западное сообщество. За многие десятилетия относительно благополучного мирного существования послевоенной Европы преследование целей личностного развития, творческого свободного роста, самоутверждения привели к тому, что ценностный круг элит европейского общества вошел в противоречие с ценностями национально-государственного развития. С его последствиями многие страны сталкиваются сегодня. В этом отношении у нашего государства есть явные преимущества, связанные как с наследием прошлого, так и с отно-

шением населения нашей страны к очевидным результатам европейских практик свободы.

Эволюция российского общества, начиная с эпохи либеральных реформ Александра II и вплоть до 1917 г., стала также опытом поиска способа примирения субъектов власти, капитала и знания. Настоящая внутренняя проблема, с грузом которой отечественный социум проделал длительный исторический путь и подошел к нынешнему рубежу, заключается в том, что целостность и единство общества достигалось порой не силами элитарного сознания и элиитоориентированного поведения, а своеобразным остракизмом или отчуждением таких «избранных» моделей и горизонтов опыта от принимаемых публично большинством правил и норм, ценностей и идеалов.

История дореволюционной и советской России говорит о том, что верхние этажи социально-политической пирамиды очень часто и весьма быстро теряли внутреннюю связь с собственной генерирующей креативной почвой. Например, «бронзовели» и вырождались в структуры, сосредоточенные на простом сохранении собственной монополии на определенные ресурсы. Опыт последних десятилетий, тот тяжелейший социокультурный кризис, в омут которого оказалось ввергнуто российское общество, говорит о том, что игнорирование субординации между субъектами знания, власти и капитала чревато для государства. Сегодня основной вектор усилий гражданского общества направлен как раз на преодоление негативных деструктивных последствий отчуждения элитарного сознания от действительности и ценностно-смыслового горизонта тех групп и сил в обществе, которые располагают реальными рычагами влияния, управления, распределения благ и т. д.

Суть деструктивных изменений, которые пережило российское общество на рубеже столетий, можно рефлексивно представить с помощью категорий «форма» и «содержание». В рамках актуальных для современной социальной философии смыслов данную проблему можно сформулировать следующим образом. Действительное оздоровление внутренних механизмов социокультурного развития общества, реанимация его творческого потенциала, включая интеграционный и мобилизационный, достижимо лишь при условии открытии шлюзов для утверждения «лучшего», «избранного» вне зависимости от их отношения к институционально-коммуникативной среде и ресурсной базе.

На языке классических философских категорий, систематически разработанных в гегелевской диалектике, этот тезис можно представить как тезис о *единстве формы и содержания элитарного сознания*. Восстановление данного единства парадоксальным образом способно снять застарелую проблему интерпретации того, что именно следует считать «лучшим» в данном обществе. Выбор общих ценностей,

на возможность которого всегда ссылаются в публичном коммуникативном пространстве, особенно западного неолиберального типа, на самом деле является иллюзией, заблуждением, цена которого может быть для населения и государства несопоставима с теми мнимыми благами, которые позиционируются как воздаяние за реализованную свободу. Выхолащивание диалектического единства формы и содержания элитарного сознания можно представить как абсолютизацию формы в том смысле, согласно которому результат элиитоориентированного мышления, творческой деятельности, коммуникации, отрывается от собственного источника, начинает жить совершенно автономно и в сознании большинства людей, не являющихся изначально участниками «элитарных» групп, становится единственным критерияльным показателем элитности.

Как общеизвестно, впервые понятие *«превращенная форма»* было введено в научный оборот К. Марксом в его анализе развития капитала и общественно складывающихся способов производства. «Особенность превращенной формы, отличающая ее от классического отношения формы и содержания, состоит в объективной устраненности здесь содержательных определений: форма проявления получает здесь самостоятельное “сущностное” значение, обособляется и содержание заменяется в явлении иным отношением ... и становится на место действительного отношения. Эта видимая форма действительных отношений, отличная от их внутренней связи, играет вместе с тем... роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы» [11, с. 264].

Используем данный концепт в том значении, какое представлено в работах М.К. Мамардашвили, который с опорой на диалектическую традицию и феноменологию анализирует механизм превращенного выражения сознания социально-политических и экономических субъектов. «Подобная форма существования есть продукт превращения внутренних отношений сложной системы, происходящего на определенном ее уровне и скрывающего их фактический характер и прямую взаимосвязь косвенными выражениями. Эти последние, являясь продуктом и отложением превращенности действия связей системы, в то же время самостоятельно бытийствуют в ней в виде отдельного, качественно цельного явления, „предмета“ наряду с другими. В этой „бытийственности“ и состоит проблема превращенной формы, которая видимым (и практически достоверным) образом представляется конечной точкой отсчета при анализе свойств функционирования системы в целом, представляется как особое, не разлагаемое далее образование» [12, с. 246].

Диалектика формы и содержания элитарного сознания (равно как и любого иного) позволяет соотносить предпочитаемые модели

поведения и фактически существующие без ущерба для обеих сторон. Ложное элитарное сознание ориентируется исключительно на обладание ресурсами [13, с. 123–128; 14, с. 30–35]. Оно всячески избегает опыта самосознания, в круг которого входит весь массив продуцируемой реальности, элитность которой лишь постепенно обретается по мере творческого преобразования той частью общества, для которой принципиально важна внутренняя сосредоточенная ориентированность на сохранение собственных «избранных» качеств. Иными словами, подлинное элитарное сознание не растворяет единство «я», единство его социально значимой субъектности во внешних структурах и свойствах. Более того, все эти внешние обстоятельства деятельности, связи, общение, труд и т. д., получают собственную форму достоверности, предметной тождественности именно через чистую стратегию

ориентированного на «избранность» субъекта. Сами по себе власть или богатство не обладают предикативными свойствами подобной избранности. Но включенные в круг самосоотношения субъекта, могут играть в том числе и роль содержания именно элиториентированного восприятия общества.

Диалектика формы и содержания элитарного сознания выступает важнейшим конституирующим элементом социокультурного пространства в его целостном развертывании. Контуры возможной будущей траектории развития российского общества прямо определяются уровнем единства элитарного сознания, сохранением его внутреннего баланса. Преодоление негативных следствий доминирования ложных форм элитарной идентичности и самосознания открывает широкие перспективы креативного использования коммуникативного потенциала в том числе и сетевого типа.

Список источников

1. Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность. М., 2010.
2. Миронов А.В. Противоречия элитарного сознания в условиях социального кризиса // Вопросы элитологии. № 4. 2021. Т. 2.
3. Гаман-Голутвина О. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М., 1998.
4. Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А.А. Зотова. 2-е изд. М., 2008.
5. Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10.
6. Манхейм К. Избранное: диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. М., 2010.
7. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / пер. с нем. М., 2008.
8. Гегель Г.В.Ф. Феноменология Духа. СПб., 2002.
9. Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002.
10. Моисеев А.В. Образ Версаля и проблема предела истории в «Феноменологии духа» Гегеля // Философия права. 2016. № 6.
11. Форма превращенная // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. Т. IV.
12. Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. СПб., 2011.
13. Григорян Д.К. Элитарная преступность как феномен «цинического разума»: современный российский контекст // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 6 (157).
14. Григорян Д.К., Яцкина И.А. IT-преступность как обратная сторона цифровизации общества // Научное обеспечение раскрытия,

References

1. Ashin G.K. Elitology: history, theory, modernity. Moscow, 2010.
2. Mironov A.V. Contradictions of elite consciousness in conditions of social crisis // Questions of elitology. № 4. 2021. Vol. 2.
3. Gaman-Golutvina O. Political elites of Russia: Milestones of historical evolution, Moscow, 1998.
4. Pareto V. Compendium on General Sociology / translated from Italian by A.A. Zotov. 2nd ed. Moscow, 2008.
5. Mosca G. The ruling class // Socis. 1994. № 10.
6. Manheim K. Favorites: the diagnosis of our time / translated from German. and English. Moscow, 2010.
7. Habermas Yu. Philosophical discourse on modernity. Twelve lectures / translated from German Moscow, 2008.
8. Hegel G.V.F. Phenomenology of the Spirit. St. Petersburg, 2002.
9. Elias N. Court society: studies on the sociology of the king and the court aristocracy. Moscow, 2002.
10. Moiseev A.V. The image of Versailles and the problem of the limit of history in Hegel's "Phenomenology of the Spirit" // Philosophy of Law. 2016. № 6.
11. The transformed form // The New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes, Moscow, 2010. Vol. IV.
12. Mamardashvili M.K. Forms and content of thinking, St. Petersburg, 2011.
13. Grigoryan D.K. Elite crime as a phenomenon of "cynical reason": modern Russian context // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2023. № 6 (157).
14. Grigoryan D.K., Yatskina I.A. IT crime as the reverse side of the digitalization of society // Scientific support for the disclosure, investiga-

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

расследования и предупреждения преступлений: материалы Всероссийской научно-практ. конференции. Иркутск, 2023.

tion and prevention of crimes: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. Н. Бережной, соискатель Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова. 346428, Российская Федерация, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. N. Berezhnoy, a candidate of South-Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platov. 132, Prosveshcheniya St., Novocherkassk 346428 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 17.02.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 17.02.2026; accepted for publication 08.06.2026.

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ПРАВА

Дмитрий Владимирович Глущенко

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
dmitriy218@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-1606-3326>

Введение: в статье исследуется понятие правового статуса физических лиц в рамках доктринальных интерпретаций и расхождений. Выявление особенностей теоретических воззрений различных течений философии права к проблеме развития правового статуса индивида позволяет понять современное положение прав, свобод и обязанностей человека в конституционном, социокультурном и политическом плане.

Материалы и методы: опираясь на систематизацию и структуризацию релевантных научных исследований, становится возможным проведение компаративного анализа междисциплинарных подходов (естественного и позитивного права, психологической и социологической доктрины) к обоснованию правового статуса индивида в правовой философии, социологии, психологии и смежных юридических отраслях с целью моделирования наиболее эффективного принципа построения целостной концепции правового положения физических лиц.

Результаты исследования: научные взгляды и попытки объяснить различные аспекты понятия личности в праве (особенности правового положения, идею неотчуждаемости прав человека, его обязанностей и ответственности, нормативный характер категории юридического лица, обоснование интуитивных и позитивных прав личности, определение понятия сложных коллективных личностей и т. д.), современная наука сталкивается с трудностями разделения доктринальных интерпретаций и их точек соприкосновения. В связи с этим предложено внедрить интегративистскую теорию, воплощающую в себе перспективные аспекты конкурирующих подходов.

Выводы и заключения: выявление объективных преимуществ и недостатков доктринальных интерпретаций понятия правового статуса индивида, представленных различными течениями правовой философии, позволяет выделить многогранное представление о положении человека в системе права, интегрирующее все научные достижения и перспективы развития.

Ключевые слова: правовой статус физических лиц, естественное право, позитивное право, социально-нормативный статус, права человека

Для цитирования: Глущенко Д. В. Доктринальные интерпретации правового статуса физических лиц в отечественной системе права // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 179–182.

Original paper

DOCTRINAL INTERPRETATIONS OF THE LEGAL STATUS OF INDIVIDUALS IN DOMESTIC SYSTEM OF LAW

Dmitry Vladimirovich Glushchenko

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article examines the concept of the legal status of individuals within the framework of doctrinal interpretations and discrepancies. The identification of the peculiarities of the theoretical views of various trends in the philosophy of law on the problem of the development of the legal status of an individual makes it possible to understand the current situation of human rights, freedoms and duties in constitutional, socio-cultural and political terms.

Materials and methods: based on the systematization and structuring of relevant scientific research, it becomes possible to conduct a comparative analysis of interdisciplinary approaches (natural and

positive law, psychological and sociological doctrine) to substantiate the legal status of an individual in legal philosophy, sociology, psychology and related legal fields in order to model the most effective principle of building a holistic concept of the legal status of individuals.

Results of the study: scientific views and attempts to explain various aspects of the concept of personality in law (features of the legal status, the idea of the inalienable human rights, his duties and responsibilities, the normative nature of the category of a legal entity, the justification of intuitive and positive individual rights, the definition of complex collective personalities, etc.), modern science is faced with difficulties separating doctrinal interpretations and their points of contact. In this regard, it is proposed to introduce an integrativistic theory embodying promising aspects of competing approaches.

Findings and conclusions: the identification of objective advantages and disadvantages of doctrinal interpretations of the concept of the legal status of an individual, represented by various trends in legal philosophy, allows us to highlight a multifaceted view of the human position in the legal system, integrating all scientific achievements and development prospects.

Keywords: legal status of individuals, natural law, positive law, socio-normative status, human rights

For citation: Glushchenko D. V. Doctrinal interpretations of the legal status of individuals in domestic system of law // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 179–182.

В современных философско-правовых исследованиях проблемы определения правового статуса физических лиц трактуются неоднозначно и противоречиво, акцентируя в разной степени значимость правового положения, прав, обязанностей и ответственности индивида, что подтверждает комплексность данного феномена, отражающего вариации социальных, культурологических, юридических и политических интерпретаций.

Основной проблемой изучения концепции правового статуса физических лиц и его структурных элементов является междисциплинарность методологических и регулятивных принципов, как отраслевых, так и специализированных юридических учений (конституционное право, уголовное право, криминология и т. д.) [1, с. 82]. Согласно наиболее генерализованному определению, правовой статус индивида подразумевает его юридическое положение в обществе и государстве («социально-нормативный статус, закрепляющий за собой совокупность прав, свобод, обязанностей и законных интересов личности, признаваемых и гарантируемых Конституцией РФ» [2, с. 145]), регламентирующее процесс участия индивида в правовых отношениях посредством формализации принципов правоспособности и дееспособности граждан.

Однако в монопрофильных доктринальных толкованиях научные воззрения к понимаемой форме и содержания концепта правового субъекта имеют свои особенности. По мнению Е. Прибитковой, различные теории можно классифицировать по типам правовых концепций, которые лежат в их основе и выделяют различные аспекты правосубъектности [3, с. 210]. Выделяются следующие типы правовых интерпретаций:

1. Концепция естественного права акцентирует внимание на аксиологическом аспекте.

2. Правовой позитивизм апеллирует к нормативному описанию свойств личности в законодательстве.

3. Психологическая доктрина – субъект права является субъектом императивно-атрибутивного опыта [3, с. 210].

4. Социологическая доктрина рассматривает правового субъекта как участников реальных общественных отношений.

К дополнительным доктринальным принципам определения правового статуса физического лица относят также либертарно-юридический и дуалистический подходы.

Либертарно-юридический подход, разработанный В.С. Нерсисянцем, основывается на принципе «формального равенства свободы и справедливости» [4, с. 222], при котором свобода индивида считается правомерной до тех пор, пока она не нарушает права и свободы другого.

Дуалистический подход, предложенный Н. В. Витруком, разграничивает категории «правового статуса» и «правового положения» как часть и целое: первая категория включает в себя «юридические права и свободы, обязанности и законные интересы, признаваемые государством, что в совокупности с гражданством, правосубъектностью и юридическими гарантиями образует более широкую категорию правового положения личности» [5, с. 24–25].

Исходя из отмеченных выше классификационных различий, можно выделить типологические критерии, противопоставляющие вариативные интерпретационные подходы. Основополагающее разделение принципов обоснования правового статуса индивида складывается из противостояния естественного и позитивного права в качестве конфронтации моральных (ценностных) и нормативных устоев права. Сторонники юснатурализма, по мнению Р.Р. Палехи и А.О. Боковой, «убеждены в существовании права высшего порядка, принадлежащего каждому человеку от природы» [6, с. 83], что указывает на связь правового статуса с моралью, определяющей фундаментальность ценностных ориентиров (свобода, равенство, справедливость) по отношению к нормативным предписаниям.

Важным примечанием в концепции естественного права считается идея Н.А. Бердяева о разделении понятия «личности» (как

духовной категории) и «индивида» (как биологической и социологической категории), в условиях чего понятие прав и свобод человека подразумевает свободу индивида, а система права выступает как регулятор, ограничивающий власть и предотвращающий противоправные действия людей [7, с. 326–327]. По мнению Н.А. Бердяева, нарушение прав человека государством и обществом и их замена правом собственности как социально-экономическим правом, неприемлемы, следовательно, конфликт индивидуальных прав и интересов государства и общества должен быть решен в пользу личности и ее неотъемлемых прав [7, с. 327–328].

Как утверждает Л. Казанчан, заслуга русского естественного права заключается в обогащении классической концепции прав человека, утверждении личных ценностей, аксиологической идентификации проблем, а также в обосновании социально-экономических и культурных прав человека [1, с. 85].

В противовес натурализму и юснатурализму выступает доктрина правового позитивизма, в которой понятие правового статуса личности является исключительно юридическим. Позитивисты рассматривают правового субъекта как формальную нормативную категорию. Соответственно, в юридическом смысле личность существенно отличается от индивида. Для позитивизма правовая личность, по мнению И.А. Покровского, является не более чем «рефлексом объективной нормы» [8, с. 123], в то время как правовой статус индивида является продуктом законодательной деятельности, нормы которой будут обязательными и принудительными для объективной дифференциации прав и интересов человека [3, с. 213].

Критика формализма, присущего правовому позитивизму, оправдывается неспособностью данного подхода учитывать не только морально-нравственные ценности, но также социокультурные процессы и психологические концепции, определяющие особенности юридической деятельности.

Адепты психологической доктрины придерживаются идеи переноса предмета исследования из внешнего материального мира в сферу человеческой психики, т. е. в частный опыт, недоступный внешним наблюдателям [3, с. 215]. В рамках данной концепции право предстает как ментальный феномен или как правовой опыт субъекта, вследствие чего источником правосубъектности является не «высший закон» естественного права и не нормативные предписания позитивизма, а ментальная и психическая деятельность индивидов, приписывающая им права и обязанности.

Основатель рассматриваемого подхода, Л. Петражицкий, определяет правовой статус личности как совокупность представлений о правах и обязанностях, возникающих в сознании индивида (интуитивное право),

и внешних источниках (законах, обычаях, кодексах) – позитивное право [9, с. 27]. Так, психологический подход наделяет правового субъекта функцией ментального правотворчества, что подрывает объективность внешних нормативных предписаний и искажает правовую реальность.

Развитие идей Л. Петражицкого представлено в социологической доктрине П.А. Сорокина, в которой личность определяется как «продукт социокультурных сил» [10, с. 159]. В этом контексте индивид является одновременно и существенной частью правовой структуры, и главным субъектом социокультурного взаимодействия, другими словами, личность, общество и культура рассматриваются как неразделимое единство.

Социологический подход, акцентировавший внимание на социальной природе права, указывает на динамичный характер правовых отношений и социальность правоспособности физических лиц как неотъемлемого свойства индивида, демонстрирующего свое отношение к правовым ценностям и нормам на практике, признавая их и осуществляя социально значимые действия [3, с. 218].

Особенности определения правового статуса физического лица в рамках социокультурного подхода проявляются в интеграции и синкретизме индивидуальных прав, интересов и соответствующих общественных обязанностей личности. Отсюда следует обобщение о том, что правовые субъекты представляют собой сложные системы, образующие «внешнее единство множественности» [3, с. 219]. Другими словами, противоречивые интерпретации исследуемого понятия можно объединить посредством теории сложных коллективных личностей, выдвинутой немецким юристом О. фон Гирке и переосмысленной в концепции социального права Г.Д. Гуревичем. Система социальной интеграции личности представляет собой комплексный конструкт, регулирующий баланс между целым и его частями, сохраняя требования центральной личности (федерация) и реализуя права множества отдельных личностей, которые не могли бы быть реализованы без согласия «центральной» личности [11, с. 63].

Такой взгляд на общественные образования показывает совокупность подходов к объяснению функций и качеств правовых субъектов, особенности их индивидуальных характеристик и способов взаимодействия в коллективе.

Таким образом, современная теория философии права стремится к построению целостной концепции правового статуса индивида, которая способна интегративно воплотить в себе перспективные аспекты конкурирующих подходов, развивавшихся в отечественной и зарубежной правовой философии на протяжении нескольких десятилетий.

Предпринимая значительные попытки объяснить различные аспекты понятия личности

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

в праве (особенности правового положения, идею неотчуждаемости прав человека, его обязанностей и ответственности, нормативный характер категории юридического лица, аргументы психологической школы относительно различий между субъектом права и интуитивными правами личности, определение понятия сложных коллективных личностей и т. д.), современная наука сталкивается с трудностями разделения доктринальных интерпре-

таций и их точек соприкосновения. В связи с этим мы приходим к выводу о необходимости развития интегративистской теории правопонимания, в контексте которой достижения представителей различных течений правовой философии по осмыслению целостного понятия правового статуса физических лиц становится особенно актуальным и эффективным подходом создания многогранного представления о положении индивида в системе права.

Список источников

1. Kazanchian L. The Legal Status of an Individual in Russian Scientific, Political and Legal Doctrines // *Wisdom*. 2021. № 1S (1).
2. Брагина М.М. Правовой статус личности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-lichnosti-2> (дата обращения: 27.04.2026).
3. Pribytkova E. Personality, person, subject in Russian legal philosophy at the turn of the twentieth century // *Stud East Eur Thought*. 2009.
4. Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012.
5. Самарина Е.С. Категория «Правовой статус личности» в теоретико-правовой науке // *Ленинградский юридический журнал*. 2013. № 2 (32).
6. Палеха Р.Р., Бокова, А.О. Естествен-но-правовая школа правопонимания: идей-но-мировоззренческие и нормативные основа-ния // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 4 (220).
7. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе чело-века. М., 2010.
8. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2020.
9. Жуковская Н.Ю. Личность, общество и государство в политико-правовых воззрениях Л.И. Петражицкого // *Пробелы в российском законодательстве*. 2020. № 7. Т. 13.
10. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
11. Баютова М.С. Особенности взаимоотно-шений общества, права и государства в кон-цепции «социального права» Г.Д. Гурвича // *Вестник Курганского государственного универ-ситета*. 2015. № 5 (39).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Д. В. Глущенко, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

D. V. Glushchenko, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-economic Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 05.05.2026; одобрена после рецензирования 21.05.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 05.05.2026; approved after reviewing 21.05.2026; accepted for publication 08.06.2026.

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА: СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Давид Кромвелович Григорян

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, davo-
davo23@mail.ru

Введение: в статье проводится комплексный критический методологический и историко-научный анализ основных актуальных тенденций эволюционирования социально-философского знания в условиях качественного изменения роли философии и гуманитарного знания в текущем российском социально-культурном контексте. Главное внимание уделяется противоречиям между профессионализацией социально-философского дискурса и ретрансляцией его философской методологической почвы. Целью выступает критический анализ наметившегося «постмодернистского» измерения фрагментации и децентрализации социально-философского знания.

Материалы и методы: достижение цели исследования осуществляется с привлечением историко-научного материала. Методологическую и категориальную основу исследования составляет компаративистика и понятийный аппарат, разработанный в западной и русской классической философии, а также концептуальные обобщения в сфере осмысления новейших тенденций социального познания, аккумулированные в области междисциплинарных кейсов.

Результаты исследования: основной трек развития социально-философского знания в современном отечественном интеллектуальном пространстве охарактеризован как двуединый и противоречивый процесс. С одной стороны, явным выступает дистанцирование от наследия классического «метафизического» и/или идеологизированного опыта конструирования социальной реальности. С другой – фрагментация знания и опора на локальные объекты и предметы познания при сохранении общего «профессионального» статуса философского знания способствует диффузии границ и методологического суверенитета социальной философии.

Выводы и заключения: с учетом требований времени, в контексте которых очевидно актуальным было бы, во-первых, переосмысление социально-философского наследия русской классической дореволюционной мысли, и, во-вторых, их содержательная проекция на современные тенденции эволюции самого общества как единого целого, следует зафиксировать определенный дефицит методологической и категориальной оснащенности господствующих в профильной среде социально-философских дискурсивных практик.

Ключевые слова: социальная философия, цивилизационно-исторический, С. Фуллер, М. Фуко, модерн, постмодерн, методология, дискурс

Для цитирования: Григорян Д. К. Особенности трансформации социально-философского дискурса: современный российский контекст // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 183–188.

Original paper

CHARACTERISTICS OF THE TRANSFORMATION OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL DISCOURSE: CONTEMPORARY RUSSIAN CONTEXT

David Cromvelovich Grigoryan

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article provides a comprehensive critical methodological and historical-scientific analysis of the main current trends in the evolution of socio-philosophical knowledge in the context of a qualitative change in the role of philosophy and humanitarian knowledge in the current Russian socio-cultural context. The main attention is paid to the contradictions between the professionalization of socio-philosophical discourse and the retransmission of its philosophical methodological basis.

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

The aim is a critical analysis of the emerging "postmodern" dimension of fragmentation and decentralization of socio-philosophical knowledge.

Materials and methods: *the achievement of the research goal is carried out with the involvement of historical and scientific material. The methodological and categorical basis of the research is comparative studies and the conceptual framework developed in Western and Russian classical philosophy, as well as conceptual generalizations in the field of understanding the latest trends in social cognition, accumulated in the field of interdisciplinary cases.*

Results of the study: *the main track of the development of socio-philosophical knowledge in the modern Russian intellectual space is characterized as a two-pronged and contradictory process. On the one hand, there is a clear distancing from the legacy of the classical "metaphysical" and/or ideologized experience of constructing social reality. On the other hand, the fragmentation of knowledge and reliance on local objects and subjects of knowledge while maintaining the general "professional" status of philosophical knowledge contributes to the diffusion of boundaries and methodological sovereignty of social philosophy.*

Findings and conclusions: *taking into account the requirements of the time, in the context of which it would obviously be relevant, firstly, to rethink the socio-philosophical heritage of Russian classical pre-revolutionary thought, and, secondly, their meaningful projection on modern trends in the evolution of society itself as a whole, it is necessary to fix a certain deficit of methodological and categorical equipment of the prevailing the profile environment of socio-philosophical discursive practices.*

Keywords: *social philosophy, civilizational and historical, S. Fuller, M. Foucault, modernity, postmodernity, methodology, discourse*

For citation: *Grigoryan D. C. Characteristics of the transformation of social and philosophical discourse: contemporary Russian context // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 183–188.*

На протяжении всей известной документально зафиксированной истории философии интерес к обществу всегда составлял один из ключевых, объемных, сложных, разделов знания и образуемой им картины мира. Невозможно представить себе ни классическую, ни современную философию без социально-исторической или политической проблематики, обсуждения актуальных вопросов текущей повестки, глубокого осмысления прошлого, создающего прочное основание для оценок и прогнозов будущего. Само рождение философии еще в период высокой классической греческой культуры было во многих отношениях рождением единого вопроса о «Космосе» и месте в нем именно *человека* (общества, государства и его сословий) [1].

В то же время современная социальная философия, становление которой прошло на своем пути длительные этапы опосредствования, представляет собой корпус понятий, идей, смыслов, методологических конструкций, образующих в совокупности достаточно автономную систему. Настолько автономную, что развитие интереса к социальной реальности может и чаще всего реализуется в направлении, противоположном тому, которое выбирает философия в целом как «генеральная» структура онтологического или эпистемологического конструирования (вопросания). Проблема, осмыслению которой посвящена предлагаемая статья, связана с тем очевидным диссонансом, в котором пребывает социально-философский дискурс по отношению как к общему концептуальному контексту современной отечественной философской мысли, так и к самому основному предмету – закономерностям общественного развития в тур-

булентных драматичных условиях XXI столетия. Данный диссонанс, как представляется, выступает одним из проявлений того глубокого кризиса, который исторически унаследовала отечественная социальная философия [2, с. 13–21]. Пребывает вот уже весьма длительное время в связи с крушением паттернов и идеалов советского интеллектуализма, невозможностью исчерпывающего сращения с континентальными или англосаксонскими школами и поисково-рефлексивными стратегиями, а также с собственной, исторически, даже «генетически» родной, русской духовностью и мыслью прошлых столетий.

С одной стороны, в настоящее время все более определенной становится тенденция преобразования разрозненных фрагментов социально-философского, философско-исторического и историко-культурологического знания (каковым оно оказалось в условиях постсоветской интеллектуальной деидеологизации) в некую единую смысловую и исследовательскую программу, связанную с задачей определения устойчивой цивилизационной платформы национального развития в обозримом будущем. В этом ключе вполне оправданы и закономерны обращения социально-философских исследований к классической русской интеллектуальной традиции, как она сформировалась по итогам синтетического самосознания православной культуры и западной рационалистической образованности в XIX веке. Вопрос же об их результативности на сегодняшний день остается открытым.

Современная социальная философия в нашей стране не может не ориентироваться на полученные внутри данной традиции ценностно-смысловые установки, на основе кото-

рых формулируются тезисы политической или гражданско-правовой теории, рациональные основы хозяйственной жизни, воспитательно-педагогического процесса как важнейшего элемента укрепления национальной идентичности и т. д. При этом ценность традиции и ее общекультурное мировоззренческое ядро вовсе не влекут за собой автоматически отрицание очевидных достижений западной (континентальной) социальной теории в той их части, которая также в эпоху становления современной цивилизации активно искала ответы на вопросы о том, каковы основания человеческой свободы и как они гармонизируют с потребностями общественного организма как целого. Без ответов на них европейская культура не смогла бы предложить в свое время «большому» сообществу проект «гражданского общества» как более прогрессивный вариант социальной организации по отношению к порядку старого сословного типа.

Вопрос же о том, в какой степени современная зарубежная социальная мысль наследует (и наследует ли вообще) собственные исходные мировоззренческие, методологические и просто идейные основания, в отечественной аудитории постсоветского периода, как правило, рассматривается в плоскости признания кризисного характера постклассического этапа развития и методологии и смысловых поисков западной мысли конца прошлого века. Ближайшим образом культурный и интеллектуальный феномен «постмодерна» («постмодернизма») интерпретируется в проекции на социальное познание и практическую истинность, значимость его результатов, как «кризис» не только классического типа «философствования» об обществе, но и тех его стратегий, которые доминировали в ситуации уже модерна (до второй половины XX века). На фоне прямого отказа от «метарассказов» (по известному определению Ж.-Ф. Лиотара [3]) сохранение и укрепление традиционалистского вектора отечественной социальной философии и ее следование в фарватере классической русской общественно-публицистической и религиозно-метафизической мысли серебряного века (в широком смысле этого слова) манифестируется как выражение и цивилизационно-исторической идентичности, «почвы» и собственной онтологической и эпистемологической «стройности».

Вместе с тем, с другой стороны, для современного отечественного гуманитарного знания и его социально-философской составляющей все более явной становится тенденция своеобразной «профессионализации» социально-философской, равно как и других гуманитарных поисковых сфер. Такая профессионализация самим академическим сообществом чаще всего рассматривается как единственная объективная и строго научная альтернатива прошлым идеологизированным (или даже мифопоэтическим, художественно-образным) стратегиям познания

социальной реальности. В основе профессионализации должны лежать, прежде всего, понятийный аппарат и методология, независимые от влияния или привычной ретрансляции крупных философских школ или систем прошлого. Современные российские авторы подчеркивают прямую необходимость демаркации философии (и социальной философии, в особенности) от всякого рода идеологии [4, с. 9]. «Миссия философии – *вскрытие неочевидности всякого “очевидного”*» как принимаемого вне критической рефлексии и непромысливаемого. Идеология же, напротив, опознается как производство “очевидности” из бесконечных залежей *неочевидного*. Это предохраняет от политического редукционизма и натурализма в демаркации философии и идеологии» [5, с. 11].

Как известно, для западной социальной философии XX века именно такие школы или направления и были основным поставщиком смысловых горизонтов и концептуально-методологического инструментария. Наиболее влиятельные и яркие – феноменология и психоанализ, структурализм и позитивизм, по отношению к которым развитие социальной проблематики внутри философского рефлексивного поля выступало своеобразным «продолжением» теории субъективности, сознания, языка, научного познания (мышления и рациональности). В этом отношении неклассическая западная философия новейшего времени лишь с очень-очень большими допущениями может быть описана и дифференцированно охарактеризована, определена как дидактически организованная «программа», состоящая из отдельных блоков знания, в числе которых можно было бы говорить о некоей автономной «социальной философии».

В отечественной академической социальной философии постсоветского времени после рецепции достижений и троп западной мысли, а также классической русской философии дореволюционного периода (вопрос об арабско-мусульманской философии классического средневековья и восточных мировоззренческих системах в их «присутствии» внутри русской мысли, сейчас не рассматриваем) сформировался внутренний устойчивый запрос на синтез *нового* знания. Сложилось некое ожидание того, что новейшая отечественная социальная философия станет важнейшей новой вехой в истории философии и самопознания общества в целом. Другим мотивом данного запроса выступала известная антидетичность по отношению к советской философии и гуманитаристике в части изучения закономерностей политического, экономического, коммуникативного пространства. В условиях общей социально-культурной неопределенности рубежа XX–XXI веков социальная философия стала также рассматриваться с точки зрения общей «социальной ответственности» самой же философии. Поскольку именно философия исторически всегда обладала монополией на кристаллизацию и рефлекссию универсалий культуры [6, с. 40].

Смысловым вектором запроса на новое социальное знание, приоритетным и эпистемологически, и институционально, стало достижение информационной полноты, способной восполнить сохранявшиеся длительное время «белые пятна» в области историографии, этнологии и этнографии, религиоведения, этнолингвистики и культурологии и других дисциплин. Причем статусом «материала» для исследований наделяется буквально весь *фактически* имеющийся *эмпирический* массив культурно-исторической (языковой, психологической, религиозной, обычной, хозяйственной и иной) жизни населения страны или отдельного региона. По мнению современного американского специалиста по социальной эпистемологии С. Фуллера, данная ситуация выражает собой не что иное как ситуацию «постистины»: «Актуальная ситуация постистины совершенно другая... Она отличается все большей передачей вопросов социальной идентичности с уровня национального государства на уровень преимущественно самоорганизующихся и самопровозглашенных групп, за каждой из которой признается право взаимодействовать с остальным обществом на собственных условиях, отображаемых в правах собственности на язык, пространство и ресурсы» [7, с. 107]. «Профильное сообщество», занимающееся исследованием того или иного «ресурса», следуя такой логике, должно реализовывать именно те программы, которые складываются в процессе подобной самоорганизации.

В качестве наиболее показательных примеров можно привести изучение религии и религиозной культуры в рамках описания и/или реконструкции основ межэтнического или межконфессионального диалога как основы цивилизационной устойчивости российского общества и государства. Не менее характерен и очевидный рост интереса к локальным этническим культурным и языковым традициям, обычаям, искусству, бытовым повседневным практикам. Общая направленность таких исследовательских кейсов манифестируется как явный или частичный «уход» от «больших» тем, сюжетов, философских портретов реальности с целью обогащения социального знания конкретикой, ранее неизвестных или известных лишь очень незначительному кругу узких специалистов, сведений, первичных «данных» и т. п.

Проблема, однако, заключается вовсе не в актуализации именно такого ракурса или интереса. Само по себе исторически или культурологически конкретное знание (эмпирически верифицируемое) отнюдь не является изобретением нашего времени. Интерес к «полевой работе» и извлекаемым с ее помощью материалам гораздо ранее, начиная как минимум с эпохи Просвещения, выступал неотъемлемой частью научной картины мира, к которой обращались в том числе и философы с целью поиска аргументов своих спекулятивных или просто теоретических построений. Вопрос сегодня ставится таким образом, что логико-ме-

тодологический и категориальный суверенитет социальной философии в своей претензии сохранить статус наиболее универсального, но научно ценного объективно обоснованного знания об обществе в его исторической динамике и локальном многообразии, не может опираться только на общие онтологические или тем более спекулятивно-метафизические построения (синтезы) прошлого или отдельные постулаты той или иной школы, направления. Вовлечение в его орбиту боготой «эмпирии» малоизученного или ранее расценивавшегося как «периферийный» материала соответственно становится не только тем «миром», который еще только должен быть постигнут, но и который единственный может поставлять аргументы и основания методологии такого своего описания, познания, классификации и т. д. Это в конечном итоге и образует фундамент критериев и научности и суверенной «профессиональной» идентичности такого социально-философского знания.

Иными словами, профессиональность социально-философского знания (и познавательной деятельности, результатом которой оно выступает) рассматривается как величина, зависящая от готовности самого познающего субъекта (сообщества) отказаться от какой бы ни было «метапозиции» и, если логически завершать данный тезис и общий посыл, от поиска *общей истины*, обладающей статусом *универсального философского слова*. Вместо ее поиска и различных «диалектических» штудий прошлого предлагается тщательно *протоколировать* реальность. Умение составлять подобные «протоколы», работать с ними, сопоставлять, разбирать детали, «капсулировать» и пр. и выступает тем, что непосредственно, без всяких дополнительных метафизических ссылок или аргументов, и образует настоящее профессиональное социально-философское постижение материала. И только в таком статусе и качестве данное знание может быть уже впоследствии конвертировано или институционализировано. Соответствующее «профильное сообщество» только в таком эпистемологическом опыте и массиве сведений предлагает искать критерии зрелости, состоятельности, научной новизны и ценности.

Например, если вновь вспомнить современное религиоведение, как оно позиционируется в рамках институционализированной «теологии» («богословия»), в текстах монографий и статей, в выступлениях участников многочисленных «профильных» конференций, то с очевидностью можно констатировать, что его предметом выступают те *многочисленные реалии* (объекты), которые образуются в прямой зависимости от угла зрения. Например, изучение корпуса и истории литературы того или иного этноса, в которой присутствуют свидетельства его религиозных чувств или представлений, и требуемое для этого изучение языкового пласта истории культуры данного этноса (в том числе сугубо

историко-филологические или историко-литературоведческие изыскания) и будут образовывать не что иное, как религиозное знание в его конкретной социально-исторической определенности и локации. Для которого, что самое главное, никакие общие «философско-религиозные» построения не будут обладать весомой ценностью, т. к. работают в совершенно иной плоскости, на ином уровне. Соответственно, в контексте изучения религии именно как социокультурного феномена только таким образом сформированное знание наделяется «правами и полномочиями», тогда как социально-философские спекуляции прошлого теряют смысл и актуальность. Иными словами, если социально-философский дискурс переводится в плоскость цивилизационно-исторической тематики, то внутри ее социально значимый феномен религии репрезентируется только в своей языковой, традиционной, коммуникативно-институциональной конкретике. Аналогичные примеры можно привести из области философской тематизации «профессионального» знания социальных институтов или процессов, политических или правовых технологий, структур, зависимостей.

Трудность, требующая своего осмысления и продуктивного решения, заключается в том, что можно выразить следующим вопросом: почему только эмпирический материал и формы, приемлемые способы работы с ним, остаются внутри программного поля «профессионализации» социальной философии. Не возникает ли в данном случае риск той самой «постмодернизации» философии, о кризисе и тупиковом характере которой применительно к западной мысли второй половины минувшего века столь много было написано в отечественных исследованиях последних десятилетий? Если социальная реальность – это не более чем совокупность «практик», языковых, интеллектуальных, телесных, чувственно-коммуникативных, гражданско-правовых и т. п., то проблематизируется сама исходная позиция условного субъекта познания, если он сохраняет претензию на выработку *единого* социально-философского знания. Такой субъект оказывается в положении, которое, например, описывается справедливо критиковал тот же С. Фуллер: «Когда веритисты говорят, что истина – это “регулятивный идеал” всякого исследования, они просто указывают на такую расстановку социальных сил, при которой самоорганизующееся научное сообщество выступает окончательным арбитром всех притязаний на знание, принимаемых обществом в целом. Конечно, научное сообщество может в чем-то ошибиться, однако ошибки обнаруживаются только тогда, когда научное сообщество решает признать их, а исправляются они опять же только тогда, когда научное сообщество говорит, что они исправлены» [7, с. 93].

Конечно, постпозитивистская установка современной философии науки в первую очередь детерминирована эволюцией есте-

ственна научной картины мира. Понятно, что гуманитарные исследования и «чистая» философия обладают известной долей «академической свободы». Вместе с тем активно позиционируемые критерии и признаки деятельности «профильных сообществ» социального познания все более четко отграничивают эпистемы, сложившиеся «полевым» образом, в силу практической деятельности, например, какого-то института, который выступает предметом социально-философской рефлексии, и те горизонты мышления, которые в большей степени апеллируют к ценностным установкам или традиции, обычаю, мировоззренческим комплексам той или иной группы. В этом отношении вновь формируемые критерии очень сильно напоминают разработанные еще М. Фуко положения о роли познавательных схем и структур в различных социально-культурных практиках (например, известный анализ «истории сексуальности» на материале позднелатинской культуры или формирования правового дискурса уже в Новое время [8; 9, с. 120–127]).

Подводя краткие итоги, еще раз специально подчеркнем, что трансформация современного социально-философского дискурса в отечественном интеллектуальном и институциональном пространстве носит весьма противоречивый характер. Безусловно, наличие противоречия само по себе уже является прямым свидетельством трудного развития предмета или вопроса. Оно не должно вводить профессиональное сообщество в ложный и неоправданный пессимизм. Корень проблемы, которую мы попытались кратко обозначить в данной статье, заключается в другом. Тенденция обновления и оздоровления социально-философского знания как единства концептуальных предпосылок, понятийного аппарата, методологии, расширяющегося предмета, пошла по пути методологического обособления от «философии вообще». Ее понимание также сохраняет многообразие – от полного и безоговорочного принятия форм западноевропейской мысли в ее сциентизированном варианте до стремления замкнуть пространство научного поиска в России лишь специальной цивилизационной тематикой с акцентом на религиозную составляющую. При этом сам предмет социальной философии – общество и его сегменты, процессы, структуры, институты, политическая и правовая составляющая, культурные процессы и т. д. – также был существенно фрагментирован. В связи с этим и возникает нередко диссонанс между языком и логикой *философского рассказа* (текста, повествования) и содержанием социально-философских исследований, которое никак не соответствует логической структуре или «форме» (если использовать диалектический концепт) философского текста. Философский текст обладает имманентным орудием, позволяющим ему саморазвиваться исторически и находить-

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

ся одновременно в связке с актуальными для общества ценностями и культурными максимумами. Социальная философия в той степени, в какой она вообще сохраняется как знание именно *философское*, также не может не быть подобным текстом. Потому и становится актуальной задача гармонизации и поиска общей платформы для социально-философского знания как классического *текста* и как описания самореферентных систем или институтов, традиций или «языковых игр».

Без решения этой, по-видимому, самой важной и сложной задачи современного социально-философского знания есть риск его превращения в самое настоящее «клиповое мышление». Как пишет современный отечественный мыслитель Ф. Гиренок, «происхо-

дит театрализация теоретического дискурса, т. е. извлечение неопределенных смыслов уже сознания, а также визуализация пространства понимания, в котором переживаемое дано вместе с языком его понимания. В этом суть кризиса так называемого понятийного мышления, которое сегодня заменяется клиповым мышлением» [10, с. 15]. Так или иначе, вопрос о будущем социальной философии, как и философии вообще, не может быть однозначно решен в настоящее время. Начало Третьего тысячелетия оказалось для культуры, для духовности и для философского опыта постижения человеком самого себя – временем чрезвычайно сложным, вызывающим одновременно и в равной степени страх утраты и трепет восхищения открывшейся свободой.

Список источников

1. Драч Г.В. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. М., 2003.
2. Шевченко В.Н. Постсоветская социальная философия: в поисках нового теоретического облика // Вопросы философии. 2026. № 3.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.; СПб., 1998.
4. Гусейнов А.А. Идеология в России: прошлое и настоящее // Вопросы философии. 2023. № 1.
5. Рубцов А.В. Идеология в России времени постмодерна // Вопросы философии. 2023. № 1.
6. Степин В.С. Конструктивно-прогностические функции философии и наука XXI столетия // Сущность и слово: сб. научных статей к юбилею профессора Н.В. Мотрошиловой. М., 2009.
7. Фуллер С. Постправда: знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М., 2021.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999.
9. Фуко М. Забота о себе: история сексуальности-III / пер. с фр. Т.Н. Титовой и О.И. Хома. Киев; М., 1998.
10. Гиренок Ф. Фигуры и складки. 2-е изд. М., 2014.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Д. К. Григорян, кандидат политических наук, доцент, начальник кафедры информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

D. C. Grigoryan, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Information and Communication Technologies and Cybersecurity of the Russian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 11.02.2026; одобрена после рецензирования 19.01.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 11.02.2026; approved after reviewing 19.01.2026; accepted for publication 08.06.2026.

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО УКРАИНИЗМА

Евгений Витальевич Килимник

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Российская Федерация,
kilimnik_06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2949-465X>

Введение: целью статьи является анализ философии политического украинства, ставшей идеологической основой современной Украины, выступающей в качестве антагониста философии Русского мира, рассматривающей себя в качестве Запада и в отрыве от восточнославянской цивилизации.

Материалы и методы: в статье использовался политико-правовой подход, определяющий особенности формирования идейной составляющей украинского государства после 1991 г. Были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, а также сравнительный анализ взглядов различных политических деятелей. С помощью примененных методов была определена эволюция общественно-политической мысли современной Украины, сформировавшей националистический антипроект развития современного украинского государства «Украина – это не Россия».

Результаты исследования: анализ выявил многофакторный характер формирования философских воззрений политического украинства, в основе которого лежат радикальные националистические идеи, образовавшие основу современной государственной антироссийской украинской идеологии.

Выводы и заключения: установлено, что идеологическая система современного украинского национализма, эволюционировавшая в социокультурном пространстве Украины после событий Майдана (2014 г.), опирается на философию украинского интегрального национализма. После достижения независимости и благодаря поддержке западных стран Украина трансформировалась в антипроект развития «Украина – это не Россия», в идею служения националистическому государству, которое выступает в качестве религиозного идола с ярко выраженными антироссийскими установками, которые нашли свое отражение как во внутренних политических решениях, так и во внешнеполитическом курсе страны, что создает потенциальную угрозу безопасности современной России.

Ключевые слова: политическое украинство, интегральный национализм, антипроект, особенности, общество, Украина, Россия, цивилизация, безопасность, будущее

Для цитирования: Килимник Е. В. Философия политического украинства // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 189–195.

Original paper

PHILOSOPHY OF POLITICAL UKRAINIANISM

Evgeny Vitalievich Kilimnik

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russian Federation

Introduction: the purpose of the article is to analyze the philosophy of political Ukrainians, which has become the ideological basis of modern Ukraine, acting as an antagonist to the philosophy of the Russian world, considering itself as the West and in isolation from the East Slavic civilization.

Materials and methods: the article used a political and legal approach that determines the specifics of the formation of the ideological component of the Ukrainian state after 1991. General scientific methods of analysis and synthesis were used, as well as a comparative analysis of the views of various political figures. Using the applied methods, the evolution of the socio-political thought of modern Ukraine was determined, which formed the nationalist anti-project of the development of the modern Ukrainian state "Ukraine is not Russia".

Results of the study: the analysis revealed the multifactorial nature of the formation of philosophical views of political Ukrainians, which are based on radical nationalist ideas that formed the basis of the modern state anti-Russian Ukrainian ideology.

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

***Findings and conclusions:** it is established that the ideological system of modern Ukrainian nationalism, which evolved in the socio-cultural space of Ukraine after the events of the Maidan (2014), is based on the philosophy of Ukrainian integral nationalism. After achieving independence and thanks to the support of Western countries, Ukraine transformed into the anti-development project "Ukraine is not Russia", into the idea of serving a nationalist state that acts as a religious idol with pronounced anti-Russian attitudes, which are reflected both in domestic political decisions and in foreign policy countries that pose a potential threat to the security of modern Russia.*

***Keywords:** political Ukrainians, integral nationalism, anti-project, features, society, Ukraine, Russia, civilization, security, future*

***For citation:** Kilimnik E. V. Philosophy of Political Ukrainianism // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 189–195.*

Актуальность работы заключается в необходимости анализа политического украинства, который существенно повлиял на политику формирования мировоззрения нынешнего поколения граждан Украины и привел в итоге к военно-политическому столкновению с Россией и противопоставлению себя восточнославянской, русско-византийской тысячелетней цивилизации, в рамках утверждения идеи, что «Украина – это часть западного мира, бывшая многовековым щитом против распространения влияния азиатской Московии», представляя узконационалистический проект государственного развития «Украина – это анти-Россия».

Исследование ценностных представлений политического украинства позволило определить современную идейную основу политического истеблишмента Украины, ее онтологическое состояние и последующие политические перспективы по окончании специальной военной операции.

В условиях ведения специальной военной операции возникает закономерный вопрос, что собой представляет идеология, что собой представляет национализм, какие проблемы возникают с теми нарративами, которые продвигаются целым рядом организаций и политическим руководством современной Украины. Национализм и современные националисты именно в таком радикальном варианте, который имел место и в национал-социалистской Германии и сейчас на Украине, представляют серьезную угрозу в первую очередь для русского народа, потому что любой националист, проводя линию на изоляцию своего народа от других, провозглашая исключительность своего народа по отношению к другим народам, фактически противопоставляет себя и свой народ другим этносам и цивилизациям. Это ведет к духовной, этнической, культурной изоляции этого народа и вследствие этого приводит к серьезным катастрофам для такого народа.

Националистические идеологи, например Гитлер, уже привели к катастрофе германский народ в 1945 г., привели националистические идеи к катастрофе и японский народ осенью 1945 г. как следствие Второй мировой войны. Но сегодня украинские националисты выступают как люди, которые считают себя защит-

никами украинской европейской цивилизации и претендуют на ведущую роль в политическом развитии современной Украины, пропагандируя идеи ведения войны с «віковичним ворогом», т. е. с Россией.

После длительного этапа исторического цивилизационного становления, пройденного через Российскую империю и Советский Союз и периоды относительной стабильности, украинское общество и его правящая верхушка оказались неспособными выработать и воплотить новую стратегию развития после обретения независимости в 1991 г. Важно обратить внимание на само название «Украина». Оно несет в себе определенную идею и обладает значимой силой, а любое упоминание об антироссийском характере в нем недопустимо, даже несмотря на стремления национальной элиты к интеграции в западные структуры. Само название «Украина» оказывает влияние на общественные процессы. Анализ концепций украинской национальной идеи и идентичности показывает, что центральное место в них занимает идея противостояния России. Это автоматически задает определенное направление развитию событий, поскольку наличие слова «Украина» в названии предполагает искусственное отделение от России и ее культуры.

Уже начиная с 1991 г. начинается постепенное закрытие русских школ, что особенно ярко происходило в западных регионах Украины [1]. Если государству необходимо название «Украина», то нужна и своя украинская культура, а поскольку она не выдерживает конкуренции с мировой русской, то нужно последнюю притеснить, о чем прямо пишут идеологи украинских националистов (Д. Донцов, С. Бандера, Р. Шухевич и пр.), чтобы осуществить жизнь в «нашій Україні» можно только при условии жертвования всем остальным. «Ради торжества национальной идеи мы готовы пожертвовать половиной населения Украины» (С. Бандера) – этот постулат рассматривается, как приемлемая цена [2, с. 3]. В результате, поместив название «Украина» в систему государственных символов, оно в итоге стало само организовывать вокруг себя все процессы жизни, определив самоубийственный курс развития для всего населения и самой страны. Они в резонансе с тем символом,

который стал на знаменах. При этом следует отметить, что в эпоху Советского Союза существовала Украинская Советская Социалистическая республика. Но в таком названии оно могло существовать как не анти-Россия, и все слова в этой аббревиатуре были единым цельным по смыслу и по духу. На момент 1991 г. границами новой «самостійної України» были границы Украинской Советской Социалистической республики. Нет ее – нет и границ, что приводит к ответственности за имена и символы, которые принимают. Украина может быть географически, но политическое и идейное украинство приводит к цивилизационному кризису, хорошо показанному в «Тарасе Бульбе» на примере Андрея Н. Гоголем, что подтверждает и слова Псалтыря «зачали болезнь и родили беззаконие» [3]. Это требует своего глубокого осознания в современном украинском обществе, прошедшем тридцатилетний путь построения национализма в качестве государственной идеологии. Каков путь к жизни и каков путь к смерти, и какой вывод нужно сделать украинскому социуму.

В основе любой ценности лежит представление о самом важном. Не бывает мира, кроме мира у общей чаши. Не бывает мира, кроме чего-то общего и самого важного. Когда это есть, то появляется и много общего: любовь, мир, взаимопонимание. Когда этого нет, то возникает ситуация по Писанию: «нет мира нечестивым» [4]. Пока нет общего цивилизационного языка в рамках восточнославянской метацивилизации, нет общего цивилизационного кода, нет и понимания той ситуации, в которой оказалась националистическая Украина, существующая как государство только на бумаге, а с онтологической точки зрения давно уже превратившаяся в религиозное объединение (или в культового идола с философией интегрального национализма «Україна – понад усе») с главным жрецом В. Зеленским, окончательно трансформировавшим государство в территориальное объединение – общину верующих. В этих условиях всех противников националистической государственной философии «отлучают от церкви» и изгоняют, что непонятно с точки зрения нормального государства и его законодательства, но очень хорошо понятно с точки зрения церкви (или религиозной секты). Подобные территориальные объединения существовали в мировой истории и ранее. Примером объединения людей может, например, служить пиратская республика Тортуга, Ост-Индская торговая компания, Запорожская сечь, но эти объединения не являлись государствами.

Таким образом, сделан интегральный национализм государственной идеологией с акцентом на «віковичним ворогом» Россию, которая в силу традиционного «имперского сознания» «постоянно пытается подчинить себе и растворить в себе малую цивилизацию – Украину, что вызывает прямую необходимость с ней бороться».

После событий Майдана Украина сама себя загнала в ловушку войны, спровоцированную Западом, активно поддерживавшего националистический проект «Украина – это анти-Россия». Сформировалась ситуация, в которой, по мнению Запада, украинских политиков и обществоведов, Украина может существовать только в условиях, как анти-Россия. При этом чтобы Украина существовала как нормальное государство и полноценно развивалась в мировом сообществе, она не должна быть анти-Россией. В результате возник замкнутый круг, в котором украинское население со своим националистическим руководством может двигаться до бесконечности по этой замкнутой траектории своего бесперспективного пути развития. Вследствие этого Украина ввязалась в войну с Россией и проиграла ее при полной поддержке Запада, загнавшего Украину в эту ловушку при осознанной антироссийской политике украинского руководства. В этих условиях весь тридцатилетний проект «украинской национальной идентичности» строился именно под этот ложный проект. И уже нельзя в ходе затянувшегося военно-политического конфликта сделать шаг назад и сказать, что «ошиблись». За реализацию этого антипроекта Украине придется платить с позиции проигравшей стороны идеологически и территориально.

Неслучайно уже в древности действовал принцип *vae victis* – «горе побежденным», поэтому для В. Зеленского и Европы очень важно на дипломатическом и международном уровне показать свой отказ от статуса побежденного и действовать, не считаясь с потерями. При этом признание статуса побежденного открывает путь для примирения на дипломатическом уровне и восстановления мирной ситуации с учетом приобретенных потерь. Но в этих условиях позиция украинского руководства исходит из того, что оно не может признать неправомерную тридцатилетнюю реализацию своего антипроекта и готово продолжать свое суицидальное поведение, затягивая военные действия с Россией и разрушая Украину и социум. При этом чем дальше эта ситуация будет затягиваться украинской стороной, тем больше она будет проигрывать в военно-политическом конфликте с Россией и тем хуже будут для нее становиться условия мирного урегулирования, которые еще меньше будут приниматься в дипломатических переговорах с Россией украинским истеблишментом.

В результате украинское военно-политическое руководство движется по замкнутому кругу, не желая мириться с реалиями спровоцированной им же ситуации острого конфликта с Российской Федерацией и осознанием того, что цена урегулирования отношений для него будет возрастать с учетом продолжения конфликта с Россией. Внутри этой сложившейся националистической антироссийской системы иное решение практически невозможно.

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

С другой стороны, отказ от продолжения участия в конфликте с Россией повлечет за собой не только пересмотр всей украинской государственной тридцатилетней антипроектности «Україна – це не Росія» и «Украина может развиваться при условии цивилизационной гибели России» и пр., но также территориальных и иных потерь (разрушение инфраструктуры, резкого падения уровня социально-экономического развития и вероятного дефолта, масштабной миграции населения на Запад, потерь среди мобилизованных в ходе ведения боевых действий и пр.).

Как возник изначально в украинском обществе нарратив «Украина – это не Россия»? [5]. Анализируя эту ситуацию, необходимо отметить, что российскому обществу и русскоговорящему украинскому населению приходится иметь дело с антироссийским режимом, а не с антироссийской Украиной, учитывая ее многочисленную русскоговорящую составляющую в восточных, центральных и южных регионах, исторически входивших в имперский проект развития России и ранее составлявших население Киевской Руси, относящееся к восточнославянской Русско-Византийской метацивилизации. Именно эта историческая проектность и должна была составлять суть современной украинской государственности, а не националистическое противопоставление Украины с Россией, рождая в результате при поддержке Запада проект войны в единой Русско-Византийской цивилизации.

Нарратив украинского антипроекта зародился еще в XIX веке в философии тайного антигосударственного в условиях Российской империи Кирилло-Мефодиевского братства (Н. Костомаров, Т. Шевченко, В. Белозерский и пр.), существовавшего на средства польских националистов, сформировавшегося в Киеве в 1840-е гг., с политической сепаратистской философией освобождения всех славянских общностей и разрушения всех существующих государственных образований. В последующем, уже в первой четверти XX столетия, уроженец Мелитополя (бывший Павловск, назван был изначально в честь Павла I) Д. Донцов, не являвшийся уроженцем западных областей, создает идеологию украинского интегрального национализма, посвященного вопросу строительства независимой Украины, которая может развиваться как государство при условии крушения России, как государственного и цивилизационного объединения, поскольку, по его мнению, крупная цивилизация все время будет подчинять себе и своему влиянию более мелкую, основываясь на своем имперском проекте развития [6].

Практическое воплощение этой националистической идеологии легло в создание УНР в 1917–1920 гг., и именно от него берет свое преемство украинское государство 1991 г. В конце 1920-х гг. во Львове было сформировано ОУН, ставившее своей целью создание

этнократического украинского государства в союзе с Третьим Рейхом. В условиях развития подобной идеологии возникает амбивалентная ситуация, когда подавляющая часть украинского населения по своей духовной сути не является анти-Россией, но украинская государственность в том виде, в котором она мыслилась идеологами-националистами, отрицавшими русскую культурно-историческую цивилизационную идентичность Украины, по-другому себя не воспринимает. И здесь есть объективная проблема, о которой открыто говорят украинские националисты. По их мнению, если Украина не будет анти-Россией, то в перспективе в течение двух поколений украинская идентичность растворится в более крупной цивилизационной идентичности, в частности в российской. По принципу как мировой язык поглощает региональные языки. И, соответственно, русский язык в отношении украинского языка выступает в качестве мирового языка, демонстрируя свое культурное превосходство. Отсюда рождаются предложения о скрытой форме запрещения русского языка в украинском социуме на примере запрещения в прокате российского мультфильма «Маша и Медведь» (2025 г.) [7], что порождает конфликт в обществе. В результате возникает вопрос: если Украина – это не Россия, то как можно объяснить жителям Белгорода, Харькова и Николаева, основанных российскими императорами в рамках одного российского проекта развития и движения оборонительной засечной черты на юг, чем они отличаются друг от друга. Как антипроектом может быть страна, где значительная часть населения разговаривает на русском языке, является православными по своей культуре и воспринимается на Западе как русские.

Неслучайным является и тот факт, что в Советском Союзе двое руководителей страны – Н. Хрущев и Л. Брежнев – были уроженцами Украины. В ходе создания антипроекта «Украина – это не Россия» возникает конфликт между идентичностью населения, живущего на определенной территории, и идентичностью государства, которое функционирует на этой территории. При этом любое украинское государство (УНР 1917–1920 гг. или Украина 1991 г.) на основе принятой идеологии, возникшей в XIX – первой четверти XX века, становится анти-Россией. В этом заключается кардинальная проблема развития украинского социума. Иначе политическому руководству становится сложно объяснить украинскому обществу, зачем нужна независимая Украина как государство, какова в этом целесообразность. В результате рождается националистическая идея ОУН (1939–1941 гг.) любви к Украине больше, чем к своей семье и к Богу, к требованию выжить из себя все неукраинское, к уничтожению «москалей». И именно эти националистически оформленные политики стали строить украинское государство, особенно

в период правления В. Ющенко и в постмайданный период: А. Турчинов, П. Порошенко, В. Зеленский.

В современном мире происходит большое гравитационное притяжение именно по крупным цивилизационным блокам, и Украина объективно вся входит или в православную Русскую цивилизацию (или большей своей частью), или своим небольшим территориальным сегментом (Галичина) может попытаться войти в западную польско-католическую цивилизацию, но в любом из этих сценариев независимая Украина пропадает в том качестве, в котором ее мыслят все украинские националисты, начиная с романтиков XIX века, которые это государство идейно и создавали. В итоге возникает двойственная идентичность, когда есть политическая идентичность «украинец» и культурная идентичность городского населения, которое в большинстве своем русскоязычное.

В ходе своего существования две идентичности находятся друг с другом в перманентном конфликте, и этот конфликт не может быть разрешен, в том числе и потому, что украинский язык не производит той городской мировой культуры (если бы производил, то на четвертый год специальной военной операции украинское политическое руководство не запрещало бы мультфильм «Маша и Медведь»), не приходилось бы запрещать М. Булгакова, И. Айвазовского, не приходилось бы закрывать многочисленные скульптуры российских ученых в одном из старейших вузов – Одесском университете имени И. Мечникова. Если все это оставить, то культурно-цивилизационные связи с Россией объективно во всей существующей городской культуре Украины будут не разорвать. И в результате придется проводить политику гравитационного притяжения к Русско-Византийской цивилизации. Это становится дилеммой украинских националистов. Поэтому для них априорным становится согласие на большую жертву – истребление большей части общества ради оставшихся десяти процентов от всего населения, которые и будут «настоящими украинцами» [8]. Это приедем для них цена военно-политического конфликта с Россией, о чем говорил еще в 1944 г. руководитель ОУН С. Бандера [2].

В итоге России приходится начиная с февраля 2022 г. вести специальную военную операцию с идеологией политического украинства, которую имеет современное государство. Именно эта идеология стала основой современного Украинского государства, находясь в неразрывной связке. Иного государства на современной украинской территории никогда не было. Изначально оно было древнерусским, затем польско-литовским, потом российским и советским, но «самостийным и незалежним» оно было только таким, в таком идейном, общественно-политическом формате, что и составляет сегодня проблему украинского

общества. В результате руководству России, которое до конца пыталось договориться и решить проблему выполнения Киевом своих прямых обязанностей по обеспечению конституционных прав и защиты русскоговорящего населения Украины, в ходе дипломатических соглашений «Минск – 1», «Минск – 2», на Парижской встрече руководства России и Украины в 2019 г., пришлось решать сформировавшуюся проблему украинского национализма и его прямой угрозы для жителей Украины, а также для национальной безопасности Российской Федерации в феврале 2022 г. в ходе проведения специальной военной операции, чтобы в ее итоге возникла нейтральная, спокойная и дружественная Украина в рамках нового проекта своего развития, с которой можно будет конструктивно выстраивать систему партнерских отношений.

В условиях антироссийской политики украинско-националистического истеблишмента специальная военная операция, проводимая Россией, становится единственным жестким, но результативным средством, которое решает возникшую проблему. Исторически военные действия – это самый жесткий способ решения подобной историософской проблемы. Например, с точки зрения националистов, если в ходе специальной военной операции решится задача, поставленная еще генерал-хорунжим УПА, героем Украины, гауптштурмфюрером СС Р. Шухевичем о войне до последнего украинца [9], то проблема национализма решится, но уже не будет государства, которое будет способно выставить армию, которую архитекторы этого антипроекта смогут использовать против России. Поэтому стратегическая задача Российской Федерации – обеспечить безопасность западного фронта всеми возможными и допустимыми средствами, понимая, что имеет дело с оболваненным, но родственным населением, являющимся частью восточнославянской метацивилизации. И Россия вынуждена нести этот крест до конца, чтобы получить исторически и геополитически необходимую безопасность на западном фронтире, даже если на это потребуются годы.

Преходящая специальная военная операция сегодня идет также и за веру. Под каким крестом и с кем будет народ Малороссийской (украинской) земли со своими историческими святыми или с новым идолом построения националистического государства, во имя которого свои традиционные святыне будут выброшены националистами на свалку истории и забыты. При этом в перспективе у подобного националистического квазигосударственного объединения будут дипломатические, юридические и духовные поражения. Возрождение на метафизическом уровне возможно через признание своей веры, признание самого себя, признание своей культурно-исторической цивилизации, через признание своего имени и кода. И именно поэтому сегодня Украинскую

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

православную церковь украинское государство старается ликвидировать несмотря на попытки части высшего клира (митрополитов) договориться с этим государством. Но договориться с таким государственным объединением не получится, и остается только одно: или отдать веру и заменить Бога на служение идолу националистического государства, или нести свой страшный мученический крест с мыслью – «избавь, Боже, нас от лукавого» и «нечестивым нет мира».

Вследствие окончания специальной военной операции в украинском социуме должно произойти покаяние, осознание того, что родило этот конфликт внутри одной общей культурно-исторической восточнославянской метацивилизации. Что в ходе служения идолу националистического государства был порожден «коллективный Андрей» Н. Гоголя, покаяние которого отцу только и может дать прощение, когда наступает новое состояние и начинается выход из, казалось бы, нерешаемых ситуаций, но до тех пор все будет идти по суровым законам причинности. А все законы причинности связаны со смертью. Именно причинно-следственная цепочка и привела, в итоге, Украину к печальной и трагической ситуации. Но именно это требует от современного украинского социума возвращения к вере, к закону Божьему, к историческим цивилизационным истокам, к своей конституции 1991 г. и забвению идола националистического государства.

Необходимо вспомнить слова великого русско-малороссийского писателя Н.В. Гоголя, что и «у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть он и извращался весь в сажу и поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства, и проснется оно, когда-нибудь, проклявший подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело» [10]. Эта философия Русско-Византийской метацивилизации XIX века становится актуальной и для современной Украины XXI века.

Список источников

1. Количество русских школ на Украине после распада СССР уменьшилось в 11 раз. URL: https://ria.ru/20030715/407338.html?ysclid=mia197bz1m1_19297977 (дата обращения: 19.11.2025).
2. Килимник Е. В. Практика борьбы органов внутренних дел с вооруженными сепаратистскими движениями в юго-западных регионах Советского Союза в послевоенные годы. Екатеринбург, 2022.
3. Священник Димитрий Румянцев. Толкование Псалтири. Псалом VII. URL: <https://mosmit.ru/library/vedomosti/90/2143/?ysclid=mi8ym-l8g7735784685> (дата посещения: 19.11.2025).
4. Книга пророка Исаии. Глава 57 стих 21. Толкования стиха. URL: [https:// ekzeget.ru/](https://ekzeget.ru/)

Подводя итоги исследованию, следует отметить, что идеология политического украинства, возрожденная после обретения республикой независимости в 1991 г., в своей идейно-политической основе базируется на философии украинского интегрального национализма, теоретические основы которого были заложены в 20-е гг. XX столетия Д. Донцовым и Н. Михновским [11] и позже, в конце 30–40-х гг., были дополнены идеологами ОУН-УПА С. Бандерой и Р. Шухевичем. Сутью которого является не только построение моноэтнического государства с сознанием населения идеи «крови и почвы», но и многовекторной борьбой (когнитивно-информационной, вооруженной и пр.) с Россией. Именно Россия, по мнению идеологов-националистов, как основа восточнославянской метацивилизации, должна быть в ходе этой войны разрушена, поскольку представляет цивилизационную опасность, исторически втягивая в орбиту своего духовного и культурно-политического влияния уступающий культурно-цивилизационно малороссийский (украинский) этнос, в результате чего он забывает о своей национальной идентичности и трансформируется в русское.

В результате после обретения независимости и при поддержке Запада в Украине был сформирован религиозный идол националистического государства с сильнейшей антирусской философской составляющей, что получило отражение как во внутренней (гонения на все русское), так и внешней политике (стремление в НАТО) страны. Это напрямую угрожает национальной безопасности современной Российской Федерации, русскоязычному населению самой Украины и требует от военно-политического руководства России проведения жесткой контрполитики, которая позволит сохранить целостной восточнославянскую метацивилизацию и устранить угрозу Русскому миру [12, с. 177–186].

References

1. The number of Russian schools in Ukraine decreased 11-fold after the collapse of the USSR. URL: https://ria.ru/20030715/407338.html?ysclid=mia197bz1m1_19297977 (date of access: 19.11.2025).
2. Kilimnik E. V. The practice of internal affairs bodies fighting armed separatist movements in the southwestern regions of the Soviet Union in the post-war years. Yekaterinburg, 2022.
3. Priest Dimitri Rumyantsev. Interpretation of the Psalter. Psalm VII. URL: <https://mosmit.ru/library/vedomosti/90/2143/?ysclid=mi8ym-l8g7735784685> (date of access: 19.11.2025).
4. The Book of the Prophet Isaiah. Chapter 57 verse 21. Interpretation of the verse. URL: [https:// ekzeget.ru/bible/kniga-proroka-isaii/glava-57/](https://ekzeget.ru/bible/kniga-proroka-isaii/glava-57/)

bible/kniga-proroka-isaii/glava-57/stih-21/ (дата обращения: 19.11.2025).

5. Кучма Л. Д. Украина – не Россия. М., 2003.

6. «Интегральный национализм» Дмитрия Донцова – «Украинство...» Глава XV. URL: <https://regnum.ru/article/2339983?ysclid=mia222owd1956065551> (дата обращения: 19.11.2025).

7. Украинский депутат предложил запретить мультсериал «Маша и Медведь». URL: <https://dzen.ru/a/aLtXcgjYcBIBLtiW?ysclid=mia298y26k994887089> (дата обращения: 19.11.2025).

8. «До последнего украинца». Сколько людей осталось под властью Зеленского. URL: <https://regnum.ru/article/3871022?ysclid=mia2jtv5pu807753783> (дата обращения: 19.11.2025).

9. Из отчета Р. Шухевича. URL: <https://yadocent.livejournal.com/1591613.html?ysclid=mia3nbatmj359886452> (дата обращения: 19.11.2025).

10. Тарас Бульба. URL: https://kartaslov.ru/русская-классика/Гоголь_Н_В/_Тарас_Бульба/9 (дата обращения: 19.11.2025).

11. Манифест украинского национализма «Самостийна Украина» Николая Михновского. URL: <https://ukraina.ru/20240218/1026751225.html?ysclid=mi9ts0ybtp800908351> (дата обращения: 19.11.2025).

12. Килимник Е.В. Идеинные особенности этнонационализма в постмайданной Украине. Культурно-политические условия развития идеологии украинского этнонационализма в 2013/14–2023 гг. (часть 2) // Философия права. 2025. № 4 (115).

stih-21 / (date of access: 19.11.2025).

5. Kuchma L. D. Ukraine is not Russia. Moscow, 2003.

6. Dmitry Dontsov's "Integral Nationalism" – "Ukrainism..." Chapter XV. URL: <https://regnum.ru/article/2339983?ysclid=mia222owd1956065551> (date of access: 19.11.2025).

7. A Ukrainian MP proposed banning the animated series Masha and the Bear. URL: <https://dzen.ru/a/aLtXcgjYcBIBLtiW?ysclid=mia298y26k994887089> (date of access: 19.11.2025).

8. "To the last Ukrainian." How many people are left under Zelensky's rule. URL: <https://regnum.ru/article/3871022?ysclid=mia2jtv5pu807753783> (date of access: 19.11.2025).

9. From the report by R. Shukhevych. URL: <https://yadocent.livejournal.com/1591613.html?ysclid=mia3nbatmj359886452> (date of access: 19.11.2025).

10. Taras Bulba. URL: https://kartaslov.ru/русская-классика/GOGOL_N_B/_Taras_bulba/9 (date of access: 19.11.2025).

11. Manifesto of Ukrainian nationalism "Independent Ukraine" by Mykola Mikhnovsky. URL: <https://ukraina.ru/20240218/1026751225.html?ysclid=mi9ts0ybtp800908351> (date of access: 19.11.2025).

12. Kilimnik E.V. Ideological features of ethnonationalism in post-Maidan Ukraine. Cultural and political conditions for the development of the ideology of Ukrainian ethnonationalism in 2013/14–2023 (part 2) // Philosophy of Law. 2025. № 4 (115).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Е. В. Килимник, доктор искусствоведения, доцент, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, профессор кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин Уральского юридического института МВД РФ. 620000, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. V. Kilimnik, Grand PhD in Arts, Associate Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Psychology and Humanities of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 66, Korepina St., Yekaterinburg 620000 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 20.04.2026; одобрена после рецензирования 29.04.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 20.04.2026; approved after reviewing 29.04.2026; accepted for publication 08.06.2026.

ВОЙНА: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ (ГЕГЕЛЬ И ВЛ. СОЛОВЬЕВ)

Евгения Николаевна Кондратенко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, zen2710@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0286-5131>

Введение: в статье проводится социально-философский анализ идеи войны на основе сопоставления концепций Гегеля и Вл. Соловьева. Главное внимание уделяется противоречиям традиционного образа войны и его современным метаморфозам в условиях постмодернистской социальности. Приоритетной целью выступает оценка возможности реактуализации подходов Гегеля и Соловьева, раскрывающих сущность войны и диалектическую природу ее границы с миром.

Материалы и методы: достижение цели исследования осуществляется с привлечением социально-философского и историко-философского материала – текстов немецкого и русского мыслителей, а также ряда современных западных и российских исследователей, занимающихся изучением их наследия и проблематикой войны в контексте эволюции социально-философского дискурса. Методологическую и категориальную основу исследования составляет диалектика и разработанное в русской классической философии представление о духовно-нравственной основе государственной жизни.

Результаты исследования: представление о сущности и роли войны в социально-историческом развитии общества, разработанное в рамках диалектической философии истории Гегеля, оказало сильное влияние на позицию Вл. Соловьева в его оценке феномена войны. Цель и смысл изучения взглядов немецкого и русского мыслителя, современников модерна, заключается в реконструкции содержательных граней явления войны в его противоположности миру, которые исторически всегда выступали конститутивными элементами социальности. Их деструкция в условиях потребительской массовой культуры не имеет ничего общего с подлинным гуманизмом и приводит к диффузии границ мира. «Бегство» от войны – безнравственно.

Выводы и заключения: на основе анализа позиций Гегеля и Соловьева можно сделать вывод о том, что оба философа осознавали сложность и противоречивость феномена войны в контексте социально-исторической динамики. Они рассматривали войну не просто как конфликт сторон, а как исторически сложившееся средство, которое, несмотря на свою разрушительную природу, может выполнять определенные функции в обществе.

Ключевые слова: война, Гегель, Соловьев, история, мир, самосознание, государство, диалектика, право, модерн

Для цитирования: Кондратенко Е. Н. Война: социально-исторические смыслы (Гегель и Вл. Соловьев) // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 196–203.

Original paper

WAR: SOCIAL AND HISTORICAL MEANINGS (HEGEL AND VL. SOLOVIEV)

Evgeniya Nikolaevna Kondratenko

South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article provides a socio-philosophical analysis of the idea of war based on a comparison of the concepts of Hegel and Vladimir Solovyov. The main attention is paid to the contradictions of the traditional image of war and its modern metamorphoses in the context of postmodern sociality. The primary goal is to assess the possibility of reactualizing the approaches of Hegel and Solovyov, which reveal the essence of war and the dialectical nature of its border with the world.

© Кондратенко Е.Н., 2026

Materials and methods: the purpose of the research is achieved by using socio-philosophical and historical-philosophical material – texts by German and Russian thinkers, as well as a number of modern Western and Russian researchers studying their heritage and the problems of war in the context of the evolution of socio-philosophical discourse. The methodological and categorical basis of the research is dialectics and the concept of the spiritual and moral basis of state life developed in Russian classical philosophy.

Results of the study: the idea of the essence and role of war in the socio-historical development of society, developed within the framework of Hegel's dialectical philosophy of history, had a strong influence on the position of the Supreme Soviet. Solovyov in his assessment of the phenomenon of war. The purpose and meaning of studying the views of the German and Russian thinker, contemporaries of modernity, is to reconstruct the substantive facets of the phenomenon of war in its opposition to peace, which historically have always been constitutive elements of sociality. Their destruction in the context of consumer mass culture has nothing to do with genuine humanism and leads to the diffusion of the boundaries of the world. "Fleeing" from war is immoral.

Findings and conclusions: based on the analysis of the positions of Hegel and Solovyov, it can be concluded that both philosophers were aware of the complexity and inconsistency of the phenomenon of war in the context of socio-historical dynamics. They viewed war not just as a conflict between the parties, but as a historically established means that, despite its destructive nature, can perform certain functions in society.

Keywords: war, Hegel, Solovyov, history, peace, self-awareness, state, dialectic, law, modernity

For citation: Kondratenko E. N. War: social and historical meanings (Hegel and V. Soloviev) // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 196–203.

Война как предмет современной социальной философии – тема в высшей степени актуальная, востребованная на уровне рефлексии общественного сознания и дискуссионная в рамках академических дебатов, направленных на поиск универсальных методологических оснований современной философской картины мира. Насколько данная тема актуальна, жива и интересна, настолько же она сложна и противоречива.

О войне и войнах написаны тысячи научных исследований, диссертаций и статей. Война на протяжении практически всей известной истории человечества являлась едва ли не основным предметом художественно-образного символического осмысления в искусстве (литература, живопись, музыка, архитектура, скульптура, кино и т. д.). И вместе с тем в реалиях сегодняшнего дня остается много открытых вопросов об исторических смыслах войны как явления жестокого и неустрашимого в жизни человека и общества [1, с. 33–37; 2, с. 25–36; 3, с. 27–36].

Причины данной неустрашимости лежат отнюдь не только в сфере «зла». Общая задача и направленность философского поиска возможных ответов на данные вопросы вряд ли может рассматриваться как безальтернативная диагностика причин распространения войн в современном мире или способов их предотвращения. В их основе, как это очевидно и известно, лежит целый комплекс глубинных противоречий общества, связанных с разнонаправленными тенденциями научно-технического прогресса и социально-культурного регресса тех стран или регионов, которые оказываются в положении лишь простого потребителя услуг, товаров и идей (ценностей),

вынужденного испытывать дефицит идентичности определенного уровня. Рыночно стимулируемое потребление способно создать только внешнюю видимую (или чувствуемую) сторону «прогрессивного» образа жизни (стилизованного под маркеры причастности той или иной социальной группы [4]). Но оно не в силах снабдить потребителя суверенным источником полной свободы от создателей «правил игры». Поэтому современный глобализированный социально-политический и культурный универсум лишь обостряет старые противоречия, аккумулирует агрессию и питает радикальные нигилистические настроения среди населения очень многих стран.

С познавательной точки зрения проблема усугубляется еще и тем, что современное социально-гуманитарное знание представлено целым веером кейсов и методологических приемов, предназначенных для описания и изучения многообразных проявлений конфликтного потенциала общества (государства, народа, региона и т. д.). В рамках этих междисциплинарных исследовательских направлений нередко понятие «война» рассматривается как более узкое, частное, меньшее по объему, по отношению к понятию «конфликт». Логика такого усмотрения гласит: любая война в основе есть конфликт, но не любой конфликт становится войной. Такое толкование, однако, вызывает серьезные сомнения. Следует разграничивать ситуации, когда конфликтный потенциал в отдельных случаях действительно актуализируется в качестве именно войны (т. е. прямого силового столкновения, сопровождающегося резким ростом насилия и разрушения), а в отдельных случаях сохраняется деятельное время в «спящем» виде. В послед-

нем случае можно и нужно говорить о наличии в обществе (или отдельной группе) конфликта, нерешенных проблем, которые в то же время не подпадают под определения или традиционные характеристики войны.

Социально-исторические смыслы войны, как они раскрываются именно на уровне философского знания (создаваемой картины мира и ее базовых координат), не сводятся исключительно только к развитию или замораживанию имеющихся в странах или между странами конфликтов. «Война» как социально-философское понятие и «конфликт» лишь очень абстрактно могут рассматриваться во взаимном отношении как более частное или более общее понятие (по объему). Природа явления, которое уже много тысяч лет в разных культурных традициях обозначается как «война», значительно превосходит мерки понятия «конфликт», с помощью которого в большей степени именно неклассическая философия (а также этнология, психология, социология, политология, правоведение) определяет параметры современного общества.

Конфликты в наши дни чаще и интенсивнее возникают и проходят там, где сталкиваются интересы (цели, ценности, жизненные модели и коммуникативные стратегии) групп, субъектов, социальных сил, ранее в истории почти или совсем не соприкасавшихся *непосредственно*. Ныне вовлекаются в неминуемый и вероятностный по своей траектории глобальный «микс» порой совершенно противоположные социально-культурные миры и опыты. Их столкновение стало почти нормой. И иногда оно приводит к прямым военным акциям. Но и эти акции, как и сами такие столкновения, выражают лишь небольшую часть смысловой и символической нагрузки *войны*, которая по своей исторической фундаментальности сопоставима с самой цивилизационной динамикой человечества.

Всестороннему раскрытию социально-исторических смыслов феномена войны способствует обращение к концептуальному наследию двух величайших представителей западной и русской философской мысли эпохи модерна – Гегеля и Вл. Соловьева. Предлагаемая статья является опытом краткого сопоставления их взглядов на природу и сущность войны, ее роль в историческом процессе, в особенности значимую в условиях самой ситуации модерна – эпохи революций, и фактического вовлечения в *единый* континуум всего человечества через расцвет промышленного производства, становления урбанистического образа жизни и соответствующих типов коммуникаций, одним из основных следствий которого было усиление антагонистичности в массовом мировоззрении, в политике, в экономическом взаимодействии.

Гегель был непосредственным свидетелем попытки реализовать наполеоновский «всемирно-исторический проект». Соловьев – современник целого ряда войн на европейском континенте, которые в конечном итоге не решали копившиеся противоречия, но лишь прочнее делали фундамент для будущих мировых войн XX столетия. Оба автора внесли колоссальный вклад в историю философского осмысления как войны, так и всей социально-исторической реальности, бурная и противоречивая динамика которой была прямо связана с развитием форм и методов военных столкновений. Определенная «философия войны и мира» сложилась под прямым влиянием гегелевской системы в рамках западной традиции, а в нашей стране – опосредовано в силу огромного влияния, которое гегелевская философия оказала на русскую интеллектуальную культуру середины XIX – начала XX века. Как отмечают современные исследователи, «переводя гегелевскую диалектику из области метафизики в область человеческой истории, Соловьев оказался более последовательным, чем Гегель в ее применении в этой сфере» [5, с. 15].

Вопрос о том, в какой степени философия и конкретно диалектика Гегеля повлияла на социально-исторические взгляды Соловьева, сам по себе выступает одним из самых объемных и спорных в отечественной историко-философской науке. «В своем учении о богочеловечестве как едином организме В. Соловьев отдал дань своим ранним увлечениям... Гегелем; особенно в последний период творчества эта пантеистическая составляющая мирозерцания Соловьева проявляется наиболее ярко, приводя философа к очевидному имперсонализму. Мировая история представляется Соловьеву необходимым процессом развития, ведущего к высшей цели – к осуществлению Царства Божия на Земле. Естественно, что этот процесс, также как и у Гегеля, не оставляет места для свободы индивида» [6, с. 118]. Причины и мотивы обращения русского философа к теме войны в тексте «Смысл войны» анализируются Б.В. Межуевым [7, с. 32–58].

Детализация вопроса о влиянии гегелевской системы на социально-философские взгляды Соловьева выходит за рамки задач настоящей статьи. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в вопросе о сущности и роли войны в истории оба мыслителя занимали если не полностью совпадающую, то весьма схожую позицию. Данный факт значим отнюдь не только как сегмент сугубо историко-философских штудий немецкой или отечественной мысли модерна. В XX столетии под воздействием трагических событий двух мировых войн, массовой гибели людей, расцвета человеконенавистнической идеологии и иных радикально-экстремистских

мировоззренческих векторов высокая оценка войны, как чего-то исторически необходимого и оправданного в рамках объективной логики общественного развития, может показаться на первый взгляд или совершенно наивной, далекой от жизненных реалий миллионов людей, или ошибочной с точки зрения гуманистических идеалов, ценностей свободы, индивидуальной жизни и, наконец, самого христианства как религии, отстаивающей идеалы любви, всеобщего добра, милосердия.

Однако, если задуматься о последствиях того самого *мира*, который был установлен по итогам этих мировых конфликтов и который целым рядом западных и российских авторов конца минувшего века стал рассматриваться как «величайшее достижение цивилизации», основанной на прогрессе науки, разума, технологий, свободного рынка и т. д., то становится вполне очевидно, что важнейший признак текущего мира как определенного состояния общества заключается в буквальном стирании собственных границ, пределов, идентификационных или демаркационных линий. Вследствие этого сегодня становится все сложнее говорить об устойчивости социально-политических или гражданско-правовых конструкций, призванных ранее, в эпоху «социального государства всеобщего благоденствия», выросшего на ниве победы над *большой* войной, отвечать за устойчивость конструкции *этого самого мира* как единства ментальных, коммуникативных, структурно-функциональных, семантических и ценностных элементов.

Современный мир и его рефлексивное «лицо» представляет собой весьма странное сочетание двух тенденций: с одной стороны, очевидного роста агрессивности, насилия, культа силы и жестокости, для которых именно война традиционно всегда выступала единственной «легальной» формой реализации, насыщения, и, с другой, массовой готовности признавать и принимать обесценивание «мира» как состояния противоположного войне (а следовательно, сохраняющего особый «вкус» войны как чего-то, требующего изменения привычного социального и приватного жизненного порядка).

Можно ли рассматривать стирание границ между «миром» и «войной» на фоне растущего количества конфликтов по всему миру в наши дни как закономерный итог одержанной некогда масштабной победы «добра» над «злом»? Существует ли какая-то связь между этими двумя фактами – высокой оценкой исторической роли войны (а также воинской службы) в философии Гегеля и Соловьева и странным «признанием» войны в качестве вполне «нормального» явления, избежать которое в реальной жизнедеятельности сообщества сегодня практически невозможно? Можно ли поста-

вить знак равенства между высокой оценкой войны в рамках диалектической философии истории и ее «признанием», «адаптацией» на уровне свойственных массовой культуре мировоззренческих клише и распространяемых сегодня в сетевом пространстве образов «истины» (или бунтарской борьбы за «справедливость»). Для содержательного ответа на данные вопросы как раз и требуется реактуализировать в текущем социально-политическом и духовно-нравственном контексте предложенное в философской системе немецкого и русского мыслителей понятие войны.

Несмотря на то, что философия Гегеля в целом и его социально-исторические воззрения, в рамках которых сущность и роль войны получили оригинальное толкование, явились определенным результатом эволюции классической интеллектуальной культуры Нового времени, классического типа рациональности (и через нее, опосредовано, всей западной традиции философии от Платона и Аристотеля), именно гегелевский взгляд на природу войны, а также сформированная в том числе под влиянием Гегеля и позиция Вл. Соловьева (в «Смысле войны», «Трех разговорах...» и других работах) помогают не только раскрыть путь эволюции своеобразной «философии войны» на стыке классики и модерновой философии. Более существенно то, что в гегелевском определении (и в трактовке русского философа) акцентированы именно те стороны, грани явления войны, которые в своей проекции уже на современные социально-политические и духовно-ментальные процессы максимально рельефно выявляют трансформацию и *идеи* войны в культуре и саму дифференциацию явления как определенного *состояния* личности, общества и институтов в противоположность *иным* состояниям (например, миру).

Диалектическое представление о сущности войны (*понятие* войны) помогает уже современному социально-философскому исследованию четко дифференцировать а) проблемы социально-культурного или политического состояния, которые *влекут за собой* конфликты, войны, противостояние, и б) те, что порождаются свойственным именно постмодернистскому обществу и массовой культуре неприятием четкого разграничения войны и мира. И хоть в таком неприятии сегодня есть немалая доля объективной составляющей, связанной с развитием технологий, сетевой коммуникации и пр., проблема остается и, более того, разрастается. Ситуация и опыт бегства современного общества и государственных институтов от *границы* войны и мира. Бегство, которое не имеет ничего общего с подлинным гуманизмом, традиционной нравственностью и оказывает деструктивное влияние на саму социальную реальность. Исторически всегда для этой

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

реальности граница войны и мира (или предел мира, говоря иначе) выступала одним из ключевых конституирующих элементов (способствовала ее самоорганизации).

Раскрыть смысл и содержание которого помогает подход, реализованный в философии Гегеля и Вл. Соловьева. В том числе помогает понять и то, почему войну нельзя рассматривать как более частный вариант конфликта. Как писал Соловьев, «*организация войны в государстве есть первый великий шаг на пути к осуществлению мира*. Особенно это ясно в истории обширных завоевательных держав (всемирных монархий). Каждое завоевание было здесь распространением мира, т. е. расширением того круга, внутри которого война переставала быть нормальным явлением и становилась редкою и предосудительною случайностью – преступным междоусобием» [8, с. 546].

Если война – частное проявление конфликта, то ее противоположностью выступает отнюдь не мир, а своеобразный социально-политический перформанс, аморфное состояние, которое абсолютно индифферентно к нравственным или идеологическим граням жизненной стратегии человека или общества в целом. Политический или социальный перформанс, не способный к внутреннему саморазвитию, все содержание которого исчерпывается вращением в замкнутом цикле коммуникативных знаков или пустующих символов. В рыночном обществе эти символы обладают известной *стоимостью*, как показал Ж. Бодрийяр [4], но они же растворяют энергию и смыслы деятельности, творчества, общения в примитивном обмене или потреблении.

Война и отношение к войне в обществе в наше время в корне отличаются от времен Французской революции и Наполеоновских войн, которые в свою очередь не укладываются в онтологию и символику войны средневековой или тем более античной. Гегель и затем Соловьев прекрасно понимали, что война – неизбежный и необходимый этап в развитии государства, народа, нации или целого объединения стран. Но, самое главное, состояние (положение вещей), определяемое непосредственно как *война в* диалектической философии истории, в сравнении тем, что именуется и фактически является войной сегодня, выступает опытом онтологического закрепления героизма и самоутверждения субъективности (в системе Гегеля данный процесс представляет собой обретение субъектом собственного тождества на уровне общественно значимых и признаваемых форм, структур). Война в толковании обоих авторов – это важнейший элемент *культурного саморазвития* человека. Война закрепляет идеалы нравственного служения, подлинной свободы, жертвенного тру-

да и утверждения духовной почвы человека. Создает она и материальную основу единства всего человечества, «*общее чувствилище*» тела человечества, как подчеркивает русский мыслитель [8, с. 554–555].

Говоря языком уже неклассической социальной философии и культурологии, война в своем диалектическом (спекулятивном) толковании является способом перевода энергии человеческой деятельности (как разрушительной, «танатальной», так и конструктивно-созидательной «эротической») в *общее* русло социального, политического, личностного *прогресса*. Такая война имеет четкие границы, понятное однозначное *начало* и такой же *конец* – победу одного субъекта и поражение другого. Или – «подписание» договора, фиксирующего паритетное положение двух сторон.

Конечно, любая война и во все времена сопряжена с потерями, с гибелью людей, с жестокостью, которая порой неоправданна. Война цинична, как и циничен весь современный мир; насилие сегодня повсеместно [9, с. 123–128]. В этом смысле она составляет оппозицию нравственному, моральному сознанию. Вместе с тем сильный нравственный аспект любой войны – это полагание и закрепление определенного *равенства* противоборствующих сторон. Равенство реальное, практически реализующееся, а не только декларируемое на «бумаге» или в чистом сознании, воображении. Как писал Гегель в одной из своих ранних работ (в период, предшествовавший созданию «Феноменологии Духа»), «*равенство, перед которым исчезает сторона, представляющая право ... есть война; в ней исчезло различие, присущее отношению субсумирования, и господствующим является равенство; обе – и борьба и война – суть безразличия, различие есть внешнее, формальное для борьбы, не внутреннее, а нечто находящееся в абсолютном беспокойстве, постоянно переходящее от одной стороны к другой*» [10, с. 323.]. В качестве такого равенства состояние войны гораздо более продуктивно для целостного общественного развития, исторического прогресса, чем утратившая границы и глубинные смыслы «гибридная война» современной эпохи, когда одна часть общества сражается, а другая находится в отношениях экономической или даже более вязкой символической, мировоззренческой зависимости от оппонентов.

Кратко напомним, что в гегелевской философии война – это один из объективно сложившихся в истории методов нравственного очищения общества, его оздоровления, поддержания «жизненного тонуса» нации, страны, государства и его основных элементов в целом. Война находит свое оправдание и логическое объяснение, как полагает немецкий мыслитель, прежде всего в силу развития

«всеобщего» содержания всемирной истории: «в войне содержится свободная необходимость того, что будут уничтожены не только единичные определенности, но и их полнота в виде жизни, уничтожены во имя самого абсолютного или народа, война сохраняет здоровую нравственность народов в их индифференции по отношению к определенностям, к их привычности и укоренению подобно тому, как движение ветра предохраняет озера от гниения, которое грозит им при длительном затишьи» [10, с. 229].

Природа войны рассматривается Гегелем в связи с сущностью самого государства как формы организации жизни личности и общества. «Состояние войны» оказывается ничем иным как опытом столкновения государств как «индивидуальностей» [11, с. 364]. Война в данном случае оказывается способом обнаружения истинного содержания жизни народа или государства, скрывающегося часто под покровом частных и случайных интересов, мнений, оценок и других масок. Жертвы, которые неизбежны в результате практически любой войны, являются своеобразным возвращением «абстрактного единичного» в лоно всеобщего.

«Вечный мир», о котором писал Кант [12, с. 257–309], лишь при определенных условиях, которые должны не просто декларироваться, но четко соблюдаться всеми участниками международного общения, может сохраняться «вечно». Гегель подчеркивает, что «международное право» работает лишь при условии предварительного признания всеми его субъектами прав каждого участника единого процесса – каждого государства в качестве самостоятельного и свободного субъекта. «Состоянием войны самостоятельность государств ставится на карту, но с известной стороны этим состоянием вызывается также и взаимное признание свободных народных индивидуумов» [11, с. 365]. Война является необходимым моментом всемирной истории, суть которой Гегель в «Философии права» метафорически называет «всемирным судом» [13, с. 369]. Важная характеристика войны, которую акцентирует мыслитель и которая оттеняет классическое толкование роли внешней борьбы государств друг с другом от современного представления о войне как размытом аморфном течении и политических, и экономических и даже правовых отношений, заключается в том, что война вовсе не отрицает, не отменяет действие *права*. Гегель подчеркивает: «война содержит в себе определение международного права, устанавливающее, что в войне содержится возможность мира, что, следовательно, послы должны быть неприкосновенны и что война вообще ведется не против внутренних институтов и мирной семейной и частной жизни, не против частных лиц»

[13, с. 368]. В ходе же самой войны армией руководит не ненависть, а «чувство долга, которое каждый уважает в другом» [13, с. 368–369].

Говоря о современном для себя типе войны, который максимально полно выразил Наполеон в своей деятельности, Гегель отмечает нравственный характер войны. При этом сама нравственность понимается им как очень высокая категория, выражающая и уровень развития личностного самосознания и уровень самосознания народа (нации) в целом. А именно: в войне индивидуальная свобода приносится в жертву с целью обретения собственного «всеобщего» состояния – такого состояния, в котором произвол и случайность преодолены. По мнению французского комментатора гегелевской социально-исторической концепции Э. Вейля, понимание сущности войны, представленное в «Философии права» и в «Философии истории», расширяет тезис из более раннего текста «Феноменологии Духа» о роли столкновения со «смертью» индивида, в ходе которого частная свобода обретает собственный предел и только так – через него – формирует и собственный смысл главного конституирующего элемента человеческой духовности, «разумности» [14, с. 157].

О высоком уровне нравственного сознания пишет и Соловьев в своем исследовании отношения единичного субъекта к войне и воинской повинности по «защите отечества» [8, с. 561–562]. Для Соловьева война также, несмотря на распространенную оценку в качестве «зла», несет в себе мощный импульс нравственного оздоровления общественного организма. «Не зависит ли и война от такой необходимости, в силу которой этот ненормальный сам по себе способ действия становится позволительным и даже обязательным *при известных обстоятельствах*? Вопрос этот может быть решен только исторически» [8, с. 542]. Также как и Гегель, Соловьев считает, что именно государственность как форма самоорганизации общественной жизни является единственной в истории, способной приводить народ (нацию) к максимально полному самовыражению, самоутверждению и становлению в качестве свободно и исторически развивающейся целостности. Аналогично Гегелю [15, с. 373–374], русский мыслитель считает, что негативная энергия на войне в своей реализации принципиально отличается от убийства криминального [16, с. 635–762]. Более того, «между исторической необходимостью войны и ее отвлеченным отрицанием со стороны отдельного человека становится обязанность этого человека относительно того организованного целого (государства), которым до конца истории обуславливается не только существование, но и прогресс человечества» [8, с. 564].

Сила и глубина нравственного осознания «зла», которое так или иначе царит в мире, заключается вовсе не в пустом декларативном отрицании войны. Подобное отрицание, как, например, в современном популистском пацифизме, только вредит и государству, и обществу в целом [17, с. 11; 18, с. 103–116]. И Гегель, и Соловьев были реалистами и отличными знатоками своего времени и актуальных потребностей людей. И оба прекрасно понимали, что идеал «вечного мира» практически недостижим, во всяком случае в обозримой исторической перспективе. Высокий же уровень нравственного развития личности, самосознания обязует не отрицать войну *вообще*, а *дейтельно* стремиться преобразовывать общество, жизнь во всех ее конкретных проявлениях с тем, чтобы минимизировать предпосылки именно для военного способа разрешения споров и противоречий.

Анализ позиций Гегеля и Соловьева в определении сущности феномена войны и оценке его роли в социально-исторической динамике общества показывает глубинное единство их взглядов. С учетом временной и социокультурной дистанций, такое единство в большей степени интересно не просто как фрагмент истории философии эпохи модерна, а скорее как результат собственного самосознания европейского и российского общества. Для со-

временной социально-философской мысли он значим с точки зрения дифференциации «философии войны» (войны и мира) и распространенных в современном публичном коммуникативном пространстве и Сети экранных и культивируемых образов «мирной» жизни, ориентированной на «новую мораль» и глобализированные «ценности», спектр которых исключает оппозиции классической культуры, формы приемлемого обуздания энергии борьбы и т. д.

В основе высокой оценки войны лежит глубокое понимание диалектики отношения между миром и войной: война как нравственное «зло», приводящее к жертвам и разрушениям, в действительности есть единственное, сложившееся исторически, и самое эффективное средство определения мира. Сущность войны отнюдь не исчерпывается конфликтом сторон. Соответственно, в качестве социально-философского, равно как и философско-исторического, понятия война не является частным случаем или выражением конфликта. Заочный философский диалог, состоявшийся в позапрошлом столетии между немецким и русским мыслителями, в своей проекции на реалии сегодняшнего дня помогает понять смысл и деструктивный характер пропагандируемого в массовой культуре «бегства» мира от войны.

Список источников

1. Карпова Е.В. О понятиях насилия и войны в социально-философском дискурсе // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 4 (59).
2. Лукин А.Н., Хайрулин Ш.Ш. Философия войны: формирование современного дискурса // Социум и власть. 2022. № 3 (93).
3. Меньшиков А.С. Война как социально-философская проблема в контексте теории модерности: методологические замечания // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2017. № 3 (167). Т. 12.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. М., 2006.
5. Максимов М. В.Вл. Соловьев и Гегель (к анализу философско-исторических воззрений) // Соловьевские исследования. Периодический сборник научных трудов. Иваново, 2001. Вып. 3.
6. Гайденок П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001.
7. Межуев Б.В. Движение вправо: Вл. Соловьев и его «смысл войны» // Соловьевские исследования. 2019. Выпуск 3 (63).
8. Соловьев В.С. Оправдание добра / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2012.
9. Григорян Д.К. Элитарная преступность как феномен «цинического разума»: совре-

References

1. Karpova E.V. On the concepts of violence and war in socio-philosophical discourse // Cultural life of the South of Russia. 2015. № 4 (59).
2. Lukin A.N., Khairulin S.S. Philosophy of war: the formation of modern discourse // Society and Power. 2022. № 3 (93).
3. Menshikov A.S. War as a socio-philosophical problem in the context of the theory of modernity: methodological notes // Proceedings of the Ural Federal University. Ser. 3: Social Sciences. 2017. № 3 (167). Vol. 12.
4. Baudrillard J. Consumer society. His myths and structures / translated from French Moscow, 2006.
5. Maximov M. V. V. Solovyov and Hegel (on the analysis of philosophical and historical views) // Solovyov studies. A periodic collection of scientific papers. Ivanovo, 2001. Issue 3.
6. Gaidenko P.P. Vladimir Solovyov and the philosophy of the Silver Age. Moscow, 2001.
7. Mezhuiev B.V. Movement to the right: Vladimir Solovyov and his "meaning of war" // Solovyov studies. 2019. Issue 3 (63).
8. Solovyov V.S. Justification of goodness / ed. by O.A. Platonov, Moscow, 2012.
9. Grigoryan D.K. Elite crime as a phenomenon of "cynical reason": modern Russian context // Sci-

менный российский контекст // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 6 (157).

10. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М., 1978.

11. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Философия духа. М., 1977. Т. 3.

12. Кант И. К вечному миру. 1795. // Кант И. Сочинения в шести томах. М., 1966. Т. 6.

13. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.

14. Вейль Э. Гегель и государство. Пять докладов / пер. с фр. СПб., 2009.

15. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в двух томах. М., 1970. Т. 1.

16. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. Соч. в 2 т. М., 1988. Т. 2.

17. Белик К.С. Нравственный смысл насилия и войны в философии В.С. Соловьева // Записки философского факультета Орловского государственного университета. Орел, 2015. Вып. 5 (6).

18. Сутягина Л.Э. Метафизика войны и мира в философии В.С. Соловьева // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2 (7).

ence and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2023. № 6 (157).

10. Hegel G.V.F. Political works. Moscow, 1978.

11. Hegel G.V.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. Philosophy of the Spirit. Moscow, 1977. Vol. 3.

12. Kant I. Towards eternal peace. 1795. // Kant I. Essays in six volumes. Moscow, 1966. Vol. 6.

13. Hegel G.V.F. Philosophy of Law. Moscow, 1990.

14. Weil E. Hegel and the state. Five reports / translated from French by St. Petersburg, 2009.

15. Hegel G.V.F. Works from different years: in two volumes. Moscow, 1970. Vol. 1.

16. Solovyov V.S. Three conversations about war, progress and the end of world history. Soch. in 2 volumes, Moscow, 1988. Vol. 2.

17. Belik K.S. The moral meaning of violence and war in the philosophy of V.S. Solovyov // Notes of the Philosophical Faculty of the Orel State University. Orel, 2015. Issue 5 (6).

18. Sutyagina L.E. Metaphysics of war and peace in the philosophy of V.S. Solovyov // Bulletin of the Lipetsk State Pedagogical University. Series: Humanities. 2012. № 2 (7).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Е. Н. Кондратенко, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. N. Kondratenko, PhD in Political Sciences, Associate professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 16.03.2026; одобрена после рецензирования 28.03.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 16.03.2026; approved after reviewing 28.03.2026; accepted for publication 08.06.2026.

**«О РУССКОМ ВОЗЗРЕНИИ»: К 170-ЛЕТИЮ РАБОТЫ
КОНСТАНТИНА СЕРГЕЕВИЧА АКСАКОВА**

Анатолий Александрович Контарев

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
anatolykontarew@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7493-9922>

Введение: в статье автор высказывает мнение о преемственности славянофильской парадигмы мышления о России, несмотря на исторические трансформации ее формы, воспроизводящей стереотип самобытности ее культуры, образа жизни и государственности, цивилизационной самодостаточности. Отмечено, что линия преемственности лежит через почвенников пореформенного периода, неославянофилов начала XX века, евразийцев и неоевразийцев. Анализ существующих подходов к проблеме самобытности российской государственности показывает особое значение работ С.А. Панарина и А.Г. Дугина в обосновании цивилизационной идентичности России, ее реализации в современном многополярном мире.

Материалы и методы: в контексте анализа исторических типов рационализации представлений о самобытности российской государственности и культуры используются системный, дескриптивный, компаративный, исторический подходы; автор обращается к использованию элементов метода исторической реконструкции, методологии контент-анализа.

Результаты исследования: установлено, что статья К.С. Аксакова «О русском воззрении» была написана с целью систематизации представлений славянофилов о значении реализации самобытности во всемирном социально-историческом процессе, которая рассматривается условием субъектности страны в международном сообществе; она явилась своеобразным посланием вступившему на престол Александру II, имеющего задачей создание интеллектуально-духовных оснований реформаторской деятельности.

Выводы и заключения: славянофилы были первыми, кто со всей определенностью поставили проблему цивилизационных оснований российского общества и государства, а написанная 170 лет назад статья К.С. Аксакова «О русском воззрении» своеобразно обозначила принципиальные рамки данного подхода. Как руководящее начало «русское воззрение» превращается в воспроизводимую в интеллектуальной и политической истории России традицию, которая по своему генетическому источнику может быть названа славянофильской. Эта традиция есть образ мысли о России как о самобытной и самодостаточной в культурном отношении стране, воспроизводящей в ее более чем тысячелетней истории стереотипы жизнедеятельности, объясняющие особенности ее государственности и права, политического устройства и духовные основы социальной интеграции, определяющие ее смысл существования в истории.

Ключевые слова: славянофилы, «русское воззрение», неославянофилы, народность, мировоззрение, К.С. Аксаков, самобытность

Для цитирования: Контарев А. А. «О русском воззрении»: к 170-летию работы Константина Сергеевича Аксакова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 204–210.

Original paper

**"ABOUT THE RUSSIAN VIEW": ON THE 170TH ANNIVERSARY OF THE WORK OF
KONSTANTIN SERGEEVICH AKSAKOV**

Anatoly Aleksandrovich Kontarev

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: in the article, the author expresses an opinion on the continuity of the Slavophile paradigm of thinking about Russia, despite the historical transformations of its form, reproducing

© Контарев А.А., 2026

the stereotype of the identity of its culture, lifestyle and statehood, and civilizational self-sufficiency. It is noted that the line of succession lies through the *pochvenniks* of the post-Reform period, the neo-Slavophiles of the early twentieth century, the Eurasians and the Neo-Eurasians. The analysis of existing approaches to the problem of the identity of Russian statehood shows the special importance of the works of S.A. Panarin and A.G. Dugin's role in substantiating Russia's civilizational identity and its implementation in the modern multipolar world.

Materials and methods: in the context of the analysis of historical types of rationalization of ideas about the identity of Russian statehood and culture, systematic, descriptive, comparative, historical approaches are used; the author refers to the use of elements of the method of historical reconstruction, methodology of content analysis.

Results of the study: it was established that K.S. Aksakov's article "On the Russian view" was written with the aim of systematizing the ideas of Slavophiles about the importance of realizing identity in the global socio-historical process, which is considered a condition for the subjectivity of the country in the international community; it was a kind of message to Alexander II, who ascended the throne, with the task of creating intellectual and spiritual foundations for reform activities.

Findings and conclusions: the Slavophiles were the first to definitively raise the problem of the civilizational foundations of Russian society and the state, and K.S. Aksakov's 170-year-old article "On the Russian View" outlined the fundamental framework of this approach in a peculiar way. As a guiding principle, the "Russian view" turns into a tradition reproduced in the intellectual and political history of Russia, which, according to its genetic source, can be called Slavophile. This tradition is a way of thinking about Russia as an original and culturally self-sufficient country, reproducing in its more than a thousand-year history the stereotypes of life, explaining the features of its statehood and law, political structure and the spiritual foundations of social integration, defining its meaning of existence in history.

Keywords: slavophiles, "Russian view", neo-slavophiles, nationality, worldview, K.S. Aksakov, identity

For citation: Kontarev A. A. "About the Russian view": on the 170th anniversary of the work of Konstantin Sergeevich Aksakov // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 204–210.

В текущем году исполнилось 170 лет со времени опубликования знаменитой работы Константина Сергеевича Аксакова «О русском воззрении» [1]. Собственно, речь идет о двух работах, посвященных данной теме, опубликованных в издаваемом славянофилами журнале «Русская беседа», вторая из которых вышла вслед за первой в дополнение к ней с названием «Еще несколько слов о русском воззрении» [2]. Очевидно, что целью издания данного журнала было разъяснение патриотических и консервативных взглядов славянофилов, которые несмотря на разноплановость учений его разных представителей имели одну основу, состоящую в признании приоритетной ценности самобытности культуры, образа жизни и государственности России. В связи с этим важно указать, что в редакционный совет издания входили такие столпы славянофильства, как А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, В.А. Черкасский.

Статьи, опубликованные в первом номере журнала, имели особую идеологическую нагрузку, освещая ключевые проблемы, рассматриваемые как наиболее существенные не только для славянофильского движения, но и для российского общества данного периода, определяя направление издания. Вступительная статья редколлегии указывает на необходимость раскрытия самобытных начал русской жизни, проявляемых во всех сферах интеллектуальной деятельности. Авторы писали: «Теперь,

когда мысль окрепла в знании, когда самый ход Истории, раскрывающий тайные начала общественных явлений, обличил во многом ложь западного мира и когда наше сознание оценило (хотя может быть еще не вполне) силу и красоту наших исконных начал; нам предлежит снова пересмотреть все те положения, все те выводы сделанные западной наукой, которым мы верили так безусловно; нам предлежит подвергнуть все шаткое здание нашего просвещения бесстрастной критике наших собственных духовных начал и тем самым дать им несокрушимую прочность» [3, с. IV].

То есть изучение «русского воззрения» рассматривается в качестве программной задачи журнала, в контексте роли, которую играет народность в социальной, культурной национальной и общечеловеческой жизни. В этом смысле русское воззрение есть феномен народности, рассматриваемой в качестве субъекта исторического процесса, духовные начала которой являются необходимым и достаточным основанием самобытности во всех ее проявлениях, определяя особенности исторического пути, системы ценностей, мировоззрения народа, его социального уклада и политической культуры.

При этом нужно сказать, что тема народности в указанные годы не была новой, напротив, она стала актуальной, укоренившись в русской интеллектуальной культуре, по крайней мере

со времен А.С. Пушкина, обозначившего ее значение в литературе. По мнению великого русского поэта, «народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками... Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [4, с. 238]. С такой оценкой феномена народности и ее роли в духовной культуре соглашались не все. Современник А.С. Пушкина В.Ф. Одоевский, напротив, полагал, что народность является условием существования литературы, ее истории. Он писал: «Часто, в те грустные минуты, когда, теряя веру в самого себя, упрекаешь себя в излишней деятельности, или, теряя веру в других, упрекаешь себя в недейтельности, когда бумага вертится под пером и мысли беспрестанно переходят от одного предмета к другому с неуловимой быстротой, ты являешься передо мной с о своим вопрошающим взором, со своей насмешливой улыбкой. Ты спрашиваешь меня: что такое была наша литература? Ты перебираешь нашу критику, историю, даже, если угодно, чтения о словестности, думаешь найти в них историю этой литературы, находишь в них сотни имен с разного рода эпитетами и еще раз спрашиваешь: что же такое наша литература? И, к досаде моей, прибавляешь обидный вопрос: была ли у нас литература?» [5, с. 60].

Уже в те времена проблема народности и, соответственно, значения русского воззрения стала предметом полемики, будучи интерпретированной, с одной стороны, как исторический архаизм, свидетельствующий о культурной отсталости, с другой стороны, как необходимое условие исторического существования народов и их творческой деятельности. Славянофилы, конечно, отождествляются со вторым направлением, видя своей задачей определение указанных выше самобытных начал русской жизни, подчеркивающих самодостаточность не только в сфере духовной культуры, но и в сфере политической жизни, как внешней, так и внутренней.

Примечательно, что народность рассматривается ими в качестве принципа изучения социальной реальности, истории, культуры, также как и политического устройства, что позиционировалось в качестве условия научной объективности в сфере социально-гуманитарного знания. Так, Ю.Ф. Самарин посвятил обоснованию этого положения статью, очевидно, неслучайно опубликованную в том же первом номере «Русской беседы». По его мнению, «...призвание народности в деле науки представляется в двояком виде. С одной стороны,

сродство мысли, познающей с мыслью, проявившей себя исторически, заключает в себе одно из существенных условий постижения внутреннего смысла и побудительных причин, вызвавших эти проявления; с другой, непричастность народного воззрения к предубеждениям и односторонностям, налагающим свое клеймо на воззрения других народов, дает возможность общечеловеческому воззрению постепенно расширяться и освобождать себя от тесных рамок, временно его ограничивающих» [6, с. 45].

Статья К.С. Аксакова появилась в этом номере журнала в качестве реакции на возражение оппонентов славянофилов против самого понятия «русское воззрение», которое, по их мнению, должно быть общечеловеческим. Философ усматривает в этой универсалистской точке зрения покушение на самобытность народности. Он обосновывает точку зрения, сегодня являющуюся очевидной, но в те годы требовавшей аргументированной защиты. По его мнению, русское воззрение лишь тогда будет иметь общечеловеческое значение, когда реализует потенциал народности; «тогда только и является произведение литературы, или другое какое, станет общечеловеческим, когда оно в то же время будет совершенно народно... – подчеркивает К.С. Аксаков, – мы уже полтора столетия стоим на почве национальности исключительно европейской, в жертву которой приносится наша народность; от того именно мы еще ничем и не обогатили науки. Мы, русские, ничего не сделали для человечества именно потому, что у нас нет, не явилось по крайней мере, русского воззрения» [1, с. 85].

Тот 1856 г. знаменателен и появлением другого журнала – «Русского вестника», первоначально позиционировавшегося как либеральное издание, среди учредителей которого были известные либерально ориентированные общественные деятели и публицисты, такие как Е.Ф. Корш, П.Н. Кудрявцев, А.В. Станкевич, в нем регулярно появлялись статьи Б.Н. Чичерина. Журнал не замедлил дать оценку статье К.С. Аксакова, предлагая свою интерпретацию народности, как *сосуда, наполненного универсальным содержанием*. Что противоречило подходу славянофилов, отрицавших западнические представления об историческом процессе как единой для всего человечества магистрали, на которой одни народы ушли вперед, другие же несколько отстали, где настоящее народов, ушедших вперед, – будущее отставших. Поэтому «Русский вестник» указывает: «Вот наше первое разногласие с защитниками народного воззрения. Корень его, как нам кажется, заключается в том, что они видят историю преимущественно, если не исключительно, в развитии племен и народов; по их воззрению, католическая церковь есть

порождение романских племен, а протестантская – германских. Мы отнюдь не отрицаем некоторого сродства между характером племен и историческим их призванием, но никак не думаем, чтобы движения, подобные выше-сказанным, не имели внутренних оснований, и причинялись только внешними и случайными возбуждениями» [7, с. 313–314].

Интересен ответ К.А. Аксакова во втором номере «Русской беседы». Отмечая неточность образа сосуда, олицетворяющего народ, и указывая в связи с этим, что *в сосуд можно влить жидкость какого угодно содержания*, он решает главную задачу: дает ответ на вопрос о том, что такое народное воззрение. «Народное воззрение есть самостоятельное воззрение народа, при котором только и возможно постижение общей всечеловеческой истины. Как человек, не имеющий своего мнения или воззрения, не имеет никакого: так народ, не имеющий своего мнения или воззрения, не имеет никакого (следовательно, бесплоден и бесполезен)» [2, с. 146].

Конечно, К.С. Аксаков является автором и иных, в том числе более значительных по теоретическому содержанию, работ, что и делает его одним из классиков славянофильского движения, его идеологом. Этими работами он заполняет значительный пробел в контексте учений славянофилов, указывая на социокультурную природу российской государственности, исторические особенности соотношения государства с обществом (страной); он вскрывает архитипические свойства «правды», ее соотношение с «истиной» и «правом», раскрывая аксиологический контекст русской истории, объясняющий ее коллизии. Особое значение работ рассматриваемого периода определяется коренными изменениями, происходящими в политической сфере, благодаря востшествию на престол Александра II.

Примечательно написание в 1855 г. К.С. Аксаковым знаменитого программного исследования – записки «О внутреннем состоянии России» [8, с. 22–44], переданного по его просьбе государю и всем великим князьям. В ней он указывает на особый самобытный характер российской государственности, идеал которой состоит в абсолютной монархии взамен на «нравственную свободу; свободу жизни и духа» [9, с. 629] народа; интерпретированных как свобода слова: «Свобода слова: вот что нужно России, вот прямое приложение общего начала к делу, до того с ним нераздельное, что свобода слова есть, и начало (принцип), и явление (факт)» [9, с. 631]. Этим русский патриот пытается убедить в необходимости Земского собора как независимого органа, мнение которого должно быть значимым для правительства. Отсюда очевидность умеренно-либерального мировоззрения не

только К.С. Аксакова, но и других представителей славянофильского движения.

Аксаков К.С. выражает социально-политическую позицию славянофилов не только в отношении внутреннего политического устройства, обусловленного социокультурными и историческими особенностями, но и в отношении к мировому сообществу, где Россия выступает в качестве самостоятельного субъекта отношений. Окончание в марте 1856 г. Крымской войны, неблагоприятно закончившейся для России, тем не менее открывало новые исторические перспективы перед страной, позиционирующей себя в качестве самодостаточного участника складывающегося мирового порядка. Здесь идея самобытности России как нельзя более отвечала «злобе дня», приобретая характер вневременного идеала, составляющего духовную суть (социокультурный код) русского народа. А «Русское воззрение» и есть этот идеал, требующий определения в теоретической форме – формуле «Русской Идеи» – как важнейшего элемента сверхисторического самосознания народа, у К.С. Аксакова, состоящего не столько в миссии в отношении других народов мира, заблудившихся в истории, сколько в определении перспектив внутреннего существования, столь необходимого в контексте разрушительного распространения ценностей и идеалов социализма и коммунизма, либерализма, сеявших семена социально-политического апокалипсиса – революции.

Журнал «Русская беседа» закрылся через четыре года, прекратив издательскую деятельность со смертью Константина Сергеевича Аксакова (1817–1860). Впрочем, и кружок славянофилов прекратил свое существование уже в начале 1860 г. В том году умер и другой основатель движения – А.С. Хомяков (1804–1860), а четырьмя годами ранее, в год выхода «Русской беседы», в 1856 г., – И.В. Киреевский (1806–1856). Таким образом, кружок славянофилов распался, прежде всего, по причине ухода из жизни основных его участников.

Но дело не только в этом, ведь идея, однажды рожденная (Русская Идея), имеет свою судьбу, независимо от тех, кто ее родил. Мировоззрение славянофилов, в котором значительную роль играла религиозная составляющая, на которую органично проецировались «соборность» и «община», как социальные проекции Русской Идеи, не нашла благоприятной почвы в пореформенный период, в царствование Александра II, озаменованный политикой отказа от консервативных ценностей. В этом смысле неслучайно переиздание полного собрания сочинений К.С. Аксакова в 1889 г., в период возрождения консервативной политики Александром III, разделявшим мысль славянофилов о порочности слепого копирования западного опыта, но отвергшим их идею о Земском соборе. Впрочем, и

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

сам К.С. Аксаков не утверждал необходимость немедленного его созыва, в силу утраченного единства сословий в результате пагубного для России западнического курса Петра I, поддержанного последующей политикой его преемников, включая Николая I. Прежде необходимо восстановить утраченное единство посредством реформ, переориентирующих страну на начала русской жизни.

В контексте сказанного статья «О русском воззрении» является ничем иным, как посланием, адресованным новой власти. Главной мыслью является квинтэссенция славянофильского мировоззрения о пагубности для России подражательства Западу, что «мы уже полтора столетия стоим на почве национальности исключительно европейской, в жертву которой приносится наша народность», и о том, что Россия имеет свой особенный путь, который должен быть реализован в государственной политике новой власти. Но, как справедливо отмечают исследователи, славянофилы стали свидетелями изменений жизни, которые были далеки от их чаяний [10].

Тем не менее мысль о «русском воззрении» не канула в лету, она возымела новую историческую форму у почвенников, придавших ей некоторые новые свойства, развив и трансформировав ряд положений славянофилов. Учитывая рамки предмета настоящей статьи, не станем раскрывать содержание учений почвенников, указав лишь на их интеллектуальную и духовную связь со славянофилами, их столь же значительную одержимость идеей самобытности российской государственности, культуры и образа жизни.

Конечно, мировоззрение славянофилов являлось историческим продуктом, отражая особенности российского общества с 1830-х гг. и вплоть до начала пореформенного периода. Тем не менее в его лоне была рождена новая матрица мышления о России как о самобытном явлении ее культуры, социальной и политической истории. Мысль Ю.Ф. Самарина о народности как о принципе научной объективности при изучении истории народов вместе с идеей К.С. Аксакова о «русском воззрении» стала предтечей цивилизационного подхода к изучению личности, общества и государства, в полной мере реализованного Н.Я. Данилевским в своей теории культурно-исторических типов и вновь востребованного в новейшей российской историографии. Славянофилы были первыми, кто со всей определенностью поставили проблему цивилизационных оснований российского общества и государства, а написанная 170 лет назад статья К.С. Аксакова «О русском воззрении» своеобразно обозначила принципиальные рамки данного подхода.

В связи с этим следует обратить внимание на распространенное мнение о делящейся

истории славянофильского движения в пореформенную эпоху, о старых и новых (ранних и поздних) славянофилах, последние из которых начинают свою биографию после распада их московского кружка, в связи с уходом из жизни известных классиков. Как пишет один из исследователей, «в позднем славянофильстве более четко проявились основные черты раннего славянофильства, черты консервативные, получившие дальнейшее развитие. Раннее славянофильство как направление до-революционного российского консерватизма имело специфические черты, обусловленные российской действительностью петербургской эпохи и придававшие ему квазилиберальный оттенок. Позднее же славянофильство, несмотря на более настойчивое подчеркивание российской специфики, несовместимости России и Европы, в сравнении с ранним славянофильством, имело меньше специфических российских черт и больше общего с западным консерватизмом» [11, с. 149].

Отличие указанных поколений славянофилов отмечается:

- во-первых, по уровню консерватизма, когда ранние славянофилы «грешили» умеренно-либеральными настроениями, выражающимися в интерпретации государства как «неизбежного зла», снижении его ценности в истории, а поздние, напротив, придавали государству высокую (основную) ценность в аксиосфере российского общества;

- во-вторых, наличием у ранних славянофилов мессианской идеи, определяющей смысл российской истории, чего нет у поздних славянофилов, замыкающихся на внутреннем культурном пространстве России;

- в-третьих, отсутствием интереса к идее панславизма у ранних славянофилов и, соответственно, доминантой этой идеи у поздних славянофилов.

Указанные существенные отличия позволяют разграничить указанные поколения славянофилов, во многом противопоставив их друг другу, т. е. идеи поздних славянофилов коренным образом отличны от ранних. Прежде всего, консерватизм поздних славянофилов приобретает решающее значение и классические формы, чего не было у ранних славянофилов. Важным признаком нового поколения является поиск единой основы всех сословий России, почвы, которая их роднит, определяя всю совокупность особенностей страны и государства. При этом понятие российской государственности претерпевает трансформацию, превращаясь из «неизбежного зла» в фундаментальную ценность российского общества.

Указанные обстоятельства могут свидетельствовать в пользу отождествления поздних славянофилов с почвенниками, для которых характерно развитие идеи цивилизационных

оснований российского общества и государства. При этом необходимо подчеркнуть наличие этой идеи у ранних славянофилов, значение которой тем не менее ограничивалось другой важной для них идеей – мыслью об универсальном христианско-православном идеале, который Россия сохранила в результате тысячелетней верности православию, и должна нести миру (Европе), предавшего его забвению.

Конечно, учение о культурно-исторических типах Н.Я. Данилевского, также как и движение почвенников, в целом является продуктом истории, когда идея панславизма обретала новое звучание и смысл в контексте освободительной войны Российской империи которую она вела с Османской империей (1877–1878), а консерватизм политики Александра III обеспечил смещение ценностных приоритетов в сторону повышения значения государственного начала в общественной жизни. Но тем не менее прослеживается преемственность новой парадигмы мышления о России, ее истории и месте в мире, сформулированная классиками славянофильского движения, возникшего в 1830-е гг. В кристаллизованном виде эта мысль была изложена в статье «О русском воззрении» в переломный период российской истории.

Как руководящее начало, «русское воззрение» превращается в воспроизводимую в интеллектуальной и политической истории России традицию, которая по своему генети-

ческому источнику может быть названа славянофильской [12]. Эта традиция есть образ мысли о России как о самобытной и самодостаточной в культурном отношении стране, воспроизводящей в ее более чем тысячелетней истории стереотипы жизнедеятельности, объясняющие особенности ее государственности и права, политического устройства и духовные основы социальной интеграции, определяющие ее смысл существования в истории. В этом смысле очевидна линия преемственности русского воззрения, проходящая через неославянофилов [13; 14; 15], учения евразийцев и неоевразийцев, А.С. Панарина [16; 17] о цивилизационной идентичности России, А.Г. Дугина о многополярном мире [18], других современных патриотически мыслящих исследователей исторической судьбы России.

Новые направления несут в себе и новые исторические формы «русского воззрения», отказываясь от присущей классикам славянофильства религиозного истолкования исторического процесса, акцентируя внимание на национальной культуре, интерпретация которой постепенно смещается с этнической на гражданскую почву. Современное содержание русского воззрения сводится к утверждению цивилизационной самодостаточности России как государства-цивилизации, евразийской и тихоокеанской державы, духовной основой которой является традиционная система ценностей, существующего в многополярном мире.

Список источников

1. Аксаков К.С. О русском воззрении // Русская беседа. 1856. Кн. 1.
2. Аксаков К.С. Еще раз о русском воззрении // Русская беседа. 1856. Кн. 2.
3. Вступительная статья // Русская беседа. 1856. Кн. 1.
4. Пушкин А.С. О народности в литературе: в 10 т. М., 1976. Т. 6.
5. Одоевский В.Ф. Записки для моего праправнука о русской литературе // О литературе и искусстве. М., 1982.
6. Самарин Ю.Ф. Два слова о народности в науке // Русская беседа. 1856. Кн. 1.
7. Вопрос о народности в науке // Русский вестник. 1856. № 6. Т. 3.
8. Аксаков К.С. О внутреннем состоянии России // Теория государства у славянофилов: сб. статей. М., 1898.
9. Аксаков К.С. Дополнение к заметке «О внутреннем состоянии России» // К.С. Аксаков. Полное собрание сочинений. М., 1889. Т. 1.
10. Каплин А.Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи. М., 2011.
11. Немцев И.А. Трансформация славянофильства и самодержавное государство в 60–

References

1. Aksakov K.S. Russian Russian view // Russian conversation. Russian Russian Conversation. 1856. Book 1.
2. Aksakov K.S. Once again about the Russian view. 1856. Book 2.
3. Introductory article // Russian conversation. 1856. Book 1.
4. Pushkin A.S. On nationality in literature: in 10 volumes, Moscow, 1976. Vol. 6.
5. Odoevsky V.F. Notes for my great-great-grandson on Russian literature // On literature and Art, Moscow, 1982.
6. Samarin Yu.F. Two words about nationality in science // Russian conversation. 1856. Book 1.
7. The question of nationality in science // Russian Bulletin. 1856. № 6. Vol. 3.
8. Aksakov K.S. About the internal state of Russia // The theory of the state among the Slavophiles: collection of articles. Moscow, 1898.
9. Aksakov K.S. Supplement to the note "On the internal state of Russia" // K.S. Aksakov. Complete works. Moscow, 1889. Vol. 1.
10. Kaplin A.D. Slavophiles, their associates and followers. Moscow, 2011.
11. Nemtsev I.A. The transformation of Slavophilism and the autocratic state in the 60-70s

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

70-е гг. XIX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. Вып. 1 (21).

12. Контарев А.А. Идеи российской государственности. Ростов н/Д, 2000.

13. Эрн В.Ф. Борьба за Логос: опыты философские и критические. М., 1911.

14. Эрн В.Ф. Меч и Крест. Статьи о современных событиях. М., 1915.

15. Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М., 1915.

16. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.

17. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2000.

18. Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М., 2013.

of the XIX century // Bulletin of Perm University. Series: History. 2013. Issue 1 (21).

12. Kontarev A.A. Ideas of Russian statehood. Rostov n/A, 2000.

13. Ern V.F. The struggle for the Logos: philosophical and critical experiments. Moscow, 1911.

14. Ern V.F. Sword and Cross. Articles on modern events. Moscow, 1915-15.

15. Ern V.F. Time Slavophiles. War, Germany, Europe and Russia. Moscow, 1915.

16. Panarin A.S. Orthodox civilization in the global world. Moscow, 2002.

17. Panarin A.S. The temptation of globalism. Moscow, 2000.

18. Dugin A.G. Theory of a multipolar world. Moscow, 2013.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. А. Контарев, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. A. Kontarev, Grand PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.05.2026; одобрена после рецензирования 25.05.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 15.05.2026; approved after reviewing 25.05.2026; accepted for publication 08.06.2026.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И ЕГО ИММАНЕНТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Дмитрий Владимирович Писачкин

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация, dmitrypisachkin@mail.ru

Введение: статья посвящена теоретико-философскому анализу национальной безопасности в контексте современных геополитических вызовов, стоящих перед Россией в XXI веке. В качестве объекта исследования выступает понятие мировоззренческой безопасности. Предметом исследования является социальный контроль, который рассматривается в качестве инструментария мировоззренческой безопасности. Целью исследования – выявление и научное обоснование роли социального контроля в контексте мировоззренческой безопасности, анализ, синтез, комбинаторика и морфизм обеих составляющих. Исходной гипотезой исследования является утверждение о необходимости модернизации модели национальной безопасности в мировоззренческой сфере.

Материалы и методы: в ходе исследования автор использует методологическую базу А.И. Мелихова, который выделяет понятие «мировоззренческая безопасность» из спектра национальной безопасности в качестве метакатегории. Используя интегративный метод, автор проводит сравнительный анализ между понятиями «социальный контроль» и «мировоззренческая безопасность», также использовался метод диалектики и концепции органической теории государства.

Результаты исследования: в статье рассматривается потенциал социального контроля как инструментария, применяемого на практике в ходе реализации концепции мировоззренческой безопасности. Автор усматривает бифуркацию, возникающую в социуме российского государства как следствие кризиса, вызванного глобальными геополитическими метаморфозами.

Выводы и заключения: делается вывод о том, что в ходе мировой трансформации однополярного мироустройства в многополярное возникает необходимость в модернизации системы национальной безопасности. Метаморфозы, возникающие как следствие глобальных изменений в политическом, экономическом и национальном аспектах, обязательно дадут обратную связь в виде внутренней энтропии социума в самом государстве. Поэтому необходима реставрация системы национальной безопасности России. Автор рассматривает социальный контроль как содержательную основу мировоззренческой безопасности, предлагая использовать его в качестве инструментария для достижения последней.

Ключевые слова: национальная безопасность, мировоззренческая безопасность, социальный контроль, квинтэссенция, энтропия, геополитическая конъюнктура, метакатегория, многонациональный народ, ресентимент, логос контроль

Для цитирования: Писачкин Д. В. Социальный контроль и его имманентность в контексте мировоззренческой безопасности России // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 211–217.

Original paper

SOCIAL CONTROL AND ITS IMMANENCE IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S IDEOLOGICAL SECURITY

Dmitry Vladimirovich Pisachkin

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: the article is devoted to the theoretical and philosophical analysis of national security in the context of modern geopolitical challenges facing Russia in the 21st century. The concept of ideological security acts as an object of research. The subject of the research is social control, which is considered as a tool for ideological security. The aim of the research is to identify and scientifically

substantiate the role of social control in the context of ideological security, analysis, synthesis, combinatorics and morphism of both components. The initial hypothesis of the study is the statement about the need to modernize the national security model in the ideological sphere.

Materials and methods: *in the course of the research, the author uses the methodological base of A.I. Melikhov, who identifies the concept of "ideological security" from the spectrum of national security as a meta-category. Using the integrative method, the author conducts a comparative analysis between the concepts of "social control" and "ideological security", the method of dialectics and the concept of the organic theory of the state was also used.*

Results of the study: *the article examines the potential of social control as a tool used in practice during the implementation of the concept of ideological security. The author sees a bifurcation emerging in the society of the Russian state as a consequence of the crisis caused by global geopolitical metamorphoses.*

Findings and conclusions: *it is concluded that during the global transformation of the unipolar world order into a multipolar one, there is a need to modernize the national security system. The metamorphoses that arise as a result of global changes in political, economic and national aspects will certainly give feedback in the form of the internal entropy of society in the state itself. Therefore, the restoration of Russia's national security system is necessary. The author considers social control as a substantial basis of ideological security, suggesting using it as a tool to achieve the latter.*

Keywords: *national security, ideological security, social control, quintessence, entropy, geopolitical conjuncture, metacategory, multinational people, resentment, logos control*

For citation: *Pisachkin D. V. Social control and its immanence in the context of Russia's ideological security // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 211–217.*

«Социальный контроль как научный термин был введен в конце XIX века французским социологом Г. Тардом. Ученый изначально рассматривал его как инструментальный, благодаря которому можно вернуть преступника к нормам общественного поведения. Концепция Г. Тарда строилась на законе подражания, на котором зиждется коммуникация социума. В 1901 г. в свет вышла книга американского социолога Э. Росса «Социальный контроль». Автор рассматривал социальные процессы как феномен взаимодействия свободы человека в проекции социальной стабильности. В качестве квинтэссенции американский социолог выделял внутренний этический контроль и подчеркивал значение внешнего политического контроля в контексте санкций, религиозных догматов и пр. Р. Парк трактовал социальный контроль как целенаправленное влияние общества на поведение индивида. В организации контроля всегда лидирующую позицию занимает общество. Р. Парк выделял три формы социального контроля: элементарные – принудительные санкции; общественное мнение; социальные институты. По состоянию на настоящий момент в гуманитарном знании социальный контроль трактуется как любой социальный механизм, посредством которого индивиды вынуждены придерживаться правил, принятых в социуме» [1, с. 17].

Вектор социального контроля прежде всего направлен на поведение тех индивидов, чье поведение отклоняется от норм в ту или иную сторону от обозначенных границ, формируя у последних аутентичность. Стимулы и мотиваторы являются регуляторами и индикаторами социального контроля. Управляющая власть, в

какой бы социальной среде она ни была установлена, первой и основной целеполагающей функцией считает сформировать у индивидов референтные ценности. «Социокультурный код как алгоритм действий в критических ситуациях формируется социальной группой и императивно ей вменяется» [2, с. 110–118]. «Социальный контроль является ядром теории девиантного поведения, его основной задачей является анализ социальных процессов в общественной системе, которые противодействуют отклонению от социальных норм: суицид, алкоголизм, наркомания, пенитенциарная практика и другие проявления девиации. Стабильное равновесие интерактивных процессов – это фундаментальная точка отсчета для анализа социального контроля, что аналогично и для теории девиации» [1, с. 19].

Отдельное внимание нужно уделить вопросу о роли социального контроля и его имманентности в контексте безопасности, национальной безопасности. Национальная безопасность – это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права и свободы граждан, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое социально-экономическое развитие страны. Основными объектами национальной безопасности являются: личность, ее права и свободы; социальные и национальные группы, их внутренняя целостность и самоуправление; общество, его материальные и духовные ценности; государство, его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

Сопоставляя указанные понятия, можно резюмировать, что обе субстанции близки по своему целеполаганию. Если сравнить национальную безопасность и социальный контроль в проекции их единых начал, то вывод будет один – дихотомия теоретически невозможна. Стоит обратить внимание, что диапазон национальной безопасности значительно шире, чем у социального контроля. Из вышеописанного следует, что объединить эти две категории в равнозначные компоненты одной системы не получится, т. к. весь спектр задач социального контроля присутствует в формировании национальной безопасности. Социальный контроль может быть представлен компонентом в системе национальной безопасности. Соответственно, чтобы выстроить необходимую конструкцию в форме единого базиса для последующего нивелирования фрагментов с целью исследования его феномена, необходимо стратифицировать спектр категорий национальной безопасности в определенной плоскости.

«Мелихов А.И. в своем труде рассматривает понятие «мировоззренческая безопасность», представляя ее как метакатегорию, которая в синтезе образует плеяду разных ипостасей, в которую входят духовная, религиозная, идеологическая и информационная составляющие» [3, с. 215–223]. Выделяя мировоззренческую безопасность из спектра национальной безопасности как отдельный сегмент, автор предлагает модифицировать последнюю. Необходимость проведения модернизации системы национальной безопасности А.И. Мелихов обосновывает тем, что со времен окончания холодной войны, которая проходила между США и СССР, существенных реконструкций не проводилось. Факт развала СССР в 1991 г. неоспоримо доказывает, что прежняя система национальной безопасности была неконкурентоспособна по сравнению с оппонентом США, чья имманентность оказалась более креативной. «...Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать, «...такая страна может быть побеждена лишь собственной слабостью и действием внутренних раздоров» [4, с. 277]. Старые бреши остались практически без изменений с тех времен. Из этого следует, что действующая система национальной безопасности не готова выдержать новый идеологический удар. Мировоззрение русского многонационального народа необходимо укрепить, усовершенствовать идеологическую архитектуру, в том числе с использованием синергии. В противном случае Россия рискует повторить прошлые ошибки.

Учитывая, что целью исследования является рассмотрение социального контроля в контексте национальной и мировоззренческой безопасности и установление его констант, необходимо дифференцировать националь-

ную безопасность на необходимые составляющие. Оптимальным материалом для научного анализа будет соотношение социального контроля и мировоззренческой безопасности как сегмента национальной безопасности, выделенного в качестве объекта исследования. Как было сказано выше, вектор социального контроля направлен на преодоление девиации индивидов, поведение которых отклоняется от социальных норм, с целью купирования возможных проявлений. Квинтэссенция мировоззренческой безопасности аналогична социальному контролю, обе эти сферы идентичны в своем моделировании.

Мировоззрение, по аналогии с мировоззренческой безопасностью, представляет собой метакатегорию, которая в своем единстве интегрирует следующие понятия: мироощущение, мировосприятие, миропонимание.

Мироощущение – это эмоционально-психологическая сторона мировоззрения, которая выражается в чувствах и настроениях. Именно состояние мироощущения приводит к возникновению антагонизма и resentimenta в социуме, которые способствуют возникновению энтропии, выражающей себя в форме экстремизма, межнациональной розни и иных проявлений девиации [5, с. 89–103; 6, с. 8–16].

Мировосприятие – это познавательный процесс, представленный как образ мира в наглядных представлениях, который в подавляющем большинстве формируется под влиянием медиапространства страны, что в свою очередь попадает в сферу информационной безопасности – одну из категорий мировоззренческой безопасности.

Миропонимание – это познавательно – интеллектуальная сторона мировоззрения, требующая критичности мышления индивида.

Весь вышеперечисленный спектр жизненных, ориентирующих факторов консолидируется в мировоззрении социума, которое должно регулироваться в проекции мировоззренческой безопасности.

Мировоззрение социума создается исключительно синергетическим методом [7, с. 10–11], т. к. оно затрагивает обширный спектр порой диаметрально противоположных процессов и явлений, которые в синтезе образуют единую систему. Мировоззренческая безопасность – это сердцевина организма в плоскости национальной безопасности, жизнедеятельность которого зависит от слаженности работы органов, отвечающих за витальные потребности общества.

Социальный контроль выступает информационным носителем или ядром мировоззренческой безопасности, хотя могло быть и наоборот, если бы не временные характеристики последней. Учитывая изложенное, можно резюмировать, что обе субстанции в про-

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

цессе функционирования идут в унисон. Все ипостаси, составляющие спектр категорий мировоззренческой безопасности, являются элементами социального контроля. Если брать религиозную, духовную, информационную, идеологическую составляющие, то все перечисленные категории выступают в роли компонентов мировоззренческой безопасности. В сравнительном анализе социального контроля и мировоззренческой безопасности разницу определяет лишь то, что в первом случае он представлен в виде элемента, во втором – принимает форму компонента. Или если в первом случае может принять форму компонента, то во втором будет представлен в виде подсистемы.

Интерпретируя социальный контроль как остов мировоззренческой безопасности, необходимо учесть его дефиницию – это регулятор общественных отношений в социокультурном пространстве. «Социальный контроль в широком смысле включает все многообразие форм контроля. В узком смысле – это контроль, осуществляемый через общественное мнение, «прозрачность», гласность оценки поведения людей» [1, с. 28]. Именно узконаправленная интерпретация социального контроля интересует нас в качестве базиса. Социальный контроль в интересующем нас аспекте создает конструкцию из необходимых фрагментов, где в качестве локомотива представлен логос-контроль, который является фундаментом мировоззренческой безопасности. Рассматривая геополитическую конъюнктуру через призму нашего исследования, стоит отметить: использование «мягкой силы» как рычага воздействия стало обыденной нормой, ряд успешно проведенных «оранжевых революций» подтверждает, насколько эффективен данный инструмент внешней политической борьбы. Популяризация русофобии в мировом масштабе образует опасные для нашего государства вызовы, которые требуют существенной фильтрации в социуме. Все вышеперечисленные факты создают предпосылки, требующие фундаментального теоретико-философского исследования данной проблематики. Именно социальный контроль, интерпретированный в узком смысле, должен идти первым в кильватере трансформации национальной безопасности. «Пренебрежение ею ведет к стратегической уязвимости государства, даже если военная мощь и экономика выглядят внушительно» [3, с. 215–223].

«Социальные институты контролируют поведение членов общества, устанавливая образцы, которые придают ему упорядоченный характер. В общественной жизни внешний контроль трансформируется в самоконтроль

через развитие самосознания как способности оценивания собственной деятельности. Умение человека принимать ответственность на себя показывает у него наличие внутреннего контроля» [1, с. 280], «...одной из причин краха советской системы безопасности стало то, что при всей мощи силовых структур не были должным образом обеспечены витальные потребности населения в сравнительно «мирных» сферах – информационной, продовольственной и др.» [3, с. 215–223].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что основная функция социального контроля не реализовывалась должным образом. Контроль над мировоззрением социума не осуществлялся, что свидетельствует об иррациональном использовании имеющихся ресурсов и недооценке их значимости в контексте национальной безопасности. Если в СССР в период своего апогея работа по идеологическому воспитанию проводилась на достойном уровне, о чем свидетельствует популяризация таких организаций, как пионерия и комсомол, то, как показывает практика, указанные организации долгое время обеспечивали необходимый мировоззренческий баланс среди советского населения. Но в последние годы существования Советского Союза указанные институты носили формальный характер, о чем свидетельствует: «...сопоставление хронологии распада идеологических структур (пионерии, комсомола) с датой развала СССР указывает, что когда перестали функционировать идеологические структуры, формирующие мировоззрение молодежи, государство утратило будущее – и практически сразу потеряло и настоящее» [3, с. 215–223].

Необходимо осознать, что мировоззренческая безопасность – это платформа, которая помогает осмыслить, выстроить необходимую систему координат и определить конечную цель заданного вектора концепции национальной безопасности, что в нашем случае представляет собой мировоззрение социума России, которое представлено в консолидации многонационального народа Российской Федерации. В настоящее время наряду с направлением деятельности по «обеспечению национальной безопасности» Стратегия обеспечения национальной безопасности Российской Федерации утверждена Указом Президента РФ¹.

«Голод и жажда разрушают не только физические, но также и духовные и нравственные силы человека; они лишают его человеческого образа, лишают рассудка и сознания» [8, с. 7]. Рассудок и сознание – это те самые постулаты, на которых зиждется квинтэссенция исследуемых нами субстанций. Современная эпоха

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 12.01.2026).

диктует свои условия, интенциональность индивидов формируется информационным способом в медийном пространстве. Безопасность XXI века – это прежде всего сохранение целостного сознания наций. Указанное суждение должно составлять ядро национальной безопасности в любой стране. Методика ведения борьбы с применением «мягкой силы» не раз подтверждала себя эмпирически. Яркий тому пример, как было ранее сказано, – ряд успешно проведенных «оранжевых революций». Умение противостоять подобным процессам – это показатель степени защищенности любого государства.

Если ранее мы представляли мировоззренческую безопасность и социальный контроль в синтезе, нивелировав их границы, то теперь необходимо стратифицировать их по отдельности и рассмотреть в единой плоскости. В качестве социального контроля мы получаем инструментарий, необходимый для моделирования системы мировоззренческой безопасности. Мировоззренческая безопасность позволяет выстроить необходимую систему координат, а социальный контроль реализует целедостижение программы. Мировоззренческая безопасность – форма, а социальный контроль – содержание. Функции указанных субстанций идентичны, что, согласно закону диалектики единства и борьбы противоположностей, говорит о том, что оба субстрата примут тождественное воздействие внешних факторов как единый объект. Как известно, форма всегда двойственна по отношению к содержанию, она дифференцируется на внутреннюю и внешнюю [9, с. 94]. Если в нашем случае содержание – это социальный контроль, то внутренняя форма – это мировоззренческая безопасность, следовательно, внешняя форма будет представлена в виде национальной безопасности.

Анализируя события, происходящие в мире, к которым относятся: саммит Россия – США на Аляске; «Саммит Путина и Трампа», который состоялся в Анкоридже в августе 2025 г.; к знаковым событиям можно также отнести «саммит Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), главными результатами которого стали принятие Тяньцзиньской декларации и учреждение новых институтов, что, по мнению экспертов, знаменует переход ШОС от «дискуссионного клуба» к созданию реальной альтернативы западному миропорядку»²; подписание меморандума о строительстве газопровода «Сила Сибири – 2» и транзитного газопровода «Союз Восток» через территорию Монголии, что позволит в Монголию из России поставлять 50 млрд кубометров газа в год.

Все вышеперечисленные события говорят о смещении центра тяжести силы на мировой шахматной доске, что связано с процессом трансформации мироустройства. Переход от однополярного мироустройства к многополярному создает геополитические метаморфозы и ставит точку невозврата [10, с. 422–440]. «Если до этого процесс становления новой эпохи в основном был уделом стихии случая, в современных условиях это невозможно. И нет в этом никакой экзегезы, магии времени или гностических тайн. Причина, вернее, условия для происходящего – объективная реализация основных систем ценностей человечества» [11, с. 45–55]. Как следствие, геополитическая конъюнктура создает предпосылки, необходимые для модификации системы национальной безопасности. Опираясь философским осмыслением, данная проблематика представляется следующим образом: в бытии мироздания идет процесс глобальной бифуркации. В связи с этим возникает необходимость усилить контроль – социальный контроль – за динамикой изменения объектов мировоззрения социума.

«В результате сформированные под влиянием носителей идей представителей УГКЦ³ философско-политические воззрения, носящие националистический характер, прямо угрожают духовно-нравственным ориентирам российского народа и национальной безопасности Российской Федерации в целом, что особенно опасно в условиях недружественной политики стран объединенного Запада» [12, с. 100–105]. Деструктивной точки зрения духовенство начинает придерживаться только тогда, когда она идет в унисон с националистическими идеями. История знает такие примеры – феномен «катоэндеции» – союз католической церкви и Национально-демократической партии, возникший в Польше в середине XX века [13, с. 134].

Методом рефлексивного осмысления необходимо спроецировать магистральную линию в нужном направлении. В связи с изменением прежнего мировоззренческого вектора в социуме всегда возникает культурный диссонанс. Новое мироустройство требует нового мировоззрения, которое должно соответствовать объективным изменениям в бытии. Бытие русского многонационального народа в единении и всех этносов, стратифицированных по отдельности и входящих в его спектр, должно коррелироваться между собой и двигаться в едином политическом фарватере. В качестве квинтэссенции необходимо спроецировать превентивные меры по нейтрализации возможных эскалаций конфликтов между этносами на национальной почве [14, с. 76–81].

² ШОС в Китае: Путин, Си Цзиньпин, Наренда Модии подписали новые соглашения и договоры. URL: <https://www.mn.ru/smart/itogi-sammita-shos-2025-kontury-novogo-mirovogo-poryadka> (дата обращения: 12.01.2026).

³ Украинская греко-католическая церковь.

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Проблемы могут возникнуть как следствие вышеописанного диссонанса в социуме. Как показывает история, любые перемены, локальные, а тем более глобальные, сопровождаются кризисом. В Китае кризис обозначается двумя иероглифами – один «опасность», второй – «возможность», из чего можно сделать вывод, что обе характеристики будут присутствовать в социуме, вопрос только в какой степени и в каких этнических группах. Хронические болезни нашего многоликого общества в период кризиса могут обостряться и принимать форму ресентимента. «В понятии ресентимента Ницше объединил негодование, зависть и чувство бессилия» [5, с. 89–103]. Но в нашем случае данный термин интерпретируется как негодование согласно трактовке Р. Соломона [15, с. 89]. Гнев, зависть, обостренное чувство справедливости – все перечисленные качества, культивируемые в социуме, создают энтропию. Стоит отметить, что гнев и вина в сочетании синтезируют мораль; без данных качеств, как выразил свою мысль А. Джиббард, мораль утратит каркас, на котором зиждется [16, с. 51]. Из этого следует, что борьба с данными проявлениями должна быть в рациональной увязке с нравственными модулями, нельзя допускать перегибов.

В связи с этим возникает необходимость вернуться к понятию энтропии, что в нашем случае интерпретируется как возникшая мера хаоса, которая всегда возникает при кризисе. Это обратная сторона социального процесса. Поэтому возникает необходимость минимизировать обратные связи. Социальный контроль в контексте мировоззренческой безопасности выступает в роли индикатора внутренней энтропии, формирует целостно-смысловые ориентиры в социуме. Учитывая геополитические метаморфозы, рассматриваемые нами как фактор воздействия на социум, задачи рассматриваемых субстанций должны заключаться в прямо пропорциональном противодействии. Возникает необходимость в принятии ряда превентивных мер по возможной нейтрализации турбулентности.

«Национальная, государственная и конституционная безопасность в целом есть степень

защищенности личности, общества и государства. Она может создаваться тремя путями: прямой защитой от конкретных внешних и внутренних угроз; упреждающей нейтрализацией источников опасности; и развитием механизмов самосохранения и саморегулирования непосредственно у самих защищаемых объектов» [17, с. 10].

Стоит отметить, что информационное пространство нуждается не просто в постоянном контроле, а в активном внедрении мировоззренческих идеологических матриц созидательного толка посредством массмедиа в социум. Принятие превентивных мер по недопущению проникновения инородных тел в организм в виде насаждаемых идеологических лекал, спроецированных западными политтехнологами, должно стоять в приоритете. Необходимо своевременно купировать источники, представляющие опасность в мировоззренческой проекции.

Резюмируя изложенное, делаем вывод: в сложившейся геополитической конъюнктуре на мировой арене, а именно в трансформации однополярного мироустройства в многополярное, возникает объективная необходимость в модернизации системы национальной безопасности. Учитывая тот факт, что метаморфозы, возникающие как следствие глобальных изменений в политическом, экономическом и национальном аспектах на глобальном уровне, обязательно дадут обратную связь в виде внутренней энтропии социума в самом государстве, возникает объективная необходимость в реставрации системы национальной безопасности России. Автор ссылается на научные труды А.И. Мелихова и, рассматривая социальный контроль как содержательную основу мировоззренческой безопасности, предлагает использовать его в качестве инструментария для цели достижения последней. Автор предлагает перейти от концепции безопасности как простого выживания к концепции жизнеспособности, предполагающей системную работу по формированию, воспроизводству и защите национального мировоззрения.

Список источников

1. Поверинов И.Е., Писачкин Д.В. Социальный контроль: философские, социологические и правовые аспекты. Саранск, 2011.
2. Пихновский В.В., Евстифеева Е.А., Григорьева Д.Д. Обман как социальный код. Лицедейство и сказка // Современные философские исследования. 2025. № 2.
3. Мелихов И.А., Писачкин Д.В. О необходимости теоретико-философского исследования понятия «мировоззренческая безопасность» // Философия права. 2025. № 3 (114).

References

1. Poverinov I.E., Pisachkin D.V. Social control: philosophical, sociological and legal aspects. Saransk, 2011.
2. Pikhnovskiy V.V., Evstifeeva E.A., Grigorieva D.D. Deception as a social code. Acting and a fairy tale // Modern philosophical research. 2025. № 2.
3. Melikhov I.A., Pisachkin D.V. On the need for a theoretical and philosophical study of the concept of "ideological security" // Philosophy of Law. 2025. № 3 (114).

-
-
4. Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983.
 5. Скрипник А.П. Нормативная этика // Этическая мысль. 2019. № 1. Т. 19.
 6. Козырев М.С., Важенина И.В. Историко-идеологические аспекты русофобии в зарубежных странах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. № 3 (61). Т. 16.
 7. Алимарданова А.Г. Мировоззренческая безопасность молодежи как основа национальной безопасности России // Правовое образование: сб. научных статей. Ростов н/Д, 2017. Т. 2.
 8. Фейербах Л. Сочинения: в 2 т.: пер. с нем. М., 1995. Т. 2.
 9. Гулыга А.В. Гегель. 2-е изд. М., 1981.
 10. Писачкина Я.С. Здравомыслие и социальный контроль в системе социально-философского знания // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. № 4. Т. 22.
 11. Купарашвили М.Д. Постмодерн: Философия идентификации // Вестник Омского университета. 2025. № 2 (30).
 12. Килимник Е.В. Роль Греко-Католической церкви в формировании политического сознания на Украине в условиях ведения информационной войны против России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. № 1 (96). Т. 31.
 13. Gross J.T. Fear: Anti-Semitism in Poland after Auschwitz. New York, 2006.
 14. Козырев М.С. Анализ идеологического дискурса внесистемной оппозиции (на примере незарегистрированной партии «Россия будущего») // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2025. № 11.
 15. Solomon R.C. Living with Nietzsche: What the Great «Immoralist» Has to Teach Us. New York, 2003.
 16. Gibbard A. Wise Choices, Apt Feeling: A Theory of Normative Judgment. New York, 2002.
 17. Хвыля-Олинтер А.И. Духовно-религиозное основание национальной безопасности России. М., 2012.
 4. Yakovlev N.N. The CIA against the USSR. Moscow, 1983.
 5. Skripnik A.P. Normative ethics // An ethical thought. 2019. № 1. Vol. 19.
 6. Kozyrev M.S., Vazhenina I.V. Historical and ideological aspects of Russophobia in foreign countries // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 3 (61). Vol. 16.
 7. Alimardanova A.G. Ideological safety of youth as the basis of national security of Russia // Legal education: collection of scientific articles. Rostov n/A, 2017. Vol. 2.
 8. Feuerbach L. Essays: in 2 volumes: translated from German Moscow, 1995. Vol. 2.
 9. Gulyga A.V. Hegel. 2nd ed. Moscow, 1981.
 10. Pisachkina Ya.S. Sanity and social control in the system of socio-philosophical knowledge // Humanities: current problems of humanities and education. 2022. № 4. Vol. 22.
 11. Kuparashvili M.D. Postmodernity: Philosophy of identification // Bulletin of Omsk University. 2025. № 2 (30).
 12. Kilimnik E.V. The role of the Greek Catholic Church in shaping political consciousness in Ukraine in the context of the information war against Russia // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 1 (96). Vol. 31.
 13. Gross J.T. Fear: Anti-Semitism in Poland after Auschwitz. New York, 2006.
 14. Kozyrev M.S. Analysis of the ideological discourse of the non-systemic opposition (on the example of the unregistered Russia of the Future party) // Alma Mater (Bulletin of the Higher School). 2025. № 11.
 15. Solomon R.C. Living with Nietzsche: What the Great «Immoralist» Has to Teach Us. New York, 2003.
 16. Gibbard A. Wise Choices, Apt Feeling: A Theory of Normative Judgment. New York, 2002.
 17. Khvylya-Olinter A.I. The spiritual and religious foundation of Russia's national Security. Moscow, 2012.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Д. В. Писачкин, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России. 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

D. V. Pisachkin, PhD in Philosophy, Senior Lecturer at the Department of Theory and Methodology of Public Administration, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., 125993 Moscow Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 19.01.2026; approved after reviewing 03.02.2026; accepted for publication 08.06.2026.

**«НАСИЛЬСТВЕННОСТЬ» КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ (КОНЦЕПТ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ)**

Виталий Борисович Рожковский

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
v-rozkovskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6423-4664>

Введение: в процессе глобального противостояния России как государства-цивилизации с коллективным Западом обоснование существенного различия духовно-культурного и социально-политического бытия этих миров влечет политико-философское переосмысление содержания сопряженных понятий «силы», «власти», «насилия» и предполагает обращение к соответствующим идеям и концептам, сформулированным в истории русской мысли. Среди таких идей – различие между «насильственностью» западноевропейской цивилизации и «ненасильственностью» России Н.Я. Данилевского.

Материалы и методы: в статье проведен анализ концепта Н.Я. Данилевского «насильственность» в качестве важнейшей характеристики западноевропейской цивилизации. Содержание данного концепта актуализировано в контексте выявления как его проблемного научно-теоретического поля, так и в соотношении с тенденциями формирования современного многополярного миропорядка.

Результаты исследования: определяемая Н.Я. Данилевским в качестве характерной черты западноевропейской цивилизации «насильственность» представляет собой этнографическую особенность романо-германского мира, связанную с развитием в религиозно-политической, социально-политической и др. сферах архетипа разрушительной силы для других субъектов исторического процесса – государств-цивилизаций и народов. Данный архетип составляет естественную склонность в политических практиках и дискурсе элит западноевропейских государств, где западная цивилизация представлена в качестве магистрального выразителя универсальных и прогрессивных ценностей, а коллективный Запад претендует на роль мирового гегемона. В то же время для России характерно присутствие христианских императивов в культуре и политической жизни, что предопределило ненасильственный характер российского государства-цивилизации.

Выводы и заключения: в современном многополярном мире концепт Н.Я. Данилевского о насильственности как специфической черте западноевропейской цивилизации служит стратегическим ценностным ориентиром обоснования политического противостояния России как ненасильственного государства-цивилизации с коллективным Западом.

Ключевые слова: насильственность, ненасильственность, западноевропейская цивилизация, Н.Я. Данилевский, европоцентризм, материнский архетип

Для цитирования: Рожковский В. Б. «Насильственность» как характерная черта западноевропейской цивилизации (концепт Н.Я. Данилевского и современность) // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 218–225.

Original paper

**«VIOLENCE» AS A CHARACTERISTIC FEATURE OF WESTERN EUROPEAN
CIVILIZATION (N.Ya. DANILEVSKY'S CONCEPT AND MODERN TIMES)**

Vitaly Borisovich Rozhkovsky

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: in the process of the global confrontation between Russia as a state-civilization and the collective West, the substantiation of the essential difference between the spiritual, cultural and socio-political existence of these worlds entails a political and philosophical rethinking of the content of the related concepts of "force", "power", "violence" and involves an appeal to the relevant ideas and

concepts formulated in the history of Russian thought. Among such ideas is the difference between the "violence" of Western European civilization and the "nonviolence" of N.Y. Danilevsky's Russia.

Materials and methods: the article analyzes the concept of N.Y. Danilevsky "violence" as the most important characteristic of Western European civilization. The content of this concept is updated in the context of identifying both its problematic scientific and theoretical field and in relation to the trends in the formation of the modern multipolar world order.

Results of the study: defined by N.Y. Danilevsky as a characteristic feature of Western European civilization, "violence" is an ethnographic feature of the Romano-Germanic world associated with the development in religious, political, socio-political, and other spheres of the archetype of destructive force for other subjects of the historical process – states, civilizations, and peoples. This archetype is a natural tendency in the political practices and discourse of the elites of Western European states, where Western civilization is represented as the main exponent of universal and progressive values, and the collective West claims to be the world hegemon. At the same time, Russia is characterized by the presence of Christian imperatives in culture and political life, which predetermined the nonviolent nature of the Russian state-civilization.

Findings and conclusions: in the modern multipolar world, N.Y. Danilevsky's concept of violence as a specific feature of Western European civilization serves as a strategic value guideline for substantiating the political confrontation between Russia as a nonviolent state-civilization and the collective West.

Keywords: violence, nonviolence, Western European civilization, N.Y. Danilevsky, eurocentrism, maternal archetype

For citation: Rozhkovsky V. B. «Violence» as a characteristic feature of western European civilization (N.Ya. Danilevsky's concept and modern times) // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 218–225.

Современные конфронтационные политические процессы нового «передела мира» связаны с заменой глобалистской гегемонии Запада структурами многополярного мира, субъектами которого выступают влиятельные государства, олицетворяющие сложившиеся в истории культурно-цивилизационные образования (Россия, США, Китай и др.). Эти процессы вовлекают указанные и иные страны в ситуацию экзистенциального выбора не только в контексте применения или неприменения военно-политической силы (насилия) и защиты собственной суверенности, но и для стратегической солидаризации или, по меньшей мере, партнерства с тем или иным международным центром политической силы. Для обоснования такого рода выбора государствам необходимо определение идейных культурно-цивилизационных опор собственной идентичности. Все более востребованными становятся идеи, в которых обосновывается альтернативная европоцентристской модели (с ее претензией на универсальные духовно-культурные ценности и правила политического миропорядка, настойчиво прививаемые другим национальным и государственным образованиям) концепция мирового развития.

К альтернативным глобалистскому европоцентризму идеям принадлежит представление о «насильственности» в качестве характеристики западноевропейской цивилизации Н.Я. Данилевского, обоснованное им во второй половине XIX века в рамках цивилизационного подхода к истории. В своем учении Н.Я. Данилевский самостоятельно пришел

к схожим со славянофилами (И.В. Киреевский, А.С. Хомяков и др.) выводам об одностороннем и кризисном характере развития западноевропейской цивилизации, претендующей на культурно-цивилизационную ценностную универсальность и (на этом основании) на политическое доминирование.

В произведении «Россия и Европа» (1869 г.) Н.Я. Данилевский излагает концепцию «культурно-исторических типов», представляющую собой альтернативную европоцентристской модель исторического развития, которая предвосхитила подобные модели в XX веке (О. Шпенглер, А. Тойнби и др.). Согласно учению Н.Я. Данилевского, не существует одной – общечеловеческой цивилизации, основой которой принято считать именно европейскую, возглавляющую всемирно-историческое развитие и задающую некие стандарты развития всем остальным, находящимся на периферии культурно-цивилизационного развития. Апеллируя к историческим фактам из истории отдельных народов, Н.Я. Данилевский показывает, что в действительности нужно говорить о существовании целого ряда самобытных и самоценных культур, или их типов – египетской, китайской, еврейской, ассирийско-вавилонской, греческой, римской, германо-романской, славянской (русской), объединяемых общим «духом», языком, верой, политической независимостью ее народов, национальными особенностями развития науки и другого рода характерными свойствами.

Но неверно было бы сводить законы самобытного существования культур в понимании

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Н.Я. Данилевского к теориям развития уникальных социальных «организмов», поскольку ключевым моментом в картине мира русского мыслителя было признание действия в истории Промысла Бога в отношении человека и выражения каждой культурой идеального (духовного) начала. Каждый культурно-исторический тип выражает идеал человека (общества, культуры) по-своему. При этом возможное подавляющее господство одного культурно-исторического типа означало бы унижение народного духа, присущего другим культурно-историческим типам, деградацию народов, а значит, и самой истории как диалога самобытных культур.

Между тем именно для претендующей на культурную, научную и др. универсальность и первенство европейской цивилизации свойственно такое опасное и исторически ошибочное притязание (в особенности притязание считать себя правопреемницей возникших, по мнению Н.Я. Данилевского, на «другой почве» греческой и римской цивилизаций), которое исторически заложено в насильственном ее характере. Ложной идее общечеловеческой цивилизации Н.Я. Данилевский противопоставлял не только представление о самобытности культурно-исторических типов, но и возвышающуюся над ней идею всечеловечества [1, с. 161], согласно которой есть только один Всечеловек – Бог (Христос Богочеловек) [1, с. 162] – высший религиозно-эсхатологический идеал человечества.

Под «Европой» Н.Я. Данилевский понимает, прежде всего, принадлежность «романо-германской цивилизации», где «насильственность» выступает в качестве «нравственного этнографического признака народа», служащего выражением «существенной особенности всего его психического строя» [1, с. 227]. Источником формирования «насильственности» (*Gewaltsamkeit*) как принуждения (кого-либо к чему-либо), навязывания, подчинения (низшего высшему) Н.Я. Данилевский определяет чрезмерно развитое чувство личности (индивидуальности), направленное к подчинению своему мнению и интересу других людей (народов).

Какое место занимает концепт «насильственность» Н.Я. Данилевского в теоретическом проблемном поле современной науки, рассматривающей родственное «насильственности» понятие «насилие»? Следует с самого начала отметить, что в настоящее время в социально-гуманитарных науках содержание понятия насилия остается дискуссионным, сохраняя многозначность в зависимости от тех или иных подходов ученых, особенно в сопряжении с пониманием таких категориальных оппозиций, как насилие-ненасилие, насилие-свобода, насилие-власть. Тема силы-наси-

лия становится одним из ведущих мотивов обсуждения в отечественной и западной мысли XX – начала XXI века. Достаточно упомянуть дискуссию между сторонниками позиции этики ненасилия (Л.Н. Толстой) и «сопротивления злу силой» (И.А. Ильин). К данной теме имеет прямое отношение сложившаяся в контексте реализации советского социального проекта и мировых социально-политических трансформаций прошлого века проблематика, где противопоставляется насилие, свойственное политическим тоталитарным режимам, свободе индивида (его правам и свободам). Однако заметим, что у Н.Я. Данилевского источником «насильственности» является как раз развитие и гиперболизация индивидуализма. Важно, что на Западе христианская постановка вопроса о насилии как проявлении нравственного несовершенства человека, духовного «рабства греху» (злу) постепенно элиминируется из науки и философии.

Смысл концепта «насильственность» у Н.Я. Данилевского может быть коррелирован как культурно-цивилизационному и религиозно-эсхатологическому, так и этическому подходам к пониманию насилия. Согласно этическому подходу в современной науке насилие есть разрушительная, «неконструктивная» (как для его объекта, так и для его источника) сила, которая осуществляет зло, в отличие от «конструктивной» силы ненасилия (А.А. Гусейнов) [2, с. 17]. По мысли М. Фуко, насилие представляет собой объективирующее действие, при котором жертва насилия – субъект превращается в объект, вещь, т. е. утрачивает свою субъектность (что отличает насилие от феномена власти, где сохраняется субъект, как властвующий, так и подчиняющийся ей) [3, с. 35]. Для И.А. Ильина отличительным свойством насилия является унижение духовного достоинства субъекта, личности (жертвы насилия) [4]. В рамках данного подхода можно утверждать, что насилие есть не уничтожение субъекта как такового, а его максимальное подавление, сопровождающееся духовным унижением (несвободой, рабством).

О «подавлении» противостоящего субъекта (человека, народа) часто говорил в своих речах вождь германского нацизма А. Гитлер, что свидетельствовало о его маниакальном стремлении к насилию. По мысли Ф.М. Достоевского, насильнику на самом деле интересна именно субъективность жертвы – ее мечты, незащитность, нравственная чистота. Что и было показано русским писателем в образе старшего Карамазова («Братья Карамазовы») – в его отношении к взятой в наложницы «юродивой» девочке. Насилие – не уничтожение жертвы, а ее обман и дискредитация в ее естественном нравственном состоянии, в ее духовной свободе. Принципиальное свойство насилия заклю-

чено в его мотивирующей цели – обращении свободы жертвы в длящееся «трепыхающееся» состояние подчинения и рабства.

Есть мнение, что негативные этические оценки не всегда преобладают в обыденных значениях «насилия» в определенной национальной языковой среде. Примечательно, что именно в немецком языке «насилие» (Gewalt) имеет значения, сводимые к индивидуальной «мощи» и «потенциалу». «Известно стремление немцев к демонстрации мощи и силы как позитивной жизненной ценности» [3, с. 20]. Однако это как раз объясняет лояльное этическое отношение к насилию в германском национальном духе, поскольку граница между доминированием, применением силы, власти и насилием может становиться в порыве реализации и демонстрации собственной мощи очень зыбкой при отсутствии (бездейственности) высших нравственных мотивов.

Данилевский Н.Я. проводит историческую реконструкцию развития и трансформации духа «насильственности», показывая, к чему ведет «склад ума, чувства и воли», направленный на уничтожение или подавление народов в их субъектности (национальном духе), в политической и общественной жизни. При этом он солидаризируется со славянофилами в представлении о том, что в развитии Западной Европы христианское наследие было воспринято в нецельном виде, произошло искажение в духовном опыте, связанное с возобладанием в нем индивидуализма и рационализма, что и обусловило, по мнению Н.Я. Данилевского, проявление насильственности прежде всего в религиозно-политической сфере.

Насильственность – одна из причин догматического расхождения христианского Востока и Запада, проявившаяся в фактах узурпации власти в лице западного духовенства (римских пап) при решении догматических вопросов Западной Церковью. И тем самым в присвоении «права целого» – Церкви Вселенской, что привело в итоге к разделению Церквей и усугублению различий между христианским Западом и Востоком в религиозно-духовном опыте. Узурпация власти в области веры под влиянием романо-германского народного характера произвела «католичество». Из того же источника родился агрессивный западный прозелитизм – противоречащее христианской этике просвещение языческих народов «огнем и мечом». Появились католические рыцарские ордены, несущие такое просвещение. Состоялись Крестовые походы на Восток, в которых над вопросами защиты веры и христианских святынь возобладали экспансионистские и грабительские мотивы, причем не только в направлении территорий и народов арабо-мусульманского мира, но и в отношении православно-христианской Византии и Руси.

Насилием над религиозно-духовными убеждениями Европа обязана и институту инквизиции и ордену иезуитов. Яркий пример религиозной нетерпимости и крайнего насилия – произведенное католиками убийство тысяч протестантов в так называемую Варфоломеевскую ночь. Но и для протестантского Запада была характерна религиозная нетерпимость. Нетерпимость к иному мнению и подчинение избранному авторитету, равно как и оборотная его сторона – индивидуализм и отвержение всякого авторитета в вопросах веры. По мнению Н.Я. Данилевского, современная ему Европа представляет собой пример большей религиозной терпимости и реализации свободы совести только потому, что религиозные вопросы стали второстепенными в политической жизни, и веротерпимость здесь – лишь проявление индифферентности.

В социально-политической сфере «насильственность» проявлялась, с одной стороны, в структуре феодальных отношений и феномене аристократизма, оправдывающем различные формы гнета и насилия элиты по отношению к собственному народу (как к чему-то недостойному и опасному), а с другой стороны – в угнетении других народов. Для стран Западной Европы была характерна «колониальная горячка», приведшая к завоеваниям исторических территорий других государств, которые сопровождалась жестокими войнами и работорговлей. Такого рода завоевания представляли нередко в качестве «национального, народного убийства или изувечения» [1, с. 47], поскольку оборачивались уничтожением народов и национальных культур. Данная энергия была направлена и по отношению к России, которая признавалась не в качестве лишь материала, который можно формировать по своему образу (как многие другие народы Африки, большей части Америки, Индии и др.), а именно как принципиально иное – враждебное начало [1, с. 77], препятствующее дальнейшему распространению европейской цивилизации. Причина – в не имеющей объяснения в исторических фактах бессознательном чувстве, иррациональном историческом инстинкте.

В Европе Нового времени явился революционный дух, сделались актуальными вопросы гражданской и политической свободы, но проповедь «свободы, равенства и братства» приобрела на практике характер человекоубийственного насилия. Во всех перечисленных примерах из прошлого действовал один выведенный на Западе закон оправдания насилия («формула насильственности») – цель оправдывает средства. При этом именно Россия объявлялась в европейских странах не только «колоссальным завоевательным государством»

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

[1, с. 46], но и «мрачной силой» в истории, «гасительницей света и свободы» [1, с. 70].

У Н.Я. Данилевского «насильственность» есть национальное свойство «Европы» в лице именно романо-германского мира, как наиболее характерного и предельного ее выразителя. При этом невключенной в своей специфике в образ насильственной европейской цивилизации остается у русского мыслителя «Европа» (или «Запад») англо-саксонского и латиноамериканского миров, хотя в лице «старой доброй» Англии, например, или Испании можно находить не менее, если не более агрессивную колониальную политику.

Тем не менее данную линию обвинения именно «германства» в качестве наследника и наиболее характерного выразителя западной цивилизации «насильственности» развивал уже в годы Первой мировой войны другой русский мыслитель – В.Ф. Эрн. Он говорил о заложенном в германском духе насилии как выражении ницшеанской «воли к власти» в стремлении к безудержному расширению своего тотального господства, в милитаризме [5, с. 390], что соответствовало мысли Н.Я. Данилевского о выражении насильственного духа германства в исторически традиционном призыве «натиска» на Восток (*Drang nach dem Osten*) [1, с. 89]. Развитие данного духа именно в Германии произошло, как показывает дальнейшая история, в идеологии нацизма и фашизма, обусловленной неоязыческой духовностью силы и насилия, что привело к попытке тотальной экспансии и установлению новых человеконенавистнических видов подавления и рабства других народов.

И неслучайно в контексте предупреждения риска нового возрождения данного национального духа сложился послевоенный миропорядок, где было ограничено военно-политическое развитие Германии. Однако в последнее время канцлер Германии Ф. Мерц неоднократно заявляет о возрождении Германии в качестве «первой, главной военной силы» в Европе, мотивируя это наступлением новой эпохи политических отношений, где «сильные угнетают слабых». Эти и подобные заявления означают, по оценке главы МИД Российской Федерации С.В. Лаврова, не что иное, как реваншистские фантазии и попытку возрождения немецкого милитаризма, обусловленные прошлым историческим опытом под нацистскими лозунгами и намерением завоевания других наций [6]. При этом «мания колониального и рабовладельческого величия» касается не только Германии, но и Франции, и других западных стран, которые пытаются свергать законные правительства в своих бывших колониях в Африке [7], очевидно, в желании сохранить здесь пространство экономической эксплуатации народов.

Теория Н.Я. Данилевского о самодостаточности цивилизаций может служить обоснованием актуальной идеи многополярного мира. В то же время существует соблазн усмотреть ее коррелятивность концепции, объясняющей феномен современного «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон). Однако, в отличие от данной концепции, для Н.Я. Данилевского важным было противопоставление в качестве принципиальной ценностно-культурной оппозиции «насильственность» западноевропейской (романо-германской) цивилизации «ненасильственности» России (как хранительнице христианских идеалов).

Концепция С. Хантингтона не предполагает равного диалога западной и незападных цивилизаций, а служит обоснованием политики давления Запада. «Установки американско-европоцентризма не предполагают диалога, а предполагают только подчинение, что было продемонстрировано в 2014 г. после присоединения Крыма к России и в 2022 г. после инициации Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины. Западный мир снова, точно по Данилевскому, продемонстрировал политику двойных стандартов и подверг России и россиян санкциям и остракизму...» [8, с. 233]. Показательно, как отмечал Н. Хомский, что концепция С. Хантингтона на самом деле была мотивирована намерением оправдания любых военных зверств США, которые они совершали... и намерены совершить в будущем [9, с. 206]. Как отмечает по этому поводу А.А. Контарев, «в контексте такой оценки идея Хантингтона выглядит как идеологическое обеспечение экспансионистской политики США и «коллективного Запада», в целом» [9, с. 206], что и можно наблюдать сейчас в лице действий и риторики как новой «миротворческой» трампистской, так и «старой» европейской глобалистской политической элиты.

Кроме того, как заключает другой исследователь, «цивилизационный геополитический дискурс Н.Я. Данилевского концептуально шире схемы С. Хантингтона. Если горизонт С. Хантингтона ограничивается идеей конфликтных взаимоотношений цивилизаций, то Данилевский, отвергая идею единой цивилизации и в этой связи общечеловеческую перспективу, указывал на новый – всесубъектный – тип общности человечества в идее всечеловечества, трансцендирующей узкие рамки перспективы безысходного конфликта цивилизаций С. Хантингтона» [10, с. 10–11]. Действительно, из концепции Н.Я. Данилевского нельзя исключить «всечеловеческий» религиозно-эсхатологический смысл истории. Россия – не закрытое в своем мире «силы» государство, она несет в себе миссию вернуть миру возможность развития через воплощение христианских нравственных идеалов.

Отстаивание образа политического мышления в рамках европейского универсализма и признания гегемонии Запада проговаривается современными западными элитами при использовании колониального образа европейского «сада» (как некоей всемирно-исторической необходимости, по мысли Ж. Борреля) в противовес варварским «джунглям» – иным государствам и «культурным» мирам, которые нуждаются в окультуривании для дальнейшего своего существования (либо предназначены быть жертвами экспансии) [11]. В то же время России приписывается «крестовый поход», будто бы объявленный Президентом Российской Федерации В.В. Путиным против универсальных («либеральных») европейских ценностей и против прежнего миропорядка [12].

При этом политическое мышление глобалистских европейских элит (Германии, Франции, Италии и др.) вступает в противоречие с современной политикой старшего патрона гегемонизма – США, направленной по «праву сильного» на разрушение как глобалистских либеральных ценностей, так и политической системы прежнего мира, построенного по принятым международным правилам. Кроме того, в современной политике Запада насилие осуществляется не только как прямое насилие над бытием других (объявляемых «варварскими») государств и народов, но и как имитационная игра в миротворчество и «покровителя» высших демократических ценностей и универсального правопорядка с целью дискредитации нравственного облика противника, фальсификации его исторического бытия и, как следствие, подавления его культурно-цивилизационной самобытности.

Проводя реконструкцию характерных цивилизационных черт исторического существования России, Н.Я. Данилевский отмечает практически полное отсутствие насилия с ее стороны в отношении тех или иных народов при расширении ее государственных границ. Причем причиной ненасильственного «собирания земель» были не столько благоприятные внешние обстоятельства (в частности, освоение больших мало заселенных пространств), сколько особенности национального духа, обусловленные влиянием ценностей восточного христианства – православия, которые также предопределили религиозную терпимость [1, с. 237]. «Завоевание», по сути, являлось не насилием над народами, а принятием их (даже небольших народностей) под свое покровительство, освобождение от гнета иноземных народов (государств) (как это произошло, например, с Грузией и Арменией). Главной движущей исторической силой при этом для русского народа было «внутреннее нравственное сознание» [1, с. 246].

Действительно, в России за всю историю ее существования не был подвергнут насилию ни один народ. Это подчеркивается и в словах Президента Российской Федерации В.В. Путина о том, что «в России, на которую пытались в свое время навесить ярлык «тюрьмы народов», за века не исчез ни один, даже самый малый этнос. Все они сохранили не только свою внутреннюю самостоятельность и культурную идентичность, но и свое историческое пространство» [13]. Россия была чужда завоеваний как таковых и элиминирования каких бы то ни было народов, как и свободна от националистических настроений, проявлений жестокости к побежденным на полях сражений, кроме того, вообще была неспешна на применение внешней силы, а победу «голой силой» никогда не отождествляла с победой силой высшей, Божественной Правды. Более того, известный отечественный мыслитель А.С. Панарин в свое время подчеркивал, что Россия (в лице русского народа) в некоем универсально архетипическом смысле, в своем православном «материнском архетипе» была всегда, в том числе и в советское время, «родиной гонимых» – защитницей и покровительницей всех экономически и духовно угнетаемых слоев населения и эксплуатируемых народов. В то время как политика государств западноевропейской цивилизации приобрела форму «социал-дарвинистского тоталитаризма», состоящего в идее приоритета права «сильного» государства (гегемона) на селекционный отбор других государств с точки зрения соответствия европейским («демократическим») ценностям [14], Россия возглавляет антиколониальное движение по всему миру. И именно в этом, как полагал А.С. Панарин, будет состоять ее освободительная, во имя социальной справедливости, христианская миссия в будущем.

Всеславянский союз вокруг России призван, по убеждению Н.Я. Данилевского, дать отпор притязанию на «общечеловеческий» универсализм в политическом дискурсе Запада, в котором находит свое своеобразное проявление присущий ему дух насильственности, противоположный христианским ценностям. В данной мысли русского мыслителя находит свое выражение идеология панславизма. В настоящее время существует родственное объединение России и Белоруссии, остается действенной взаимоподдержка православного русского и сербского народов. В то же время развивающий концепцию Н.Я. Данилевского К.Н. Леонтьев еще в конце XIX века справедливо критиковал идею панславизма, указывая на отхождение от ценностей православно-христианской цивилизации ряда славянских народов.

В настоящее время мы обнаруживаем попытку подобного отхождения в лице осущест-

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

вляющих насилие над собственным народом властей Украины. Данные духовно и политически нелегитимные власти избрали под влиянием националистической идеологии и в подчинении западным глобалистским элитам путь насилия по отношению к собственным согражданам – русскоязычным и православным в восточной части бывшей территории искусственно созданного государственного образования. Неслучайна родственность такого прямого насилия с неоязыческой германской нацистской идеологией, ведь, как известно, активным проводником ее является наиболее

агрессивное военно-политическое объединение украинских националистов – полк «Азов».

Концептуальное различие Н.Я. Данилевского между «насильственностью» Европы и «ненасильственностью» России, осуществленное им в русле славянофильской историософии, может служить не только обоснованием суверенного развития России в будущем как самобытного государства-цивилизации, но и всемирно-исторической освободительной роли России – выразителя христианской идеи социальной справедливости.

Список источников

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2023.
2. Гусейнов А.А. Этика ненасилия // Вопросы философии. 1992. № 3.
3. Философия войны и мира, насилия и ненасилия / под ред. В.П. Римского. М., 2019.
4. Ильин И.А. О сопротивлении злу силой. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Ilin/o-soprotivlenii-zlu-siloyu/#0_5 (дата обращения: 25.01.2026).
5. Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Сочинения. М., 1991.
6. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова медиакорпорации «Гостелерадио Ирана». URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2065749/ (дата обращения: 25.01.2026).
7. Интервью С.В. Лаврова для интернет-проекта «Эмпатия Манучи». URL: <https://interaffairs.ru/news/show/54710?ysclid=mlozvuk8ve41776955> (дата обращения: 12.02.2026).
8. Топилина А.В. Концептуализация цивилизационного противостояния между западной и незападными цивилизациями. // Философия права. 2024. № 4.
9. Контарев А.А. Цивилизационный подход к проблеме государственной идентичности России // Философия права. 2023. № 4.
10. Бажов С.И. Предисловие // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2023.
11. Юдин Ю.Б. Заклинатель джунглей. К политической мифологии леса и сада. URL: https://www.ng.ru/ideas/2024-09-09/8_9089_garden.html (дата обращения: 25.01.2026).
12. Олаф Шольц обвинил Владимира Путина в «крестовом походе» против Запада. URL: <https://versia.ru/olaf-sholc-obvinil-vladimira-putina-v-krestovom-poxode-protiv-zapada?ysclid=mlp0lk2nzp510142995> (дата обращения: 25.01.2026).
13. Владимир Путин: «Суверенитет, целостность России – безусловны». URL: https://rg.ru/2013/09/26/valdai.html?ysclid=mlp027vvbu991929557&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 25.01.2026).

References

1. Danilevsky N.Ya. Russia and Europe, Moscow, 2023.
2. Huseynov A.A. Ethics of nonviolence // Questions of philosophy. 1992. № 3.
3. Philosophy of war and Peace, violence and nonviolence / edited by V.P. Rimsky, Moscow, 2019.
4. Ilyin I.A. On resistance to evil by force. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Ilin/o-soprotivlenii-zlu-siloyu/#0_5 (date of access: 25.01.2026).
5. Ern V.F. Time Slavophiles. Essays. Moscow, 1991.
6. Interview of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov to the media corporation "Gosteleradio of Iran". URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2065749/ (date of access: 25.01.2026).
7. Sergey Lavrov's interview for the Empathy of Manuchi Internet project. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/54710?ysclid=mlozvuk8ve41776955> (date of access: 12.02.2026).
8. Topilina A.V. Conceptualization of the civilizational confrontation between Western and non-Western civilizations. // Philosophy of law. 2024. № 4.
9. Kontarev A.A. A civilizational approach to the problem of Russia's state identity // Philosophy of Law. 2023. № 4.
10. Bazhov S.I. Preface // Danilevsky N.Ya. Russia and Europe, Moscow, 2023.
11. Yudin Yu.B. The Conjuror of the jungle. Towards the political mythology of the forest and garden. URL: https://www.ng.ru/ideas/2024-09-09/8_9089_garden.html (date of access: 25.01.2026).
12. Olaf Scholz accused Vladimir Putin of a "crusade" against the West. URL: <https://versia.ru/olaf-sholc-obvinil-vladimira-putina-v-krestovom-poxode-protiv-zapada?ysclid=mlp0lk2nzp510142995> (date of access: 25.01.2026).
13. Vladimir Putin: "Russia's sovereignty and integrity are unconditional." URL: https://rg.ru/2013/09/26/valdai.html?ysclid=mlp027vvbu991929557&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (date of access: 25.01.2026).

14. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. URL: <https://litlife.club/books/109631/read?ysclid=mlp086ix12304583561> (дата обращения: 25.01.2026).

14. Panarin A.S. Strategic instability in the 21st century. URL: <https://litlife.club/books/109631/read?ysclid=mlp086ix12304583561> (date of access: 25.01.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

В. Б. Рожковский, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

V. B. Rozhkovsky, Grand PhD in Philosophy, Associate professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 27.01.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 15.01.2026; approved after reviewing 27.01.2026; accepted for publication 08.06.2026.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И УГРОЗЫ

Татьяна Николаевна Фролова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация,
Frolova_tn@mail.ru

Введение: в статье предпринята попытка проанализировать влияние внедрения искусственного интеллекта на социальные процессы. Значительные угрозы и риски, связанные с использованием ИИ, актуализируют эτικο-правовые вопросы, требующие адекватного регулирования этой сферы. Показано, что существующая сегодня практика применения искусственного интеллекта не охвачена едиными этическими нормами, регулирующими эту сферу. Цель исследования – обозначить вызовы и угрозы стремительного технологического обновления, его влияние на социальные процессы и изменения.

Материалы и методы: методологическую базу исследования составили диалектический, формально-логический, системный и структурно-функциональный подходы, а также общенаучные (анализ, синтез) и частнонаучные методы познания.

Результаты исследования: установлено, что при внедрении ИИ основными «болевыми точками», влекущими угрозы, в настоящее время являются уязвимости программного обеспечения, особенности работы алгоритмов и этические проблемы. При разработке этических норм приоритетным является гуманистический подход использования возможностей технологической сферы, где центром внимания выступает человек, его права и свободы. При этом делается акцент на человеческую ответственность за все последствия применения искусственного интеллекта в нашей жизни.

Выводы и заключения: искусственный интеллект и в целом технологические новации ставят перед обществом дилеммы: увеличение производительности или прогрессирующее социальное неравенство, безопасный контроль или тотальное наблюдение, глобальные возможности интернета или атомизация общества и распад социальных связей. Необходимо найти баланс между открывающимися возможностями и предупреждением катастрофических последствий для человека и человечества. Одним из действенных решений нормативного регулирования взаимодействия ИИ и человека является необходимость формального закрепления этических стандартов для обязательного использования при любых разработках, проводимых в сфере искусственного интеллекта. Решение задачи возможно лишь в рамках комплексного междисциплинарного подхода, способствующего оптимальной диверсификации технологических решений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, этические нормы, социальная стратификация, правовое регулирование, дискриминация, риски

Для цитирования: Фролова Т. Н. Искусственный интеллект: социальные риски и угрозы // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 226–232.

Original paper

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: SOCIAL RISKS AND THREATS

Tatiana Nikolaevna Frolova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation

Introduction: the article attempts to analyze the impact of the introduction of artificial intelligence on social processes. Significant threats and risks associated with the use of AI actualize ethical and legal issues that require adequate regulation of this area. It is shown that the current practice of using artificial intelligence is not covered by uniform ethical standards governing this area. The purpose of the study is to identify the challenges and threats of rapid technological innovation, its impact on social processes and changes.

© Фролова Т.Н., 2026

Materials and methods: the methodological basis of the research consists of dialectical, formal-logical, systemic and structural-functional approaches, as well as general scientific (analysis, synthesis) and private scientific methods of cognition.

Results of the study: it has been established that when implementing AI, the main "pain points" that entail threats are currently software vulnerabilities, algorithm features, and ethical issues. When developing ethical standards, a humanistic approach to using the capabilities of the technological sphere is a priority, where the human being, his rights and freedoms are the center of attention. At the same time, the emphasis is placed on human responsibility for all the consequences of the use of artificial intelligence in our lives.

Findings and conclusions: artificial intelligence and technological innovations in general pose dilemmas for society: increased productivity or progressive social inequality, secure control or total surveillance, global Internet capabilities or the atomization of society and the disintegration of social ties. It is necessary to find a balance between opening up opportunities and preventing catastrophic consequences for humans and humanity. One of the effective solutions to the regulatory regulation of AI and human interaction is the need to formally establish ethical standards for mandatory use in any developments conducted in the field of artificial intelligence. The solution of the problem is possible only within the framework of an integrated interdisciplinary approach that promotes optimal diversification of technological solutions.

Keywords: artificial intelligence, ethical standards, social stratification, legal regulation, discrimination, risks

For citation: Frolova T. N. Artificial intelligence: social risks and threats // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 226–232.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) – феномен, появившийся в жизни современного общества сравнительно недавно, а потому не изученный пока достаточно хорошо и имеющий много так называемых «белых пятен». В большей мере это можно отнести к результатам его внедрения в ту или иную отрасль жизнедеятельности, причем непредсказуемость последствий такого внедрения считается весьма характерной чертой искусственного интеллекта. Необходимо отметить, что использование ИИ может иметь самые разные последствия, в том числе и негативные, такие, как нарушение прав человека, неприкосновенность частной жизни или увеличение социального расслоения в обществе – последнее утверждается наиболее часто.

Современные технологии привели к значительному изменению социального взаимодействия, атомизации общества, распаду межличностных и межгрупповых связей, увеличению социально-экономического разрыва, подмене эмоциональной насыщенности живого общения виртуальной, к цифровой зависимости [1, с. 14–22].

К явным и просматриваемым в ближайшей перспективе проблемам необходимо отнести и вопросы социального расслоения, детерминированные различным доступом к цифровым возможностям, а также проблему использования киберпространства в целях манипуляции и управления массовым сознанием [2, с. 144–148]. Реальной становится трансгуманистская цель тотального социального контроля и утрата свободной воли.

Философско-правовой подход актуализирует ряд вопросов, связанных с правами и обя-

занностями. Не менее важен вопрос контроля за ИИ, призванного минимизировать потенциальные риски. Все более усложняющийся мир ставит вопросы правовой ответственности за негативные последствия воздействия цифрового разума. Однако кто должен нести ответственность: автономная система, ее разработчик или пользователь? Правовой статус искусственного интеллекта сегодня не определен, а попытки приравнять статус ИИ к статусу физического лица, признать роботов равноправными участниками гражданско-правовых отношений вызывают активную критику, поскольку «субъектом права становится не осознающее себя существо» [3, с. 90]. Необходимо отметить, что этот вопрос не только и не столько технологический и правовой, сколько мировоззренческий¹.

Вопрос влияния искусственного интеллекта на жизнь и деятельность современного человека представляется серьезной проблемой, требующей всестороннего и глубокого рассмотрения и анализа, где на первое место выходит определение этических принципов искусственного разума. Анализируя современные разработки, касающиеся формирования этики искусственного интеллекта, можно выделить два направления – первое связано с проблемой его программной разработки и второе, касающееся собственно этики роботов-машин и их саморегуляции.

В рамках первого направления определена его цель – сведение к минимуму возможного ущерба обществу и напрямую зависящего от ошибок в его программных разработках. Это может отразиться в неправильном примене-

¹ Право и вызовы искусственного интеллекта. URL: <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 06.01.2026).

нии, а также игнорировании этических разработок искусственного интеллекта. Для минимизации возможных рисков предлагается специфическая этика применения интеллектуальных роботов, называемая этикой искусственного интеллекта. Ее разработка включает в себя стандарты и нормативы, призванные регулировать действия человека, напрямую связанные с широким использованием возможностей искусственного интеллекта.

Второе направление определяет своей целью формирование так называемой машинной этики, т. е. тех правил, которые должны быть обязательными для исполнения и регуляции своего поведения самими интеллектуальными машинами, и в этом аспекте значительную роль играет философский подход. В частности, в рамках его разработки рассматриваются такие важные вопросы, как принципиальная возможность использования этики в работе интеллектуальных машин-роботов, а также проблема ответственности общества за действие устройств, чья работа основана на использовании искусственного интеллекта. Последняя проблема касается также компетенций в юридической области.

В связи с этим возникает проблема технического характера, касающаяся возможности программирования машинной этики и невозможная для разрешения без привлечения философского подхода.

Рассматривая исторические аспекты этического взаимодействия человека и машины, можно отметить, что начало их возникновения относится к первой половине прошлого века, ознаменовавшегося созданием первых электронно-вычислительных машин. Первоначально дискуссии об этом носили несколько фантастический характер и проходили в области литературного искусства, но уже там были сформулированы первые этические правила взаимодействия человека и робота, исходящие в первую очередь из того, что машины должны целиком подчиняться человеку и не причинять ему вреда.

Эти идеи постепенно проникали в научную область, и попытки этического регулирования работы искусственного интеллекта продолжают в настоящее время. В трудах У. Уоллаха и К. Аллена были разработаны философские основы машинной этики и предложен термин «искусственный моральный агент».

Кроме недопущения машинами вреда человеку существуют другие важные социальные проблемы взаимоотношений человека и робота, такие как общее согласованное функционирование социальных институтов, статусно-ролевые изменения. В настоящее время первоочередными становятся вопросы защиты человеческого достоинства, сохранности персональных сведений и неприкосновенности

частной жизни, а также довольно широкий круг проблем дискриминации и неравенства.

Круг проблем настолько велик, что можно классифицировать их по направленности их разрешения – социальные или технические, причем, по общему мнению, социальный профиль названных проблем представляется наиболее важным.

Анализ проблемы возникновения и увеличения социального неравенства в результате применения ИИ требует обратиться к его историческим корням, берущим свое начало в размышлениях К. Маркса. Они касаются внедрения в реальность новейших технических средств во времена первой промышленной революции. В частности, классик указывает, что машинное производство, изначально нацеленное на снижение стоимости производимых с помощью техники продукции и создание так называемых средств производства прибавочной стоимости, способствовало увеличению экономического неравенства.

Несмотря на изменения социального контекста в настоящее время эти аргументы остаются актуальными, поскольку и сегодня социальное расслоение усиливается. Действительно, использование возможностей современной нейросети увеличивает человеческие возможности, позволяя работать с большим объемом данных, значительно сокращая рабочее время человека, но одновременно с этим появляется реальная угроза его творческим способностям, их замены на приобретенный навык механически формировать задачи для искусственного разума, возникает риск деградации среднестатистических когнитивных способностей.

Названные проблемы неразрывно связаны с проблемой культурного неравенства, речь о которой идет уже достаточно давно. Маркс К. указывал, что в обострении проблемы человеческого отчуждения лежит факт преобразования результатов труда человека в самостоятельную область, принижающую его сущность и превращающую человека в некий объект социального процесса. Здесь уместно упомянуть проблему, известную под названием культурной гегемонии.

Суть ее сводится к тому, что массивы данных, которые анализируются с помощью ИИ, ориентируются на культурную модель-гегемон, препятствующую получению объективного результата и воспроизводящую дискриминационные предрассудки. В общем и целом логика неравенства, описываемая Марксом, имеет возможность повторения в контексте цифрового неравенства не только на индивидуальном, но и на глобальном уровнях. Различная степень доступности нейросетей предопределяет уровень возможности интегрирования в общее информационное и цифровое поле, хотя

тут и проявляется преимущество тех, кто профессионально оперирует средствами и возможностями цифрового интеллекта и оставляет за скобками этические критерии.

Дискриминирующее влияние искусственного интеллекта можно наблюдать в социальной динамике. Более подробный анализ вопроса социальной дискриминации позволяет выделить факторы, играющие главную роль в этой сфере социального пространства. Среди первоочередных называется некорректность данных, получаемых в результате обучения искусственного интеллекта и напрямую влияющих на проблему культурной гегемонии. Базой сбора данных являются самые различные источники, зачастую чуждые проверке на соответствие критериям этичности, ввиду чего в них могут присутствовать системные стереотипы, которые машинный ум воспринимает механически и воспроизводит далее. Это может привести к тому, что их оценочные критерии не получают объективной трактовки и маркируются ошибочно. Таким образом в информационном пространстве будут поддерживаться созданные стереотипы, имеющие устойчивое влияние как на общественное мнение, так и на социальные межгрупповые отношения. Работа ИИ в таких случаях может рассматриваться как работа так называемого черного ящика, получающего на входе некорректные данные, а на выходе – ошибочный результат.

Сказанное можно отнести к самым различным сферам жизнеобеспечения социума, и в особенности негатив этой работы чреват для функционирования правоохранительной сферы. Технология системы «умных городов», направленная на профилактику совершения преступлений, дает отличные результаты, позволяющие координировать действия правоохранительных сил, но ошибки когнитивного характера, от которых эта система не застрахована, имеют достаточно неприятные последствия. В частности, модель, ошибочно интерпретирующая predisposed к совершению преступлений лиц определенных рас или национальностей, может стать основой дискриминационных стереотипов.

То же самое можно проследить в вопросах, связанных с реабилитацией осужденных. Основываясь на анализе данных об их поведении в местах отбывания наказания, интеллектуальная машина способна спрогнозировать их дальнейшее поведение. Однако методика подобных исследований зачастую использует мнения, основанные на разного рода предрассудках, что приводит к общей результативной предвзятости и субъективности и, как следствие, к увеличению социального расслоения.

Таким образом, невысокая точность прогнозирования, свойственная социальной сфе-

ре, большая стоимость всего программного обеспечения, некорректный ввод данных и определенный риск предвзятости представляют собой серьезные затруднения в работе искусственного интеллекта при решении комплекса непосредственно социального профиля. На защиту искусственного интеллекта встает Ю.С. Балалаева, отрицая предвзятость ИИ: «под AI bias следует понимать результат деятельности разработчиков программно-аппаратных комплексов искусственного интеллекта, состоящей в непреднамеренном или преднамеренном искажении данных, используемых для машинного обучения, и приводящей к алгоритмическому дискриминационному у поведению в отношении определенных групп людей или событий, имеющему негативные последствия для этих групп» [4].

Необходимо отметить также, что применение искусственного интеллекта обладает способностью к воспроизводству социального неравенства и даже некоей дискриминации в самых различных областях человеческой жизнедеятельности в первую очередь в силу того, что ИИ являет собой единый, общий для всех сфер алгоритм обработки данных, что и представлено в конечном счете в виде создания дискриминационных стереотипов, о которых говорилось выше. Неполный охват данных, на которых обучается искусственный интеллект, усвоение моделью упрощенных паттернов, генерирование прежних погрешностей приводит к ошибочным итогам.

Таким образом, можно выделить целый блок негативных последствий в социальной структуре общества, сформированный вследствие допущенных недочетов и ошибок в работе ИИ. Прежде всего, это может отражаться на неполном объеме предоставляемых социальных услуг, таких, например, как страхование или кредитование, а в иных случаях и отказ в предоставлении таких услуг. В рамках трехуровневой модели цифрового неравенства различия проявляются как в цифровой компетентности, а следовательно, технологических возможностях, так и в доступе к техническим средствам [5, с. 228–241]. Неравный доступ к высокотехнологичной медицинской помощи, достижениям фармацевтики, нанотехнологиям обуславливает различное качество жизни и ее продолжительность. Наиболее остро обществом воспринимается и определяет социальное самочувствие неравенство в этой сфере.

Вполне логичным следствием в социокультурной сфере жизнедеятельности может стать обоснование и упрочение созданных стереотипов, формирующих социальные предубеждения и отношения между различными социальными группами. К такого рода последствиям также можно отнести формирование устойчивого недоверия к машинному и программному

обеспечению в целом и его пользователям в частности. Это приведет к предвзятому отношению ко всем технологиям, использующим ИИ, а также его пользователям на любом организационном уровне.

Решением указанных проблем может быть определение этических стандартов и необходимых требований программного характера, однако это вызывает определенные сложности, связанные с установлением действенных способов преодоления некорректного использования возможностей искусственного разума. В настоящее время разработаны две основные стратегии, нацеленные на разрешение актуальной проблемы.

Первая связана с обязательной оценкой действия средств ИИ на общество в целом и как одно из важнейших направлений этого воздействия – на права человека. Здесь предлагается использование так называемого ориентированного подхода, основанного на идее выявления возможных рисков дискриминации и неравенства. Реализация этого подхода происходит в процессе работы программ, имеющих цель превентивного устранения названных рисков. Такое решение предлагается в рамках работы Евросоюза, имеющего оценочный список проверки надежности применяемого искусственного интеллекта – ALTAI. Но и это решение обладает серьезным недостатком, поскольку не предлагает какого-то надежного и конструктивного решения, а акцентирует внимание лишь на поиске возможных ошибок [6].

В основе другого подхода лежит комплекс этических принципов, включенных в программный продукт, препятствующий дискриминации даже в базе некорректных данных. Основное внимание предлагаемого решения сосредоточено на объяснении ошибок ИИ посредством человеческого фактора – невнимания к преследуемым ценностям разработчиков проекта или технологий. Ведь никакая технология искусственного интеллекта не обладает ценностной нейтральностью. Этот подход кажется фундаментальным и обладает глубокой рефлексивностью, но тем не менее недостаточно конкретен и в конечном счете не решает проблему адаптации этических принципов к работе машин.

Таким образом, мы видим, что задача формирования единого свода этических принципов ИИ по-прежнему остается достаточно трудноразрешимой. По-видимому, одним из обязательных этапов работы в разрешении этого препятствия должна быть формализация этих этических принципов и представление их в форме набора стандартных команд программного обеспечения. Успешным примером такой формализации можно назвать концеп-

цию индекса этичности права, разработанную Национальным исследовательским университетом Высшей школы экономики, дающую возможность оценить этический аспект правовой нормы при помощи ИИ. Интеграция социологического, этического и технологического подходов позволяют устанавливать приоритет законодательных актов, соответствующих нормам моральным. Междисциплинарный подход, включающий эмпирические социологические исследования, ручную и автоматизированную маркировку норм российского законодательства по специальной методике, позволяет оценить индекс этичности и соответствие нормы права социальным запросам и ожиданиям [7, с. 4–23].

Кроме того, в этом направлении эффективно используется правовое регулирование работы искусственного интеллекта, поскольку востребованным на сегодняшний день является интерес не только субъектов правового регулирования, но и всего юридического сообщества. Потребность в защитных мерах, касающихся подконтрольности ИИ, алгоритмической прозрачности, вопросы соблюдения этических норм взаимодействия машины и человека обусловили обращение законодателей национального и международного уровня к правовому регулированию вопросов, связанных с искусственным интеллектом. Один из таких актов представлен Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», утверждающий Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.²

В данной концепции закреплены наиболее важные принципы развития и использования ИИ, а также разработан Кодекс этики, который является обязательным для исполнения всеми сторонами этой сферы. Приоритетными называются гуманистические подходы использования возможностей этой технологической сферы, центром внимания которой выступает человек, его права и свободы. При этом делается важный акцент на человеческую ответственность за все последствия применения искусственного интеллекта в нашей жизни.

В качестве других примеров подобных актов, имеющих декларативный характер, можно назвать принципы искусственного интеллекта, предлагаемые Google, Азиломарские принципы ИИ и некоторые другие. Однако указанные документы нельзя считать юридически обязательными, скорее, они имеют рекомендательный характер и их исполнение зависит от желания разработчиков технологий.

В силу сказанного представляется эффективным закрепление разработанных принци-

² О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 06.01.2026).

пов в законодательной форме, но поскольку правоприменительная практика данной области не имеет завершенного характера, то эти задачи рассматриваются как проект будущих стратегий. Российское правовое регулирование ИИ во многом носит декларативный характер, поскольку не обеспечено действенными инструментами для реализации заявленных целей [8, с. 29].

Таким образом, мы можем утверждать, что искусственный интеллект оказывает значительное влияние на отношения в социуме, и влияние это неоднозначно. Социальная философия отмечает в факте развития искусственного интеллекта как положительные, так и отрицательные стороны, касающиеся отдельных сообществ, а также величин мирового масштаба. Существующая в настоящее время практика применения этого социального феномена показывает, что его использование не всегда дает ожидаемые результаты, и нередко становится причиной социального неравенства и дискриминации.

В результате проведенного анализа существующих концепций применения искус-

ственного интеллекта можно утверждать, что ведущей детерминантой социального неравенства является отсутствие системы этических принципов в программах, использующих ИИ, а также неудовлетворительная формализация этих принципов на языке техники. Одним из действенных решений поставленной проблемы является необходимость формального закрепления этических стандартов для обязательного использования при любых разработках, проводимых в сфере искусственного интеллекта. Решение поставленной задачи возможно в рамках комплексного междисциплинарного подхода, объединяющего социальный, технологический и юридический аспекты. От стремительного развития технологий человечество не откажется, искусственный интеллект не уйдет из нашей жизни, однако обществу необходимо найти разумный баланс взаимодействия с ним, не только реагировать на вызовы современных новаций, но предвидеть тенденции, риски и угрозы их применения, проектировать траекторию развития нового высокотехнологичного общества.

Список источников

1. Усик Д.А. Влияние технологий на социальные взаимодействия: социологическая перспектива. Коллекция гуманитарных исследований. URL: www.j-chr.com (дата обращения: 06.01.2026).
2. Фролова Т.Н. Проблема ментальной безопасности в условиях цифровизации // Судебная экспертиза и исследования. 2025. № 2.
3. Афанасьевская А.В. Правовой статус искусственного интеллекта // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 4 (141).
4. Балалаева Ю.С. «AI bias»: «предвзятость искусственного интеллекта» или результат деятельности разработчиков? // Юрист-Правовед. 2023. № 3 (106).
5. Груздева М.А. Возрастной фактор цифрового разрыва: грани неравенства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 4. Т. 15.
6. Рыбин А.И., Чашухин Е.О. Искусственный интеллект и социальное неравенство: философско-правовой аспект // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 4 (22).
7. Виноградов В.А., Ларичев А.А. Индекс этичности права как прикладной инструмент оценки соотношения права и морали // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 5. Т. 15.
8. Алексеева М.В. Правовое регулирование искусственного интеллекта в государственном управлении в Российской Федерации: вызовы и возможности. Правовой порядок и правовые ценности. URL: <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-2-23-32> (дата обращения: 06.01.2026).

References

1. Usyk D.A. The impact of technology on social interactions: a sociological perspective. A collection of humanitarian studies. URL: www.j-chr.com (date of access: 06.01.2026).
2. Frolova T.N. The problem of mental security in the context of digitalization // Forensic examination and research. 2025. № 2.
3. Afanasyevskaya A.V. The legal status of artificial intelligence // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2021. № 4 (141).
4. Balalaeva Y.S. "AI bias": "artificial intelligence bias" or the result of developers' activities? // Lawyer-Lawyer. 2023. № 3 (106).
5. Gruzdeva M.A. The age factor of the digital divide: the facets of inequality // Economic and social changes: facts, trends, forecast. № 4. Vol. 15.
6. Rybin A.I., Chashchukhin E.O. Artificial intelligence and social inequality: philosophical and legal aspect // Theoretical and applied jurisprudence. 2024. № 4 (22).
7. Vinogradov V.A., Larichev A.A. The Index of ethics of law as an applied tool for assessing the relationship between law and morality. // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2022. № 5. T. 15.
8. Alekseeva M.V. Legal regulation of artificial intelligence in public administration in the Russian Federation: challenges and opportunities. Legal order and legal values. URL: <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-2-23-32> (date of access: 06.01.2026).

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Т. Н. Фролова, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 117437, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

T. N. Frolova, PhD in Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Y. Kikot. 12, Volgina St., Moscow 117437 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 25.02.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 25.02.2026; accepted for publication 08.06.2026.

АПОЛЛОНИЧЕСКОЕ И ДИОНИСИЙСКОЕ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛИЦЕЙСКОГО КАК КУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

Анвар Юрьевич Исмаилов

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
auisma@gmail.com

Введение: образ полицейского в современной культуре представляет собой сложный и амбивалентный феномен, находящийся в поле противоречия между обеспечением общественного порядка и осуществлением государственного принуждения. В статье анализируется, как профессиональные атрибуты полицейской деятельности становятся материальным воплощением философских принципов власти и культуры. Исследование позволяет выявить онтологические основания полицейской функции, скрытые за формально-правовыми конструкциями.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составляет культурно-семиотический анализ. В качестве эмпирического материала выступают профессиональные атрибуты полицейской деятельности, рассматриваемые не как технические средства, а как знаковые системы, маркирующие границу между институтом власти и обществом. Теоретический каркас опирается на ницшевскую концепцию дихотомии аполлонического и дионисийского начал.

Результаты исследования: установлено, что профессиональная экипировка функционирует не только как набор технических средств, но и как система культурных символов, олицетворяющих социальный порядок и легитимность власти. Выявлено, что общественное восприятие правоохранителя напрямую зависит от способности удерживать баланс между нормативным контролем и допустимым принуждением. При соблюдении этого равновесия полицейский воспринимается как гарант стабильности; при его смещении образ трансформируется в символ произвола.

Выводы и заключения: профессиональная экипировка полицейского функционирует как знаковая система, материализующая принципы порядка и санкционированного принуждения. Унификация образа полицейского трансформирует сотрудника в безличного представителя Закона, утверждая аполлоническую меру и предсказуемость социального взаимодействия. Служебная роль институционально сопрягает два ценностных регистра: этический императив защиты коллективной безопасности и делегированное право на применение силы. Общественная легитимность сотрудника полиции обусловлена способностью удерживать баланс между нормативной регламентацией и допустимым уровнем физического воздействия.

Ключевые слова: аполлоническое и дионисийское, Ницше, полицейский как культурный феномен, образ полицейского, мораль, легитимное принуждение, атрибуты полицейского, символическая репрезентация власти, легитимность

Для цитирования: Исмаилов А. Ю. Аполлоническое и дионисийское в репрезентации полицейского как культурного феномена // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 233–239.

Original paper

THE APOLLONIAN AND THE DIONYSIAN IN THE REPRESENTATION OF THE POLICE OFFICER AS A CULTURAL PHENOMENON

Anvar Yuryevich Ismailov

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the image of a policeman in modern culture is a complex and ambivalent phenomenon that is in the field of contradiction between ensuring public order and the implementation of state

coercion. The article analyzes how the professional attributes of policing become the material embodiment of the philosophical principles of power and culture. The study makes it possible to identify the ontological foundations of the police function, hidden behind formal legal structures.

Materials and methods: *the methodological basis of the research is cultural and semiotic analysis. The empirical material is the professional attributes of policing, which are considered not as technical means, but as sign systems marking the boundary between the institution of government and society. The theoretical framework is based on the Nietzschean concept of the dichotomy of Apollonian and Dionysian principles.*

Results of the study: *it has been established that professional equipment functions not only as a set of technical means, but also as a system of cultural symbols embodying social order and the legitimacy of power. It has been revealed that the public perception of a law enforcement officer directly depends on the ability to maintain a balance between regulatory control and permissible coercion. When this balance is maintained, the policeman is perceived as a guarantor of stability; when he is displaced, the image transforms into a symbol of arbitrariness.*

Findings and conclusions: *professional police equipment functions as a symbolic system that implements the principles of order and sanctioned coercion. The unification of the image of a policeman transforms an employee into an impersonal representative of the Law, affirming the Apollonian measure and predictability of social interaction. The official role institutionally combines two value registers: the ethical imperative of protecting collective security and the delegated right to use force. The public legitimacy of a police officer is determined by the ability to maintain a balance between regulatory regulations and an acceptable level of physical impact.*

Keywords: *Apollonian and Dionysian, Nietzsche, policeman as a cultural phenomenon, image of a policeman, morality, legitimate coercion, attributes of a policeman, symbolic representation of power, legitimacy*

For citation: *Ismailov A. Yu. He apollonian and the dionysian in the representation of the police officer as a cultural phenomenon // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 233–239.*

Аполлоническое начало, ассоциируемое с принципами порядка, рациональности и нормативной определенности, проецируется на дисциплинарные основания полицейской деятельности и ее функцию поддержания социальной стабильности. В данной перспективе сотрудник полиции выступает и как правоприменитель, и как символический гарант институциональной целостности, обеспечивающий воспроизводство общественных норм. В то же время практика полиции неразрывно связана с дионисийским измерением: необходимостью действовать в условиях непредсказуемости, аффективных конфликтов и применения силы, скрытой за процедурной оболочкой закона. Это противоречие формирует двойственную природу образа, где строго регламентированная правоохранительная функция неизбежно взаимодействует с живой, зачастую непредсказуемой динамикой социальных отношений.

Аполлон и Дионис. Центральное место в философии Ф. Ницше, и прежде всего в работе «Рождение трагедии из духа музыки» [1], занимает дихотомия аполлонического и дионисийского начал. Эта оппозиция позволяет рассматривать культуру не как статичную гармонию, а как продуктивное напряжение между двумя фундаментальными силами. Такое напряжение подтверждает тезис о многоплановом характере реализации власти, которая в каждую эпоху принимает формы, обусловленные спецификой исторического, социального и культурного контекста [2, с. 138]. Аполлон,

воплощающий свет, сновидение и пластическую форму, выступает символом принципа индивидуации (*principium individuationis*). В культурном плане это означает стремление к различению, проведению границ и приданию формы. Аполлоническое начало утверждается через меру, логос, структуру и иерархию; оно исходит из возможности рационального упорядочения мира, преобразования хаоса в систему норм и наделения каждого элемента определенным местом в общей архитектонике.

В противоположность этому Дионис – бог вина, опьянения, театра и разрушения – воплощает принцип растворения граней и границ. Дионисийское начало есть прорыв за пределы принципа индивидуации, погружение в первобытный хаос, где личность теряется в общем потоке жизни, в экстазе и экстатических переживаниях. Это энергия страсти, инстинкта, насилия и разрушения, которая не подчиняется логике и рациональной форме, но которая одновременно является источником всякого подлинного творчества и аутентичной жизни. Дионисийское – это то, что сопротивляется оформлению, то, что прорывается сквозь пустую форму и напоминает нам о наличии бездны под тонким слоем цивилизации.

Ключевым для понимания образа полицейского выступает тезис о необходимости синтеза противоположных начал. Ницше подчеркивал, что античная культура достигла своей высшей формы не через торжество рациональности, а посредством динамического сопряжения

аполлонического и дионисийского принципов, нашедшего выражение в греческой трагедии. Именно в таком искусстве, по мнению философа, становится возможным осуществление безграничной человеческой свободы, позволяющее преодолеть односторонность чисто рационального мировидения [3, с. 182]. Аполлон без Диониса вырождается в мертвый формализм, в нормативную догму, утрачивающую связь с социальной реальностью. Дионис без Аполлона превращается в стихийный хаос, в неструктурированную аффективную энергию, не способную к устойчивому социальному воспроизводству. Современный правопорядок нередко сводится исключительно к аполлоническому измерению – системе кодексов, процедур и формальных регламентов. Однако его онтологическая природа парадоксальна: он представляет собой институциональную попытку канализировать и дисциплинировать дионисийскую стихию принуждения, удерживая ее в границах права и этической легитимности.

Полицейский как аполлонический страж. Образ полицейского в культурной и правовой практике первоначально предстает перед нами в качестве чистого воплощения аполлонического принципа. Его задача – поддерживать границы, охранять форму социального порядка, предотвращать нарушения норм и восстанавливать нарушенный закон. Полицейский облачен в форму, которая буквально материализует идею универсальной нормы: все полицейские одеты одинаково, их движения регламентированы уставом, их язык официален и дистанцирован, их решения основаны на кодексах и законах. Такая регламентация соответствует современному деонтологическому подходу, который предполагает нормативное регулирование не только деятельности, но и служебного поведения сотрудников как залог их профессионализма [4, с. 38]. Форма здесь выступает не просто элементом экипировки, а визуальным выражением аполлонической меры, отсылая к классическому принципу «ничего сверх меры».

Полицейский в этом отношении предстает как гарант структурности и предсказуемости мира. Преступник нарушает границы, переходит черту закона – и полицейский восстанавливает нарушенную аполлоническую гармонию. Его присутствие на улице – это присутствие формы, рациональности и контроля. Даже его походка, даже его взгляд, даже то, как он поднимает руку – все это несет на себе отпечаток институционального порядка. Полицейский учит общество соблюдать меру, уважать границы, признавать принцип индивидуации в его социально-правовом смысле: «это твое, это мое, это – запрещено». Он стоит на страже того самого принципа, который позволяет лю-

дям жить в предсказуемом мире, где каждый знает, что его ждет, если он нарушит правило.

Однако в этой картине скрывается важное противоречие. Те самые люди, которые охраняют границы порядка, работают в условиях постоянной угрозы нарушения границ. Полицейский воплощает аполлоническую форму, но эта форма нужна только потому, что существует дионисийский хаос, который нельзя игнорировать. Рациональность полицейской системы рождается из столкновения с иррациональностью преступного мира. Формальность процедур возникает как ответ на непредсказуемость человеческой природы. Таким образом, даже в своем аполлоническом образе полицейский неявно указывает на присутствие Диониса, на ту бездну, которую нужно охранять от прорыва в нашу упорядоченную жизнь.

Дионисийское начало в правопорядке. Невозможно понять истинную природу полицейского, оставаясь только в аполлоническом регистре анализа. Под форменной одеждой проглядывается совсем иная реальность – реальность силы, насилия и необузданной энергии, которая государство официально санкционирует и легализует. Ницше утверждал, что культура не уничтожает первобытные инстинкты и не элиминирует хаос, а лишь дает им новую форму, дисциплинирует и направляет их в социально приемлемое русло. Насилие по своей природе есть чистое дионисийское начало – это прорыв инстинкта, это телесная сила, это аффект в его наиболее концентрированном виде. В работе полицейского это насилие легитимировано государством и правом, но оно не перестает быть насилием в его онтологической сущности.

Полицейский – это тот, кому официально разрешено совершать те действия (делегированная монополия на применение силы), которые остаются под запретом для обычного гражданина. Ему позволено применять физическую силу, держать в наручниках другого человека, применять боевые приемы, использовать оружие с целью поражения. Это не отменяет нормативной регуляции, но помещает сотрудника полиции в позицию структурного исключения, где общие моральные нормы замещаются специальным правовым регламентом, санкционирующим силовое воздействие в исключительных обстоятельствах. В моменты непосредственного контакта с правонарушителем рациональная логика закона сталкивается с экзистенциальной реальностью силового взаимодействия. Деятельность полицейского в этих условиях обнаруживает дионисийскую природу: тело становится медиатором государственной воли, а действие строится не только на предписаниях, но и на собственной реакции, эмоционально-волевой готовности и практическом навыке.

Подобное сопряжение демонстрирует, что правопорядок не существует вне телесного и аффективного измерения, а реализуется через конкретные формы опосредования стихийной социальной динамики. Это порождает фундаментальное противоречие, которое Ницше описал афоризмом: «Если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя». Полицейский, постоянно соприкасаясь с преступностью, со страданиями, с человеческой жестокостью и разрушением, неизбежно «заражается» дионисийским началом. Он начинает понимать логику преступника, чувствовать ритм улицы, развивает интуицию о том, где скрывается опасность. Его работа требует не только холодного расчета и соблюдения кодекса, но и живого инстинкта, способности предчувствовать опасность, готовности действовать в условиях неопределенности. Он становится культурным гибридом, существом, обитающим на границе между цивилизацией и бездной.

Метафизика атрибутов: символы власти и культуры. Атрибуты полицейского свидетельствуют об этом дионисийском напряжении. Профессиональные атрибуты полицейского – форма, жезл, наручники, бронежилет, оружие – представляют собой не просто техническое снаряжение, а материальные формы философской позиции, укорененной в философии Ницше. Каждый из этих предметов можно прочесть как философский текст, раскрывающий фундаментальные принципы культуры и власти. Это не метафорика в собственном смысле, а буквальное воплощение культурной мысли в материальной форме.

Форма и фуражка полицейского воплощают принцип маски, который Ницше рассматривал как необходимое условие для глубокой и творческой личности. Для Ницше маска – это не обман и не фальшь, а способ защиты и способ раскрытия подлинного себя. Однако в случае полицейского маска становится тотальной и необратимой. Когда человек надевает мундир, он перестает быть просто собой – он становится функцией, выражением государственной воли. Фуражка и погоны стирают индивидуальное, заменяя его безличным ликом Закона. Полицейский утрачивает свою приватность, внутренняя жизнь редуцируется к служебным функциям. Это не смерть личности в метафорическом смысле, а ее трансформация в чистую аполлоническую форму, в абстрактную роль. И в то же время эта маска дарует полицейскому право на сверхчеловеческую власть, на действия, которые в быту были бы преступными.

Дубинка, жезл в руке полицейского – это не просто предмет, это символ укрощенного насилия. Это палка, древнейшее орудие силы человека, оно же остается палкой, но теперь

как оружие оно применяется согласно уставу, в меру, в определенных ситуациях. В современной российской правоохранительной системе регулирующий жезл закреплен преимущественно за подразделениями Госавтоинспекции. В то же самое время в культурной репрезентации (кинематограф, плакатная графика, массовое сознание) дубинка, жезл функционирует как устойчивый семиотический маркер, не тождественный оперативной реальности. Жезл служит символом власти над пространством и временем: жезлом регулируют движение, жезлом указывают границы, жезлом восстанавливают порядок.

Жезл как атрибут соединяет в себе две символические функции. Во-первых, он есть символ измеримости и контроля пространства. Жезл, как инструмент видимости власти, устанавливает границы, отделяет разрешенное от запрещенного. Это аполлоническое орудие, которое превращает хаос движения в упорядоченный поток. Во-вторых, жезл – это удлиненные руки, расширение телесного достижения воли. Он символизирует способность воздействовать на расстояние и расстояний, способность полицейского быть везде, способность его влияния проникать во все углы общественного пространства.

Наручники представляют собой квинтэссенцию аполлонического принципа установления границ. В греческой философии Аполлон связан с понятием перас (греч. *peras*) – предела, границы, того, что определяет вещь и позволяет нам ее узнать. Преступник в философской логике полиции – это тот, кто нарушил границу, кто растворился в дионисийском потоке беззакония. Наручники буквально материализуют восстановление границы: они фиксируют подвижное тело, они обозначают предел его свободы, они превращают человека в статичный объект, подчиненный аполлоническому контролю. Через наручники хаос уголовного мира институционально оформляется в прерогативу государства. Это не просто сковывание рук – это семиотический акт, означающий полный переход человека под юрисдикцию Закона.

Бронежилет символизирует защиту аполлонического начала от дионисийского хаоса. Ницше много писал о необходимости защиты, о «стенках», которые культура выстраивает для защиты от ужасов существования. Бронежилет – это буквальная граница между телом носителя закона и враждебной бездной улицы, между священным телом государства и случайным выстрелом криминального мира. Это техническое воплощение того принципа, что Аполлон должен быть защищен от прорыва Диониса, что форма должна быть защищена от хаоса. Парадоксально, но бронежилет одновременно демонстрирует хрупкость порядка и необходимость его вооруженной защиты.

Оружие в кобуре полицейского – это «спящий Дионис», это возможность абсолютного разрешения конфликта через уничтожение, но эта возможность остается зарезервирована, отложена, ограничена правилами применения. Огнестрельное оружие как инструмент физического уничтожения – это высшее воплощение той власти над хаосом, которую порядок должен удерживать в своих руках. Через оружие полицейский становится носителем того, что Ницше называл «волей к власти» в ее наиболее концентрированной форме.

Оружие – табельный пистолет в кобуре – представляет собой высшую точку и кульминацию права на силу. Это не просто инструмент, это воплощение воли к власти, способность навязать свою волю другому через угрозу смерти, это латентная возможность абсолютного насилия, которое государство санкционирует и поручает полицейскому. Оружие ставит полицейского вне пределов обычного общества, оно делает его сверхчеловеком в миниатюре – существом, которому позволено то, что запрещено другим.

Практическое и символическое значение этих атрибутов состоит в том, что они переводят институциональную деятельность в поле культурного символа. Через материальные предметы власти государство воплощает свою монополию на легитимное принуждение, направляя потенциально стихийную силу в строгие правовые рамки. При этом живой человек не растворяется в системе, а обретает особый правовой статус: его индивидуальность не отменяется, но структурируется служебной ролью. Так формируется органичное сочетание личных качеств сотрудника и требований института, в котором частное лицо и представитель власти не противостоят, а дополняют друг друга.

Дилемма морали: между господином и рабом. Одной из самых революционных концепций Ницше была его переинтерпретация морали как исторического продукта борьбы между двумя противоположными типами оценок ценностей. Мораль господ рождается из избытка жизненной силы, из способности человека утверждать свои ценности, из принятия собственной власти и стремления к ее расширению. Для морали господ добро – это то, что усиливает жизнь, возвышает, делает ее более мощной и творческой. В этой перспективе само право рассматривается как признанная и обеспеченная степень власти, где границы свободы определяются не абстрактным разумом, а конкретной повелевающей силой [5, с. 35]. В этой морали сильный имеет право устанавливать закон, право на насилие оправдано победой и превосходством. Моральные ценности здесь проистекают из переживания собственной силы.

Мораль рабов, напротив, рождается из ressentiment – из глубокой обиды слабых на сильных. Эта мораль возникла как мстительный ответ на господство, как попытка слабого переоценить ценности, провозгласив добром то, что было бы злом для сильного. Мораль рабов ценит смирение, сострадание, альтруизм, равенство, справедливость, понимаемую как уравнивание. Она проклинает гордость, самоутверждение, желание власти. Эта мораль стремится связать сильного цепями совести, превратить его силу в греховность, его волю к власти в преступление. Современное либеральное общество, по мысли Ницше, целиком построено на морали рабов, хотя это замаскировано под универсальные принципы справедливости.

Образ полицейского воплощает противоречивое сочетание двух нравственных начал, описанных в философии Ницше. С одной стороны, его служба ориентирована на поддержание закона, который в рамках данной концептуальной рамки интерпретируется как механизм защиты уязвимых и предотвращения безусловного превосходства силы. В данном контексте полицейский выступает институциональным стражем этики коллективного большинства, обеспечивая стабильность, значимую для общественного консенсуса. Он функционирует как символический гарант эгалитарных ценностей, востребованных общественным большинством. Подобное служение требует сознательного сужения личной автономии и приватности ради выполнения публичной функции. Выбор в пользу охраны доминирующих норм отражает не утрату субъектности, но ее трансформацию: индивидуальное подчиняется задаче поддержания существующего правопорядка. Именно в этом акте проявляется мораль самопреодоления, которая позволяет личности выступать против «желаний собственного сердца» и преодолевать внутренний ressentiment ради высшей цели [6, с. 98].

Одновременно полицейский наделен полномочиями, которые в обычной жизни принадлежат лишь государству. В моменты, когда ситуация требует немедленного реагирования, именно он оценивает угрозу и принимает решение: задержать или отпустить, предупредить или принудить. На долю секунды его воля становится определяющей для судьбы другого человека. В этой точке пересечения права и экстремальной ситуации проявляется то, что Ницше называл «моралью господ»: не стремление к доминированию, а готовность нести ответственность за применение силы ради сохранения порядка. Государство делегирует полицейскому это исключительное право, превращая его из частного лица в субъекта, который в критический момент воплощает го-

сударственную (коллективную) волю. Его способность действовать становится механизмом, через который абстрактный закон обретает реальную силу.

Возникает концептуальный парадокс: полицейский служит этике безопасности коллективного большинства, но облечен полномочиями, традиционно ассоциирующимися с властным превосходством. Он исполняет функцию подчинения закону, однако обладает правом на применение силы. Это противоречие формирует внутреннее экзистенциальное напряжение, которое может стать источником как профессиональной ответственности, так и профессиональной деформации. Когда сотрудник воспринимает закон как механизм поддержания общественного согласия, его деятельность сохраняет служебную этику. Такая позиция исключает понимание власти как простого господства одного человека над другим; напротив, в аристократическом смысле она выступает как проявление самодостаточности и внутреннего достоинства, не нуждающегося в подтверждении через внешнее доминирование [7, с. 53]. Когда же исключительные полномочия становятся средством индивидуального доминирования, а закон – лишь формальным прикрытием произвола, происходит этическое размытие: институциональная роль замещается индивидуальной волей к господству. В терминах философии Ницше это явление свидетельствует о патологическом слиянии двух нравственных начал, стирающем границу между служением общему благу и реализацией личной власти, что можно было назвать бы гибридной моралью, моралью, стирающей границу между рабом и господином.

Полицейский как культурный синтез. Подводя итог анализу, можно утверждать, что образ полицейского воплощает в себе синтез (трагический) аполлонического и дионисийского начал, синтез, который ни один из этих принципов в отдельности не может описать целиком. Полицейский не является исключительно человеком порядка, хотя форма, закон и дисциплина составляют внешний слой его образа. Напротив, его фигура ценна для культуры именно потому, что он удерживает дионисийское насилие в аполлонических рамках, превращая хаос в структуру, аффект в процедуру, первобытную силу в закон. Без этого синтеза закон был бы либо бессильной бумагой, лишенной механизма исполнения, либо слепой жестокостью, не имеющей оправдания.

Анализ материальных атрибутов полицейского подтверждает, что каждый элемент его экипировки служит инструментом этого синтеза. От фуражки, стирающей личность, до огнестрельного оружия, воплощающего окончательную власть, – все в образе полицейского представляет собой материализованную фи-

лософию, конкретное выражение того, как государство осуществляет свою волю к власти, превращая хаос в структуру. Атрибуты делают полицейского фигурой, которую можно прочесть как философский текст, в котором каждый знак имеет смысл, каждый предмет несет символическую нагрузку.

В перспективе ницшеанской типологии нравственности фигура полицейского не снимает противоречие между этикой властного превосходства и этикой коллективной защиты. Полицейский воплощает парадоксальное соединение: он является носителем монопольного права на силу, однако его функция детерминирована необходимостью охранять ценности социального большинства. Данная конфигурация отражает историко-культурный механизм, посредством которого общество направляет силовую потенцию отдельных индивидов на обеспечение коллективного выживания. Силовая асимметрия здесь не отменяется, но легитимизируется через подчинение публичному долгу, превращая исключительные полномочия в инструмент поддержания правопорядка.

Делегированное право на принуждение создает структурный риск: при ослаблении юридического контроля и профессиональной рефлексии служебная роль может быть замещена личным стремлением к доминированию. Признаем, что всегда существует опасность того, что полицейский начнет служить собственной воле к власти, забыв о своем долге перед законом и обществом. В таком случае закон перестает быть объективным регулятором и превращается в инструмент реализации индивидуальных амбиций, ведущих к эрозии легитимности. Эта ситуация отражает риски становления так называемой «новейшей» морали, которая, в отличие от ницшеанского стремления к свободе духа, ведет к формированию безличностного индивида, лишённого подлинной ответственности и свободы воли [8, с. 54]. Таким образом, культурно-правовая значимость образа полицейского заключается не в идеальном балансе противоположностей, а в способности социальной системы постоянно воспроизводить границы, удерживающие силовую динамику в рамках легитимного социального договора.

Амбивалентность образа полицейского в современной культуре обусловлена тем, что он институционально воплощает фундаментальное противоречие цивилизационного развития: стремление правового порядка канализировать и дисциплинировать стихийные социальные динамики, лежащие в основе коллективного существования. Его репрезентация фиксирует, что социальная стабильность не существует имманентно, а требует постоянного поддержания через легитимное применение силы. В данном контексте сотрудник полиции

выступает персонифицированной границей правового поля, институциональным медиатором между нормативным порядком и потенциальной социальной энтропией. В его фигуре дионисийская силовая потенция получает процедурное оформление и правовую легитимацию, создавая необходимое условие для воспроизводства аполлонической нормативности, предсказуемости социального взаимодействия и устойчивости правового государства.

Список источников

1. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 2005. Т. 1/1.
2. Булатов Т.Р. Трансформация образа политического лидера: от платоновского правителя-философа к ницшеанскому сверхчеловеку // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2025. № 2 (32).
3. Коптева Г.Г. Мораль утверждения и мораль отрицания (на примере Сократа и Ницше) // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2015. № 8.
4. Яблонская Л.М. Международные стандарты полиции – реализация деонтологического подхода // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. 2012. № 22 (276). Вып. 27.
5. Постоляко Л.С. Философия права как апология власти: опыт переосмысления классической традиции // Российский юридический журнал. 2018. № 6 (123).
6. Полякова Е.А. Фридрих Ницше: от «самопреодоления морали» к морали самопреодоления // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. № 47.
7. Шерматов К.М. Проблемы этики и морали в философских воззрениях Ницше // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2020. № 3 (260).
8. Петев Н.И. Становление «новейшей» морали и переоценка ценностей Ницше Ф., в парадигме современного человека // Гуманитарные ведомости Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. 2020. № 1 (33).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. Ю. Исмаилов, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. Y. Ismailov, PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 30.04.2026; approved after reviewing 15.05.2026; accepted for publication 08.06.2026.

References

1. F. Nietzsche Complete works: in 13 volumes, Moscow, 2005. Vol. 1/1.
2. Bulatov T.R. Transformation of the image of a political leader: from the Platonic ruler-philosopher to the Nietzschean superman // Abyss (Questions of Philosophy, Political Science and social Anthropology). 2025. № 2 (32).
3. Kopteva G.G. The morality of affirmation and the morality of negation (on the example of Socrates and Nietzsche) // New View. International Scientific Bulletin. 2015. № 8.
4. Yablonskaya L.M. International police standards – the implementation of a deontological approach // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Philosophy. Sociology. Cultural studies. 2012. № 22 (276). Issue 27.
5. Postolyako L.S. Philosophy of law as an apology for power: the experience of rethinking the classical tradition // Russian Law Journal. 2018. № 6 (123).
6. Polyakova E.A. Friedrich Nietzsche: from the "self-overcoming of morality" to the morality of self-overcoming // Bulletin of the St. Filaret Institute. 2023. № 47.
7. Shermatov K.M. Problems of ethics and morality in Nietzsche's philosophical views // Proceedings of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Department of Social Sciences. 2020. № 3 (260).
8. Petev N.I. The formation of "modern" morality and the reassessment of values by F. Nietzsche, in the paradigm of modern man // Humanities Bulletin of Tolstoy Tula State Pedagogical University. 2020. № 1 (33).

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Материалы направляются в электронном виде в редакцию журнала по электронным адресам: law-journals-rui@yandex.ru (rmamedkhanov@mvd.ru – для сотрудников, работников МВД России) (тел.: (863) 207-86-35). Автором (-ами) экземпляр статьи и оригиналы всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83, Ростовский юридический институт МВД России, редакция научно-теоретического и информационно-методического журнала «Философия права».

1.1. На бумажном носителе (на одной стороне стандартного листа А4). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи. Статья должна быть подписана автором (соавторами) следующим образом: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

1.2. На электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25 см, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см, текст выравнивается по ширине, страницы нумеруются (кроме первой) внизу по центру, не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов). Если при наборе текста использовались дополнительные шрифты, автор должен предоставить их в редакцию. В русскоязычном тексте используются кавычки «елочки», в тексте на иностранных языках – "лапки". Название файла – фамилия и инициалы автора.

2. Объем рукописи научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, рецензий, отзывов и иных научных материалов на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Рукопись должна содержать следующую информацию на русском языке:

3.1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).

3.2. Название статьи.

3.3. Фамилия, имя, отчество (полностью), место работы (учебы для адъюнктов, аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса (включая индекс), должность, почетное звание (при наличии), ученое звание, ученая степень, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, образовательной организации и т. п.), по которому с автором можно связаться) и «Открытый идентификатор исследователя и участника» – ORCID автора (при наличии).

3.4. Аннотация (рекомендуемый средний объем аннотации 500 печатных знаков), которая должна быть структурирована и содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения. Аннотация не должна повторять текст самой статьи, сведения, содержащиеся в ее заглавии; включать малоинформативные формулировки.

3.5. Ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), характеризующие проблематику статьи.

3.6. Список источников.

4. Перевод на английский язык сведений, отраженных в пп. 3.2–3.6, осуществляется автором (-ами) рукописи.

5. В статье должны быть сделаны ссылки на приведенные таблицы, рисунки, схемы, диаграммы, которые нумеруются в порядке их упоминания и располагаются непосредственно после текста, в котором они указываются впервые. Весь графический материал должен иметь заголовки (ГОСТ Р 7.0.110-2025).

6. Иллюстрации предоставляются отдельными файлами. Рекомендуемый формат – jpg. Сканированные материалы должны иметь разрешение не менее 300 пикс/дюйм.

7. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. В списке используемой литературы приводятся только «литературные» источники, т. е. авторские статьи, книги, статьи журналов. Источники следуют в порядке упоминания в тексте. Нормативные правовые акты (постановления, законы, инструкции и т. д.), архивные документы, «неавторские» русскоязычные интернет-источники, анонимные источники, публицистические и рекламные статьи, российские СНИПы, ГОСТы и т. д. следует приводить непосредственно в тексте или указывать в постраничных сносках. Ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет (-ут) автор (-ы).

Редакция оставляет за собой право осуществлять корректорскую обработку рукописей научных статей.

Плата за публикацию статей с автора (-ов) не взимается.

Авторское вознаграждение автору (-ам) не выплачивается.

Рукописи, оформленные без соблюдения требований журнала, не рассматриваются.

Материалы, не принятые к изданию, автору (-ам) не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**